

выставки РААСН
военные городки
наследие

2025 / 3(85)

город и парк / a city and a park

проект
байкал /
project
baikal

12+

Открытый международный конкурс молодежных архитектурных проектов на концепцию Музейного комплекса «Парк искусств Зураба Церетели» в Курортном городке в Адлере (г. Сочи, Краснодарский край)

Российская академия художеств совместно с Московским отделением Международной академии архитектуры инициировали проведение Открытого международного конкурса молодежных архитектурных проектов на концепцию Музейного комплекса «Парк искусств Зураба Церетели» в Курортном городке в Адлере (г. Сочи, Краснодарский край).

Организатором Конкурса выступает основанный Зурабом Церетели Московский международный фонд содействия ЮНЕСКО.

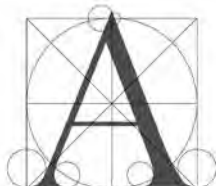
Идея проведения Конкурса и создания «Парка искусств» предложена наследником скульптора, президентом РАХ Василием Церетели.

Ключевой целью Конкурса является поиск решений по ревитализации находящегося в упадке монументального комплекса «Морской мир и Коралл», созданного Зурабом Церетели более полувека назад в Курортном городке в Адлере.

К участию в Конкурсе приглашаются архитекторы, дизайнеры, художники и команды из молодых специалистов и студентов в возрасте до 40 лет.

Возможно участие физических и юридических лиц, а также объединенных команд.

Регистрация участников проходит на сайте Конкурса: <https://www.tseretelicontest.ru/>

Летний номер пб – самое время поговорить о взаимоотношениях природы, ландшафта, пейзажа и искусственной среды города.

Слово «парк» первоначально имеет смысл «огороженное пространство» – и действительно, устройство традиционных парков включает четкую границу с городской средой. Такая «огражденность» зачастую необходима: она способна защитить парки от сплошной застройки. Для жителей Иркутска многие рекреационные объекты – Академический лес, Кайская роща, гидропарк Авиаторов – остаются источником тревоги и беспокойства перед лицом постоянных покушений застройщиков.

Город-сад, город-парк, город-лес... Повседневный диалог с природой (хотя бы такой, одомашненной) – это уже неотложный, повседневный элемент урбанизации.

На страницах этого номера японские сады встречаются с частным парком «Ермаково поле» в Тобольске, городским парком-театром в шахтерском городке Черемхово, парками казахстанских Астаны и Актау. Здесь город-сад Амалиенау и проект парковой прибрежной части сибирского Ачинска, занявший второе место в престижном Международном конкурсе Rethinking The Future Awards 2025.

ЕГ

The summer PB issue is a perfect time to talk about the relationship between nature, landscape, scenery and the artificial environment of the city.

The word 'park' originally had the meaning of 'enclosed space'. Indeed, the structure of traditional parks includes a clear boundary with the urban environment. Such 'protection' is often necessary: it is able to protect parks from continuous development. For Irkutsk residents, many recreational facilities – the Academic Forest, the Kaiskaya Grove, and the Aviator Hydropark – remain a source of anxiety and concern being constantly encroached upon by developers.

Garden city, park city, forest city... Everyday dialogue with nature (at least a domesticated one) is already an urgent everyday element of urbanization.

On the pages of this issue, Japanese gardens meet with the private Ermakovo Pole Park in Tobolsk, the City Theater Park in the mining town of Cherekhovo, and the parks of Astana and Aktau in Kazakhstan. Here is the garden city of Amalienau and the project of the park coastal part of Siberian Achinsk, which took second place in the prestigious international competition Rethinking The Future Awards 2025.

Elena Grigoryeva

Журнал зарегистрирован
Восточно-Сибирским
управлением Федеральной
службы по надзору
за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного
наследия.
Свидетельство
ПИ №ФС13-0180 от
16.11.2007

**учредитель,
главный редактор**
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

12+

**корректоры,
литературные редакторы**
Марина Ткачева,
Инесса Бражникова

дизайн, верстка
Татьяна Анненкова

**заместитель
главного редактора
по международной
деятельности**
Анна Григорьева

**на первой и четвертой
обложках картины**
С. Демкова: бумага, чернила,
перо /Аллея; бумага,
чернила, перо, кисть /Вдоль
дороги слева

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 5/5
Тираж 80 экз. Заказ 1931
Подписано в печать 08.09.2025
Журнал №3(85) от 19.09.2025

Использование текстовых и фотоматериалов,
опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
редакции. За содержание рекламной
информации редакция ответственности не несет.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением
авторов.

Периодичность 4 раза в год. Цена свободная

Золотая медаль Международной
академии архитектуры
«Интерарх-2009» в номинации
«Периодические издания» /
Golden medal of the International
Academy of Architecture
"Interarch-2009" in "Periodicals"
category

3 (85)
город и парк /
a city and a park

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии Google (**Google Scholar**)
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**

новости

Анна Григорьева
Александр Кудрявцев
Дмитрий Буш
Дмитрий Буш
Леонид Салмин

книга

ГОРОД И ПАРК

Александр Раппапорт
Андрей Боков
Сергей Малахов
Алексей Белоусов
Анастасия Холявко
Алексей Козьмин
Алексей Мякота
Лидия Грибакина
Наталья Унагаева
Дмитрий Злобин
Нина Коновалова
Балнур Карабалаева
Баян Кадирбек
Юлия Фенд
Айман Асылбекова
Сеймур Мамедов
Айнур Мулдагалиева
Гани Карабаев
Елена Багина

среда

Сергей Маяренков
Анастасия Холявко
Виктор Кузеванов
Юлия Козлова
Елена Григорьева
Константин Лидин
Жайна Толеген
Ислам Хамди Элгонаими
Ахметжан Еспенбет
Лаура Дильмурат
Элина Красильникова
Исса Набиль Наури
Анна Мерри
Диаб Гази Наури

Международные новости архитектуры.....	5
Книга о тезаурусе русской архитектуры.....	7
Выставка памяти Юрия Петровича Гнедовского	8
Выставка «Образование-2025» к Общему собранию РААХ	10
Форма и слово	12
.....	13
Архитектура, природа, ландшафт, пейзаж, среда	14
Парк как идея	18
Новый Эдем: тактильное и ритуальное.....	21
Парк «Ермаково поле» в Тобольске.....	28
«Парк-театр» в Черемхово.....	36
Неоконченная история. Парк в Ачинске	40
Бизнес-парки: от истории к современности	44
Современные сады и парки Японии: новые формы и функции	50
Реновация общественного пространства: город Актау	54
Проблема формирования рекреационных зон в Астане	58
Жизнь Ins Grüne.....	65
«Город-лес»: новое прочтение марийской культуры.....	70
Ботанические сады для экогородов будущего	72
Концепт сада в мечте об идеальном городе.....	80
.....	83
Безопасный двор в умном городе: интегрированный подход	84
Музеефикация культурного ландшафта музейного комплекса в Севастополе	90
Культурное наследие в общественном восприятии.....	96

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva
664025, 1a Cheremkhovsky
Pereulok, Irkutsk, Russia

**proofreaders,
literary editors**
Marina Tkacheva,
Inessa Brazhnikova

upmaking
Tatyana Annenkova
**associate editor-in-chief for
international activity**
Anna Grigorieva

front and back cover images
paintings by S. Demkov: paper, ink,
pen /Alley; paper, ink, pen, brush /
Along the road on the left

address of the publisher and the editorial board
664025, 1a Cheremkhovsky Pereulok, Irkutsk,
Russia, tel. +7 3952 332839,
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

printed by
000 "Tipografia Print Line"
5/5 Sergeeva Street, Irkutsk
print run 80, order 1931
passed for printing: 8.09.2025
issue 3(85) of 19.09.2025

Reproduction of all texts or illustrations of the
issue without written permission from the editors
is prohibited. The editorial stuff is not responsi-
ble for the contents of advertising information.
The editorial opinion may not always accord with
the views of the authors
quarterly publication
free price

The journal is registered in the following
international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database
- Since 2019 the journal has been indexed in **SCOPUS**
- included in the List of Refereed Publications recommended by the State Commission for Academic Degrees and Titles

12+

- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)
- с 2019 года индексируется в **SCOPUS**
- входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных **ВАК**

**Журнал является медиа-партнером
международных конкурсов:**
Architecture MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQUID,
2ACAA и Kaira Looor, архитектурных фестивалей
«Зодчество в Сибири» и ряда российских
конкурсов. /

**The journal is a media partner of the
international competitions:** the Architecture
MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQUID,
2ACAA and Kaira Looor, Architectural Festival
"Zodchestvo" and a number of Russian
competitions.

военные городки

Раиса Мусат
Наталья Немаева
Анастасия Борисенко
Марина Никитина
Дмитрий Шавлыгин
Дана Дюсенова
Дуйшон Омуралиев
Манас Хасенов
Гульнара Мауленова
Анастасия Гарнага
Светлана Туркулец
Ирина Гареева
Александр Слесарев
Анастасия Гарнага
Ирина Гареева
Михаил Базилевич
Михаил Базилевич
Елена Григорьева
Константин Лидин
Анастасия Силина
Инна Дружинина
Софья Микаилова
Алексей Чертилов
Алина Иванова
Михаил Базилевич
Алина Иванова
Алина Иванова
Кирилл Степанов
Михаил Базилевич
Алина Иванова
Армен Казарян
Карен Матевосян
Елена Ситникова
Владимир Бойко
Константин Кудяков
Андрей Лапшинов
Александр Гимельштейн
Юлия Ситникова
Маргарита Гаврилова
Владимир Чекмарёв
Михаил Голобородский

Медиаарт: синтез цифрового искусства в городской среде.....	103
Семантика архитектурных образов мемориалов Казахстана.....	110
Процесс маргинализации городских пространств	116
Нарицательные маргинальные места дальневосточных городов	120
Архитектурный ансамбль площади Чжуншань в Даяле	124
.....	131
Общеобразовательная школа в кадетском корпусе в Иркутске	132
Возрождение казарм ИВВАИУ с новой функцией	134
Красные казармы	134
Организация военного строительства на среднем Амуре в начале XX века	142
Строительство базы Амурской речной флотилии (1908–1918)	149
Архитектура военного ведомства в Хабаровске. Евгений Серебряков	158
Смбатовы стены Ани	162
Историко-архитектурный потенциал поселений Среднего Приобья	169
Сущностная часть менталитета народа.....	176
Театры малых городов России	178
Городские и загородные постройки Азиатской России в английской графике	184
Архитектура старообрядческих церквей в Екатеринбурге	194
.....	200

авторы

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
	Alexander Kudryavtsev	The Book on the Thesaurus of Russian Architecture	7
	Dmitry Bush	Exhibition in memory of Yuri Petrovich Gnedovsky	8
	Dmitry Bush	Exhibition «Education-2025» for the RAACS General Meeting	10
book	Leonid Salmin	A form and a word	12
a city and a park		13
	Alexander Rappaport	Architecture, nature, landscape, scenery, environment	14
	Andrey Bokov	The park as an idea	18
	Sergey Malakhov	Tactile and ritual – two strategies for the garden. New Eden	21
	Alexey Belousov	Park “Yermakovo Field” in Tobolsk.....	28
	Anastasia Kholyavko		
	Alexei Kozmin	“Park-Theatre” in Cheremkhovo	36
	Alexei Myakota		
	Lidia Gribakina	An unfinished story. Park in Achinsk.....	40
	Natalia Unagaeva		
	Dmitry Zlobin	Business parks: From history to the present day.....	44
	Nina Konovalova	Contemporary Japanese Gardens and Parks: New Forms and Functions.....	50
	Balnur Karabalaeva		
	Bayan Kadirbek		
	Yuliya Fend		
	Aiman Assylbekova	Public Space Renovation: City of Aktau	54
	Seimur Mamedov		
	Ainur Muldagaliyeva	The problem of formation of recreational areas in Astana	58
	Gani Karabayev	Life Ins Gr ne.....	65
	Elena Bagina		
	Sergey Mayarenkov	“Forest City”: A new interpretation of Mari culture	70
	Anastasia Kholyavko	Botanic gardens for eco-cities of the future	72
	Victor Kuzevanov	The garden concept in the dream of ideal city	80
environment	Yulia Kozlova	83
	Elena Grigoryeva		
	Konstantin Lidin		
	Zhaina Tolegen		
	Islam Hamdi Elghonaimy		
	Akhmetzhan Espenbet	Safe Courtyard in a Smart City: An Integrated Approach	84
	Laura Dilmurat	Museification of the cultural landscape of the museum complex in Sevastopol	90
	Elina Krasilnikova		
	Issa Nabil Naouri		
	Anna Merry	Cultural heritage representation in public perception	96
	Diab Ghazi Naouri		
	Raisa Musat		
	Natalia Nemaeva		
	Anastasia Borisenko		
	Marina Nikitina	Media art: Synthesis of digital art in an urban environment.....	103
	Dmitry Shavlygin		
	Dana Dyussenova		
	Duishon Omuraliev	Architectural image semantics of Kazakhstan’s memorials	110
	Manas Khassenov		
	Gulnara Maulenova		
	Anastasia Garnaga		
	Svetlana Turkulets		
	Irina Gareeva		
	Alexander Slesarev	The process of marginalization of urban spaces	116
	Anastasia Garnaga		
	Irina Gareeva		
	Mikhail Bazilevich	Common marginal places of Far Eastern cities.....	120
	Mikhail Bazilevich	Architectural ensemble of Zhongshan Square in Dalian.....	124
military towns	Elena Grigoryeva	131
	Konstantin Lidin		
	Anastasia Silina	Secondary school in the cadet corps in Irkutsk	132
	Inna Druzhinina		
	Sofia Mikailova	Revival of the IVVAIU barracks with a new function	134
	Alexey Chertilov		
	Alina Ivanova	Red Barracks	134
	Mikhail Bazilevich	Organization of military construction on the Middle Amur at the beginning of the 20th century....	142
	Alina Ivanova	Construction of the Amur River Flotilla base (1908–1918)	149
	Alina Ivanova	
	Kirill Stepanov	
	Mikhail Bazilevich	
	Alina Ivanova	Architecture of the military department in Khabarovsk. Evgeniy Serebryakov	158
	Armen Kazaryan		
	Karen Matevosyan	Smbat’s walls of Ani	162
	Elena Sitnikova		
	Vladimir Boyko		
	Konstantin Kudryakov		
	Andrey Lapshinov	Historical and architectural potential of settlements of the Middle Pribye Region	169
	Alexander Gimelshteyn		
	Yuliya Sitnikova	Essential part of the mentality of the people	176
	Margarita Gavrilova	Theaters of small towns in Russia	178
	Vladimir Chekmarev	Urban and suburban buildings of Asian Russia in English graphics.....	184
	Mikhail Goloborodsky	Architecture of Old Believer churches in Yekaterinburg	194
authors		200

World Architecture Day 2025

Created by the UIA in 1985, World Architecture Day is celebrated each year on the first Monday of October, in parallel with the United Nations' World Habitat Day.

The theme of the 2025 World Habitat Day will be linked to urban crisis response. Within this context, the UIA Council has chosen the theme "Design for Strength" for this year's World Architecture Day that will be celebrated on Monday 6 October 2025.

Through this theme, the UIA calls on architects around the world to look beyond short-term solutions and embrace approaches that reinforce the ability

of the built environment to withstand, adapt, and be rebuilt. Architecture should do more than provide shelter; it must also support equity, continuity, and resilience, especially in times of disruption and crisis.

The UIA invites architects to explore the theme "Design for Strength" through initiatives such as lectures, exhibitions, and webinars to raise public awareness.

UIA past President Gaetan Siew named Ambassador of Mauritius to China

The UIA extends its warmest congratulations to Mr Gaetan Siew, former President of the UIA, on his appointment as

Ambassador of the Republic of Mauritius to the People's Republic of China.

Gaetan Siew has held numerous roles within the UIA, including serving as its President. He was also the UIA Representative to UNFCCC, GlobalABC, and the Sustainable Construction Observatory.

He has represented the UIA in international organisations and events including UN-Habitat, World Urban Forum, Conference of the Parties, Global Alliance for Buildings and Construction.

Throughout his career within our organisation and beyond, Mr Siew has distinguished himself through a humanistic vision of architecture, one that connects, transforms and inspires.

His commitment to more inclusive, sustainable and resilient societies resonates strongly with the founding values of the UIA.

A globally respected architect and urban strategist, Mr Siew has contributed to over 1,500 projects across 45 countries. He played a pivotal role in the development of the UNESCO-UIA Charter on Architectural Education, and in promoting global professional mobility through the UIA Accord on International Standards of Professionalism in Architectural Practice.

During his presidency of the UIA (2005–2008), he advanced the principles of Transform, Share, and

Международные новости архитектуры / International Architecture News

В разделе новостей говорится о теме Всемирного дня архитектуры 2025 года, назначении бывшего президента МСА Гаэтана Сю послом Маврикия в Китае, а также представлены победители конкурса Kaira Looro-2025.

Ключевые слова: Международный союз архитекторов; Всемирный день архитектуры; Гаэтан Сю; Конкурс Kaira Looro.

The news section announces the theme of the World Architecture Day 2025, the appointment of the former President of the UIA Gaetan Siew as Ambassador of Mauritius to China, and also presents the winners of the Kaira Looro 2025 Competition.

Keywords: International Union of Architects; World Architecture Day; Gaetan Siew; Kaira Looro Competition.

Всемирный день архитектуры-2025

Всемирный день архитектуры, учрежденный Международным союзом архитекторов (МСА) в 1985 году, отмечается ежегодно в первый понедельник октября параллельно со Всемирным днем Хабитат Организации Объединенных Наций.

Тема Всемирного дня Хабитат в 2025 году будет связана с реагированием на городские кризисы. В этом контексте Совет МСА выбрал тему «Проектирование для прочности» для Всемирного дня архитектуры, который будет отмечаться в понедельник, 6 октября 2025 года.

В рамках этой темы МСА призывает архитекторов по всему миру выйти за пределы краткосрочных решений и использовать подходы, которые укрепляют способность застроенной среды быть устойчивой, адаптироваться и перестраиваться. Архитектура должна не просто обеспечивать жильем — она также должна поддерживать справедливость, преемственность и жизнестойкость, особенно во времена потрясений и кризисов.

МСА приглашает архитекторов изучить тему «Проектирование для прочности» с помощью таких инициатив, как лекции, выставки и вебинары для повышения осведомленности общественности.

Бывший президент МСА Гаэтан Сю назначен послом Маврикия в Китае

МСА от всей души поздравляет бывшего президента МСА Гаэтана Сю с назначением на должность посла Республики Маврикий в Китайской Народной Республике.

Гаэтан Сю занимал различные должности в МСА, в том числе был ее президентом. Он также был представителем МСА в РККИ ООН, GlobalABC и Обсерватории устойчивого строительства.

Он представлял МСА в международных организациях и на мероприятиях, включая ООН-Хабитат, Всемирный форум городов, Конференцию сторон, Глобальный альянс по строительству зданий и сооружений.

На протяжении всей своей карьеры в нашей организации и за ее пределами г-н Сю отли-

чался гуманистическим видением архитектуры, которое объединяет, преобразует и вдохновляет. Его приверженность созданию более инклюзивного, устойчивого и жизнестойкого общества во многом перекликается с основополагающими ценностями МСА.

Уважаемый во всем мире архитектор и градостроительный стратег, г-н Сю внес свой вклад в более чем 1500 проектов в 45 странах. Он сыграл ключевую роль в разработке Хартии ЮНЕСКО-МСА об архитектурном образовании и в содействии глобальной профессиональной мобильности посредством Соглашения МСА о международных стандартах профессионализма в архитектурной практике.

Во время своего президентства в МСА (2005–2008) он продвигал принципы преобразования, совместного использования и передачи, укрепляя связи с глобальными институтами, такими как Всемирная

v Гаэтан Сю / Gaetan Siew

Transmit, forging stronger ties with global institutions such as the World Trade Organization and UN-Habitat. Under his leadership, the UIA made a notable contribution to post-disaster reconstruction, including the delivery of 1,850 homes in Sri Lanka following the 2004 tsunami.

Mr Siew's reflections and legacy are highlighted in the UIA's 75th Anniversary publication, where his lifelong dedication to architecture as a catalyst for social and environmental transformation is duly recognised. Our journal "Project Baikal" also had the honor to publish Gaetan Sue's articles on its pages.

The UIA salutes his remarkable career and wishes him every success in

his new responsibilities, in the service of his country and the universal ideals championed by architecture.

More information:

<https://www.uia-architectes.org>

Winners Announced for the Kaira Looro 2025 Competition

The prestigious international architecture competition Kaira Looro has officially announced the winners of its 2025 edition, which saw unprecedented participation from all over the world. The initiative confirms itself once again as one of the most influential competitions in ethical and humanitarian architecture. Organized by the international non-profit organization Balouo Salo, the

competition aims to empower young architectural talents, support sustainable development projects, and foster architectural research that benefits the most vulnerable communities on the planet.

The theme for the 2025 edition was the design of a Nursery School in rural areas of Southern Senegal, a safe, inclusive, and sustainable educational environment for children aged 3 to 6. The goal was to address one of Sub-Saharan Africa's most pressing issues: the extremely limited access to early childhood education, a crucial phase for cognitive, emotional, and social development.

The 2025 edition recorded record-breaking participation, with over 1,000 teams from 118 countries. Projects were awarded by an international jury composed of some of the most renowned architects of our time. The first prize was awarded to the team of Florentin Mougin, Timoth Fiedler, and Anne Sok from France. The second prize was awarded to Sjarhei Karoza from Poland. The third prize went to Kota Shima, Aoi Samitsu, Ishin Matsumoto, and So Kobayashi from Japan. Two honourable mentions and 10 special mentions were also awarded.

More information:

<https://www.kairalooro.com>

6

торговая организация и ООН-Хабитат. Под его руководством МСА внес заметный вклад в восстановление после стихийных бедствий, включая строительство 1850 домов в Шри-Ланке после цунами 2004 года.

Размышления и наследие г-на Сю освещены в публикации, посвященной 75-летию МСА, в которой должным образом признается его беззаветная преданность архитектуре как катализатору социальных и экологических преобразований. Наш журнал «Проект Байкал» также имел честь размещать на своих страницах публикации Газтана Сю.

МСА выражает восхищение его выдающейся карьерой и желает

ему всяческих успехов на его новом поприще, в служении своей стране и всеобщим идеалам, которые отстаивает архитектура.

Дополнительная информация:

<https://www.uia-architectes.org>

Объявлены победители конкурса Kaira Looro-2025

Были объявлены победители престижного международного архитектурного конкурса Kaira Looro-2025, в котором приняли беспрецедентное участие представители со всего мира. Данная инициатива в очередной раз подтверждает свою репутацию одного из самых влиятельных конкурсов в области этической и гуманитарной архитектуры. Конкурс,

организованный международной некоммерческой организацией Balouo Salo, направлен на расширение прав и возможностей молодых архитектурных талантов, поддержку проектов устойчивого развития и стимулирование архитектурных исследований, которые приносят пользу наиболее уязвимым сообществам на планете.

Темой выпуска 2025 года стало проектирование детского сада в сельской местности на юге Сенегала – безопасной, инклюзивной и устойчивой образовательной среды для детей в возрасте от 3 до 6 лет. Цель состояла в том, чтобы решить одну из самых острых проблем Африки к югу от Сахары: крайне ограниченный доступ к дошкольному образованию, которое является важнейшим этапом когнитивного, эмоционального и социального развития.

В конкурсе 2025 года приняло рекордное участие более 1000 команд из 118 стран. Проекты были отмечены международным жюри, в состав которого вошли одни из самых известных архитекторов современности. Первый приз был присужден команде в составе Флорентина Мужена, Тимоти Фидлера и Анны Сок из Франции. Второй приз был присужден Сиархею Кароза из Польши. Третья премия досталась Кота Шиме, Аои Самитсу, Ишину Мацумото и Со Кобаяши из Японии. Были вручены также два почетных и 10 специальных дипломов.

Дополнительная информация:

<https://www.kairalooro.com>

в Детский сад в Сенегале. Проект Флорентина Мужена, Тимоти Фидлера и Анны Сок из Франции / A nursery school in Senegal. Project by Florentin Mougin, Timothé Fiedler, Anne Sok from France

Т. А. Славина. Профессия архитектор. Закономерности архитектурного наследования (по материалам истории русской архитектуры). – Санкт-Петербург, 2024. – 640 с. : илл. / Slavina, T. A. (2024). *Professiya arkhitektora. Zakonomernosti arkhitekturnogo nasledovaniya (po materialam istorii russkoi arkhitektury)* [The Profession of an Architect. Patterns of Architectural Inheritance (Based on the History of Russian Architecture)]. Saint Petersburg.

Автор обращает внимание на новизну подхода Славиной, подчеркивает диалог с читателем и принцип архитектурного наследования. Славина рассматривает историю архитектуры в контексте истории России, подчеркивая роль личностей в культуре и недопустимость политического вмешательства в развитие архитектурных стилей.

Ключевые слова: архитектура; Славина; история; архитектурное наследование; диалог. /

The author draws attention to the novelty of Slavina's approach, emphasizing the dialogue with the reader and the principle of architectural inheritance. Slavina examines the history of architecture in the context of Russian history, highlighting the role of individuals in culture and the importance of avoiding political interference in the development of architectural styles.

Keywords: architecture; Slavina; history; architectural inheritance; dialogue.

Книга о тезаурусе русской архитектуры / The Book on the Thesaurus of Russian Architecture

Книга написана академиком Т. А. Славиной – архитектором не только профессиональным, высококультурным, но страстно радеющим за Архитектуру. Она постоянно в диалоге читателем, автору небезинтересно его мнение.

Автор утверждает новый метод профессионального восприятия архитектуры как искусства – архитектурное наследование. Я разделяю этот подход к формированию обязательной профессиональной культуры архитектора. Книга одновременно и энциклопедия, и история отечественного зодчества от язычества до наших дней. Надеюсь, что она займет свое законное место на полке каждого архитектора.

История архитектуры тесно сплетена с точно дозированной историей Государства Российского, в которой читатель найдет для себя много интересного.

Читатель с восторгом неопита узнает о бесчертежном строительстве шедевров древней Руси, о том,

что есть «картельная архитектура», о красоте регулярности – принципах градостроительства Санкт-Петербурга, о морфотипах северной столицы, о торжестве классицизма в екатерининскую эпоху.

Великолепны портреты великих государственных деятелей – прежде всего Петра I – и великих зодчих, сформировавших великую русскую архитектуру.

Уникален литературный язык этой книги. Многочисленные цитаты из летописей, трактатов, пояснительных записок не только отсылают к первоисточникам, но и создают лингвистическую орнаментальность текста, прихотливо синтезирующего современность и аромат различных эпох.

Пятая, последняя глава «Культура и антикультура» написана страстно, бескомпромиссно и искренне. Аргументы против ереси убедительны и должны привлекать внимание. Но не выгонять, не запрещать, не сажать, не расстреливать! С разгона

ВХУТЕМАСа в 1932-м году начинается хождение советской архитектуры по мукам. Советская власть дважды использовала архитектуру в своих целях, дважды предавала своих архитекторов! Такого унижения искусство архитектуры и ее творцы не переживали ни в одной стране мира, даже в нацистской Германии. Кто знает, какой была бы русская архитектура, если бы власть грубо не разрывала нить эволюции искусства, в том числе архитектурного наследования. И как было неимоверно трудно вернуть в тезаурус нашей культуры наследие ВХУТЕМАСа (я был одним из инициаторов первой публичной выставки в МАРХИ в 1981-м году, посвященной шестидесятилетию основания ВХУТЕМАСа). Все страны тщательно подбирают крохи культуры в свой национальный тезаурус, и только мы все время начинаем с нуля. Об особенностях славянского менталитета, в том числе русского, автор очень убедительно рассказывает в своей книге.

текст
Александр Кудрявцев
РААСН

text
Alexander Kudryavtsev
RAACS

Характеризуется выставка памяти Ю. П. Гнедовского, подготовленная архитекторами, ее разделы: проекты, научные статьи, графика, общественная деятельность.

Ключевые слова: Ю. П. Гнедовский; архитектура; выставка; проекты; научные работы; графика; общественная деятельность. /

The article presents the exhibition in memory of Yu. P. Gnedovsky prepared by architects. It contains the following sections: projects, scientific work, graphics, and public activities.

Keywords: Yu. P. Gnedovsky; architecture; exhibition; projects; scientific work; graphics; public activities.

Выставка памяти Юрия Петровича Гнедовского / Exhibition in memory of Yuri Petrovich Gnedovsky

текст
Дмитрий Буш
РААСН
text
Dmitry Bush
RAACS

∞

В прошлом году не стало Почетного президента Союза архитекторов России, народного архитектора России, лауреата Государственной премии СССР, академика РААСН Юрия Петровича Гнедовского. Значение его фигуры для советской и российской архитектуры настолько велико, что на панихиде сразу было принято решение о подготовке памятной выставки.

Выставку было решено делать камерную, в Белой гостиной московского Дома архитектора. Прежде всего она была адресована людям, близко знавшим Юрия Петровича. В сборе материала для выставки помогли его дочь Татьяна Юрьевна и племянник Сергей Викторович Гнедовские. Выставка открылась 22 апреля 2025 года в день начала работы Общего собрания РААСН.

Содержание выставки состояло из следующих разделов. Прежде всего это проекты, выполненные за долгие годы его практики с начала 1960-х годов. Среди проектов особое место занимают отечественные и зарубежные конкурсы. В конкурсе на новое здание Opéra Bastille в Париже 1981 года довелось принять посильное участие в качестве чертежника и мне, в те годы студенту МАРХИ. Многолетними партнерами Юрия Петровича в проектной и конкурсной практике тех лет стали В. Д. Красильников, Л. П. Катаев и Д. С. Солопов.

Отдельной частью выставки стали постройки, выполненные по проектам Юрия Петровича. Среди них

прежде всего нужно отметить киноматейр «Электрон» в Зеленограде – первую его эффектную самостоятельную работу. Следующим несомненным успехом стало здание Театра на Таганке, спроектированное совместно с А. В. Анисимовым и Б. В. Таранцевым. Здание было удостоено Государственной премии СССР. Одной из последних работ Юрия Петровича стал грандиозный комплекс «Красные холмы» с Домом музыки и башней гостиницы «Свиссотель», спроектированный совместно с В. Д. Красильниковым, Д. С. Солоповым, М. М. Гавриловой и С. В. Гнедовским.

Интересной частью выставки, на мой взгляд, явились монографии и статьи Юрия Петровича. Большей частью темой их было проектирование зрелищных зданий. Для меня удивительным фактом стало то, что в течение долгого ряда лет практически в каждом номере журнала «Архитектура СССР» появлялись статьи Юрия Петровича с откликами на появившиеся новые театры и кинотеатры как в СССР, так и за рубежом. Каждый из этих проектов подробно разбирался с указанием их достоинств и недостатков.

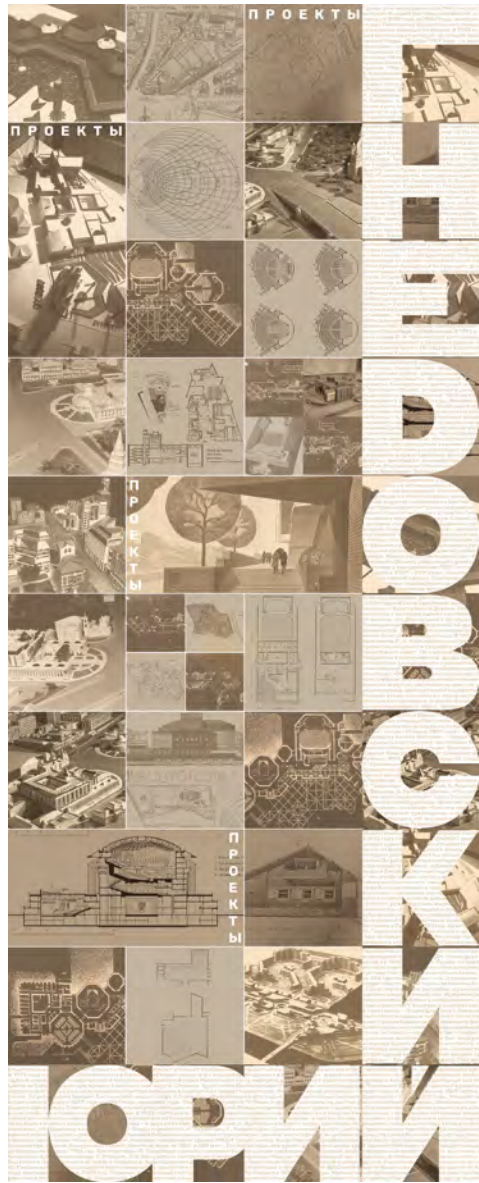
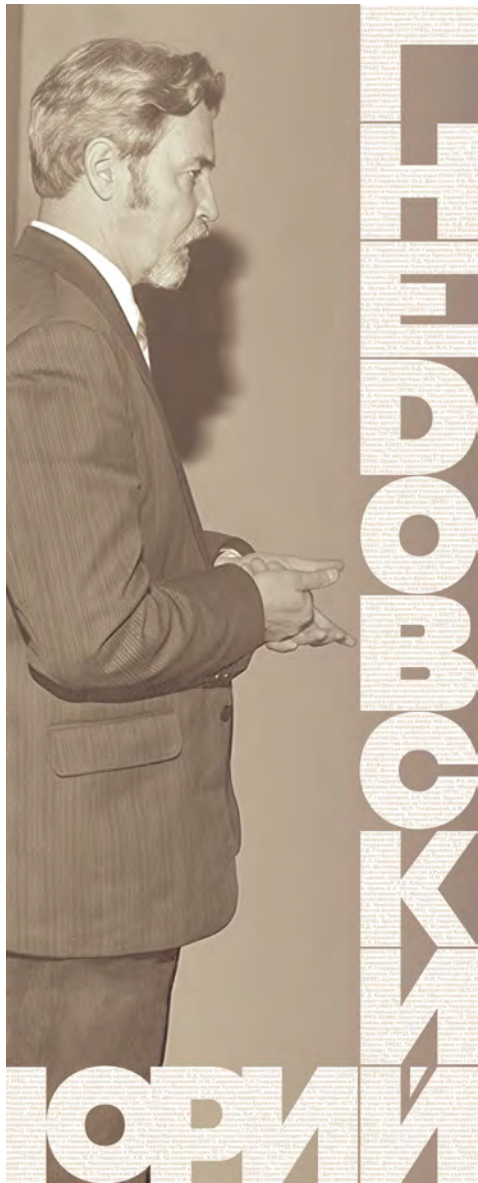
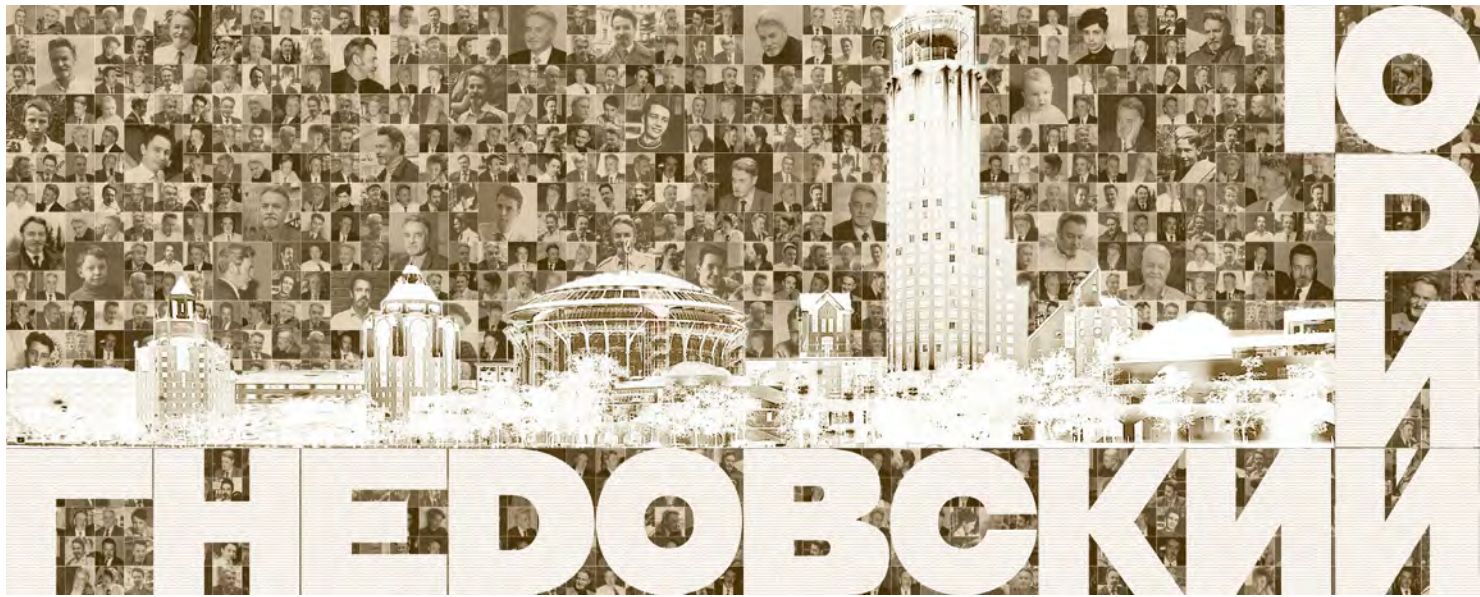
Отражена была на выставке и общественная работа Юрия Петровича. Член правления Союза архитекторов СССР, президент и Почетный президент Союза архитекторов России, президент Международной ассоциации союзов архитекторов стран СНГ, член Совета при Президенте

России по культуре и искусству, член правления ОИСТТ и многое, многое другое. Юрию Петровичу пришлось руководить архитекторами страны в сложные периоды перестройки и начала 1990-х годов. Он достойно защищал интересы нашего цеха, самоотверженно боролся за Дом творчества архитекторов в Суханово. Много сделал для укрепления связей с зарубежными архитектурными объединениями и союзами.

На выставке демонстрировалась и графика Юрия Петровича. Его рисунки и акварели, сделанные во время частых поездок и командировок, запечатлели русские архитектурные памятники и ландшафты.

Было представлено много фотографий Юрия Петровича разных лет. Облик почти хрестоматийного русского интеллигента отличал его в течение всей жизни. Почти всегда серьезное и несколько напряженное выражение его лица с аккуратной бородкой запоминалось всеми сразу на долгие годы.

У тех, кто общался с Юрием Петровичем Гнедовским, он остался в памяти как удивительно цельный и по-настоящему гармоничный человек, всю жизнь защищавший честь нашего архитектурного цеха и отстаивавший его интересы. В процессе подготовки выставки мне пришлось погрузиться в обстоятельства его жизни и творчества и потому могу с уверенностью сказать, что это прекрасный пример честного служения своему делу – архитектуре.

Информация содержит обзор архитектурных вузов, которые предоставили выпускные работы студентов на выставку, приуроченную к Общему собранию РААСН.

Ключевые слова: РААСН; архитектурные вузы; архитектурные специальности; показатели российских и иностранных вузов. /

The information contains an overview of the architectural universities that provided the students' final works for the exhibition held during the RAACS General Meeting.

Keywords: RAACS; architectural universities; architectural specialties; indicators of Russian and foreign universities.

Выставка «Образование-2025» к Общему собранию РААСН / Exhibition «Education-2025» for the RAACS General Meeting

текст

Дмитрий Буш
РААСН

text

Dmitry Bush
RAACS

Темой Общего собрания РААСН 2025 года стало архитектурное и строительное образование в России. Структуру подготовленной на эту тему выставки было решено построить следующим образом. Были определены ведущие в стране вузы по специальностям «архитектура», «градо-строительство» и «строительство».

В число этих вузов вошли Московский архитектурный институт (МАРХИ), Московский государственный строительный университет (МГСУ), Государственный университет по землеустройству (ГУЗ, Москва), Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (СПбГАСУ), Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (ННГАСУ), Казанский государственный архитектурно-строительный университет (КГАСУ), Уральский государственный архитектурно-художественный университет (УрГАХУ, Екатеринбург), Самарский государственный технический университет (СамГТУ), Институт архитектуры и строительства Волгоградского государственного технического университета (ИАиС ВолгГТУ), Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крычкова (НГУАДИ), Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин), Дальневосточный федеральный университет (ДФУ, Владивосток).

Вместе с руководством этих вузов были определены конкретные специальности, выпускники которых отмечены особыми достижениями в учебе. По этим специальностям подготовки были запрошены 4 группы экспозиционных материалов. Это выпускные квалификационные работы бакалавров и магистров, курсовые работы по специальности, учебные

работы по смежным дисциплинам и фотографии учебного процесса и студенческой практики. На каждую выбранную специальность вуза отводился баннер размером 3 × 3 метра с четырьмя блоками изображений, описанных выше. Всего был собран 21 баннер с материалами из 13 вузов. Экспозиция была дополнена картой России с указанием местоположения всех 132 архитектурных и строительных вузов. Кроме этого, была сделана сопоставительная таблица по сравнению ряда показателей российских и иностранных вузов. В число этих показателей вошли численность студентов, сроки обучения бакалавров и магистров, количество основных дисциплин, стоимость года обучения, число архитектурных вузов и архитекторов в стране на миллион жителей.

Какие итоги можно подвести по краткому анализу архитектурно-строительного образования в нашей стране? По сравнению с советскими временами практически на порядок возросло число таких вузов в стране. Россия занимает одно из первых мест в мире по их числу на миллион населения. Сроки и стоимость обучения в них сопоставимы с европейскими странами и странами БРИКС. Стоимость обучения в США более чем на порядок превышает показатели наших ведущих вузов. Тем не менее по числу архитекторов на миллион жителей мы значительно отстаем от США, развитых европейских стран и стран БРИКС.

Что касается качества работ студентов в выбранных для выставки вузах, то для сравнительного анализа их нужно внимательно рассматривать и изучать материалы выставки. Выставку планируется демонстрировать в ближайшее время в ряде городов разных регионов, где наши коллеги смогут самостоятельно провести такой анализ.

Багина Елена Юрьевна. Б14
Форма и слово. Эклектика. Модерн.
Авангард : монография / Е. Ю. Багина ;
М-во науки и высшего образования РФ. –
Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. –
440 с. – ISBN 978-5-7996-3864-1. /
Bagina, E. Yu. (2024). Forma i slovo.
Eklettika. Modern. Avangard: Monografia
[A form and a word. Eclecticism. Modern.
Avant-Garde: Monograph]. Yekaterinburg:
Ural University Publishing House.

В монографии представлена модель эволюции принципов формообразования, а также изменения основных понятий и категорий профессионального сознания в архитектуре конца XIX – первой четверти XX века. Многообразие противоречивых явлений показано как результат взаимодействия двух полярных архитектурно-художественных парадигм. Книга предназначена искусствоведам, историкам архитектуры и широкому кругу читателей.

Ключевые слова: архитектура конца XIX – первой четверти XX века; формообразование; термины; категории; понятия; полярные парадигмы. /

The monograph presents a model of the evolution of the principles of form making, as well as the changes in the basic concepts and categories of professional consciousness in architecture of the late 19th and early 20th centuries. The diversity of contradictory phenomena is shown as a result of the interaction between two polar architectural and artistic paradigms. The book is intended for art historians, architectural historians, and a wide range of readers.

Keywords: architecture of the late 19th and early 20th centuries; form making; terms; categories; concepts; polar paradigms.

Форма и слово / A form and a word

текст

Леонид Салмин

Уральский государственный
архитектурно-художественный
университет (Екатеринбург)
text

Leonid Salmin

Ural State University of Architecture
and Art (Yekaterinburg)

Книга Елены Юрьевны Багиной – необычный исследовательский труд, представляющий живейший интерес для всякого, кто склонен размышлять о природе архитектуры, о путях и перипетиях ее развития, о способах ее осмысления и об обратном влиянии этого осмысления на исторические и эстетические трансформации самой архитектуры. Традиционная картина развития архитектуры, представления об эволюции ее стилевых черт во многом опреде-

ляются сложившимися общеязыковыми и терминологическими средствами определения и описания происходящих в архитектуре процессов, ее конкретных профессиональных практик и артефактов. Слово как способ и инструмент описания как бы «заколдовывает» наше представление об архитектуре, создает иллюзию конечной «истинности», «незыблемости» картины архитектурного развития. Исследование Е. Ю. Багиной «расколдовывает» эту привычную иллюзию, выявляя процессуальную взаимосвязь между изменениями форм в архитектуре и «сменой парадигм» их теоретического осмысления, между трансформациями пластических и стилевых особенностей архитектуры и пополнением используемого для их описания терминологического словаря.

Книга Е. Ю. Багиной показывает процесс развития архитектуры и его теоретическую рефлексию в их многообразной взаимосвязи и взаимовлиянии. Пластические

формы архитектуры и вербальный язык предстают как элементы единого архитектурного дискурса, в котором происходит не просто пострефлексия инноваций архитектурного формообразования, но и обратное влияние трансформаций, происходящих в языке осмысления, на саму архитектуру. Елена Юрьевна строит свое исследование на конкретном историческом материале – архитектурных практиках и архитектуроведческих текстах конца XIX – начала XX века. Этот период в развитии архитектуры (период быстрых стилистических трансформаций, радикальных поисков и активных, порой, яростных профессиональных дискуссий) наиболее репрезентативен для исследовательской позиции и теоретического предмета автора книги. Опираясь на яркий фактический материал, на огромное число текстовых первоисточников, на обширную библиографию, Е. Ю. Багина дает особый, критический и аналитический разбор

понятий, дефиниций и терминов, употреблявшихся в разное время в дискурсе архитектурной теории и практики и менявшихся по мере возникновения различных формотворческих, композиционных и стилевых инноваций в архитектуре, показывая влияние этих изменений на саму архитектуру, на ее пластический язык и стилевые трансформации.

К ключевым достоинствам книги нужно отнести тот факт, что автор встраивает отдельные фрагменты архитектурной истории вышеозначенного периода в сложный исторический контекст развития архитектурной культуры и показывает реальную многоаспектность процессов и явлений, которые на протяжении многих десятилетий трактовались изолированно, вне связи с предшествующими и последующими этапами архитектурной эволюции, в отрыве от генетических корней. Книга Е. Ю. Багиной представляет, казалось бы, привычный материал архитектурной истории XIX–XX веков в новом интеллектуальном ракурсе, когда ранее описанные и сформулированные явления архитектуры и ее форм не только высвечиваются в оптике новой вербальной рефлексии, но и под влиянием этой рефлексии обнаруживают историческую динамику смыслов и форм. Таким образом, исследование автора проблематизирует отношения Слова и Формы в архитектуре и очерчивает соответствующее дискуссионное поле.

город и парк / a city and a park

В серии заметок автор рассуждает о взаимоотношении архитектуры, природы, ландшафта, пейзажа и искусственной среды городов. Архитектура мыслится как продолжение ландшафта. В городах природа утрачивает свои естественных качества и в виде парков и газонов попадает в разряд организованных удобств. Искусственная среда городов, претендующая на роль второй природы, пока является лишь неуклюжим подражанием естественной среде. Однако и в искусственной среде, созданной человеком, он не ощущает себя комфортно.

Ключевые слова: архитектура; космос; природа; искусственное; естественное; среда; средовой подход. /

Архитектура, природа, ландшафт, пейзаж, среда / Architecture, nature, landscape, scenery, environment

ТЕКСТ
Александр Раппапорт
text
Alexander Rappaport

Архитектура в природе – исторические вехи

Если теоретический вопрос о связях Природы и Архитектуры требует глубокого понимания природы архитектуры и архитектуры природы, то есть философской связи искусственных и естественных сторон бытия, то в историческом аспекте отношения Природы и Архитектуры предстают в виде цепочки достаточно хорошо изученных и привычных образов.

Начинается эта цепочка в глубокой древности с пещерной культуры, где выбор пещер как жилищ для родоплеменных сообществ давал первобытному человеку укрытие от непогоды, грунтовых вод и наводнений. Это был подарок самой природы, не требовавший больших строительных работ. Вместе с тем пещера была защитой от природы. Она предоставляла человеку уроки быта и обороны.

Затем начинается путь к воде как средству транспорта и добывания рыбы: появляются свайные постройки, обеспечивавшие защиту от наводнений уже не с помощью подъема в гору, а постройкой свайных жилищ и тем самым освоения вертикальных конструкций из дерева, возможно, послуживших прообразом мирового древа.

Одновременно возникают и мобильные жилища кочевых племен, расположенные вдали от лесов: архитектура осваивает степь и долины.

Вслед за этими событиями происходит разделение сел и первых городов как убежищ и комплексов, связанных с торговлей и культовыми ритуалами. Этот период растянулся на десять тысячелетий и подошел к концу в XXI столетии, когда, вероятно, начнется обратный ход – распад мегаполисов. Сначала параллельный их новому продолжающемуся росту в одних странах и распаду в других, но в финале, видимо, человечество освоит и принципиально новые структуры расселения.

Нужно заметить, что архаический период был вообще связан с собственно архитектурой косвенно – в форме технологий расселения и освоения территорий. Только города как военные форпосты, торговые и религиозные центры внесли в историю отношений природы с человеческой цивилизацией подлинные черты Архитектуры. Появление архитектуры храмовых комплексов, дворцов и гробниц делает отношения человека с природой осно-

ванными на трансцендентных, а не узкопрагматических ценностях выживания.

Город в период своего становления противопоставляет себя Природе и становится символом искусственной среды и материальной культуры, построенной на технике во всех своих проявлениях. Потребовалось значительное время для появления новых форм отношений, в частности, проникновения природы в городское пространство в виде садов. Городские стены и башни заимствуют символику вертикальной массивности менгиров и дольменов и переносятся в конструкции жилых и общественных зданий. Собственно, только в городах символы архитектуры как монументов не просто оказываются во внутреннем пространстве за городскими стенами, но и сами превращаются из массива скалы в стены пространственной конструкции, обеспечивающей интерьерное пространство.

Следующий этап – расширение городской территории и появление внутри городских стен открытых пространств и улиц, этих потомков дорог, становящихся внутри города каркасом коммуникаций.

Наконец города порождают свои подобию в монастырях, крепостях, особняках и виллах – уже за городскими стенами – как маленьких подобию городов, на самом деле способных со временем разрастись до больших городских структур.

Рост городского населения, пользующегося городским ремеслом и городской торговлей, понемногу осваивает город и как сакральное, и как социальное пространство, одновременно эксплуатируя преимущества скученной жизни и углубляя ее противоречия.

По мере роста промышленности и пролетариата города становятся все более контрастным местом соседства социальных слоев и сословий. В конечном счете это обстоятельство приводит к внутригородским конфликтам, культурным и военным способам их сдерживания. Город, в момент своего возникновения бывший местом огражденного согласия, становится местом огражденного конфликта.

Природа внутри городских стен остается феноменом исключительным. Это сады в монастырях или замках – символ рая-парадиза, изолированные от города, и символические украшения и орнаменты на каменных стенах,

In a series of notes, the author discourses upon the relationship between architecture, nature, landscape, scenery and the artificial environment of cities. Architecture is thought of as an extension of the landscape. In cities, nature loses its natural qualities, and, in the form of parks and lawns, it falls into the category of organized amenities. The artificial environment of cities, which claims to be a second nature, is so far only a clumsy imitation of the natural environment. However, a human being does not feel comfortable even in a man-made artificial environment.

Keywords: architecture; space; nature; artificial; natural; environment; environmental approach.

изображающие деревья (колонны) или листву, зверей и птиц.

Еще в конце XIX века новый архитектурный стиль ар-нуво (либерти) демонстрирует эту способность архитектуры впитывать в свои стены ландшафтные и растительные мотивы (свойство, решительно обрубленное авангардом).

Философские идеи просветителей XVIII века, утопические представления Ж.-Ж Руссо об «идеальной» жизни дикарей воплотились в конце XIX века в нежелании высших сословий жить в городе, в стремлении «назад к природе».

Природа в этих концепциях переворачивает исходное представление о дикости как угрозе для жизни человека в противовес раю с его простотой и естественным доброжелательством, тогда как дикость нравов впитывается высшими городскими сословиями, которые, освоив военную технику и организацию, начали обращать ее уже не против своих врагов-иноплеменников, а против своих же сородичей.

Реформы барона Жоржа Эжена Османа, как известно, вводят в тело окруженного кольцами стен городского пространства не только зелень бульваров (возникших на месте снесенных валов военных укреплений), но и ар-тиллерию с ее горизонтальными «стволами».

Дальнейшие события, связанные с взаимоотношениями природы и архитектуры, ведут в область градостроительства и вскоре концентрируются в форме двух концепций начала XX века – дезурбанизма и урбанизма.

Показательно, что выход новых поселений за черту городских стен – в сады и возникновение образа города-сада немедленно устраняет символический образ сада на стенах этих пригородных построек. Символический сад оказывается в достаточно сложных отношениях с естественным садом.

Но и внутри городов новейшие постройки очищаются от чешуи орнаментов, и повсюду постепенно воцаряется культ чистой геометрии как стихии, противоположной органике природы.

Наконец, к середине XX века сама геометрия планировочных структур становится своего рода каркасом расселения, отвергающая не только извилистую «дорогу

ослов» и вводящая в употребление прямолинейность железных дорог и автострад, но и масштабы пространств, несовместимые с пешеходной скоростью. Город пешеходов уступает место расселению моторизованных «граждан», превратившихся в граждан из горожан. Буржуазия забывает корень слова, с которого она его перенесла на сословие (бург), и демонстрирует новую экспансию людей, основанную уже не на силе оружия, а на силе новой техники, на силе управления и закона, которые вообще не знают границ.

Архитектура новейших пригородных поселений авангарда (вроде Дармштадта) демонстрирует оба вида геометрии – как планировочной структуры и как геометрии ограждающих конструкций и проемов. Некоторым обратным стилевым схематизмом становится ар-деко, ненадолго восстановивший в правах фигуративность биоморфных кривых линий.

Геометрия вырывается из орнаментальных структур рациональной схематики промышленного производства и контуров технических конструкций. Пластика биоморфных контуров переходит в изделия меньшего масштаба – в дизайн, и лишь к концу XX века вырывается в гигантские масштабы пластических фантазий Гери, Калатравы и Хадид.

Но эти гигантские криволинейные структуры, отчасти опирающиеся на бионику, отчасти на флоральную стилистику символизма (Гауди), все же теряют свой исходный изобразительный характер и уже не столько изображают, сколько имитируют природные формы.

Оппозиция изображения и имитации с этого времени обретает важный смысл, позволяющий пересмотреть отношение этих вариантов формообразования на протяжении всей истории архитектуры.

Вопрос о соотношении изображения и имитации оказывается одним из центральных для понимания ордера и ордерных стилистических канонов, в которых форма строится уже не как натуральное изображение или проекция, а как орнаментальный язык с жестко фиксированными элементами, обладающими устойчивыми смысловыми коннотациями.

Проблема изобразительности растворяется в семантике и синтаксисе нового архитектурного языка, а сам

язык выступает как совершенно новая стихия, в которой натуральные (орнаментально-изобразительные) начала превращаются в знаковые системы, независимые от изобразительных намерений и выводящие на первый план всеобщие нормы семантики и синтаксиса.

Антропоморфизм и фитоморфизм архитектурного орнамента как носители его природных источников уступают место языковым нормам и формам, транслирующим социальные и символические порядки в организацию среды человеческого обитания и вводящие в средовой контекст новый принцип регулятива – текст.

Это, собственно, и внес в архитектуру авангард начала XX века, до сих пор играющий ведущую роль в техническом и эстетическом порядке генезиса урбанистических и архитектурных форм. Текстовые принципы входят в архитектуру благодаря исходной нейтральности новых строительных материалов – стекла, металла и бетона, которые, в отличие от дерева, уже не имеют собственных формальных структурных основ и полностью могут подчиниться искусственным приемам формальной фантазии, вырастающей на базе графики чертежа и рисунка.

Здесь мы вступаем в принципиально новую эпоху генезиса архитектурных форм, в которой письменность одновременно порождает новую искусственную нормативность языка и новую независимость этого языка от каких-либо фигуративных предпосылок в природе.

Но анализ этой новой фазы, которой пока еще не более ста лет, выводит нас из рамок этого пунктирного исторического дискурса в ту самую пучину теоретических проблем о естественном и искусственном в цивилизации и культуре, о котором мы бегло сказали несколько слов в предыдущем очерке.

Теперь придется всю эту цепочку пересматривать под новым философским и методологическим углом зрения, чего теория архитектуры практически еще не начала.

1 апреля 2017

Пейзаж и ландшафт

«...прислушиваясь к природе, когда мы прислушиваемся к миру, который уже пожертвовал собой ради нас, когда природа готова терпеть наносимые ей раны ради нас, – тогда мы и обретаем настоящую мысль и впервые становимся живыми».

Александр Марков

Если мы когда-нибудь сможем превратить образ нашей планеты в божество и икону как трансцендентную нам силу, дарующую жизнь, мы изменим понимание слов «ландшафт» и «пейзаж».

Ландшафт останется во власти стихий, пейзаж перейдет к роду субстанциальных феноменов, в которых стихия и природа очеловечены либо в свете любви и заботы, либо в стихии вражды, ненависти и безумия.

Полагая архитектуру непосредственной и непрерывной фазой продолжения ландшафта, мы мыслим ее в пейзаже, следуя установившейся в античности и сильно подновленной в XVIII веке традиции стиля «пикчереск» (картинности, или пейзажности).

Слово «пейзаж» происходит от французского понятия о земле, сельской местности, стране. А «картинность» исходит из понятия картины. У них разные ценностные и онтологические ориентировки, но исторически эти понятия сблизились и совпали.

В том случае, если образы земной поверхности станут иконами не мира иного, но мира посюстороннего, они станут и силами, дарующими нам жизнь, и жертвами этой жизни.

Парадокс этой ситуации состоит в том, что жертвенный, обреченный вид пейзажа, ставший таковым в результате безразличного и варварского производственно-

го напора, вызывает у нас сострадание не потому, что нам жаль природу как явление физического мира. Нам жаль себя как порождение субстанции экологической среды, биосферы, в которой жизнь играет роль и дароприемницы, и хозяйки.

Едва ли взрыв какого-нибудь далекого космического тела вызовет у нас живое чувство сострадания. То, что замкнуто естественными силами природы, не нуждается в нашем сочувствии. Такое сочувствие так же неуместно, как сочувствие потухающему вулкану или всемирному потоку.

Христианство привнесло в человеческий мир эту парадоксальную неуместность как сострадание людей к страданиям Бога.

Античная мифология, знавшая множество битв и казней в мире богов, не испытывала ни сочувствия к их жертвам, ни радости за мучителей. Мир богов был достаточно трансцендентен миру людей. Но в какой-то степени это сочувствие уже отражалось в том, что сами боги наделялись антропоморфными чувствами – страстями, нежностью, любовью к потомству и муками разлук.

И только сошествие Бога с неба на Землю придало событиям на Земле характер драмы, синтезирующей судьбы небожителей и земной жизни.

Это соединение Земли и Неба было усилено представлениями о биосфере и ноосфере, когда земля и небо из противопоставленных друг другу природных феноменов стали сторонами единого целого, враждебного безвоздушному космосу иных звездных систем, галактик и туманностей.

Вид земного ландшафта превращается теперь в пейзаж и картину, в зеркало собственной родовой судьбы человека с ее исходными родовыми трагедиями и жертвами.

Вот почему теперь архитектура обретает смысл зеркала, в которое смотрит природа как живое существо, и видит свою красоту или свое уродство, воплощенное в артефактах человеческой деятельности и побочных продуктах труда и борьбы.

Фламандцы эпохи Босха и Брейгеля создали своего рода шедевры этой новой иконописи земного ада и рая как посюсторонней схемы мировой судьбы.

Позднее в этом же духе развивался и романтический пейзаж, и метафизическая живопись в Италии, и немецкий экспрессионизм.

Родившаяся в середине XIX века фотография некоторое время стояла в стороне от этой иконописи мира, но затем включилась в нее и придала ей новую силу как в документальном, так и в художественном жанрах.

Ей следовало кино, но кино очень быстро стало эту силу терять, и кинематография эпического созерцания планетарных судеб, видимо, уже перестала быть тем, чего ждали от нее Ленин и Голливуд: мобилизующей силой для трудящихся масс. Голливуд толкал людей в магазины. Советское кино – в армию, на заводы и поля.

Вот тут начался некий, пока что малоощутимый подъем зодчества, ибо магазины стали народным театром, в котором люди начали играть более или менее свободные роли покупателей. Эта новая функция архитектуры стала срастаться с автомобилями и самолетами, в которых люди начали совершать реальные путешествия, ранее известные в основном по экрану.

Живопись едва поспевала за этими метаморфозами. Но совместные усилия живописи и кино привели к тому, что во сне трудящиеся стали видеть стройки и сплавы, ткацкие машины, урожайную страду и добычу угля в шахтах, едва подслащенную остаточной эротикой трудового подъема.

Пришедшее им на подмогу телевидение приблизило сон к реальной кровати.

Архитектура начала расти теперь из этой кровати как система образов спальных районов и центральных площадей. Спальные районы стали продолжением подушек и матрасов, а центральные районы преобразились в иконостасы и храмовые пространства.

Однако новая архитектура ни в спальных районах, ни в центрах городов так и не дошла до культового синтеза всех искусств, того храмового действия, которое описал в свое время отец П. Флоренский.

Голливуд, не решив этой задачи, свернул в прерии и детективы.

Будущее нашей планеты, на мой взгляд, во многом зависит от того, как аналогичные задачи будут представляться и решаться людьми третьего тысячелетия.

Нынешний период, плодящий мегаполисы спальных гектаров, превращает города в сельскохозяйственные угодья, рассчитанные на разведение городского быдла – футбольных фанатов. Что станет с ними и с остальными жителями урбанизированных территорий через сто – двести лет, пока не ясно.

На мой взгляд, именно в эти годы архитектура смогла бы осознать свою исконную трансцендентную миссию и создавать места, в которых безумие лечилось бы своего рода идеологическим вакуумом чистоты и пустоты, прозрачностью, способствующей созерцанию субстанциальных пейзажей и стихий планетарного рая, в котором ландшафт и пейзаж, наконец, протянули бы друг другу руки.

29 марта 2015

Архитектура и среда. Конец средовой поэтики

Лет 20 тому назад в теории современной архитектуры стал популярен «средовой подход» как новая версия возвращения архитектуры к природе. Ныне эта идея отчасти утратила свою привлекательность, но причины такого явления не лежат на поверхности. Ибо сама природа за эти годы стала менее привлекательной.

Скорее всего, стала очевидной невозможность для архитектуры и городов вернуться к природе, в райское состояние. Стала очевидной и утрата природой в мире своего доминирования над техникой, своего смыслового превосходства.

Шум дождя как лучшее из снотворных стал транслироваться по интернету и действительно приносит спокойный сон.

Второй причиной могла бы считаться утрата природой своего доминирования в жизни. Ибо природа понемногу утрачивает свой идеальный вид, а в виде парков и газонов почти полностью попала под власть организованных удобств, а не самостоятельной силы. Наконец, в сфере самой природы все больше места стали занимать представления о черных дырах, черной материи, гигантских пустотах и прочих бросающих в дрожь космических пред-

ставлениях, никак не способных даровать сон, улыбку и блаженство.

Среда же, в какой-то мере способная стать второй природой, более не ассоциируется с дарованием и делается неуклюжим подражанием или даже доказательством своей искусственности. Возвращение к природе требует некоего масштабного переворота в сознании о самом человеке как принадлежащем к природе, а не к технике обслуживания. Даже столь надежные символы природы, как Солнце и Луна превратились в украшения технического ландшафта. И если сегодня природа кое-где и напоминает о своей силе, так это в увеличении доступных любому катастроф в виде землетрясений, наводнений, пожаров и пр.

Само присутствие в природе, ранее вызывавшее покой и гордость, теперь, демонстрируя пустоту и черные дыры, вызывает ужас беспризорности человека в мире, которому нет до человека ни малейшего дела.

Солнце больше не вертится вокруг Земли, и галилеевская истина рождает чувство непричастности земной жизни к порядкам космоса. Так что сама категория среды, дававшая своего рода опору проектному воображению, уступила место слегка причесанному хаосу несоизмеримых движений, скоростей и прежде всего – утратой заботы о людях и победой безразличия к судьбе человека. На фоне этой утраты усилия властей по подметанию тротуаров не стали чем-то блаженным или священным. Люди больше не чувствуют себя в природе как «рыба в воде». А по телевизору все чаще показывают, как рыбы пытаются выпрыгнуть из воды, уже не несущей им ни доверия, ни счастья.

11 августа 2023

Литература

1. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 146 с. – (Антология мысли).
2. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли : (черты конкретной метафизики). – Москва : Академический проект, 2013. Т. 1. – 684 с.
3. Глазачев, В. Л. Зарождение зодчества. – Москва : Стройиздат, 1984. – 126 с.
4. Лем, С. Сумма технологий. – Москва, Санкт-Петербург : АСТ, Terra Fantastica, 2004. – 668 с.

References

- Florensky, P. (2013). *U vodorazdelov mysli: (cherty konkretnoi metafiziki) [At the watersheds of thought: (Features of concrete metaphysics)]* (2nd ed., Vol. 1). Moscow: Academic project.
- Glazachev, V. L. (1984). *Zarozhdenie zodchestva* [The origin of architecture]. Moscow: Stroyizdat.
- Lem, S. (2004). *Summa tekhnologii [The sum of technology]*. Moscow: AST; Saint Petersburg: Terra Fantastica.
- Rousseau, J.-J. (2021). *On the social contract; or, principles of political right*. Moscow: Yurait Publishing House.

Парк рассматривается как результат диалога человека с природой, такой же продукт урбанизации, как и город. Его природа амбивалентна и по отношению к городу, и в отношении стихии, что делает его инструментом коммуникации природы и культуры, средством их примирения. В настоящее время городские культура и образ жизни уходят в город-парк, сабербию, и идея города-сада становится доминантной идеей градостроительной практики. Мегасооружение и город-сад создают сбалансированную систему, которая является образцом архитектуры будущего.

Ключевые слова: парк; город; сад; природа; урбанизация; культура; концепция.

Парк как идея / The park as an idea

текст

Андрей Боков

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства

text

Andrey Bokov

Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning

Парк любопытен не только как таковой, как объект, создаваемый людьми, но и как идея, концепция или модель. Рискуя предположить, что идея парка, некий «протопарк», но не сам парк, каким мы привыкли его видеть, родились вслед за рождением города и дома, причем одновременно как их продолжение, сопровождение, часть и как некая противоположность, альтернатива. И эта амбивалентность самой природы парка отчетливо ощущается по сей день.

Следует оговориться, что за понятием «парка как идеи» скрывается то, что описывается словами «сад», «лесопарк», «лес», «зона отдыха», «особо охраняемая природная территория» и т. д. За всеми этими терминами, по сути, стоит разная степень вмешательства человека в создание и жизнь парка.

Идея парка не тождественна и, скорее, противостоит идеям экологов, экофанатиков и экзотристов. Последним интересы природы ближе интересам людей и культуры, и парк в их представлениях может казаться проявлением насилия над природой. Парки создаются людьми в диалоге с природой, но в своих интересах. Идеалом экологов была и остается природа без вмешательства человека, защищаемая и охраняемая от его воздействия. И если некий «экогород» неожиданно оказывается компромиссом между природой и культурой, то нет оснований не считать его еще одной версией города-сада или города-парка.

Город-парк – практически готовый ответ на те требования и призывы, что содержатся в принципах «устойчивого развития». По крайней мере, именно город-парк, его образ первым возникает в сознании каждого, кто знакомится с этими принципами.

Парк такой же продукт урбанизации, как и город, сплошь занятый домами и улицами, но, в отличие от города, часто нелюбимого и награждаемого нелестными эпитетами, ощущается несомненной ценностью. Его неухоженность всякий раз вызывает досаду и сочувствие, сходные с тем, что остается от испорченного праздника. Одна из главных причин этой реакции в том, что парк воспринимается едва ли не живым существом или обителью неких особых таинственных и подвижных сил, поселившихся на земле задолго до появления городов и домов.

Парк, как бы скромно и мал он ни был в отличие от отдельного дома, даже созданный руками, остается не впол-

не рукотворным. Его деревья, цветы и водоемы – агенты огромного, другого бесконечного и безграничного мира, продолжающегося за границами дома и города. Именно поэтому лучшие из парков, в отличие от дискретных, разделенных на фиксированные части городов и домов, стараются казаться бесконечными и непрерывными. Парк стремится быть свободным в отличие от города, основанного на регламентах и границах.

В то же время парки обычно избавлены от приписываемых дремучим девственным лесам злонамеренностям; последние чаще обнаруживаются в «каменных джунглях», где нет растительности. Инциденты в парках представляются не менее предостудительными, чем недостойное поведение в храмоподобном московском метро.

Парк амбивалентен не только по отношению к городу, но и в отношении природы или стихии. Он является и их продолжением, и их противоположностью. Эта двойственность, по сути, превращает парк в коммуникацию природы и культуры, в инструмент, в средство примирения, связанности и баланса. Иными словами, парк есть нечто большее, чем участок земли с деревьями, кустарником и травой.

Амбивалентность парков корреспондируется с двумя противоположными видами их пространственной организации. Одни парки, регулярные или «французские», повторяют геометрию городов и домов. Другие – «английские», парки Китая и Японии – пластически резко отличаются от окружающих строений.

Особая сущность парка, его аксиология подчеркивается тем, что он не встраивается в ряд безусловно полезных и необходимых институтов или объектов вроде заводов, школ, больниц и клубов. Попытки уподобить парк учреждению отдыха или предприятию по производству дефицитного кислорода не очень убедительны. Парк скорее из категории предметов «излишних, но почему-то более ценных, чем необходимых».

Особого толкования требует кажущаяся близость, кажущееся родство парка и деревни. Парк, вне сомнения, порожден не столько культурой строительства, воспитанной городом, сколько культурой земледелия и землепользования, носителями которой являются крестьяне-земледельцы, как правило, не владевшие землей, и землевладельцы, земельные аристократы. Тем и другим

The park is viewed as the result of a dialogue between man and nature and as a product of urbanization, like the city. Its nature is ambivalent both in relation to the city and in relation to the natural elements, which makes it a tool for communication between nature and culture and a means of reconciliation between them. Currently, urban culture and lifestyle are shifting towards the city park, suburbia, and the idea of the garden city is becoming dominant in urban planning practice. The megastructure and the garden city create a balanced system that serves as a model for future architecture.

Keywords: park; city; garden; nature; urbanization; culture; concept.

земля возделанная, земля с растениями ближе и понятнее, чем земля с домами. Однако крестьянское отношение, скорее, практичное и утилитарное, несколько отлично от отношения аристократа, ощущающего себя служителем особого культа Земли с обязательными дарами, жертвами и ритуалами, постепенно утрачивающими прикладной смысл. Проявлением, следом и следствием этого культа становится парк как собрание не столько полезных, сколько жертвенных, декоративных растений, украшающих и радующих их мать-землю. Возложения цветов и венков, поныне живой и популярный ритуал, – прямое продолжение этой архаической традиции.

Первые заметные, видимые следы этого культа и этой культуры обнаруживаются и в замках, резиденциях аристократии, и в городах, куда эта аристократия вскоре перебирается и заражает своей страстью людей, далеких от земледелия. Фонтаны, водоемы, деревья и цветники, а за ними и знакомые, и экзотические животные появляются во внутренних дворах, на площадях, на балконах и в лоджиях средневекового европейского города, в городских домах и усадьбах традиционных городов Северной Африки, Японии, Китая. Сочетание источника, деревьев и цветов становится вторым по значению после алтаря компонентом дома, замка, храма, напоминающим о пантеистическом прошлом догородских земледельческих сообществ.

Яркий и зримый расцвет паркового строительства наступает с появлением регулярных городов, с наступлением классического периода цивилизаций, в частности, европейской и китайской. Созданный за пределами столицы Версаль становится примером или образцом, под влиянием которого столица приобретает типично парковые атрибуты – бульвары, набережные и открытые пространства с газонами и рядами растений.

Парк из предмета роскоши, пребывающего в частном пользовании, становится открыто предъявленным атрибутом власти, в том числе безграничной власти над природой. Таков был ответ города на столетия изоляции от природного окружения, замкнутости, сдавленности и страха.

Классический парковый ансамбль, вроде того же Версаля, виллы д'Эсте или Петергофа, превращается в огромное сооружение, превосходящее по сложности

и цене многое из того, что параллельно делается в целях практических.

Конец XIX – начало XX века – время рождения современного города и нового наполнения идеи парка. Парк больше не является сопровождением, продолжением дворца. Центральный парк Нью-Йорка оказывается главным объектом города, геометрическим, смысловым и эмоциональным его центром. И нет ничего удивительного в том, что у границ Центрального парка вскоре обнаруживается второй предвестник, зародыш или ген современного города в виде плотного скопления все более высоких домов самого разного назначения.

У современного города два лица, два полюса, рожденные великими интеллектуальными и техническими достижениями. На одном полюсе сосредоточены те, кого именуют «урбанистами». Это многочисленные сторонники и поклонники сверхплотного города, города как единого трехмерного мегасооружения, явленного во множестве версий, принадлежащих самым разным людям от романтиков вроде Эль Лисицкого и Сант-Элиа до прагматических создателей гигантского комплекса вокруг нью-йоркского Grand Central.

Возникновение другого полюса, расположенного на противоположном конце, обычно связывают с именем Говарда, создавшего убедительную и внятную концепцию города-сада, который правильнее было бы назвать городом-парком. Вопреки распространенному мнению, главным отличием города-сада является неиндивидуальный семейный дом; таковые присутствовали и в ужасных рабочих районах промышленных городов, и в увядающих деревнях. Главным героем легенды Говарда был сад или парк, в пространстве которого под сенью деревьев прятались дома.

Город-сад кажется и оксюмороном, объединяющим противоположные сущности, и естественным, прямым ответом на сложившийся запрос, на желание объединить в одном решении нечто безусловно привлекательное и ранее казавшееся навсегда разделенным.

У города-сада были прообразы и предшественники в лице летних дач, загородных резиденций и курортов, и было множество последующих производных, версий и интерпретаций, так или иначе сохранявших и декларирующих принцип жизни в парке и жилья в окружении

зелени. Все известные версии и интерпретации города-сада, предложенные в прошлом столетии и дожившие до наших дней, можно поделить на две группы. В одном случае предлагается жизнь в собственном доме, в другом – в многоквартирном.

Относительно адекватными базовой идее города-сада можно считать следующие три версии с использованием многоквартирных домов. Это послевоенный «сталинский» укрупненный квартал с периметральной застройкой вокруг обширного благоустроенного двора-парка (впоследствии, как правило, убитого точечной застройкой). Самый известный пример подобного квартала в европейской практике – Карл-Маркс-Хоф в Вене. Во-вторых, это опыты Корбюзье и его последователей по созданию огромных автономных «жилых единиц» вроде Марсельского блока, оторванного от земли, парящего над окружающим парком, освещенного солнцем и омытого потоками свежего воздуха.

Связь с идеей города-сада сохраняет и третья версия. Это пятиэтажные микрорайоны со «свободной планировкой», возникшие в самом начале эпохи массового индустриального строительства в СССР, вроде знаменитого 9-го квартала в Новых Черёмушках или микрорайонов Зеленограда, само название которого свидетельствовало о замечательном родстве. Собственно, идеальный советский микрорайон со свободно стоящими домами и внутренними пешеходными связями был самым массовым родственником города-сада.

Забвение идеи, отступление от принципов города-сада, нарушение баланса между домом и парком в пользу домов в позднем СССР оказалось неизбежным. Город-сад явно не вписывался в систему принципов советского стройкомплекса и его преемника – российского застройщика. Но, умерев под ударами бизнеса, господствующего на канонических городских территориях, эта идея неожиданно возродилась и стала актуальной там, где не водятся многоквартирные «человеиники», а именно в зоне ИЖС.

Первые американские одноэтажные пригороды, первые версии американской субурбии были обязаны своим появлением не столько Эбенизеру Говарду, сколько Вильяму Левиту. Первые Левиттауны не очень похожи на города-сады, однако именно им было суждено из полей, сплошь застроенных деревянными домиками, постепенно превратиться в огромные парки с вкраплениями домов. Чем меньше районы многоэтажной застройки напоминали город-сад, тем ближе к городу-саду двигались пригороды, занимаемые ИЖС. И решающую роль в этой трансформации пригородов, в успехе субурбии сначала в США, затем в мире, включая РФ, сыграл массовый, доступный автомобиль. Форд сделал для утверждения города-парка то же самое, что Отис для Сити и Даун-таунов.

Мы являемся свидетелями парадоксального явления, удивительной смысловой инверсии содержательного превращения: городская культура, городской образ жизни уходят в пригород, в город-парк, в субурбию, тогда как многоэтажные «человеиники» (не путать с Сити, Даун-таунами с деловыми и административными центрами) становятся «кнувой деревней», очагами архаики и пространством замкнутых, изолированных сообществ или асоциальных одиночек.

Спустя столетие после рождения идеи города-сада и идеи города-мегастроения, после появления и исчезновения советских урбанистов и дезурбанистов новые поколения урбанистов и дезурбанистов, сторонники городов-миллионников и энтузиасты малых населенных мест или распределенной системы расселения продолжают выяснять отношения, не замечая, что жизнь и постоянно формирующаяся нормальность, по сути, решили этот спор. Мегасооружение и город-сад успешно занимают каждый свое место в общей, единой и непрерывной системе.

Ярким, но фантастичным манифестом единства противоположностей, мегасооружения и города-сада,

стал Бродакр-Сити Райта, состоящий из километрового небоскреба, окруженного бесконечной субурбией, парком с индивидуальными семейными домами, похожими на те, что принесли архитектору заслуженную известность.

Принадлежность к некоей общей целостности и несомненная поляризованность двух компонентов современного города сопровождается их конвергенцией, взаимопроникновением и взаимообменом. В итоге субурбия приобретает узлы, полюса и коридоры активности, наполненные множеством учреждений торговли и обслуживания, индустриальные зоны, госпитали и учебные учреждения, а Сити, Центральные Деловые Районы, отдельные здания и сооружения вбирают, интегрируют парки и компоненты парков.

Идея города-сада, города-парка по настоящее время остается доминантной, самой популярной и вдохновляющей, ведущей, базовой идеей градостроительной практики. Именно она определила судьбу, возмозжно, не самой впечатляющей и заметной, но зато самой массовой и повседневной составляющей современного культурного ландшафта и системы расселения в целом.

Идея парка и его компоненты глубоко проникли в ткань культурного пространства на всех уровнях. Исторически и логически, последовательно и упорно парк становится принадлежностью и сущностью жилища, города, страны и континента.

К традиционному и привычному двору и палисаднику сегодня добавляются зеленые кровли, зеленые стены, озелененные атриумы и пассажи.

Почти все без исключения новые города, возникшие или задуманные в XX веке – от линейного Магнитогорска Леонидова до послевоенных городов-спутников – оканчиваются городами-парками. Генпланы новых столиц от Канберры и Чиндигарха до Астаны, по сути, предполагают создание города-парка. Предложение Аберкромби для Лондона и едва ли не лучший генплан Москвы, сделанный в 1973 году, настаивают на превращении этих городов в парки, где зеленые пояса, коридоры и клинья занимают больше площади, чем дома и дороги.

Современный мир стоит на пороге создания глобальных парков, «геопарков». Антарктида или Русская Арктика, она же Русский Север, африканские пустыни и азиатские нагорья могут превратиться в открытые для посещения экопарки, одновременно представляющие собой хранилища ископаемых ресурсов, энергоресурсов, воды и воздуха. Парками культуры сегодня готовы стать целые страны или регионы вроде Черногории, Тосканы и Каталонии; парками отдыха становятся средиземноморские и черноморские регионы, Флорида, Хайнань, Бали и им подобные.

Идея парка последовательно и уверенно расширяет и укрепляет свое присутствие в современном профессиональном сознании. «Паркоцентричный», «ландшафтный» подход, ощущение города и дома ландшафтами и парками, продолжением некоей непрерывной естественной ткани, по сути, развивает, уточняет родившийся более полувека назад средовой подход. Парк становится если не ответом на самые разные вызовы и задачи, то явлением явно одобряемым, предметом повышенного внимания и элиты, и общества.

Неожиданно для многих огромные сады и плантации, виноградники с винодельнями превращаются в сезонные парки, где свободный сбор фруктов, овощей и ягод сопровождается концертами и трапезами. Интерес к парку Зарядье, нью-йоркским Хай-лайну и Лоу-лайну, к их предшественникам вроде парка Ла Виллетт в Париже все чаще оказывается устойчивее и выше интереса даже к тем домам, которым отводится роль знаков и символов. Не замечать подобное, оставлять это без внимания – значит игнорировать одно из немногих предлагаемых нам сегодня указаний на то, какой может и должна быть архитектура будущего.

Рассматриваются взаимодействие и различие двух типологий сада, в общем виде понимаемых прежде всего как пространство для массового отдыха и развлечений, альтернатива повседневному существованию в мегаполисе. Первая типология ориентирована на чувственное, тактильное восприятие природной формы, нередко естественного происхождения, ассоциируемой с райским садом (Эдемом), проиллюстрированным художниками барокко. Вторая – определяется заданным сценарием придуманного ритуала (перформанса) и поэтому конструируется на основе общественно признанных норм. Выдвигается концепция Нового Эдема – сада постиндустриального типа, актуализирующего персональное медитативное взаимодействие субъекта с проектным сценарием сада.

Ключевые слова: сад; две типологии – тактильная и ритуальная; интеграция типологий; персональное взаимодействие. /

The article examines the relationship and difference between two garden typologies, generally understood as spaces for mass recreation and entertainment, an alternative to everyday life in the metropolis. The first typology focuses on the sensual, tactile perception of natural forms, often of natural origin, associated with the Garden of Eden, as illustrated by Baroque artists. The second is defined by a predetermined scenario of an invented ritual (performance) and is therefore constructed based on socially accepted norms. The article proposes a concept of a New Eden – a post-industrial type garden that actualizes the personal meditative interaction of the subject with the garden's design scenario.

Keywords: garden; tactile and ritual typologies; integration of typologies; personal interaction.

Новый Эдем: тактильное и ритуальное / Tactile and ritual – two strategies for the garden. New Eden

Сад представляется нам понятием, обозначающим и олицетворяющим ценность расслабленного, медитативного, бесцельного или перформативно разыгранного времяпрепровождения, альтернативного повседневному существованию в городах. Осознание необходимости этой альтернативы в разные эпохи складывалось под влиянием жизненных тягот, целеполагания, предзаданности ценностных представлений и функционального построения города как квинтэссенции системы. Сад массового посещения, предусмотренный как элемент системы, в сознании человека постиндустриальной эпохи может трансформироваться в пространство индивидуальных образов и маршрутов, не совпадающих с алгоритмами навязанного системой стандарта.

Сложившееся представление о саде дробится на множество типологических версий, сближенных с прагматическим дискурсом системы или удаленных от него на разные дистанции. Например, садом может называться хозяйство, занимающееся выращиванием на продажу различных фруктов, и тогда это часть функционального обустройства рынка. Садом в Библии назывался Эдем (райский сад) [1] – место первоначального обитания Адама и Евы; садами зачастую именуются городские, усадебные и королевские парки (сады Версаля) и даже скромные дачные «шесть соток». Каждый из таких вариантов сада обладает своим сочетанием примечательных свойств – как медитативных, так и прагматичных. Различие и взаимодействие медитативных (бесцельных, тактильных) и перформативных (ритуализированных, игровых) характеристик определяет общую типологию сада, альтернативную прагматическому сценарию большого города и являющуюся предметом данного сообщения. Разделение этих свойств на тактильные и перформативные вызвано намерением понять соответствующие этим свойствам основания для создания проектных концепций.

Цель настоящей работы – рассмотрение предпосылок концепции нового сада постиндустриального типа, соотносящейся с задачей ситуативного комбинирования двух типологий сада – тактильной, восходящей к естественной природе, и перформативной, ритуализированной, «предписывающей модели». Важно понять, кто может стать

субъектом концепции и в отношении каких качественных характеристик формируется запрос на Новый Эдем.

Гипотеза

Синтез тактильных и перформативных (ритуальных) свойств сада (парка) с высоким уровнем природных компонентов создает основание для возникновения особого настроения непредсказуемости сценария, переживания момента и свободного выбора маршрута. Отсутствие под-сказок, явно прочитываемых как вымысел проектировщика, работающего на уже привнесенный извне концепт «программы» (легко распознаваемый штамп), начинает пробуждать интерес к субъективно выстроенной истории места, слагающейся из удовольствия и придумываемого контента каждого нового эпизода. Нужен поэтому сад, где тропа и аллея, камень и сделанная ступень, заводы и парапет, пустырь и газон, медитация и перформанс – интегрируются в новый тип современного сада, рекомбинируемый в матрично выстроенной реальности субъекта, предпочитающего «неколлективный маршрут». При этом совершенно закономерным становится такая постановка вопроса, когда привычная расшифровка понятия сада как типологии может быть проинтерпретирована в прямом или ассоциативно-метафорическом соотношении с понятием гармонично переосмысленной городской и периферийной среды. В метафорическом смысле сад с медитативно выстроенным сценарием имитирует (изображает) странствие субъекта и поэтому, привлекая спонтанно организованные природные субстанции, изменяет масштаб территории, убирает привычные геометрические и информационные свидетельства реально потраченного (прожитого) времени и пройденных расстояний.

Райский сад – прототип тактильной типологии

Райский сад Эдем – в древнееврейских религиозных текстах место обитания Адама и Евы до грехопадения. С позиции поведенческого сценария райский сад – природный оазис, область спонтанного блуждания двух людей, будто бы не предполагавших, что им предстоит стать прародителями человечества, и поначалу не сильно обремененных практическими обязательствами. «Можно сказать, что по отношению к прародителям Рай представлял оптимально комфортную среду обитания. Здесь всё

текст

Сергей Малахов

Национальный
исследовательский
Московский
государственный
строительный университет

text

Sergey Malakhov

National Research Moscow
State University of Civil
Engineering

> Рис. 2. Концепция сада как коллективного прогулочного маршрута (www.mos.ru)

располагало к радости, но самую высокую радость первозданные люди испытывали оттого, что имели общение с Богом – неисчерпаемым Источником благ» [2]. Анализ существующих повествований, связанных с райским садом, создает картину уже свершившейся интеграции двух сюжетов: условно природного (типологии тактильного) и перформативного (типологии ритуального). Согласно различным источникам, Эдем, хотя и является райским садом, но по сути есть религиозный и исторический прецедент, материальная субстанция которого, по разным источникам, ассоциируется с конкретным «земным расположением» на территории Междуречья (рис. 1). Разнообразие исторических версий сада, начиная с сада царицы Хатшепсут и одного из семи чудес света – висячих садов Семирамиды, рассматривается в научной публикации М. Соколовой [3].

Типология сада, восходящая к художественным интерпретациям Эдема, насыщена чувственной атмосферой единения с естественной природой. Тактильные свойства Эдема проявляются в нерациональности ландшафта, его бесконечном разнообразии и непредсказуемости. В пространстве этого сада не существует предпосылок для форсированного преодоления дистанций, а также нет никаких очевидных признаков, выявленных дестинаций, отсутствуют искусственно созданные объекты. Эдем не предполагает спешки и суеты. Время здесь останавливается, замирая в той точке, где возникает сущностный

свет эпизода, и это может быть все, что только создано Богом, и одновременно – любая мелкая вещь, начиная от муравья и солнечного проблеска между ветвей. Любой из современников, оказавшись на месте Евы или Адама, легко бы понял, что (без ссылки на сюжет грехопадения) он наконец-то сам выбирает тропу, момент остановки и тему для медитаций. Мы не уверены, что райский сад существовал на самом деле, но его присутствие в нашей культуре проявляется как устойчивый образ и метафора проектных решений, наследующих ген естественного поведения.

Имитационные версии тактильной типологии. Специфика перформативного сценария (второй типологии) сада

Наряду с этим вожденным прототипом в современных распространенных типологических версиях сада, напротив, существует проблема ограничения свободного выбора, т. е. легко узнаваемая проектная сценография. Подобные решения основываются на обывательском представлении «альтернативы» в виде формулы «работа – отдых», обеспечивающей получение ожидаемой услуги по упрощенному сценарию: сад – это шествие по аллее за руку с ребенком, требующим мороженого и каруселей. Или сад – это семейный пикник на лужайке в тени развесистой ивы (рис. 2).

В предпринимаемых проектах благоустройства часто доминируют решения с ярко выраженным присутствием дизайн-интервенций, преобразующих сложный природный космос места в поверхностный нарратив на основе заданного функционального алгоритма и имитации природного компонента. Имитационный образ декоративно оформленного «природного компонента» является распространенной практикой современного ландшафтного дизайна, наиболее адаптированной горожанами и туристами. В ситуации, когда предлагаемый сюжет сада (парка) распознается незамедлительно, начиная от точки входа, смысл дальнейшего перемещения по аллеям приобретает ритуальный, а не метафизический контекст. Так возникает второй типологический тренд, ориентированный на ритуал (перформанс) – в качественном диапазоне от упрощенной версии до роскошной.

> Рис. 1. Ян Брейгель. Райский пейзаж (wga.hu)

^ Рис. 4. Александр Бенуа. Прогулка короля. 1906 (<https://www.tretyakovgallery.ru>)

^ Рис. 3. Хелен-парк. Ванкувер. Автор проекта Роберт Брукема (getyourguide.ru). Дорогостоящая реплика на тему райского сада

Подобный процесс приводит в итоге к исчезновению места как райского сада в его не выдуманном, а естественно сложившемся виде. При этом дорогостоящие имитационные проекты, несмотря на существенные затраты, сохраняют видимость «прекрасного» природного окружения, ассоциируемого с Эдемом (рис. 3). Укреплению второй названной типологии способствуют современные образовательные программы, не настаивающие на необходимости ценить естественную среду.

«Перформативный сюжет», где заранее заложены ритуализированные процессы, заданные алгоритмы, может быть по-своему впечатляющим (чаепитие у крыльца дворянской усадьбы, церемониальные шествия короля, танцплощадка), но утратившим свою актуальность за давностью лет и поэтому нуждающимся в обновлении ритуала.

В прошлые времена сад обладал относительно честными ссылками на свой исходный геном: усадебный, городской или царский. Для королевского сада статус «стандартной формулы» преобразуется в перформативно выстроенные мизансцены, в основном воспроизводящие придворные ритуалы. Александр Бенуа изображает перформанс королевской прогулки в версальском парке в виде медленно движущейся кавалькады, минующей фонтан с бронзовыми амурами и состоящей из короля, фаворитки, пажей и придворных. Идти нужно медленно, угадывая поступь шагов Людовика, не озираясь, не изменяя темпа, не отвлекаясь от ритуального шествия ни на миг (рис. 4).

Перформативность (игровое поведение) и ритуализация – существенные признаки второй типологии сада – являются инструментами пафосного архитектурного поведения (Андре Ленотр в Версале, Николо Микетти в Петергофе), уместного в условиях иерархической системы и ее рыночной модели, прошивающей сложный и многообразный комплекс среды нитями политической и коммерческой выгоды, что позволяет манипулировать распространенными представлениями о прекрасном. Между тем для архитектурной методологии в ее гуманистическом измерении остается важным поиск более проникновенных стратегий средового формообразования с опорой на естественные средовые ценности и процессы. Соответственно, возникает вопрос, может ли

естественно сложившаяся среда стать основанием для такой интеграции типологий, когда возникает проектный сценарий – Новый Эдем, предполагающий не типовое, а персонально переживаемое взаимоотношение с садом? Какими качествами должен обладать новый проектный подход? Этот вопрос является ключевым для нашего анализа.

Стратегия Нового Эдема: сад естественного происхождения

Картины живописцев, посвященные изображению Эдема, подтверждают мнение, что подлинно расслабленное состояние иллюстрируется образами необузданной природной стихии и улаждающих взгляд экзотических растений. Естественная природа во всех ее проявлениях доминирует в культурных проектах мирового сообщества. Исследуя подходы к обновленной стратегии сада, мы настаиваем на сближении проектной методологии с отечественным природным контекстом и на выработке навыков деликатного взаимодействия с ним. Прекрасные ландшафты волжских побережий, просторные луга Владимиро-Суздальского ополья, озерные глубинки Прионежья, таежные хребты за Байкалом – все это природные феномены России, являющиеся увлекательными локусами тотального парадиза (рис. 5)

Ценность взаимоотношения человека с естественным природным контекстом характеризуется множественностью и богатством обретаемых впечатлений. Тропа в Тутаеве на спуске к берегу окутана пышными зарослями репейника, полыни, пижмы, сныти, чистотела, крапивы и клевера, захватившими территорию вдоль самой ее кромки. Важно, что сама тропа не допускает спешки: ее профиль местами не настолько пологий, чтобы игнорировать хореографические возможности тела, что предполагает, что тело отклоняется, покачивается, поворачивается винтом, допуская размашистые шаги, осторожную поступь боком, скольжение и торможение на мелкой каменистой фракции грунта. «Хореография подъема и спуска» становится не практикуемым в городе или на алее в Архангельском вариантом телесного опыта. К тому же в момент торможения вы успеваете рассмотреть сферически выстроенную панораму с ближним и дальним планом: небом, противоположным берегом,

^ Рис.6. Город Тутаев: а – спуск к Волге по тропе мимо Благовещенской церкви; б – заросли лопуха по обочинам. Фото автора

^ Рис. 5. Пшеничное поле в деревне Сергиевка Самарской области. Рисунок автора

> Рис. 7. Примеры спонтанной интеграции благоустройства «по месту»:
а – спуск к морю. Ступени, встроенные в скалистый склон. Каш, Турция;
б – каменистая тропа с остатками древних руин. Ксантос, Патара, Турция. Фото автора

рекой, причалом, покосившимся забором и возникшим по ходу движения семейством репейника (рис. 6).

Основываясь на подобных впечатлениях, мы вправе задать вопрос: в каком же месте эта тропа в Тутаеве могла бы допустить добавление каких-либо более комфортных приспособлений для спуска и переустройство зеленого периметра, представленного роскошным набором самостоятельно выросших трав и цветов? Такой вопрос напрашивается исходя из изначальной конфронтации двух обозначенных типологий сада, двух культурных архетипов архитектурного вмешательства в сад: естественного (пусть все остается как есть!) и проектного (раз есть спуск, значит его нужно «сделать»!).

Вмешательство новой архитектурной формы в естественно сложившуюся природную среду не вызывает вопросов, если при этом удастся образовать органичное (деликатное) созвучие двух начал. Иногда это камни, искусно имплантированные в каменистый склон в качестве ступеней (рис. 7), или терраса, зависшая над естественным травяным покровом (рис. 8). Отличный пример деликатного решения продемонстрировало проектное бюро Mirrorgroup, реализовавшее концепцию набережной из деревянных настилов на берегу реки Осётр в Зарайске.

Перформативные ресурсы городской среды. Эффект сближения сценариев сада и малого города

Между тем сегодня возможности перформативного поведения возникают в самом городе и на его периферии – на задворках и пустырях. Наблюдение за городской жизнью дает нам примеры обратного продвижения: не от типологии к настроению, а, напротив, от качества обитания и возникающего настроения к типологии, что позволяет сравнивать, казалось бы, совершенно несопоставимые феномены. Сад, будучи примером нецеленаправленной, спонтанной формы обитания, доставляющей удовольствие просто по факту наличия природного контента, порождает комплекс ощущений, который, как выясняется, вполне сопоставим с впечатлениями от бесцельного блуждания по городским лабиринтам.

Наблюдение за городской жизнью преподносит нам неожиданные открытия: многие горожане реализуют свои желания свободного и бесцельного времяпрепрово-

< Рис. 8. Набережная в Зарайске. Компания Mirror Group. 2021 (regions.ru)

вождения, выбирая не спроектированные для этой цели сады и парки, а промежуточные территории и объекты, не определяемые в терминах рассматриваемых типологий. Например, дети чувствуют более интересные возможности, карабкаясь на кучи песка и щебня, сложенные на стройплощадках. Взрослым больше нравится выезжать на берег реки, оставшийся без проектного освоения. Путешествия по городским переулкам и пустырям, посиделки на лавках в уютных дворах старых кварталов – элементы городского перформанса, воспринимаемые как интуитивно выстроенная программа, сближающаяся по потенциалу с обеими альтернативными системами типологиями сада: тактильной (спонтанной) и перформативной (ритуальной) (рис. 9). Спонтанность и самоорганизация становятся важным фактором сада как альтернативы системе и образу жизни в мегаполисах. Сад приобретает новые границы как типология персонального бесцельного странствия горожанина в пределах очерченной им ойкумены.

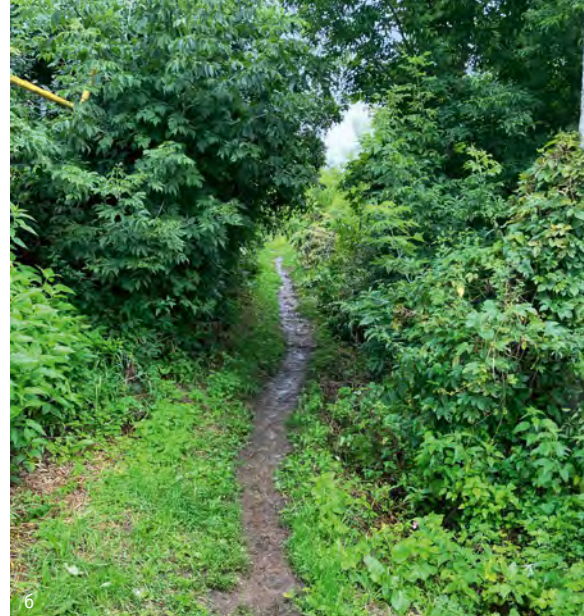
Медитативный сценарий сада. Новый (странствующий) горожанин

Путешествие по новым местам вне популярных коллективных экскурсий становится все более распространенным занятием по сравнению с прошлой эпохой. Аллан де Боттон в своей книге *The Art of Travel* рассматривает такой тип любопытствующего персонажа, выразительно описывая пять основных составляющих, характеризующих весь процесс путешествия: *departure* (отбытие), *motives* (мотивация: зачем уезжать из города), *landscape* (ландшафт – т. е. место, которое может волновать), *art* (искусство: как научиться видеть глазами художника) и *return* (рефлексия пережитого опыта). В сжатом виде эти составляющие отражают те самые элементы необходимого опыта, которые могут характеризовать не только путешественников Нового Времени, но и «нового горожанина» постиндустриальной эпохи, предпочитающего независимый выбор маршрутов своего странствия. И ему при посещении сада – во всех его ассоциируемых проявлениях (парк, пустырь, овраг, дикий берег, руины, малый город, луг) – уже не приходится в голову отказаться от медленного, тактильно осмысленного маршрута, когда бы он пропустил что-то значимое

из того, что не очень важно и не очень заметно другим. Намерениям Аллена де Боттона соответствовало неспешное погружение в красоту окружающей его новой реальности, ассоциативное переживание множества не замечаемых другими вещей, персонажей и состояний, видимых или воспринимаемых подсознательно [4].

Новый (странствующий) горожанин – субъект, предпочитающий индивидуально выстроенные маршруты, медитативное погружение в средовой контекст, неспешное наслаждение новым местом и отрицающий типовые модели туристических коллективных мероприятий. Человек, оказавшийся в саду за периметром главного променада, отличается склонностью к рефлексии и внимательной инвентаризации всего того великого множества мелочей, которое для большинства остается неуловимым. Аллен де Боттон, путешествуя по подземе и в окрестностях станции, заметил четыре тысячи вещей (*things*), из которых «обычно мы замечаем лишь несколько» [4, с. 250]. Проект Александра Бродского выстраивает сад, соединяющий болото, тропу и библиотеку. Любая из по ходу перелистанных книг в его расставленных павильонах и стеллажах увеличивает количество восхитительных «обнаружений» в сотни раз. Новый Эдем приветствует «нового горожанина», не пренебрегающего страницами и неспешным переживанием пазла из множества собственных ощущений. Похожий вариант художественно преображенного списка как бы ничем особо не примечательных объектов в окрестностях Нового Орлеана представляет Оливия Лэнг, следующая на медленно движущемся поезде к месту, где когда-то находился свое пристанище Теннесси Уильямс: «Я снова глянула в окно, там бежали вдоль рельсов деревянные дома, кремово-белые, мандариновые и небесно-голубые. <...> Потом пейзаж стал меняться. Мы приближались к заболоченной местности. Деревья росли из заводей, из стоячих речных рукавов, отбрасывая темные отражения на ослепительно-серебристую, голубую, золотистую поверхность воды, и вспышки света пронизывали всю лесную подстилку» [5, с. 130–131].

Парк Бродского в усадьбе Веретьево под Москвой – поэтически осмысленный вариант сознательной интеграции обеих рассматриваемых типологий сада: тактильной и ритуализированной (перформативной). Проект реали-

^ Рис. 9. Бирск:
а – патио частного дома;
б – тропа на склоне
оврага.
Фото автора

зует концепцию соединения элементов благоустройства с существующими природными объектами. Но, несмотря на примитивные терминологические дефиниции, глубина предложенного проектного решения характеризуется пронзительным ассоциативным и образным построением на всех возможных уровнях формы. Обсуждая концепцию Парка Бродского, Григорий Ревзин направляет внимание на разработанную еще в 1972 году модель «глобального развития человечества», в которой ее авторы Донелла и Денис Медоуз выносят предупреждение о том, что «развитию человечества есть предел, и этот предел – природа» [6, с. 11]. В определенной степени это предупреждение, указывает Ревзин, отразилось в проекте датского парка Гиссельфельд-клубстер (студия Effect), где природное качество среды сохраняется на основе контрастной оппозиции прозрачной башни, предназначенной для наблюдения, и абсолютно «неблагоустроенного природного окружения», намеренно остающегося недоступным. «Недоступность» природы у Бродского также строится на основе контраста искусно спроектированной деревянной тропы на опорах и абсолютно отстраненного окружения – болота и захламленного леса, что в целом создает мистический образ погружения в «покинутый мир», а это есть основание для индивидуальных ассоциаций и переживаний посетителя парка, т. е. перформативное перевоплощение, например в «венерианского странника» Брэдли или в самого автора проекта, переживающего, с некоторой долей вероятности, гениально отрефлексированное воспоминание о «советском детстве» и объектах-архетипах античного мира.

Тактильность сада в этом проекте означает его физически переживаемую неприкосновенность и возможность каждого из нас пройти в одиночестве по узкому, парящему над поверхностью тротуару. Перформативная, условно ритуализированная программа реализуется как бинарный элемент искомой формулы постиндустриальной стратегии сада, медитативно осознаваемая потребность путешествия во времени. Однако сам факт преобладания авторского сценария, спроецированного на ощущения посетителя, заставляет нас несколько усомниться в том, что этот концепт оставляет субъекту достаточное пространство для выбора собственного сюжета, т. е. для воплощения той модели сада, которой

в большей степени соответствует «сценография анонимной среды»: поле, дикий берег, пустырь, городской район. Сад подобного происхождения соотносится с объектом непосредственно заданного функционального назначения – как его метафорическая интерпретация и воображаемая ойкумена субъекта. И поэтому, заканчивая наш анализ, все-таки оставим открытым вопрос: может ли вообще существовать проектная практика, допускающая наличие «непроектной формы», т. е. природной или искусственной среды, выросшей, сложившейся из собственных не всегда объяснимых корней? Можем ли мы предположить, что проектируемые архитекторами объекты смогут обладать достаточным уровнем неопределенности, как об этом мечтают Ричард Сеннет и Пабло Сендра, – с тем чтобы наш Новый Эдем сохранял перформативную миссию свободного выбора и игры и не утрачивал возможности саморазвития [7, с. 227]?

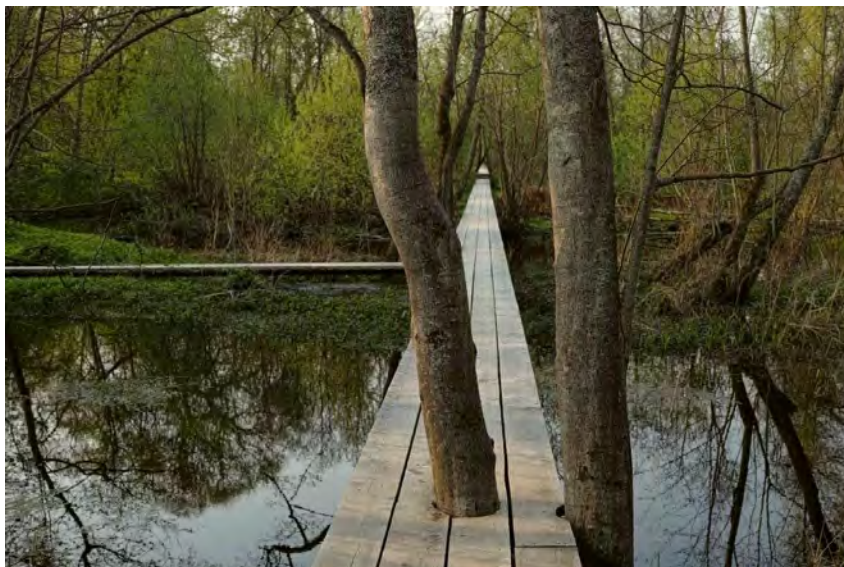
Выводы

Проведенный краткий обзор различающихся или интегрированных типологий сада приводит нас к формулированию ряда вопросов и предположений, надстраивающихся по периферии центрального сюжета: как соединить в одной стратегии сада авторскую волю (архитектурный проект) и свободный выбор субъекта?

Постиндустриальный сценарий среды выдвигает на первый план несколько сопутствующих этому сюжету концептов:

1. Свободный выбор, касающийся намерений субъекта, покинувшего (на время или навсегда) мир мегаполиса, на первый план выдвигает идею Нового Эдема, т. е. своего рода «пространства субъективных предпочтений» (свободного выбора целей).
2. Наслаждение жизнью (новый тип гедонизма) обеспечивается сменой туристического формата: вместо коллективных экскурсий «по новым местам» выбирается персональный спонтанно производимый маршрут.
3. Турист или резидент – это новый тип горожанина, интересующегося в первую очередь креативной и природной историей и ресурсами места.
4. Новый тип горожанина отделяет себя от чрезмерно ритуализированной стратегии отдыха и развлечений, предпочитая сад с соответствующей непредписывающей

> Рис. 10. Парк Веретьево. Тропа над болотом. Архитектор Александр Бродский. «Неудобная» тропа намеренно противопоставляет препятствие и комфорт, создавая метафору передвижения как личного выбора (<https://artveretevo.com>)

или упрощенной моделью; именно поэтому его не будут интересовать повсеместно разрабатываемые и внедряемые так называемые проекты благоустройства.

5. Предписывающие сюжеты теперь будут соотноситься с высоким уровнем интерпретации стратегии авторского присутствия – от полного отсутствия или анонимности (луг, овраг, старый город) до изысканной формулы медитативного «сверхперформанса» (Веретьево).

6. Новой целью дизайна сада становится умение физической адаптации авторами «естественной архитектурной формы» к смиренно воспринятому и, безусловно, могущественному феномену природы.

7. Понятие сада отчасти возвращается к Эдему как к своему мифологическому прототипу, описанному художниками как тактильная (безраздельно природная) типология бесцельного обитания и одновременно представленному историками и авторами клерикального клуба как варианты перформативных и вполне архитектурных моделей (сады Семирамиды).

8. Эдем, представляющий собой безграничное пространство и отчасти пересекающийся с Царством Небесным, но все же не являющийся таковым, предлагает новому горожанину гораздо более новые версии сада, включая любые доставляющие наслаждение природные и архитектурные (тактильные и перформативные) локусы, такие как малые уютные города, ополья, береговые пространства малых рек, заброшенные окраины, бывшие промзоны, руины, светлые рощи, овраги и все, что позволяет сохранить настроение указанного прототипа. И если этот Новый Эдем, так же как и в библейской истории с Адамом, потребует определенной заботы о саде, то для этого не возникнет препятствий: креативная стратегия среды вполне рассчитывает на «не обременительно-тягостное» участие нового горожанина в такой «поисковой работе». Сад и забота характеризуют этические нормы, относящиеся к обитателю (новому горожанину), альтернативно настроенному по отношению к мегаполису.

9. Важнейшим свойством нового сада необходимо признать его сценарный и тактильный потенциал, обеспечивающий персональный контакт посетителя с садом, что означает высокий уровень спонтанности, непредсказуемость момента, расставание с типологией массового

променада, отказ от пафосных форм и массовых стандартов прогулки.

10. Перформативный тип сада с его авторскими притяжениями остается обязательной типологией культурного пространства, сжимая формат присутствия по причине своей эксклюзивности, но его методологические основы могут переходить в сферу метафорической и медитативной ретрансляции смыслов.

Литература

1. Эдем // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эдем> (дата обращения: 20.06.2025).
2. Эдем // Православная энциклопедия «Азбука веры». – URL: <https://azbyka.ru/edem> (дата обращения: 20.06.2025).
3. Соколова, М. В. К вопросу об истории садов и парков // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2013. – № 1. – С. 9–17.
4. Botton, A. de. *The Art of Travel*. – London : Published in Penguin Books, 2003. – 261 p.
5. Лэнг, О. Путешествие к источнику эха. Почему писатели пьют. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2020. – 292 с.
6. Ревзин, Г. Парк Бродского // Парк Веретьево : путеводитель. – Москва : ИМА-пресс, 2021. – 121 с.
7. Сендра, П., Сеннет, Р. Проектировать беспорядок. Эксперименты и трансгрессии в городе. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. – 280 с.

References

- Botton, A. de. (2003). *The Art of Travel*. London: Penguin Books.
- Eden. (n.d.). *Azbuka very*. Retrieved June 20, 2025, from <https://azbyka.ru/edem>
- Garden of Eden. (2025, June 15). In *Wikipedia*. Retrieved June 20, 2025, from https://en.wikipedia.org/wiki/Garden_of_Eden
- Laing, O. (2013). *The Trip to Echo Spring. On Writers and Drinking*. Picador.
- Revzin, G. (2021). Park Brodskogo [Brodsky Park] In *Park Veret'evoy: Putevoditel*. Moscow: IMA-press Publishing House.
- Sennett, R. & Sendra, P. (2020). *Designing Disorder: Experiments and Disruptions in the City*. Verso Books.
- Sokolova, M. V. (2013). K voprosu ob istorii sadov i parkov [On the history of gardens and parks]. *Modern problems of service and tourism*, 1, 9–17.

Рассматривается история создания парка «Ермаково поле», его объемно-пространственные сюжеты, планировка, символическое наполнение. Архитектурные объекты, инженерные сооружения (пешеходные мосты) и парковая скульптура представляются элементами единой системы.

Подчеркивается значение принципа многовариантности прогулочных маршрутов как базового для планировочной структуры парка. Скульптурные мемориальные объекты представлены как самостоятельные, так и доминирующие, центральные акценты в архитектурных сооружениях. Тематическая связка Ермак – Тобольск – Сибирь – Россия стала главной для парка «Ермаково поле».

Ключевые слова: Тобольск; Ермаково поле; тематический парк; скульптура; планировка; история; Ермак./

The article considers the history of creation of the park “Yermakovo Field”, its volumetric and spatial plots, layout, and symbolic filling. Architectural objects, engineering structures (pedestrian bridges) and park sculptures are presented as elements of a single system. The author emphasizes the importance of the principle of multiple walking routes as a basis for the planning structure of the park. Sculptural memorial objects are presented as independent and dominant central accents in architectural structures. The thematic cluster of Yermak-Tobolsk-Siberia-Russia became the main for the park “Yermakovo Field”.

Keywords: Tobolsk; Yermakovo Field; theme park; sculpture; planning; history; Yermak.

Парк «Ермаково поле» в Тобольске / Park “Yermakovo Field” in Tobolsk

текст

Алексей Белоусов

РААСН

Все фотографии автора

text

Alexey Belousov

RAACS

All photos by the author

*Искусство всегда есть попытка создания
человеком некоего счастливого окружения*

Д. С. Лихачёв

Парк «Ермаково поле» расположен в ближнем пригороде г. Тобольска, в десяти минутах езды от исторического центра города на высоком, обрывистом берегу пойменной части реки Иртыш. Разница высотных отметок береговой линии в этом месте составляет 60 м.

На территории бывшего городского дома отдыха общей площадью 11,4 гектара, заброшенного в 1990-е годы, спланирован тематический парк историко-культурного направления, обладающий также обширной ботанической коллекцией.

Из того, что было задумано и спроектировано для парка, к настоящему времени уже реализована большая часть. Работа по созданию новых парковых объектов продолжается и сейчас находится в активной фазе. Но даже по тому, что осуществлено, можно уже судить, как парк будет выглядеть в окончательном виде.

Тематика парка predetermined прежде всего его уникальным местоположением в исторической столице Сибири – городе Тобольске.

Тобольск на протяжении XVI–XVIII веков был центром русского освоения Сибири и историческими узлами связан с различными важными событиями и выдающимися деятелями России. Многие из них не только жили и работали, но и родились в этом замечательном городе. Богатая история города должна была рано или поздно найти свое воплощение и в музейных экспозициях, и в парковом строительстве, прежде всего из-за уникального по красоте места расположения города. Великая история этого места и его величественный ландшафт создают «симфонический» эффект, эмоционально «резонируют» именно в парке.

Небольшая историческая справка по Тобольску: решающее для окончательного присоединения Сибири к России сражение казачьего отряда Ермака с войском хана Кучума произошло у Чувацкого мыса, находящегося сейчас в городской черте Тобольска. В период с XVII по XIX вв. сибирскими воеводами и тобольскими губернаторами были представители таких знатных дворянских родов, как Годуновы, Голицыны, Трубецкие, Шереметьевы, Долгоруковы, Гагарины, Салтыковы, Пушкины. На протяжении нескольких лет в тобольской ссылке был лидер староверов протопоп Аввакум; после окончания университета в Тобольске жил и работал сказочник П. П. Ершов. В городе находились в ссылке декабристы, многие из которых похоронены здесь же, в том числе Вильгельм Кюхельбекер. В 1917–1918 в тобольской ссылке находился последний российский император Николай II с семьей. Работая над картиной «Покорение Сибири Ермаком», сюда приезжал В. И. Суриков. В Тобольске родились великий ученый Д. И. Менделеев, художник-передвижник В. Г. Перов, композитор А. А. Алябьев, архитектор А. Ф. Кокоринов; автор Останкинской телебашни Н. В. Никитин. Город богат архитектурными памятниками XVII–XIX вв., в Тобольске находится единственный за Уралом каменный Кремль.

Все это величие исторических событий, человеческих судеб и выдающихся достижений создателю парка Аркадию Григорьевичу Елфимову хотелось отразить в архитектуре построек и мемориальных объектов на его территории.

СХЕМА
ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА
ПАРКА “ЕРМАКОВО ПОЛЕ”
В г.ТОБОЛЬСКЕ

ЭКСПЛИКАЦИЯ:

1. Главный вход
2. Пост охраны
3. Универсальный зал с оранжерей
4. Памятник Ермаку
5. Жилой корпус №1
6. Жилой корпус №2
7. Батюшкова башня
8. Подсобные постройки
9. Липовая аллея с японскими деревьями
10. Огород
11. Теплицы
12. Пруд
13. Мост через пруд
14. Ресторан
15. Навес-беседка “Полет”
16. Гостевой дом
17. Дом садовника
18. Алябьевская беседка
19. Беседка-навес “Удочники”
20. Памятник Анвакуму Петровичу
21. Памятник Алябьеву А.А.
22. Скульптура “Мать-природа”
23. Музей лауреатов премии Ф.Шопена
24. “Тягостовый” объект
25. Калитов мост
26. Часовня Св.Дмитрия Солунского
27. Памятник крест
28. Скала “Под ребяком”
29. Императорский мост
30. Радостный пруд
31. Пруд памяти
32. Памятник Д.И.Менделееву
33. Видовая площадка со скамьей
34. Памятник Сурикову В.И.
35. Видовая площадка “Ангел Сибири”
36. Навес-беседка “Перспектива”
37. Подпорная стена с гротом “Питербург”
38. Котельня

Архитектор: Белов А.В. 2020

< Рис. 1. Схема генерального плана парка «Ермаково Поле»

^ Рис. 2. Памятник В. И. Сурикову

^ Рис. 3. Памятник Ермаку Тимофеевичу

Основные достопримечательности парка размещены как вблизи границы обрыва, так и в глубине парка. С обрывистого берега открывается неповторимый величественный вид на необъятные сибирские просторы. Его созерцание – одно из главных, запоминающихся событий во время посещения парка.

Схема пешеходных дорожек парка имеет «свободный», учитывающий особенности рельефа местности, план. Береговая линия – фронт, вдоль которого разворачивается основной объемно-пространственный сюжет парка. Маршруты проложены вдоль обрывистого берега и отличаются различной глубиной «погружения» в парк. Есть и «большой» круговой маршрут. Принцип многовариантности прогулочных маршрутов – базовый для планировочной структуры парка. Особенную красоту парковым видам, обозреваемым во время прогулки, придает наличие на его территории большого количества ложбин и вытянутых холмов-«грив». Планировочные акценты авторы старались по возможности разместить равномерно по всей территории парка. Работа над схемой генплана парка велась архитектором в тесном взаимодействии с дендрологами, скульпторами и создателями ботанической коллекции.

Для Ермакова поля создано и, в основном, реализовано более двух десятков объектов. Это архитектурные объекты, инженерные сооружения (пешеходные мосты) и парковая скульптура.

Скульптура в парке представлена в двух качествах: как отдельно стоящие мемориальные объекты, так и доминирующие, центральные акценты в архитектурных сооружениях.

Отдельно стоящие парковые скульптуры:

- памятник Ермаку Тимофеевичу во входной зоне парка (скульптор К. В. Кубышкин);
- памятник художнику В. И. Сурикову вблизи обрывистого берега, рядом с перспективным видом на Чувашский мыс (скульптор М. В. Перяславцев);
- памятник композитору А. А. Алябьеву вблизи «Алябьевской» беседки (скульптор С. Г. Мильченко);
- памятник «Встреча Петра Ершова с Вильгельмом Кюхельбекером» в Березовой рощице (скульптор Н. Г. Петина);

- поклонный Крест казакам дружины Ермака рядом с Часовней Дмитрия Солунского (скульптор С. Г. Мильченко);
 - памятник протопопу Аввакуму у подножия холма Часовни Дмитрия Солунского (скульптор С. Г. Мильченко);
 - скульптура «Мать-природа» рядом с парковым садом и огородом (скульптор Н. В. Шарапов);
- Символом парка стал «Ангел Сибири» скульптора Н. В. Шарапова, установленный на видовой площадке

< Рис. 4. Памятник А. А. Алябьеву

> Рис. 5. Памятный Крест
Ермака

с одноименным названием. Площадка двухуровневая, спускающаяся каскадом по обрывистому склону. Двухуровневость площадки имеет символический смысл, связанный с градостроительным расположением Тобольска. Город крутым перепадом рельефа делится на 2 части: нагорную – там, где расположен кремль, и подгорную, где исторически в основном жили горожане и где сохранилась большая часть старинной застройки. Стилистически

> Рис. 6. Памятник
протопопу Аввакуму

видовая площадка, как и большинство архитектурных объектов парка, близка парковой архитектуре дореволюционного усадебного и дачного строительства. Это, по замыслу авторов, должно способствовать созданию «исторической» атмосферы парка.

В подобной эстетике выполнена «Алябьевская» беседка, расположенная на склоне примыкающего к парку лога, в роще которого в теплое время года поет соловей. Место расположения беседки должно вызывать ассоциации с романсом Алябьева. Проектируя беседку, хотелось избежать замкнутости, коробчатости, характерных для этого типа построек. Беседка приподнята над круговым обходом и имеет сквозные проходы, сориентированные по сторонам света.

На всех без исключения малых архитектурных формах в цветовом решении доминирует белый цвет. Белый цвет великолепно сочетается и с окружающими зелеными насаждениями и голубым небом летом, и с заснеженным пейзажем зимой.

Параллельно главной Пихтовой аллее по парку проходит «анфилада» из лужаек, с севера замыкающаяся скамьей-навесом «Перспектива», а с юга – Часовней Дмитрия Солунского. Навес выполнен во все той же белой «усадебной» эстетике. По замыслу автора его форма должна останавливать движение на завершении перспективы.

Появление в парке Часовни Дмитрия Солунского также неслучайно. Победоносная битва Ермака с ханом Кучумом у Чувашского мыса произошла накануне дня почитания св. Дмитрия, и он для Ермака стал небесным покровителем. Поэтому автор и заказчик к реализации этого проекта подошли максимально ответственно, понимая, что Часовня станет главной достопримечательностью парка. Для Часовни было определено самое эффектное место в парке – на холме, вблизи обрывистого лога, на завершении перспективной анфилады из лужаек. Аскетичная эстетика Псково-Новгородской архитектурной школы XI–XIII веков, успешно примененная А. В. Щусевым при проектировании Марфо-Мариинской обители в Москве, оказалась как нельзя кстати при создании Часовни, посвященной воинскому подвигу Ермака и его дружины. Строгая лаконичность архитектуры и вертикальная устремленность фасадов здания помогли создать

^ Рис. 7. Видовая площадка «Ангел Сибири». Фото Аркадий Елфимов

^ Рис. 8. Видовая площадка «Ангел Сибири». Фото автора

необходимое в этом случае настроение торжества и величия силы Духа. Покрытие кирпичных стен Часовни трехчастной белой известковой обмазкой хорошо проявляет на солнце фактуру кирпичной кладки и добавляет образу Часовни настроение древней старины.

Нет более любимого и уважаемого человека в Тобольске, чем уроженец этих мест Д. И. Менделеев. В честь него в городе назван главный проспект, микрорайон и установлено несколько скульптурных памятников.

Но несмотря на все это, в парке был сооружен еще один мемориальный объект, посвященный великому ученому и гражданину нашей Родины.

Памятник Дмитрию Ивановичу расположен вблизи линии обрыва на хорошо освещаемой солнцем лужайке. Бюст великого ученого, венчающий памятник, выполнил скульптор М. О. Лушников. В архитектуре памятника присутствуют темы: «триумфальная колонна», «круг почета», «сибирские корни великого человека». По пери-

< Рис. 9. Памятник протополу Аввакуму

< Рис. 10. Памятник П. П. Ершову и В. К. Кюхельбекеру

> Рис. 11. Беседка «Алябьевская»

метру памятника выполнена округлая скамья, где можно присесть, подумать. На плитах у подножия написаны все научные звания Д. И. Менделеева и изображена его периодическая таблица так, как она выглядела на момент первой публикации.

Посетителей парка встречает парадный вход с символическим названием «Казачий струг». Поход Ермака проходил речным путем; более того, освоение Сибири шло преимущественно по рекам и прилегающим к субконтиненту морям. Поэтому судоходная тема в историческом сибирском парке в принципе не могла быть проигнорирована. Крыша-козырек входной стелы архитектурно стилизована по образу весельного струга, идущего при попутном ветре по иртышским волнам. Входная калитка и ворота стилизованы под кольчугу Ермака. Элементы ограждения выполнены в технике «кольчужнойковки». Над калиткой – фонарь «Шлем Ермака».

Рядом с главным входом в парк располагается пост охраны с кассой. Башни Ленского и Илимского острогов послужили прототипами для этого паркового объекта. Кровля этой «сторожевой башенки» из лиственничной

доски выполнена по старинной технологии, без применения рулонной гидроизоляции.

Важнейшей тобольской исторической темой, которая должна была быть отражена или ассоциативно обозначена в парковых объектах – это тема пребывания в 1917–1918 императора Николая II с семьей. Заказчиком планируется осуществить целый комплекс сооружений, посвященный Императорской ссылке в г. Тобольск. Комплекс включает объекты: подпорная стенка «Петербург», арочный Императорский мост пролетом 29 м и каскад из 3 прудов с названиями «Радостный пруд», «Триумф Империи», «Пруд памяти». Арочный мост переброшен через пруд «Триумф Империи».

К настоящему времени полностью готова только подпорная стенка «Петербург» с Львиным гротом-фонтаном. Объект выполнен в красном граните в стилистике, близкой петербургскому классицизму. По другим объектам комплекса продолжают строительные работы: смонтировано основное арочное пролетное строение моста, средствами вертикальной планировки формируется чаша каскада прудов.

Участок парка «Ермаково поле», можно сказать, имеет «островной» характер. Он зажат с восточной и южной сторон логами с пологими склонами глубиной 15–18 м, а с западной стороны – обрывистым берегом пойменной части Иртыша высотой 60 м.

В восточном логу, имеющем вытянутую форму, сейчас ведутся земляные работы по формированию зеркала Большого пруда. Пруд будет иметь в центральной части сужение-горловину, через которую также будет перекинут арочный мост. Арочные мосты – характерная черта этого парка. Готовый к настоящему времени Малый арочный мост перекинут через лог, находящийся вблизи Часовни Дмитрия Солунского.

На берегу будущего Большого пруда уже сформирован мыс, на котором будет располагаться еще одна достопримечательность парка – навес-беседка «Полет». Фундаменты под навес уже выполнены.

Кроме того, на территории парка за последние 10 лет построены гостевой дом и дом садовника с оранжереей. Но самым крупным объектом, который предполагается возвести в будущем, должен стать музей лауреатов премии имени Федора Конюхова, учрежденную фондом

> v Рис. 12–13. Скамья с навесом «Перспектива»

«Возрождение Тобольска», основателем которого является создатель парка А. Г. Елфимов. Сам Федор Конюхов неоднократно бывал в парке. Более того, идея построить Часовню Дмитрия Солунского принадлежит именно ему.

По музею в настоящее время ведутся проектные работы. Тема путешествий Федора Конюхова в образе здания реализована, по замыслу автора, через ассоциации, связанные с впечатлениями от небесного полета и морского путешествия. Две взаимно пересекающиеся кровли, одна в форме крыла и другая – в форме перевернутой лодки символизируют две стихии, в которых Ф. Конюхов путешествовал. Это Небо и Океан.

На примере создания парка «Ермаково поле» можно немного порассуждать, насколько велика роль Заказчика в архитектурном творческом процессе. Работая над парком на протяжении 17 лет, могу с уверенностью констатировать, что работа шла в творческом плане достаточно легко. Если доверие Заказчика к Автору является полным и безоговорочным – это мощнейший стимул для вдохно-

< Рис. 14. Часовня
Дмитрия Солунского

^ Рис. 15. Главный вход в парк

венной творческой работы. Заказчик, искренне доверяющий Архитектору, по моему мнению, является полноценным Соавтором архитектурного произведения. Таким Заказчиком с большой буквы является создатель парка «Ермаково поле» Аркадий Григорьевич Елфимов.

Работая над парком, какие задачи я решал и к каким выводам и обобщениям я пришел?

Это:

- прогулка по парку должна быть счастливым, радостным, праздничным событием в жизни человека;
- родная история и родная культура должны присутствовать в парковой тематике. Парк я воспринимаю как символ Родины;
- сочетание сильного Места и сильного историко-культурного Сюжета работают в данном месте «симфонически», рожают в Душе посетителя чувство восторга, эмоционального резонанса. Тематическая связь Ермак-Тобольск-Сибирь-Россия – базовая для парка «Ермаково поле»;

> Рис. 16. Подпорная стенка «Петербург»

– было стремление добиться эффекта легкости, поэтичности, считываемости образов для не очень сильно искусленного в ассоциативных связях зрителя. Поэтому в характере архитектуры парковых объектов присутствует литературность, историчность, фигуративность, соответствующие духу данного Места (*genius loci*). Настоящая Достопримечательность всегда уместна;

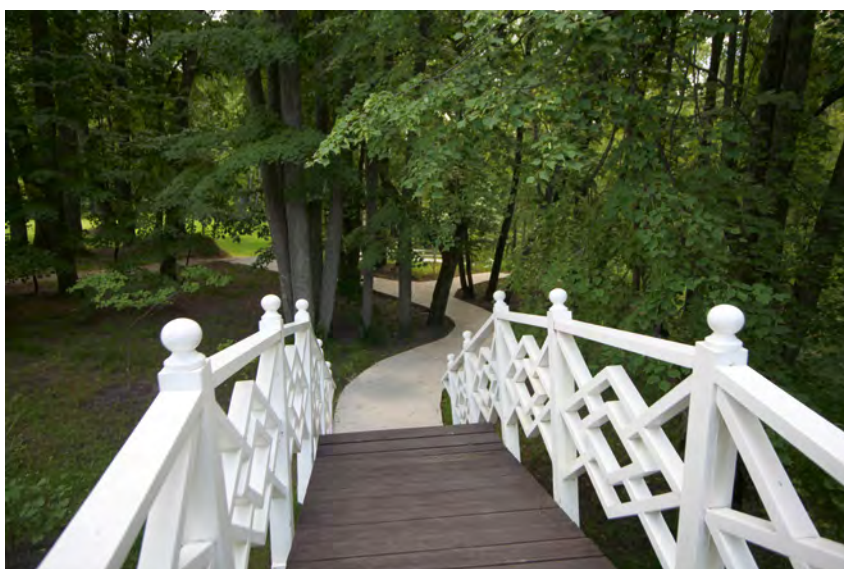
– СИБИРСКИЙ ПРОСТОР стал одним из главных парковых сюжетов. Тема Полета, устремленности Ввысь присутствует в Образах большинства объектов парка;

– задача Архитектора – не только помогать людям быть счастливыми, но и дать им возможность искренне, по-настоящему любить свою Родину, место, где они родились и живут. Чувство Родины в творчестве Архитектора должно быть базовым, основополагающим;

– в природном ландшафте Часовня «делает храм» окружающее ее пространство. Если в городе часовня – это часто «вещь в себе», то на природе она прежде всего «работает» вовне.

Парк «Ермаково поле» был дважды отмечен на архитектурных конкурсах общероссийского уровня: в 2022 на смотре-конкурсе лучших архитектурных произведений ЗОДЧЕСТВО–2022 дипломом лауреата; в 2024 на XV Национальной премии России по ландшафтной архитектуре и садово-парковому искусству – бронзовым дипломом.

Отдельная благодарность автора за плодотворное сотрудничество дендрологу парка Мурзиной Марине Викторовне и составителю ботанической коллекции Каракулову Анатолию Владимировичу.

< Рис. 16. Памятник Д. И. Менделееву

> Рис. 17–18. Малый арочный мост

Описываются идеи проекта «Парк-театр» в городе Черемхово Иркутской области, победившего во Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды – 2022. Ключевая идея концепции – ревитализация центрального городского парка, основанная на культурном коде города и энергии местных сообществ. Представлена краткая ретроспектива города, являющаяся обоснованием выбранной темы концепции, а также результаты реализации спустя два сезона работы парка.

Ключевые слова: малые города; культурный код; благоустройство; парк; театр. /

The article describes the ideas for the “Park-Theater” project in the city of Cheremkhovo, Irkutsk region, which won the All-Russian competition for the best projects for creating a comfortable urban environment in 2022. The key idea of the concept is the revitalization of the central city park based on the cultural code of the city and the energy of local communities. The article presents a brief retrospective of the city, justifying the theme chosen for the concept, as well as the results of the implementation after two seasons of the park’s operation.

Keywords: small towns; cultural code; beautification; park; theater.

«Парк-театр» в Черемхово / “Park-Theatre” in Cheremkhovo

текст

Анастасия Холявко

Сибирская лаборатория
урбанистики (Иркутск)

Алексей Козьмин

Сибирская лаборатория
урбанистики (Иркутск)

text

Anastasia Kholiyavko

Siberian Urban Lab (Irkutsk)

Alexei Kozmin

Siberian Urban Lab (Irkutsk)

Парк культуры и отдыха в Черемхово – ключевой рекреационный элемент города, располагающийся на одной из главных магистралей по соседству с такими объектами притяжения регионального уровня, как стадион «Шахтер» и Драматический театр имени Владимира Гуркина. Парк основан в 1924 году и на протяжении уже 100 лет сохраняет свою уникальную природную среду. В нем имеются единственные в Черемхово реликтовые голубые ели, высаженные в год основания парка, краснокнижные растения и живут краснокнижные птицы и млекопитающие. С 1937 года парк стал комплектоваться аттракционами, и благодаря множеству культурных программ жители называли его «санаторием одного дня». Спустя десятилетия парк прошел через множество трансформаций, но не потерял свою особенность: он все так же является территорией развлечений и отдыха, включающей естественные участки леса. В 2023 году в рамках реализации проекта-победителя «Парк-театр» VI Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды (2022) было проведено масштабное обновление парка, которое дало мощный толчок к его развитию, а также развитию туризма в Черемхово.

Главным делом черемховцев на протяжении всего XX века оставалась добыча каменного угля. Государство включало Черембасс в число ведущих угольных районов и проводило несколько крупномасштабных перевооружений и перестроек угледобывающих предприятий. Важнейшим этапом развития Черемхово стала эвакуация в город военно-промышленных и других предприятий из западных регионов страны в годы Великой Отечественной войны: это завод им. Карла Маркса (производство оборудования для угольной промышленности, г. Варварополье), Ленинградский аккумуляторный завод, швейная фабрика головных уборов им. Лозовского (Одесса), макаронная фабрика (Кременчуг), Веневская электростанция (Тульская область), а также Ленинградский горный институт. С прибытием эвакуированных предприятий и учреждений город принял персонал с семьями и граждан из прифронтовых территорий, общее число которых составило более 14 тыс. чел.

Во время войны особая задача по моральной поддержке возлагалась на культуру и искусство: черемховские

артисты уступили свою сцену эвакуированным театрам Харькова, Одессы, Московскому театру имени Ермоловой. Все это повлияло на развитие культуры в Черемхово.

В период экономического подъема 1950–1960 годов (пик численности населения Черемхово составил 124 тыс. чел. в 1955-м) наряду с угольной отраслью интенсивно развивался Черемховский драматический театр, выпускавший по 10–15 премьерных спектаклей в год. В те же годы собралась сильнейшая труппа театра (насчитывала более 40 артистов), что сформировало творческую интеллигенцию города. В конце 1960–1970-х годов в репертуаре театра появляются пьесы драматургов, родившихся или живших в Черемхово и Иркутской области. Так, одним из первых Черемховский драматический театр поставил «Прощание в июне» тогда еще мало кому известного Александра Вампилова. Потом появились спектакли по пьесам Михаила Ворфоломеева «Полынь», «Святой и грешный» [1].

Особый вклад в развитие театральной культуры города внес черемховец Владимир Гуркин, известный в первую очередь по пьесе «Любовь и голуби», написанной в 1981 году. Отрывки из нее он охотно читал друзьям. Многих удивляло слишком простое название, на что Гуркин отвечал: «Пьеса должна называться так же, как хороший индийский фильм». Он был убежден, что хорошая пьеса может родиться только из настоящей жизни [2]. В основу этого произведения легла реальная история черемховской семьи Кузякиных – соседей Гуркиных. «Мы знали Кузякиных, с ними в одном доме жили, они на первом, а мы на втором, над ними. Василий как пойдет на работу, так все голуби за ним и летят. Голуби, как люди, они все знают, все чувствуют», – рассказывала Валентина Гуркина, мама Владимира Гуркина.

Первые пьесы были поставлены режиссером Г. Тростянецким на сцене Омского театра драмы в 1982 году. Тогда же пьеса появилась и на сцене театра «Современник» (режиссер В. Фокин) в Москве, где Владимир Меньшов впервые увидел постановку и сразу понял, что это готовый сценарий к его новой, после фильма «Москва слезам не верит», экранизации. Из этой реальной истории реальных людей Меньшов и Гуркин создали сценарий, на работу над которым ушло не больше месяца.

Проект: «Парк-театр» – благоустройство Парка культуры и отдыха

г. Черемхово Иркутской области

Заказчик: администрация города Черемхово

Концепция:

ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (главный архитектор А. Холявко)

Проект, авторский

надзор: ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» при участии ООО «СИПЦ» (ГАП – А. Холявко, ГИП – П. Ковшаров)

Подрядная организация:

ООО «ПСК "Гранит"», Черемхово

В 1984 году был снят фильм, получивший невероятную популярность: за полгода после выхода на экраны его посмотрело более 40 млн зрителей. «Любовь и голуби» и по сей день остается одной из любимых и популярных кинокартин страны, а для Черемхово – частью его культурного кода.

В 2002 году Владимир Гуркин приехал на малую родину и поставил спектакли по своим пьесам «Прибайкальская кадрили», «Плач в пригоршню», «Веселая вода печали» («Саня, Ваня и Римас с ними»). Незадолго до смерти, в мае 2010 года, он начал работу над спектаклем «Любовь и голуби», но проект остался неосуществленным [1].

В 2011 году указом губернатора Иркутской области Дмитрия Мезенцева Черемховскому драматическому театру было присвоено имя Владимира Гуркина, а в 2022-м творчество Владимира Павловича и театральная жизнь Черемхово легли в основу концепции благоустройства Парка культуры и отдыха.

Проект «Парк-театр» собирает в себе множество театральных смыслов, многие из которых связаны с творчеством Владимира Гуркина и мотивами фильма «Любовь и голуби»: различные театральные подмости – часть благоустройства для проведения плановых мероприятий и создания новых экспромтов, для спокойного и активного отдыха. Это парк для черемховцев и гостей города, где каждый, от мала до велика, найдет свое место на сцене и в зрительном зале.

Проект воссоздает некоторые утраченные функции парка и определяет новые смыслы территории, которые гармонично вписаны в сложившуюся планировочную структуру. Почти все преобразованные территории – существующие площадки, свободные от насаждений. Новые пространства созданы на основе бережного отношения к природе: в период стройки под снос попало только несколько аварийных берез и кустарников, сосны и ели сохранены, некоторые из них стали акцентным планировочным элементом.

Сформировано несколько ключевых функциональных зон, наполненных разными смыслами и сценариями. Так, создана входная «камерная» площадь – лицо парка, которой было уделено особое внимание. Ключевой объект

площади – круглогодичный павильон музея Владимира Гуркина, ставший не только одним из главных объектов парка, но и новой точкой притяжения жителей и гостей города. Павильон представлен универсальным пространством, которое совмещает в себе музейную функцию и коворкинг с интерактивным оборудованием для детей. Мастер-классы для дошколят и подростков проводятся ежедневно, тематическая программа мероприятий обновляется каждый месяц. Для старшего поколения музей регулярно работает как кинозал, вечер в котором можно провести за просмотром фильма «Любовь и голуби».

Главный фасад павильона, ориентированный на площадь, используемую для проведения различных мероприятий, является интерпретацией фасада дома Кузякиных. Рядом располагается беседка «Голубятня», под крышей которой сразу свили гнездо местные пернатые. Совокупность организованных пространств дала колоссальный социальный эффект. Благодаря активной работе коллектива музея был выигран грант на расширение павильона, которое осуществится в 2025 году. Годом ранее была инициирована установка новых малых архитектурных форм: книжные постаменты с цитатами из фильма, фото-зона с наличниками – каждый элемент среды погружает в атмосферу киношедевра Владимира Меньшова.

В контексте продолжения творчества Владимира Гуркина в лесной части парка организован «Курорт органов движения» – оздоровительная рекреационная территория с уникальными малыми архитектурными формами и уличными тренажерами, один из которых интерпретирует тренажер из фильма. Разнообразие тренажеров позволяет провести полноценное занятие – начиная с кардиотренировки и заканчивая растяжкой. Расположение площадки в лесной зоне позволило сформировать уединенное пространство для занятия спортом, что важно для многих жителей, особенно среднего возраста, которым необходимо уединение и отсутствие транзита.

Трансформация танцевальной площадки парка, которая ранее была изолирована ограждениями и использовалась по назначению только в период проведения крупных мероприятий, открыла городу новую событийную площадь «Кадрили». Изюминкой места стал универсальный павильон со встроенной сценой. Главный вход

1. Парк культуры и отдыха города Черемхово является муниципальным бюджетным учреждением культуры, постоянный штат – 5 чел., в летний сезон – 52 чел. Наличие администрации парка позволяет содержать и развивать территорию общей площадью 14 га.

павильона обращен к стадиону «Шахтер», а задний фасад с противоположной стороны, являющийся сценой, – на площадь. Внутри размещены помещения для администрации¹ парка (ранее существовавший павильон был утрачен), теплый склад для содержания территории, туалеты, в том числе для маломобильных групп населения, комната матери и ребенка и небольшой холл, который служит гримеркой во время проведения крупных мероприятий. Вход на площадь сформирован зоной ожидания, местом притяжения которой является фотозона «Прибайкальская кадрили» – конструкция-декорация по мотивам пьесы В. Гуркина «Прибайкальская кадрили».

Главная площадь в парке (по проекту – Буфетная) исторически сформирована торговыми павильонами

и кассами. Одной из ключевых проблем, с которым столкнулся парк на этапе разработки концепции, – хаос и визуальный «шум» множества контейнерных павильонов. Ставилась задача обновить все торговые объекты согласно дизайн-коду, не потеряв при этом предпринимательскую деятельность в парке. Якорем Буфетной площади стали реликтовые голубые ели, вокруг которых спланировано новое пространство для коммерческой деятельности: павильоны с игрушками, готовым питанием, мороженым, сладкой ватой, игровыми автоматами и многим другим. Из новшеств – появилось круглогодичное кафе. В год реализации проекта было установлено девять новых павильонов за счет частных инвестиций (объекты находятся в собственности у предпринимателей), и три

ЗАДУМКА

Амфи и кафе

Мастер

Прибайкальская кадрили

Касса

КОНЦЕПЦИЯ

Музей П. Буркина, парковая площадь и фотозона «Прибайкальская кадрили»

Белая зона парка

Фотозона

Мастерская

РЕАЛИЗАЦИЯ

Новые точки размещения в кафе – музей и фотозона

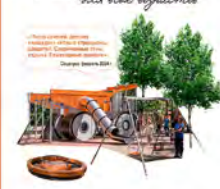
Новое место для массовой интерактивной игры

Новое место торговли в парке

Зона для всех возрастов

павильона за счет бюджетных средств (объекты принадлежат парку культуры и отдыха, предпринимательская деятельность осуществляется на условиях аренды). После первого успешного сезона парка на инвестиционные проекты подали заявки новые предприниматели – реализовано еще три павильона, облик которых соответствует проектным решениям. Всего на 2025 год в парке осуществляют свою деятельность 13 предпринимателей.

В едином стиле, согласно дизайн-коду, реализованы новые павильоны под тир (один объект находится в собственности парка, другой был построен предпринимателем в год реализации парка, и еще один – после). Активно обновляются аттракционы и приобретаются новые. За два сезона работы после обновления парка по сравнению с 2021 годом выручка выросла на 76% (в день официального открытия парка 1 июня 2024 года выручка составила более 1 млн руб. – рост в два раза по сравнению с доходами прошлых лет), количество прокатов на аттракционах возросло на 22%, средний чек проката увеличился в 1,5 раза, а количество продаваемых абонементов – в 1,6 раза.

Помимо этого, отреставрированы советские скульптуры, которые сформировали ретроуголок; установлены беседки; устроены две детские площадки, одна из которых – тематическая (посвящена теме добычи угля); сформирована новая событийная площадь, где устроен пешеходный фонтан, обновленная зимняя горка, пространство для водного батута (новая для парка предпринимательская деятельность) и уникальные качели со «звездным» навесом «Эх, Вася, Вася».

Во время разработки и реализации проекта жители города Черемхово принимали в нем активное участие. Было проведено несколько сессий соучаствующего проектирования, встречи на территории парка. Большой вклад в проект внесли сотрудники городского музея, администрация города Черемхово и лично мэр Вадим Семёнов, активно участвовавший в проекте и постоянно контролировавший процесс его реализации на территории.

Победа во Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды стала стимулом для дальнейшего ускоренного развития благоустройства и появления новых локаций в парке, в том числе за счет

средств частных инвесторов и в целом активизировала и мотивировала городское сообщество на создание новых проектов.

«Все сошлось! Звезды сошлись!» [2] – таков комментарий Владимира Меньшова о фильме «Любовь и голуби», а также слова, которыми закончилась разработка концепции в 2022 году и которыми можно подытожить результаты реализации проекта сегодня, спустя три года. Об этом свидетельствует и увеличившийся трафик посещаемости (как летом, так и зимой), обновленная событийная программа, которая стала еще насыщеннее и разнообразнее, и положительные отзывы горожан и гостей города. Черемхово – замечательный город со своей историей, сильными и искренними жителями и невероятной культурной средой.

Литература

1. Черемховский драматический театр имени В. П. Гуркина. – URL: <https://cheremteatr.ru/teatr> (дата обращения: 04.06.2025).
2. «Любовь и голуби. Рождение легенды»: документальный фильм о легендарном фильме // Первый канал. – URL: <https://www.1tv.ru/doc/pro-kino-i-teatr/lyubov-i-golubi-rozhdenie-legendy> (дата обращения: 24.05.2025).

References

- Cheremkhovo Drama Theatre named after V. P. Gurkin.* (n.d.). Retrieved June 4, 2025, from <https://cheremteatr.ru/teatr>
- “Lyubov i golubi. Rozhdenie legendy”: Dokumentalnyi film o legendarnom filme [Love and pigeons. Birth of the legend: Documentary about the legendary film].* First channel. Retrieved May 24, 2025, from <https://www.1tv.ru/doc/pro-kino-i-teatr/lyubov-i-golubi-rozhdenie-legendy>

Реализация Водно-ландшафтного парка в г. Ачинске на реке Чулым началась уже в этом сезоне. В поиске решений авторы охватывают масштаб от использования методологических и интуитивных моделей до масштаба дизайна узлов и архитектурных деталей. В качестве базового ориентира формирования города как органичного устойчивого механизма авторы подчеркивают, что **ЧЕЛОВЕК, ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СРЕДА ЕГО ОБИТАНИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ПРИРОДНОГО ЕСТЕСТВА** – главный принцип проектирования.

Ключевые слова: студия «АДМ»; проектирование; водно-ландшафтный парк; Ачинск; рекреация; городская идентичность; градообразующий каркас. /

The implementation of the Water Landscape Park in Achinsk on the Chulym River began this season. In search of solutions, the authors cover the scale from the use of methodological and intuitive models to the scale of node design and architectural details. The basic guideline in the process of formation of the city as an organic sustainable mechanism is "man, their activities and their living environment as an integral part of the natural environment".

Keywords: ADM studio; design; water and landscape park; Achinsk; recreation; urban identity; urban framework.

^ Западный макрорайон Красноярского края

Неоконченная история. Парк в Ачинске / An unfinished story. Park in Achinsk

текст

Алексей Мякота

студия «АДМ»

(Красноярск)

Лидия Грибакина

студия «АДМ»

(Красноярск)

text

Alexei Myakota

ADM studio (Krasnoyarsk)

Lidia Gribakina

ADM studio (Krasnoyarsk)

Осознавая, что работа над каждым новым проектом – это процесс, состоящий из кусочков пространства и времени, сплетающихся в единый поток с личной жизнью архитектора, мы понимаем, что от того, насколько глубоко и содержательно мы погружаемся в природу места и ценности там проживающих людей, настолько и наша жизнь становится осознанной и интересной.

Авторы

Наша студия «АДМ» была приглашена для проектирования набережной в Ачинске на Чулыме – на пойменной территории, отделяющей город от реки, на которой также находятся устья трех малых рек: Ачинка, Тептянка и Мазулька. Это место обладает удивительным, специфичным водно-ландшафтным своеобразием. Мы анализировали площадку, ее связь с городской застройкой и задавались вопросом, почему она до сих пор не благоустроена, не освоена. Так возникло предложение к администрации: сделать комплексную проектную концепцию, учитывая потенциал этой территории как водно-ландшафтного парка, и найти решение для его органичного включения в городскую ткань. Системно рассматривая объект в структуре города, мы стали выявлять рекреационно-общественный каркас и воспринимать проектируемую площадку как его часть. Мы также пытались найти, определить конкретные и стратегические объекты и территории, связанные с местом, способные сформировать точки роста для города.

Парк рассматривается не только как типологическое абстрактное пространство, а в первую очередь как часть рекреационного каркаса, который, в нашем представлении, вместе с зеленым, природным, общественным, коммуникационным, экологическим, социальным, культурным и другими является частью базового **ГРАДООБРАЗУЮЩЕГО КАРКАСА ГОРОДА**. Поэтому мы считаем, что **ПАРК КАК РЕКРЕАЦИЯ ДОЛЖЕН СООТВЕТСТВОВАТЬ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНОМУ СВОЕО-**

БРАЗИЮ ТЕРРИТОРИИ, отражая это в формируемой среде, предоставляя соответствующую архитектуру и инфраструктурные услуги.

Рассматривая работу над проектом как системную, поэтапную и закончив разработку 1 этапа создания Водно-ландшафтного парка, мы решили представить его на международном архитектурно-дизайнерском конкурсе «Rethinking The Future Awards 2025», где критериями оценки архитектуры является устремленность на поиск вдохновения для будущего архитектуры и креативных стратегических решений глобальных проблем. В этом году в конкурсе участвовало более 1200 заявок из более чем сорока стран. Недавно были объявлены результаты, и наш проект в номинации «Общественный ландшафт» занял второе место. Призовые места в конкурсе также получили еще два российских проекта. А, например, бюро «Zaha Hadid Architects» участвовало несколькими проектами, и три из них стали победителями.

Мы были очень рады такой победе, и нам показалось, что важным моментом в оценке проекта было подчеркивание той роли профессии, где архитектор-градостроитель выступает в разных ипостасях и демонстрирует особую **РОЛЬ ИНТЕГРАТОРА МЕЖВЕДОМСТВЕННЫХ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СМЫСЛОВ И ПРОГРАММ**. Особое значение имеет наша попытка уйти от субъективных факторов во взаимодействии с административной властью, желание найти более объективные модели, обращаясь к методологической организационной деятельности, к построению механизмов взаимодействия с ведомственными городскими и региональными структурами в интересах сообществ и жителей Ачинска. Вспоминая увлечение молодости (красноярские семинары Щедровицких) и опираясь на методологию, разработанную студией «АДМ», мы в этой работе пробуем и развиваем **СОЦИАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТНОГО ПРОЦЕССА И МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТОМ В АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**. Считая эту тему очень важной

^ Проектная схема формирования третьего общественного центра города

в современной проектной действительности, мы решили уделить ей внимание в этой статье.

Для работы нам необходимо было выстроить пространство диалога с жителями – носителями городской идентичности. Совместно с администрацией города мы организовали междисциплинарную площадку, куда были приглашены представители ведомств городской администрации, промышленных предприятий и крупного бизнеса, участники ассоциации среднего и малого бизнеса, представители различных городских сообществ, общественные лидеры и инициативные горожане. В этой группе шла работа, определяющая программу развития городских стратегий, формирующая реальный инвестиционный план, в которой АРХИТЕКТОРЫ-ГРАДОСТРОИТЕЛИ ВЫСТУПАЛИ В РОЛИ МЕТОДОЛогов-КОММУНИКАТОРОВ, выявляющих, формирующих совместно с горожанами основные ценностные критерии качества городской среды, ее своеобразие.

Когда работа с Ачинском только начиналась, произошли определенные изменения в федеральной политике по отношению к системам расселения: в Красноярском крае в экономгеографическом пространстве стал формироваться новый подход, структурирующий СИСТЕМУ МАКРОРАЙОНОВ И ОПОРНЫХ ГОРОДОВ.

В развитии этого нового осмысления системы дискретного расселения мы через собственный проектный опыт увидели возможности и определенный потенциал для работы с идентичностью поселений, пространственно-функциональной спецификой места и индивидуальным развитием городов, основанном на их уникальности.

Рассматриваемые в контексте абстрактно-пространственных композиционных построений, дискретные сетевые модели расселения, имеющие в своей структуре «узловые» и «связевые» элементы, являются наиболее устойчивыми. Их «узлы», сопоставляемые с масштабом отдельных поселений, не обладая всей содержательной функциональной наполненностью, строятся в системе

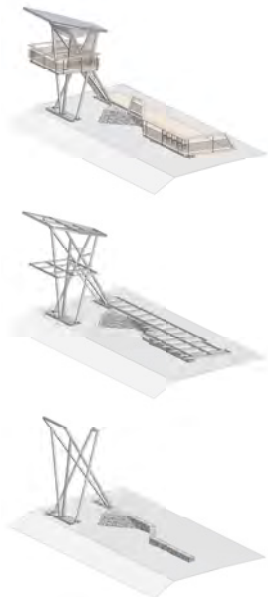
v Архитектурно-концептуальное видение объектов, формирующих прибрежный фасад города и пространство его «балконов», простирающихся коммуникацию между городской тканью и парком

ОЙ ПЛОЩАДИ С ИНФРАСТРУКТУРНЫМИ ОБЪЕКТАМИ

5 НОВЫЙ ЖИЛОЙ РАЙОН «АВИАТОР»

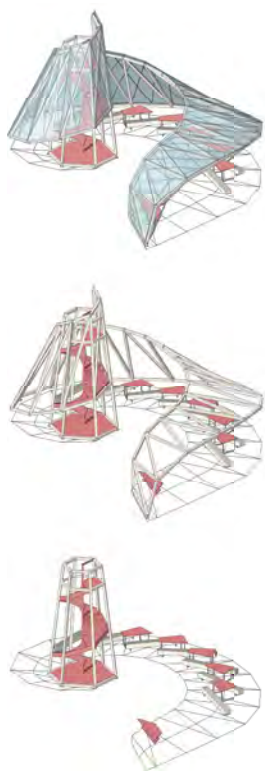

^ Вышка для спасателей и видовая терраса

v Навес – Видовая башня

макрорайона и регионального масштаба по принципу взаимодополняемости.

Переходя из пространства абстрактного рассуждения на примере сетевой модели, включающей РЕГИОН, МАКРОРАЙОН И ОПОРНЫЙ ГОРОД, выявляются свойства поселений. Каждое из них отличается как в области уклада жизни, так и в специфике экономической, историко-культурной, социальной, спортивно-туристической, образовательной, здравоохранения, экологии и т. д. Тематическое и функциональное своеобразие развития городов провоцирует активацию всего макрорайона посредством существующих или проектируемых связей; происходит естественное тяготение друг к другу. Это активизирует коммуникацию между ними, формируя полноту жизненных процессов для жителей территорий (при этом ряд функциональных объектов может появляться только в городах и поселениях с достаточным статусом и количеством жителей).

Сегодня Ачинск административно выделен как опорный город западного макрорайона Красноярского края. Такой статус определяет масштаб и изменения содержательного качества как существующих, так и вновь возникающих в нем инфраструктурных объектов. Цель нашего проекта заключается в том, чтобы объединить различные ресурсы и инвестиции для создания архитектурного многофункционального инструмента, в котором ВОЗРОСШИЕ ПРИРОДНЫЕ ЦЕННОСТИ С ОБЩЕСТВЕННЫМ ДОСТУПОМ К ПРИРОДЕ ИДУТ РУКА ОБ РУКУ, СОХРАНЯЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, основанную на сложившемся укладе, специфике и интересах сообществ.

История и градостроительные стратегии в преобразовании города Ачинска

Ачинск – исторический купеческий город в Сибири, основанный в 1683 году на территории, природный каркас которой образован оврагами малых рек и имеет ярко

выраженную ландшафтную структуру с тремя уровнями. С верхней ландшафтной террасы открываются видовые и панорамные точки обзора; от нее рельеф понижается в сторону реки до средней террасы, к которой через резкий перепад высоты примыкает нижняя пойменная территория, намытая изменчивым руслом Чулыма и устьями трех малых рек.

Участки города, ограниченные речными оврагами, исторически застраивались по принципу «слободы» – локальных планировочных сеток. Разорванная реками, дорожная сеть имела не совпадающие направления на разных берегах. Поэтому в застройке города нет дальних перспектив и ощущения связанности районов, отсутствуют выраженные архитектурные визуальные акценты, определяющие городские ориентиры.

Развитие рекреационного каркаса города, формирование недостающих велосипедных и коммуникаций для маломобильных групп населения между его существующими и проектируемыми элементами, а также создание промежуточного пространства-посредника – «ГОРОДСКОГО БАЛКОНА» на границе перепада рельефа между тканью города и водно-ландшафтным парком позволяют направить градостроительное развитие Ачинска в более комфортное и экологичное русло, используя все потенциалы места для последовательного преобразования его в ГОРОД-ПАРК.

Центральная часть водно-ландшафтного парка – первая очередь его благоустройства – в структуре поселения и рекреационного каркаса становится своеобразным ТРЕТИМ ОБЩЕСТВЕННЫМ ЦЕНТРОМ ГОРОДА, наполненным различными инфраструктурными функциями, рассчитанными как на потребности жителей Ачинска, так и всего западного макрорайона края.

Концепция также предлагает осмысление и формирование нового речного ФАСАДА ГОРОДА, рассматриваемого с прибрежной территории парка, который становится

v Развертка набережной – Променада

ООО «АДМ» – «Архитектура
Дизайн Моделирование»
Авторский коллектив:
Алексей Мякота – автор,
главный архитектор
Лидия Грибакина –
соавтор, архитектор
Елена Елизарова –
главный инженер
При участии: Александра
Емашкина
Площадь: 146 га
Год: 2023–2025
Местоположение: Ачинск,
Красноярский край, Россия
Визуализации:
ООО «АДМ», Михаил
Криворотов, Анастасия
Орлова, Анастасия
Шлокина

город и парк / a city and a park

одним из элементов целостного восприятия и создания образного ощущения города. Объединяющиеся фасад города и пространство «городских балконов» позволяют сформировать перспективное раскрытие города на природный ландшафт в сторону реки Чулым к безграничным панорамам-далям, переформатируя менталитет города на диалог с природой и параллельно решая задачи создания спусков-связей между ландшафтными уровнями – выходов из города в парк через поперечные улицы и дороги.

Архитектура и то, как мы ее осознаем

Апеллируя к осмыслению пространства во всех его масштабах посредством дискретно-сетевого подхода, мы рассматриваем конкретное место как существующую пространственно-геометрически выраженную «энергию», закономерно структурируемую и состоящую из «узлов» и «связей». В такой системе поиск будущей архитектуры – это СИНТЕЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ЭНЕРГИИ» КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ МЕСТА (в том числе характера городской застройки) С «ИНТЕЛЛЕКТОМ» ПРИРОДНЫХ ЗАКОНОВ ТЕРРИТОРИИ. Выявляя и сохраняя ее сущностные свойства, мы и находим определяющие принципы формообразования объектов и композиционно-планировочной ткани парка.

ГЛАВНЫЙ ПРИНЦИП ПРОЕКТИРОВАНИЯ ВОДНО-ЛАНДШАФТНОГО ПАРКА – это приоритет рекреационно-природной основы территории: сохранение естественных ландшафтов и растений, развитие био- и зооразнообразия, зонирование территорий по активности посещения, создание мест наблюдения за болотной фауной островов и недоступных береговых зон как мест обитания и гнездования птиц, предотвращение эрозии и размывания береговой полосы Чулыма, очистка проток от мусора, восстановление части проток и стариц (расширение, углубление, применение шлюзов и традиционных

конструкций регулирования уровня воды и ее очистки), а также их экологичное взаимодействие с малыми реками для восстановления водно-ландшафтной экосистемы природного каркаса места. Учитывая экологическую ценность места, мы выявили необходимость в создании системного инженерно-водного проекта экологически устойчивого развития водно-ландшафтной экосистемы.

На территории парка создаются органично интегрированные, минимальные по площади «урбанизированные» инфраструктурные центры. Один из них – в центральной зоне в районе входа в парк с ул. Зверева (1 этап), другой – рядом с существующей понтонной переправой – створом будущего моста, где появится участок капитальной набережной (2 этап). Оба участка будут закольцованы большим велопешеходным маршрутом, соединенным с коммуникациями городского рекреационного каркаса. На лесных и луговых территориях возникнут экотропы, чтобы исключить хаотичное вытаптывание ландшафтов.

В зонах водно-болотных территорий предполагается восстановление биологического баланса водоемов за счет высадки в них болотных растений и создания зон регенерации, а также организация безопасных для людей и ландшафта прогулочных дорожек на винтовых сваях, тихих площадок и террас над водой для отдыха, релакса и созерцания.

В рамках утвержденной заказчиком концепции развития водно-ландшафтного парка вся территория системно разделена на этапы и очереди реализации и, в продолжение двух уже строящихся участков, начато проектирование еще двух очередей парка к реализации в следующем году. Процесс, запущенный в Ачинске, находит отклик в региональных отраслевых программах и в интеграции городских сообществ, позволяет выстраивать не только инвестиционную программу, но и видеть жителям шаги в будущее качество города.

v Павильон проката лодок

43

проект байкал 3(85) project baikal

Концепция бизнес-парка, имеющая семидесятилетнюю историю, успешно реализовавшись в разных странах, не потеряла актуальности и сегодня. Рассмотренные примеры мирового опыта демонстрируют основные подходы к проектированию бизнес-парков в разные периоды, позволяют судить о том, как расширялся спектр их функций, как они адаптировались к нуждам общества, отражая тенденции современной градостроительной деятельности и ландшафтной архитектуры. Особое внимание уделено парковой составляющей исследуемого объекта, содержательная часть которой сфокусирована на устойчивом развитии территории, сохранении и увеличении биоразнообразия. Рассмотрен пример бизнес-парка в Красноярске.

Ключевые слова: композиционная и функциональная интеграция; экологический подход к планированию; зеленая инфраструктура; устойчивое развитие; управление биоразнообразием./

The concept of a business park with a seventy-year history, having been successfully implemented in different countries, has not lost its relevance today. The considered examples of world experience demonstrate the main approaches to the design of business parks in different periods and allow us to judge how the range of their functions expanded, how they adapted to the needs of society, reflecting the trends of modern urban planning and landscape architecture. Particular attention is paid to the park component of the object under study, the content of which is focused on the sustainable development of the territory, the preservation and increase of biodiversity. An example of a business park in Krasnoyarsk is considered.

Keywords: business park; compositional and functional integration; ecological approach to planning; green infrastructure; sustainable development; biodiversity management.

Бизнес-парки: от истории к современности / Business parks: From history to the present day

текст

Наталья Унагаева

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

Дмитрий Злобин

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

text

Natalia Unagaeva

Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Dmitry Zlobin

Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Среди специализированных типологических ландшафтно-градостроительных объектов особое место занимают бизнес-парки, в которых функции промышленного производства и/или деловой торговли совмещены с функцией рекреации [1]. Она появилась в середине XX столетия в США (офисный парк Маунтин-Брук в пригороде Бирмингема, США, 1955) в связи с экономическим ростом, связанным с развитием сферы услуг и желанием проектировщиков создать комфортные условия для развития коммерческой деятельности, в том числе с высокой степенью организации окружающего ландшафта. Далее подобные объекты активно реализовывались во многих странах [2] (рис. 1).

Интеграция производственной функции с ландшафтом привлекала инвесторов [3], заинтересованных в развитии предприятий легкой промышленности, наличием свободных территорий для размещения в одном месте производственных и складских корпусов, офисных зданий, выставок, а также удобной транспортной логистикой, возможностью организации достаточного количества открытых парковок и обширных парковых пространств.

Таким образом, это был «парк» во всех смыслах: и квазиприродное пространство, предназначенное для отдыха и прогулок, и сосредоточение в одном месте технологических процессов. Бизнес-парки как «одна из форм превращения качественно выполненного ландшафта в рентабельный объект» [1, с. 103] стали идеальным решением, повысившим эффективность труда рабочих, которые могли не только наслаждаться великолепными видами из производственных или офисных помещений, но и общаться с природой, как только уходили с работы.

Особого расцвета концепция достигла в 1970–1980-е годы. Среди наиболее известных примеров можно выделить бизнес-парк Норуэст в пригородах Белла-Виста и Болкхэм-Хиллз в графстве Хиллз, на северо-западе Сиднея (Новый Южный Уэльс, Австралия), построенный в 1983 году. На его территории, помимо бизнеса, разместился и региональный торговый центр. Благодаря прямому доступу к крупным автомагистралям территория процветает и сегодня. На площади 172 га находится более 400 компаний, где работает свыше 25 тыс. чел., обширные парковые пространства, крупнейший каток

Австралии, церковь Хиллсонг, два торговых центра, историческая ферма Белла-Виста (1700 год), а также строятся железнодорожная станция и жилье с низкой плотностью [4] (рис. 2).

Первоначально бизнес-парки проектировались с целью отделения коммерческой деятельности от жилых районов и предоставления широкого спектра услуг рабочим (магазины, кафе, тренажерные залы, центры для присмотра за детьми). С добавлением региональных торговых центров активная жизнь парков не прекращалась и в выходные дни. Но, например, промышленный парк Капабили-Грин в Латоне (Великобритания) непосредственно граничит с жилыми территориями, «делясь» в том числе и своими рекреационными пространствами, а во Франции в площадь таких проектов целенаправленно стали включать до 15% жилой застройки. Таким образом, бизнес-парки стали местом интеграции различных функций жизнеобеспечения человека: труд + отдых + быт – с преобладанием зданий малой или средней этажности с невысокой плотностью застройки [1].

Бизнес-парки стали привлекательным местом для размещения не только крупных корпораций, но и более мелких компаний. Преимущества размещения были очевидны: сокращение операционных расходов, комфортные условия труда, привлекающие специалистов, доступ к предприятиям-партнерам.

Постепенно в бизнес-парки вошли такие функции, как образование и наука. Например, инновационная экосистема, созданная в Эмеривилле (Сан-Франциско), находится рядом с Калифорнийским университетом в Беркли, что не только делает его научным инновационным центром, но и означает, что город может сохранить лучшие кадры, предлагая выпускникам рабочие места и возможности для исследований. Такое сотрудничество бизнеса и науки позволит оставаться конкурентоспособными обеим сторонам.

Особого внимания заслуживает парковая составляющая территорий, которая в отдельных примерах достигает 50–70% общей площади и выступает в роли компенсатора и гармонизатора среды, предотвращая превращение таких территорий в источник экологической напряженности. Решаются задачи ландшафтной организации про-

мышленной и общественно-деловой застройки, формирования системы пешеходных направлений, буферных пространств вдоль транспортных магистралей, озеленения автомобильных парковок, задаются оптимальные размеры озелененных участков между корпусами, тем самым увеличивается природный потенциал территорий. Антропогенные объекты (парковки, инженерная инфраструктура и т. д.) вписываются в окружающую среду так, что создается впечатление присутствия в природном ландшафте (активное использование подземного пространства, геопластики, обильного озеленения).

Есть примеры, когда бизнес-парки формировались на нарушенных территориях в результате перепрофилирования промышленных предприятий, когда организация парковых зон стала одним из мероприятий по регенерации и экологической реабилитации обширных земельных участков, в том числе и элементов гидрологической системы. Например, на объектах тяжелой промышленности могут создаваться экопромышленные парки [5].

Природное окружение и высокий уровень ландшафтного дизайна территории по периметру зданий диктуют и особенный подход к пластике архитектурных объемов, объемно-пространственной композиции с целью обеспечения обозримости окрестностей и визуального взаимодействия интерьера и экстерьера. Например, в исследо-

^ Рис. 1. Офисный парк Маунтин-Брук, пригород Бирмингема (США): а – спутниковое изображение; б – обзорная съемка улицы Офис-Парк-Серкл; в – корпус компании Protective Life Insurance Company (<https://maps.app.goo.gl/7vpa>)

< Рис. 2. Бизнес-парк Норуэст в пригородах Белла-Виста и Болкхэм-Хиллз в графстве Хиллз на северо-западе Сиднея (Австралия): а – спутниковое изображение; б – историческая ферма Белла Виста (<https://maps.app.goo.gl/>); в – общий вид с озера Норуэст на корпуса бизнес-парка (<https://norwestbusinesspark.com.au>)

> Рис. 3. Исследовательский бизнес-парк Честерфорд (Великобритания): а – спутниковое изображение (<https://www.chesterfordresearchpark.com>); б – общий вид (<https://churchmanor.com/portfolio>); в – парковая территория (<https://maps.app.goo.gl/o>)

в исследовательском парке Честерфорд (Великобритания) здания не только окружены деревьями, но и расположены вокруг лесного массива, который можно назвать доминантой градостроительного комплекса. Отдельным направлением является озеленение интерьеров зданий в бизнес-парках, что дает экологический, социальный и экономический эффекты [6] (рис. 3).

Парковая зона становится популярным местом отдыха среди не только работающего здесь населения, но и остальных горожан, специально приезжающих на рекреационную территорию. Причем парковые пространства поддерживаются за счет инвесторов и находятся в отличном состоянии с учетом современных тенденций ландшафтной архитектуры. Это отвечает стремлению к соответствию принципам устойчивого развития [5]: экономике замкнутого цикла, энергоэффективности зданий, уменьшению выбросов, использованию дождевой воды, развитию велосипедного и общественного транспорта — и способствует развитию концепции «экогорода» [7].

Все больше внимание специалистов фокусируется и на сохранении и увеличении биоразнообразия. Например, в Стокли-парке в Хиллингтоне (Великобритания), построенном на месте рекультивированных гравийного карьера и свалки в 1986 году, 35% площади территории занимает бизнес-парк, а 65% — озелененная рекреационная зона. Специальная система «управления биоразнообразием» в Стокли направлена на поддержание мелких млекопитающих (ежи, разные виды летучих мышей), птиц

(23 вида гнездящихся птиц, в том числе перелетные: лебеди, цапли, утки, камышевки, зимородки и др.), амфибий (здоровая популяция гладких тритонов), беспозвоночных животных (улитки, насекомые, ракообразные и паукообразные). Для этого высаживаются и поддерживаются широкий ассортимент луговых, лесных и водно-болотных растений; созданы специальные зоны для естественного складирования валежника и других органических отходов для обеспечения подходящего места обитания различных насекомых, например жука-олени; добавлены улья для пчел, домики-ящики для мелких млекопитающих; организуются образовательные мероприятия, например обучающая программа по идентификации бабочек.

Кроме того, поддерживаются и другие аспекты устойчивого развития территории: установлены гибридные солнечные фонари, большая часть уличных сидений изготовлена из армированного переработанного пластика; дождевая вода, собранная с каждого здания и автостоянки, после очищения возвращается в озеро и используется для полива. Ежегодно бизнес-парк отмечается экологическими наградами: так, в 2021 году он был удостоен награды Wildlife Trusts Biodiversity Benchmark Award, которая присуждается только тем компаниям, которые могут продемонстрировать преданный и проверенный подход к повышению биоразнообразия на своих землях. В рекламном буклете бизнес-парка Стокли указано: «Здесь вы действительно можете получить лучшее из всех миров: современные офисные помещения, естественные зеле-

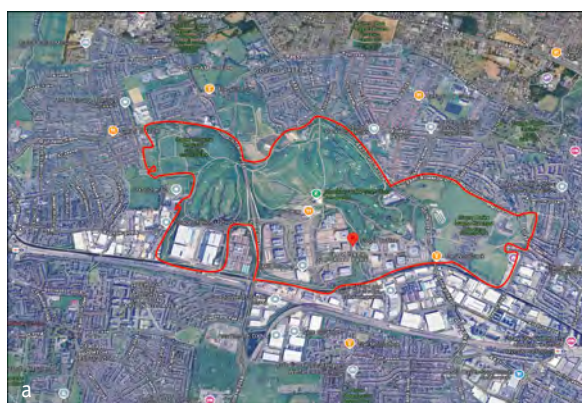
ные зоны, свежий воздух. Это способ заставить работу работать по-настоящему» [8] (рис. 4).

Обобщая обзор мирового опыта, можно сформулировать основные признаки бизнес-парков: 1) интеграция общественно-деловых и рекреационных функций; 2) создание квазиприродной среды и внедрение принципов устойчивого развития. Дополнительными признаками являются периферийное расположение в городе, значительная площадь объекта и реновация техногенно-преобразованных территорий [9].

Формат бизнес-парков со временем претерпевает изменения, адаптируясь под нужды современного общества и получая разные версии как функциональной, так и планировочной организации пространства. Поэтому в наши дни встречаются инверсии бизнес-парка: бизнес-инкубатор, научно-инновационный центр [10], бизнес-центр как объект коммерческой недвижимости с развитой транспортной, социальной и инженерной инфраструктурой и выгодным местоположением [11], технопарк или индустриальный парк [12]. Однако в этих случаях не учитывается парковая составляющая объекта (присутствующая в названии термина) как части зеленой инфраструктуры города [13], а ведь «хороший» парк – это прежде всего озелененная территория [14].

Сложился достаточный опыт организации бизнес-парков, который имеет как положительные, так и отрицательные оценки. Например, согласно аналитике Washington Post, не все бизнес-парки остаются привлекательными как для бизнеса, так и для наемных сотрудников. По их данным, «в регионе Вашингтона есть 71,5 млн квадратных футов вакантных офисных площадей, большая часть которых сосредоточена в офисных парках» [4]. В противоположность этому немецкие аналитики отмечают, что размещение фирм, особенно тех, деятельность которых напрямую связана с рутинным делопроизводством и высокими технологиями, в бизнес-парках с развитой инфраструктурой помогает избежать банкротства в первые три года существования – всего 6% по сравнению с 50% в масштабах страны [9].

В последнее время в России стали появляться объекты с названием «бизнес-парк» (прежде всего в Москве), однако их содержание отличается от вышеописанного:

этажность и плотность застройки довольно высокие, около 30% территории отводится под благоустройство, направленное на удовлетворение скорее эстетических потребностей, нежели на увеличение природного потенциала территории.

В Красноярске в 2022 году также открылся бизнес-парк «Территория», расположенный на правом берегу реки Качи. Объект представляет собой офисный центр с парковкой на неблагоустроенном берегу с естественной кустарниковой растительностью.

Если оценить данный объект на предмет соответствия выделенным ранее признакам бизнес-парков, то можно сделать вывод, что он имеет существенные расхождения с ними:

- не наблюдается интеграция деловой, рекреационной и других функций, а сам «бизнес-парк» представляет собой одно семизэтажное здание (изначально планировалось 13 этажей [15]);

- ландшафтная организация территории отсутствует, нет взаимодействия с естественным ландшафтом береговой линии Качи, нет управления биоразнообразием. Анализ спутниковых снимков разных лет в сервисе Google Earth показал, что площадь озеленения (особенно древесно-кустарниковой растительности) после постройки объекта снизилась за счет увеличения площади

< Рис. 4. Стокли-парк в Хиллингтоне (Великобритания): а – спутниковое изображение (<https://maps.app.goo.gl>); б – прогулочная зона (<https://stockleypark.co.uk>); в – входной атриум в офисное здание The Square в Стокли-парке (<https://www.iotagarden.com/projects>)

> Рис. 5. Бизнес-парк «Территория» в Красноярске:
 а – спутниковый снимок территории до строительства объекта (2002); б – спутниковый снимок территории после строительства объекта (2022); в – автомобильная парковка перед главным входом; г – интерьер офисного здания (фото Д. Злобина)

парковки. Озеленение интерьеров не выражено, как и реализация других экологических мероприятий;

– данная территория не была ранее промышленно освоенной: на спутниковых снимках 2002 и 2004 годов она занята индивидуальной жилой застройкой, которая далее сокращалась вплоть до 2014 года, когда началось строительство объекта (рис. 5).

Учитывая изложенное, данный объект скорее подходит под категорию бизнес-центров / офисно-деловых центров [16], а не бизнес-парков. Для соответствия термину «бизнес-парк» целесообразно увеличить площадь древесно-кустарниковой растительности, повысить качество благоустройства, озеленить автомобильную парковку, организовать выход к естественному берегу Качи, предусмотрев мероприятия по сохранению биоразнообразия, провести озеленение интерьера, сформировать связи с близлежащими объектами жилой, деловой и социальной инфраструктуры и провести ряд экологических мероприятий: например, реализовать программу энерго- и водосбережения, использовать возобновляемые источники энергии, минимизировать и отдельно накапливать отходы и т. д.

Важно уточнить, что термин «бизнес-парк» и требования к его проектированию в России нормативно не закреплены (однако это целесообразно сделать). Поэтому его использование для наименования бизнес-центров, не подходящих под вышеобозначенные признаки (интеграция функций, экологический подход к организации пространства, восстановление нарушенных территорий и увеличение их природного потенциала), на данный момент не нарушает действующее российское законодательство. Подмена эксплицитного содержания термина имплицитным скорее является маркетинговым ходом, позволяющим выделить объект среди подобных.

Таким образом, концепция бизнес-парка является полезной, отражающей тенденции современной градостроительной деятельности и ландшафтной архитектуры. Целесообразно внедрение этой концепции на территории российских городов для экологической реабилитации нарушенных территорий, увеличения их природного потенциала и дальнейшего устойчивого развития, а также может использоваться как инструмент

повышения инвестиционной привлекательности периферийных районов и поддержания конкуренции за новые крупные компании, специалистов, а при наличии жилых функций – и жителей.

Литература

1. Анисимова, Л. В. Городской ландшафт. Социально-экологические аспекты проектирования. – Вологда : ВоГТУ, 2002. – 192 с.
2. Alzaidi, L. The Evolution of Business Parks: From Corporate Hubs to Sustainable Communities // Consolidated Consultants Group. – 2024. – URL: <https://group-cc.com/the-evolution-of-business-parks-from-corporate-hubs-to-sustainable-communities> (дата обращения: 28.05.2025).
3. Hajar, M.E., Abdelghani, C. Urban planning of business parks (BPs): Ecological challenges and commitment to sustainable development, the case study of the technopole «CasaNearshore» // Alexandria Engineering Journal. – 2023. – DOI:10.1016/j.aej.2022.09.047
4. Rosenwax, J. The rise and fall of the business park // AECOM. – 2017. – URL: <https://aecom.com/without-limits/article/rise-fall-business-park> (дата обращения: 28.05.2025).
5. Le Tellier, M., Berrah, L., Stutz, B., Audy, J.-F., Barnabe, S. Towards sustainable business parks: A literature review and a systemic model // Journal of Cleaner Production. – 2019. – Vol. 216. – P. 129–138.
6. Atwa, S. M., Saleh, A., Khader, A. Bringing Biophilic Architecture into Business Parks Design Towards Enhancing Users Experience // Journal of Engineering Research. – 2023. – № 7(4). – P. 17–34.
7. Кузеванов, В. Я. Экогорода – утопия или... будущее // Проект Байкал. – 2024. – № 2 (80). – С. 72–79. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/80.2334
8. Stockley Park, 2025. – URL: <https://stockleypark.co.uk/the-park> (дата обращения: 28.05.2025).
9. Гонсалес, Е. Настоящее и будущее российских бизнес-парков // Проект Россия. – 2007. – № 4 (46). – С. 128–131.
10. Пилявский, В. П., Есина, А. П. Бизнес-парки как эффективная форма интеграции образования, науки и промышленных технологий // Интеграция образования. – 2004. – № 4 (37). – С. 148–154.
11. Мышкина, Ю. И., Корюкова, К. А., Макаров, Д. Э. Тенденции развития бизнес-парков // Управление инновациями: теория, методология, практика. – 2016. – № 16. – С. 96–100.

12. Митрофанова, И. В., Митрофанова, И. А., Старокожева, Г. И., Родионова, Е. В. Индустриальные бизнес-парки как эффективный инструмент стратегического территориального менеджмента // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2013. – №3. – С. 70–79.

13. Климанова, О. А., Колбовский, Е. Ю., Илларионова, О. А. Зеленая инфраструктура города: оценка состояния и проектирование развития. – Москва : Товарищество научных изданий «КМК», 2020. – 324 с.

14. Блянкинштейн, О. Н., Попкова, Н. А. Первое открытое общественное пространство Красноярск // Проект Байкал. – 2021. – № 70. – С. 112–119. – DOI: 10.51461/projectbaikal.70.1899.

15. Ибрагимов, А. На берегу Качи спустя девять лет достроили бизнес-центр // NGS24.RU. – 2022. – URL: <https://ngs24.ru/text/business/2022/08/25/71597534/> (дата обращения: 28.05.2025).

16. Савченко, Н. Бизнес-парк и бизнес-центр: принципиальные отличия // Профис Недвижимость. – 2025. – URL: <https://profis-realty.ru/blog/biznes-park-i-biznes-tsentr-printcipialnye-otlichiya> (дата обращения: 28.05.2025).

References

Alzaidi, L. (2024). *The Evolution of Business Parks: From Corporate Hubs to Sustainable Communities*. Consolidated Consultants Group. Retrieved May 28, 2025, from <https://group-cc.com/the-evolution-of-business-parks-from-corporate-hubs-to-sustainable-communities/>

Anisimova, L. V. (2002). *Gorodskoj landshaft. Social'no-ekologicheskie aspekty proektirovaniya* [Urban landscape. Socio-ecological aspects of design]. Vologda: VoGTU.

Atwa, S. M., Saleh, A., & Khader, A. (2023). Bringing Biophilic Architecture into Business Parks Design Towards Enhancing Users Experience. *Journal of Engineering Research*, 7(4), 17–34.

Blyankinshtein, O., & Popkova, N. (2021). The first open public space in Krasnoyarsk. *Project Baikal*, 18(70), 112–119. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1899>

Gonzalez, E. (2007). The present and future of Russian business parks. *Project Russia*, 4(46), 128–131.

Hajar, M. E., & Abdelghani, C. (2023). Urban planning of business parks (BPs): Ecological challenges and commitment to sustainable development, the case study of the technopole «CasaNearshore». *Alexandria Engineering Journal*, 6723–30. DOI: 10.1016/j.aej.2022.09.047

Ibragimov, A. (2022). *Na beregu Kachi spustya devyat' let dostroili biznes-centr* [A business center was completed on the bank of the Kacha River after nine years]. NGS24.RU. Retrieved May 28, 2025, from <https://ngs24.ru/text/business/2022/08/25/71597534/>

Klimanova, O. A., Kolbovskij, E. Yu., & Illarionova, O. A. (2020). *Zelenaya infrastruktura goroda: ocenka sostoyaniya i proektirovanie razvitiya* [Green infrastructure of the city: assessment of the state and design of development]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK.

Kuzevanov, V. (2024). Eco-cities – utopia or... the future. *Project Baikal*, 21(80), 72–79. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/80.2334>

Le Tellier, M., Berrah, L., Stutz, B., Audy, J.-F., & Barnabe, S. (2019). Towards sustainable business parks: A literature review and a systemic model. *Journal of Cleaner Production*, 216, 129–138.

Mitrofanova, I. V., Mitrofanova, I. A., Starokozheva, G. I., & Rodionova, E. V. (2013). Industrial business parks as effective instrument of strategic territorial management. *Management and Business Administration*, 3, 70–79.

Myshkina, Yu. I., Koryukova, K. A., & Makarov, D. E. (2016). Tendencii razvitiya biznes-parkov [Business park development trends]. *Upravlenie innovatsiyami: teoriya, metodologiya, praktika*, 16, 96–100.

Pilyavskij, V. P., & Esina, A. P. (2004). Business-parks as an effective way to integrate education, science and industrial technologies. *Integration of Education*, 4(37), 148–154.

Rosenwax, J. (2017). *The rise and fall of the business park*. AECOM. Retrieved May 28, 2025, from <https://aecom.com/without-limits/article/rise-fall-business-park/>

Savchenko, N. (2025). *Biznes-park i biznes-centr: principal'nye otlichiya* [Business park and business center: fundamental differences]. Profis Nedvizhimost'. Retrieved May 28, 2025, from <https://profis-realty.ru/blog/biznes-park-i-biznes-tsentr-printcipialnye-otlichiya/>

Stockley Park. (2025). Retrieved May 28, 2025, from <https://stockleypark.co.uk/the-park/>

В условиях дефицита площадей японские мегаполисы развивают новые формы садово-паркового искусства. Микросады возрождаются в жилой застройке, сохраняя философию единения с природой. Сады на крышах зданий (торговых центров, офисов) приобретают новые функции: рекреацию, брендинг, агрокультуру. Можно наблюдать и возрождение исторических типов садов, и актуальность сухих садов. Парки эволюционируют в многофункциональные общественные пространства: ландшафтные музеи и уникальные экопарки на болотах, сочетающие сохранение природы, туризм и просвещение. В целом сады и парки до сих пор остаются ключевым элементом экосознания и культурной идентичности Японии.

Ключевые слова: современный японский сад; сады на крыше; микросады; Сад прилива; парки искусств; экопарки на болотах./

In the context of limited space, Japanese megacities are developing new forms of garden and park art. Micro-gardens are being revived in residential areas, preserving the philosophy of unity with nature. Rooftop gardens (on shopping malls and office buildings) are taking on new functions: recreation, branding, and agriculture. There is also a revival of historical garden types, as well as the continued relevance of dry gardens. Parks are evolving into multifunctional public spaces, such as landscape museums and unique eco-parks in wetlands, combining nature conservation, tourism, and education. Overall, gardens and parks remain a key element of Japan's ecological awareness and cultural identity.

Keywords: contemporary Japanese garden; rooftop gardens; microgardens; Tidal Garden; art parks; wetland ecoparks.

Современные сады и парки Японии: новые формы и функции / Contemporary Japanese Gardens and Parks: New Forms and Functions

текст

Нина Коновалова

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства филиал ЦНИИП Минстроя России

text

Nina Kononova

Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Federal State Budget Institution Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

В последнее время крупные города Японии, как и все мегаполисы мира, столкнулись с проблемой переуплотнения и серьезного дефицита свободных площадей. В связи с этим получили распространение микросады, вертикальные сады и сады на крышах городских зданий.

Микросады в Японии, хоть и имеют длинную историю, но в XXI веке получили своего рода второе рождение, подтверждая актуальность уникальной японской техники «суккэй» («уменьшенного ландшафта»). Сады цубо-нива, которые первоначально устраивались в дзэн-буддийских храмах, получили распространение и в жилой архитектуре. Цубо-нива – это совсем маленькие садики, площадью в 1 цубо (т. е. 3,3 м²), расположенные в пределах жилого дома [1]. Сады цубо-нива получили свое распространение на свободных пространствах, которые были необходимы для циркуляции воздуха между зданиями и их естественного освещения. На тесном пространстве между своим и соседним домом японцы создавали маленькую вселенную – сад цубо-нива. Этот крохотный сад воплощал философию жизни и удивительное деятельное стремление японцев даже в тесных городских условиях жить в единении с природой [2]. Сад цубо-нива включает в себя все традиционно присущие японскому саду элементы: бамбуковые кусты, группы декоративных камней, каменный фонарь. Он воплощает всю традиционную систему символов дзэн-буддизма, образуя природный микрокосм [3].

Сады на крышах в японских городах начали появляться еще с начала XX века, и с тех пор их популярность только росла, отвечая требованиям времени. Для устройства садов используются крыши зданий разного назначения – общественных и офисных зданий, гаражей, жилых домов. Сад на крыше старейшего универмага в Японии «Mitsukoshi Nihonbashi», расположенного в центре Токио, впервые появился более 100 лет назад. Он предоставлял посетителям возможность отдыха среди зелени, помогал привлекать клиентов и увеличивать продажи, одним словом, стал олицетворением успеха магазина и его визитной карточкой. Неудивительно, что после реконструкции главного здания в 2019 году на крыше снова был создан современный японский сад с прудом «Japan Bridge Garden». Вдохновленные тем фактом, что высота главного здания универмага «Mitsukoshi Nihonbashi» и высота

Императорского дворца почти одинаковы, создатели сада решили использовать те же растения, что высажены и вокруг Императорского дворца. По японской традиции они призваны показывать изменения четырех времен года, поэтому все растения сгруппированы так, чтобы любоваться красками природы можно было круглый год.

На крыше девятиэтажного здания универсама «Seibu Ikebukuro» был создан Сад Моне, вдохновленный картиной Клода Моне «Водяные лилии». Он сразу же приобрел огромную популярность в Японии. За образец был взят пруд с водяными лилиями, который Клод Моне сам создал в Живерни во Франции. Около 20 видов водяных лилий, окруженных сезонными цветами, изумрудно-зеленый мост и качающиеся ивы как будто сошли с полотна великого импрессиониста.

В начале XXI века в Японии значительных масштабов достигла стратегия преобразования современных городов под названием «Здоровое развитие города». Она предполагает, что, независимо от роста и развития города, в нем необходимо сохранять сельскохозяйственные угодья и огороды. Огороды также все чаще появляются на крышах городских строений – частных домов (тогда они превращаются в личное подсобное хозяйство) и зданиях коммерческого назначения (в этом случае они используются для проведения коллективных мероприятий и праздников). Примером может служить «Сад с рисовыми полями», расположенный на крыше 45-метровой башни комплекса «Роппонги Хиллз» в Токио. Благодаря этому саду жители мегаполиса могут принять участие в мероприятиях по посадке и сбору урожая риса, а также выпечке рисовых лепешек. Рисовые поля и огороды в современных японских мегаполисах настолько популярны, что многие компании устраивают их на крышах своих зданий и разрешают сотрудникам покидать рабочие места для полива плантации. Руководство таких компаний уверено, что, кроме позитивного отдыха сотрудников, такие совместные сельскохозяйственные мероприятия будут способствовать еще большему сплочению коллектива.

В последние годы в Японии наблюдается повышение интереса к историческим видам садов, которые долгое время считались утраченными. Повсеместно проводятся мероприятия по их возрождению и реконструкции

< Сад на крыше японского универмага «Mitsukoshi Nihonbashi»

< «Сад Моне» на крыше универмага «Seibu Ikebukuro»

их основных элементов. Например, Сад прилива (сио-ири-но-нива), не имеющий аналогов тип сада, появившийся в Японии в эпоху Эдо (1603–1868). Пруд такого сада наполняет морская вода, уровень которой зависит от приливов и отливов. Для поддержания чистоты воды в пруду важно ее постоянное обновление, поэтому Сады приливов представляют собой не столько эстетическую модель, сколько функциональную систему очистки воды. Часто в таких садах устраивали шлюзы, с помощью которых регулировался уровень воды в пруду. Интересной особенностью, определяющей облик Сада прилива, стало отсутствие в его прудах золотых карпов, считающихся одним из главных символов традиционного японского сада. Карпы, завезенные в страну из Китая, получили распространение в дзэнских садах, предназначенных для созерцания и постепенно ставших основой национальной культуры Японии. Золотые карпы стали обязательной частью любого японского сада, кроме Сада прилива, так как пруды в них с морской водой, и ни карп, ни другие пресноводные рыбы обитать в них не могут.

Самым известным примером японского Сада прилива, которому снова возвращен его исторический облик, стал Сад Хама-рику в Токио, принадлежавший в эпоху Эдо сёгунам знаменитого клана Токугава. В нем сохранились мост Одэнбаси, чайный домик Мацу и утиное поле, куда сёгун выезжал на соколиную охоту. Возрождение садов этого вида и повышение интереса к ним связано прежде всего с решением проблемы улучшения качества современного городского пространства и его экологических составляющих. Не менее важным становится и фактор сохранения исторической памяти: ведь такие сады – это уникальный вид самурайской культуры Японии.

Одним из важнейших в традиции японского садового искусства является сухой сад [4]. Его образ и основные элементы сложились под влиянием буддизма и развития храмовой архитектуры. Характерной особенностью таких садов, обусловившей их название, стала замена воды светлым песком и гравием, на которых проводились бороздки, символизирующие рябь на поверхности воды. Абстракция и символизм стали главными составляющими художественного языка сухого сада, предназначавшегося прежде всего для медитаций [5]. Дзэн-буддизм обязывает человека быть властным над своими эмоциями

и сознанием, призывает к укреплению духа, пониманию законов мироздания, постижению истины через само-совершенствование. Сады дзэн уже не предназначались для прогулок, их функция была аналогична пейзажным свиткам – помогать в практике созерцания.

Главными элементами сухого сада являются необработанные камни, расположенные по отдельности или объединенные в группы. Камень справедливо считается одним из древнейших религиозных символов Японии. Духовное тяготение японцев к необработанным камням, первоначально питавшееся религиозными представлениями, характерно для всей истории Японии вплоть до наших дней. Подавляющее число японских гостиниц, ресторанов, административных зданий и многофункциональных комплексов включает в себя сухие сады, иногда совершенно крошечных размеров. Одним из крупнейших японских мастеров в создании садов дзэн является Суммё Масуно, создавший более 40 садов в Японии и за ее пределами при офисных зданиях, гостиницах и храмах. «У камней есть душа, и они сами подсказывают мне, как их лучше использовать», – говорил Масуно [6, р. 10]. Практикующий дзэн-буддийский священник в восемнадцатом поколении, он стал одним из наиболее известных в мире японских ландшафтных архитекторов и прославился своей уникальной способностью поразительно тонко и точно сочетать современные элементы с традиционной символикой сада. Масуно работал и в ультра-современных городских отелях, и в японских классических садах. И в каждом проекте его работа в качестве ландшафтного архитектора неразрывно связана с его буддийской практикой. По мнению мастера, «каждый, кто оказывается у дзэнского сада, обретает особое духовное состояние, ведущее к пробуждению, а духовное пробуждение может быть достигнуто только путем общения души с умом» [7, р. 12]. Таковы, например, созданный Масуно в 1992 году парк Сайба в Такамацу или Сад перед Лазурной башней отеля «Токуи» в Токио в 2001 году. Эти каменные сады высокой эстетической ценности, полные символической многозначности, складывающиеся в знак целой вселенной, – важная часть традиционной садовой архитектуры Японии.

Наряду с садами японские парки не только служат необходимыми зелеными зонами в городах, но и становятся

^ Сад Хама-рику в Токио

^ Парк Сайба в Такамацу

важными общественными пространствами, постоянно расширяя свои функции.

Одним из наиболее характерных видов современных парков Японии стали парки искусства, или ландшафтные музеи, соединившие в себе как новейшие вызовы времени, так и специфику японского подхода к созданию нового типа многофункционального пространства [8]. Мода на такой вид парков с интегрированными в них арт-объектами, т. е. сочетающими в себе природу и искусство, пришла в Японию из Европы. Такие парки получили широкое распространение, так как были очень созвучны традициям японской культуры. Первые парки искусств в Японии стали появляться еще в 1960-е годы, возникая при существующих художественных музеях и занимая окружающую его территорию. Однако со временем они приобрели характерную национальную специфику и правила устройства, которые касаются создания музейного пространства под открытым небом, размещения произведений искусства в ландшафте и взаимодействия природных компонентов, произведений искусства и зрителей. Став особенно востребованными с рубежа XX–XXI вв., в настоящее время парки искусства разрабатываются как символические художественные проекты, раскрывающие историю конкретного места [9].

Например, парк искусств в префектуре Кагосима был создан в 2000 году известным японским архитектором Кунихико Хаякавой и получил название «Художественный лес Кири-sama». Он расположился на высоте около 700 м на плато в западной части горного хребта Кири-sama в городе Юсуи. Естественная топография места, красивейшие ландшафты, лесные массивы – все это основатели музея стремились максимально сохранить и использовать для процветания региона. В «Художественном лесу Кири-sama» все сосредоточено на его главной функции: с помощью ярких и разнохарактерных произведений современного искусства предпринимается попытка привлечь внимание посетителей к сложному ландшафту с уникальными топографическими характеристиками и богатой природе с редкими видами растений. Поэтому скульптура и другие арт-объекты прежде всего играют роль направляющих ориентиров, призванных указать дорогу посетителям, увлекая их и помогая преодолеть большие расстояния вдоль леса, по холмам и даже

через болота. Только с помощью таких прогулок и можно в полной мере оценить исторические и культурные особенности этого района.

В целом концепция японских парков искусств заключается в том, чтобы осуществить прямой диалог зрителя с современным искусством посредством природы и наоборот, диалог с природой посредством современного искусства. Для этого предусматриваются скульптуры, которые движутся вместе с ветром или отражают свет и окружающий пейзаж, т. е. непосредственно взаимодействуют с природными элементами [10]. Малые архитектурные формы, становясь частью скульптурной композиции, часто создаются в внутреннем пространстве, специально предназначенным для того, чтобы слушать звуки природы. Цель таких парков – подчеркнуть красоту природы, исторические и культурные особенности того района, в котором они создаются. Поэтому каждый проект создается с учетом того, чтобы ничто не закрывало панораму, визуальные перспективы и не нарушало существующий ландшафт. Ведь главной задачей как раз и является сохранение ландшафта и привлечение посетителей для любования им в особой форме – форме взаимодействия в этом пространстве природы с произведениями искусства и арт-объектами.

Еще одним новым видом парков в Японии стали парки на болотах, получившие в последние годы особое распространение. Национальный парк Кусиро Сицугэн площадью 26 га стал не только первым в стране водно-болотным парком, но и до сих пор остается самым большим. Он включает в себя крупнейшее в Японии болото и окружающие его холмы. В нем сохраняется около 700 видов растений и более 200 видов птиц и редких животных. На холмах вокруг болот Кусиро было найдено около 400 археологических памятников как периода палеолита, так и относящихся к культуре айнов. В прошлом предпринимались попытки превратить водно-болотные угодья в сельскохозяйственные земли, но помешали этому два фактора: во-первых, такие парки становятся импульсом для сохранения природы и восстановления экосистемы в целом, а во-вторых, очень быстро стал очевиден потенциал таких парков как мест, привлекательных для туристов. Национальный парк Кусиро Сицугэн, где природная среда остается нетронутой и сегодня – это уникальный

^ Парк Куиро Сицугэн

^ Парк Ицукусима

ландшафт, не имеющий аналогов в Японии. Возможность им полюбоваться открывается с пешеходных троп, смотровых площадок или специального маршрута для каноэ.

Парки на болотах – это уникальные болотные ландшафты, нетронутая дикая природа. Длинные дорожки на сваях проложены над поверхностью болота и объединены в хорошо продуманный маршрут, позволяя туристам прогуливаться, не нарушая хрупкую экосистему, а специальные смотровые площадки и вышки помогут наблюдать за птицами и любоваться уникальными ландшафтами. Как правило, каждый такой парк знаменит определенным видом растений или животных, которые там обитают. Например, экопарк на болотах Куросаки Нагата, открывшийся в 2003 году, ценится как одно из ведущих мест обитания стрекоз в стране, а парк Ицукусима известен как место обитания светлячков. Такие парки создаются с целью восстановления и сохранения водно-болотных угодий и позволяют туристам соприкоснуться с нетронутой природой.

В современной Японии сады и парки не теряют своей популярности. Подчиняясь требованиям времени, они меняют свои формы и расширяют свои функции, при этом остаются неотъемлемой частью идентичности японской культуры. Они создают многослойную систему зеленых пространств, становясь олицетворением экологического сознания в современных высокотехнологичных, плотно застроенных городах.

Литература

1. Мостовой, С. А., Павлова, А. С. Ландшафтное искусство Японии : истоки, традиции, современность. – Владивосток, 2010. – 259 с. : ил.
2. Мещеряков, А. Н. Сады Японии: от Средневековья к публичным пространствам эпохи Мэйдзи // Журнал ВШЭ по искусству и дизайну. – 2024. – Т. 1, № 2. – С. 36–59.
3. Коновалова, Н. Минимизация пространства в архитектуре современной Японии // Проект Байкал. – 2024. – № 80. – С. 54–61. – DOI 10.51461/issn.2309-3072/80.2331.
4. Голосова, Е. В. Сады восходящего солнца. Ландшафтное искусство Японии. – Москва : Памятники исторической мысли, 2017. – 597 с.
5. 日本の建築空間と庭園 —明治から20世紀初頭にかけての欧米におけるその受容と普及 (Архитектурные пространства и сады Японии: их популярность и распространение в Европе и США с эпохи Мэйдзи до начала XX века) // 比較日本学教育研究センター研究年報 第7号 (Ежегодный отчет Центра сравнительных японских исследований). – Токио, 2011. – № 7. – Рр. 57–63.

6. Landscapes in the Spirit of Zen // Process: Architecture. – 1995. – № 7.
7. Zen Gardens: The Complete Works of Shunmyo Masuno. Japan's Leading Garden Designer. – New York, 2012.
8. 日本における「開かれた」美術館の設計手法の研究及び設計提案 by Wang Wanxuan (Исследование методов проектирования и проектных предложений для «открытых» музеев в Японии). – 東京, 首都大学東京大学院都市環境科学研究科建築学域 (Токио : Архитектурный факультет Высшей школы градостроительства и экологии Токийского университета), 2019.
9. Коновалова, Н. А. Ландшафтный музей. Современные подходы к созданию музеев в Японии // Архитектура и современные информационные технологии. – 2023. – № 4 (65). – С. 299–310. – DOI 10.24412/1998-4839-2023-4-299-310.
10. Dani Karavan. Dialogue with Environment / Resonance with the Earth. – Tokyo : Asahi Shimbun, 1997.

References

- Golosova, E. V. (2017). *Sady voskhodyashchego solnca. Landshaftnoe iskusstvo Yaponii [Gardens of the rising sun. Landscape art of Japan]*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
- Karavan, D. (1997). Dialogue with Environment/Resonance with the Earth. *Asahi Shimbun*. Tokyo.
- Kononova, N. A. (2023). Landscape museums. Contemporary approaches to museum creation in Japan. *Architecture and Modern Information Technologies*, 4(65), 299–310. DOI: 10.24412/1998-4839-2023-4-299-310.
- Kononova, N. (2024). Minimization of space in the architecture of modern Japan. *Project Baikal*, 21(80), 54–61. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/80.2331>
- Landscapes in the Spirit of Zen. (1995). *Process: Architecture*, 7.
- Meshcheryakov, A. N. (2024). Sady Yaponii: ot Srednevekovya k publichnyim prostranstvam epohi Mejdzi [Gardens of Japan: from the Middle Ages to the public spaces of the Meiji Era]. *HSE University Journal of Art & Design*, 1(2), 36–59.
- Mostovoj, S. A., & Pavlova, A. S. (2010). *Landshaftnoe iskusstvo Yaponii: Istoki, tradicii, sovremennost [Landscape Art of Japan: Origins, Traditions, Modernity]*. Vladivostok.
- Wanxuan, W. (2019). 日本における「開かれた」美術館の設計手法の研究及び設計提案. 東京, 首都大学東京大学院都市環境科学研究科建築学域.
- Zen Gardens: The Complete Works of Shunmyo Masuno. Japan's Leading Garden Designer*. (2012). N. Y.
- 日本の建築空間と庭園 —明治から20世紀初頭にかけての欧米におけるその受容と普及— (2011). 比較日本学教育研究センター研究年報 第7号, 7, 57–63. Tokyo.

Точечное преобразование территории и ее эстетический облик оказывают положительное влияние на окружающую среду, способствуя повышению качества жизни населения в масштабе всего города. В последние годы наблюдается растущий интерес к формированию городской среды как особого направления архитектурной, художественной и дизайнерской деятельности. Настоящее исследование посвящено разработке проектной концепции реновации парка в городе Актау, утратившего свои социальные и эстетические функции. Методология исследования включает предпроектный анализ территории, выполнение эскизных проработок, фотосъемку и проведение интервью с жителями. Результатом работы стала теоретическая модель и графическая интерпретация обновленного городского общественного пространства — парка «Акбота».

Ключевые слова: реновация городов; культурная интеграция; общественные пространства; казахская культура; гуманизация.

Targeted transformation of urban territories and their aesthetic appearance have a positive impact on the surrounding environment, contributing to the overall improvement of the quality of life in the city. In recent years, there has been a growing interest in the creation of urban spaces as a distinct area of architectural, artistic, and design practice. This study is dedicated to the development of a project concept for the renovation of a park in the city of Aktau, which has lost its social and aesthetic functions. The research methodology includes a pre-design analysis of the territory, development of conceptual sketches, photographic documentation, and interviews with local residents. The outcome of the work is a theoretical model and a graphic interpretation of the renovated urban public space — the “Akбота” park.

Keywords: urban renewal; cultural integration; public spaces; Kazakh culture; humanization.

Реновация общественного пространства: город Актау / Public Space Renovation: City of Aktau

текст

Балнур Карабалаева
Казахская национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова (Алма-Ата, Казахстан)

Баян Кадирбек
Международная образовательная корпорация (Алма-Ата, Казахстан)

Юлия Фенд
Международный университет «Астана» (Астана, Казахстан)

Айман Асылбекова
Казахский национальный университет искусств имени Куляш Байсейитовой (Астана, Казахстан)

text

Balnur Karabalaeva
Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts (Almaty, Kazakhstan)

Bayan Kadirbek
International Educational Corporation (Almaty, Kazakhstan)

Yuliya Fend
Astana International University (Astana, Kazakhstan)

Aiman Assylbekova
Kazakh National University of Arts named after Kulyash Baiseitova (Kazakhstan)

Введение

В последние годы наблюдается возрастающий интерес к формированию городской среды как особой формы архитектурной, художественной и проектной деятельности. Под городской средой в данном контексте понимается система открытых архитектурных пространств, обладающих предметно-пространственным наполнением и выполняющих важные социальные и культурные функции [1, 2]. В связи с этим особую актуальность приобретают задачи преобразования существующих территорий и создания комфортной, функциональной и безопасной городской среды, что становится одним из приоритетных направлений развития современных мегаполисов.

Городская среда Казахстана в последние годы переживает интенсивные процессы трансформации, наиболее заметные в крупных городах — Алматы, Актау и Шымкент. Актау — портовый город, расположенный в западной части Казахстана на побережье Каспийского моря, является важным центром освоения нефтегазовых месторождений [3, 4]. Быстрые темпы экономического роста, миграция населения и активная урбанизация существенно изменили структуру городской ткани, что обострило ряд ключевых проблем. Одной из наиболее значимых проблем является дефицит зеленых зон. Стремительное развитие городской застройки привело к сокращению природных территорий, в результате чего жители испытывают недостаток в парках, скверах и других рекреационных пространствах.

Климатические и природные условия региона затрудняют естественное произрастание древесной растительности. В настоящее время озеленение города осуществляется за счет искусственно созданных насаждений (карагач, акация белая, айлант, тополь Болле, кельрейтерия, ясень, плодовые деревья, туя, можжевельник, шиповник, лох, серебристый тамариск, аморфа и др.). Они формируют сеть объектов ландшафтной архитектуры: общего пользования (скверы, парк «Акбота», спуски к морю, бульвары); ограниченного пользования (территории жилых кварталов, школы, детские сады, объекты социального и культурного назначения); специального назначения (ботанический сад). Ландшафт промышленных зон и санитарно-защитных полос преимущественно

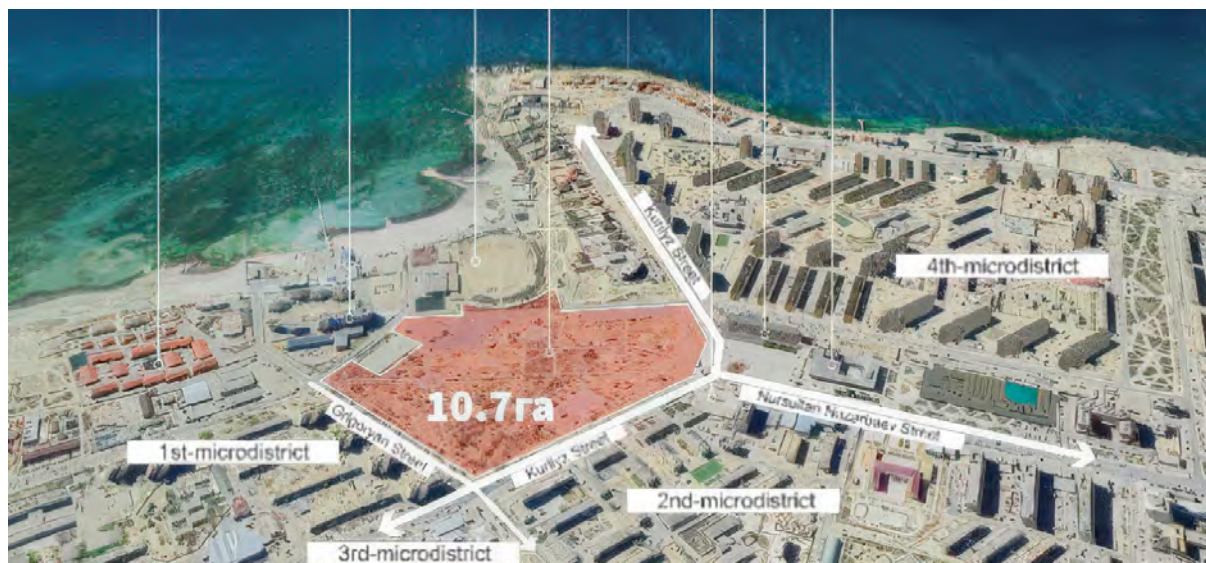
представлен естественной пустынной растительностью с разреженным покровом.

Общая площадь зеленых насаждений составляет порядка 73,5 га при численности населения 262 тыс. человек, что эквивалентно примерно 2,8 м² зеленых насаждений общего и специального назначения на одного жителя, что явно не соответствует нормативным требованиям и не удовлетворяет потребности населения [5]. Этот дефицит негативно сказывается на экологическом состоянии, социальном благополучии и эстетическом облике городской среды. Острой иллюстрацией данной проблемы стал единственный крупный парк города Актау — парк «Акбота», который в настоящее время утратил свои социальные и эстетические функции. Для решения этой проблемы и в рамках реализации государственной программы по реновации общественных пространств акимат города Актау объявил конкурс на разработку проекта обновления парка «Акбота» с целью создания комфортных условий для жителей [6]. В конкурсе приняли участие различные проектные организации и профильные учебные заведения. Настоящее исследование посвящено описанию разработки концепции реновации, выполненной проектной группой «Baitau».

Материалы и методы

С помощью аэрофотосъемки была установлена конфигурация проектируемой территории, общая площадь которой составляет 10,7 га (рис. 1). Проведенное обследование позволило определить виды существующей растительности на территории парка, включая карагач, акацию белую, айлант, тополь Болле, кельрейтерию, ясень, различные плодовые деревья, туя, можжевельник, шиповник, лох, серебристый тамариск, аморфу и другие виды.

В существующем функциональном состоянии проектируемый участок нарушает целостность городской ткани и порождает ряд проблем, включая недостаточную безопасность и отсутствие условий для качественного отдыха. Анализ пространственной организации территории выявил наличие малых архитектурных форм, скульптурных композиций и небольшого пруда с фонтаном, которые находятся в неудовлетворительном состоянии и требуют

< Рис. 1. Схема расположения объекта /
Fig. 1. Situation diagram of the project site

обновления. В художественно-образном решении некоторых элементов видна попытка использования мотивов национальных орнаментов и форм, однако на данный момент они исполнены фрагментарно и требуют систематизации и переосмысления.

Следует отметить, что часть территории занята арендаторами торговых объектов, что вызывает у горожан негативную реакцию и препятствует полноценному использованию пространства для общественных нужд.

Потенциал территории и выявленные проблемы

К числу положительных характеристик исследуемой территории следует отнести ее значительный нераскрытый потенциал. Вокруг парка сосредоточены жилые микрорайоны, школа, музей, бизнес-центры и офисные здания, что придает району особую культурную и социальную значимость. Тем не менее в своем нынешнем состоянии парк неспособен в полной мере выполнять функции зоны отдыха и рекреации, способствовать оздоровлению населения, культурному воспитанию и формированию эстетического восприятия городской среды.

Интервью авторов проекта с жителями, а также анализ мнений горожан, представленных в публикациях местных журналистов и в социальных сетях, показали, что горожане ожидают формирования узнаваемого, понятного и легко идентифицируемого общественного пространства, с которым они могли бы ассоциировать себя и свое повседневное окружение. В текущем виде территория не способствует развитию локальной идентичности и формированию чувства общности у жителей.

Результаты исследования

Разработанная теоретическая модель реновации основывается на идее создания общественного пространства, которое станет центром локального сообщества и раскроет потенциал территории для всего города.

Организация парковой территории включает не только эстетическую функцию, но и выполняют важные социальные, образовательные и историко-просветительские задачи [7]. Парки служат местом отдыха, проведения культурно-массовых мероприятий, знакомства с природой и историческим наследием, а также способствуют формированию общественного сознания и сохранению

культурных ценностей. В данном проекте акцент сделан на локальной идентичности города Актау, где широко развито традиционное прикладное искусство. Многие частные мастерские занимаются производством кожаных и деревянных изделий высокого художественного уровня, а также развиты традиции ковроткачества и изготовления гобеленов. Регион известен своими фермерскими хозяйствами, производящими национальные напитки – кумыс (кисломолочный напиток из кобыльего молока) и шубат (напиток из верблюжьего молока). Эти культурные особенности отражены и в сохранении исторического названия парка «Акбота», а также в образно-художественном решении архитектурных объектов, в которых интерпретируются мотивы прикладного искусства.

В проекте предусмотрено применение принципов универсального дизайна (Universal Design) для создания пространства, удобного для пожилых людей, беременных женщин, детей, а также лиц с временными или постоянными ограничениями здоровья [8, 9]. Кроме того, планируется использование интеллектуальных технологий и принципов устойчивой ландшафтной архитектуры [9].

Графическая интерпретация реновации парка «Акбота» демонстрирует зонирование территории на сектора культуры и искусства, спорта и физической активности, активного отдыха и природного ландшафта. Каждая зона выполняет конкретные функции и ориентирована на удовлетворение разнообразных интересов посетителей. Генеральный план парка включает 17 ландшафтных узлов (рис. 2, 3). Новый парк имеет четкую структуру и предлагает широкий спектр пространств и удобств: двухкилометровую прогулочную тропу, 6,5 га зеленых насаждений, 2,8 га площадей для проведения мероприятий, а также 18 тыс. м² крытых помещений для многофункционального использования – от конференц-залов до крытых спортивных и культурных пространств.

Для предотвращения транспортных заторов главная подъездная дорога к парку организована с западной стороны, а парковочные места расположены у главного входа. С северной и восточной сторон парк примыкает к городскому проспекту; восточная часть соединена с автобусной остановкой, а северная и восточная зоны служат пешеходными входами и площадками для демон-

^ Рис. 2. Функциональное зонирование парков / Fig. 2. Functional zoning of parks

^ Рис. 3. Функциональное зонирование парков / Fig. 3. Functional zoning of parks

страции улиц города. Для повышения доступности и комфорта планируется развитие сети пешеходных и велосипедных маршрутов внутри и вокруг парка с интеграцией в городскую пешеходную сеть.

На территории выделены полосы для движения электромобилей, велосипедные и пешеходные дорожки, что повышает безопасность всех посетителей. Четкое зонирование транспортных потоков позволяет каждому выбрать оптимальный способ передвижения, сохраняя высокий уровень комфорта и безопасности.

Инфраструктура парка разнообразна и отвечает запросам на досуг, спорт, социальную активность и культурное обогащение. Центральным объектом станет арт-ресторан «Верблюжий глаз», который задуман как новая точка притяжения для жителей и туристов, популяризирующая национальную культуру.

Существующий каток и памятник сохраняются и интегрируются в новую концепцию. Водные элементы усиливают уникальную атмосферу парка, создавая визуальные эффекты отражения и способствуя эмоциональному расслаблению посетителей (рис. 4, 5).

Все архитектурные объекты и малые формы имеют плавные и мягкие контуры, отсылающие к мотивам традиционного казахского декоративно-прикладного искусства, включая музыкальные инструменты, растительные орнаменты и элементы домашней утвари. Это формирует узнаваемый, гармоничный облик пространства, подчеркивающий культурную самобытность и преемственность традиций.

При проектировании особое внимание уделено эргономике, безопасности и доступности для людей всех возрастов и физического состояния. Запроектированы удобные маршруты с минимальными перепадами высот и плавными уклонами, тактильная навигация для слабовидящих, комфортные зоны отдыха с лавочками, спинками и подлокотниками, широкие проходы для колясок и инвалидных кресел, а также качественное освещение для исключения затемненных зон в ночное время.

Интеллектуальные системы автоматизированного управления освещением, поливом и мониторингом состояния зеленых насаждений обеспечивают экономное расходование ресурсов и поддержание высокого уровня

благоустройства при минимальных затратах. Принципы устойчивой ландшафтной архитектуры обеспечат сохранение биоразнообразия, рациональное использование местных материалов и минимизацию разрушительного воздействия.

В итоге формируется экологически сбалансированное, энергоэффективное и эстетически значимое городское пространство, объединяющее инновации и традиции в интересах комфортной жизни горожан.

Закключение

В результате проведенного исследования сформирована комплексная проектная концепция реновации парка «Акбота» в городе Актау, основанная на принципах устойчивого развития, универсального дизайна и глубокой культурной идентификации пространства. Проведенный предпроектный анализ территории, включавший аэрофотосъемку, натурные обследования, интервьюирование местных жителей и изучение социально-экологических характеристик, позволил выявить ключевые проблемы и значительный потенциал рассматриваемого объекта.

Особое внимание в проекте уделено вопросам обеспечения инклюзивности и комфорта городской среды для всех категорий пользователей – пожилых людей, детей, беременных женщин, а также лиц с временными или постоянными ограничениями жизнедеятельности. Внедрение принципов универсального дизайна на всех уровнях – от общей планировочной структуры до малых архитектурных форм – гарантирует создание безопасного и доступного пространства, способствующего социальной интеграции и повышению качества жизни населения.

Важной составляющей разработанной концепции реновации является использование интеллектуальных технологий для оптимизации эксплуатационных процессов: автоматизированные системы управления освещением, мониторинг состояния зеленых насаждений и рациональное водоснабжение. Эти меры направлены на снижение энергопотребления и экономное использование водных ресурсов, что соответствует современным требованиям энергоэффективности и экологической устойчивости городских территорий.

^ Рис. 4. Общий вид парка / Fig. 4. General view of the park

^ Рис. 5. Общий вид парка / Fig. 5. General view of the park

Проектное решение основано на тщательно проработанном образно-художественном подходе, при котором архитектурные объекты и элементы благоустройства ассоциативно перекликаются с мотивами традиционного казахского прикладного искусства – музыкальными инструментами, национальными орнаментами и элементами предметного быта. Такое художественное наполнение способствует формированию уникальной идентичности парка и повышает его культурную и рекреационную ценность для жителей и гостей города.

Таким образом, предложенная модель реновации парка «Акбота» демонстрирует целостный пример гармоничного синтеза национальных традиций и инновационных проектных решений, способствующих устойчивому развитию городской среды Актау и формированию современного, комфортного общественного пространства, отвечающего актуальным социокультурным и экологическим требованиям. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейшем для разработки аналогичных проектов реновации общественных пространств как на территории Казахстана, так и в других регионах с сопоставимыми природно-климатическими и социальными условиями.

Литература

1. Жайна Тлеген, Баян Кадербике, Дина Амандыкова. О гуманизации городских пространств: выводы из урбанистического проекта в городе Алматы, Казахстан // *Archi-Texts*. – 2024. – Т. 1, вып. 1. – URL: https://archi-texts.com/e-journal_1-01.php (дата обращения: 13.06.2025).
2. Мин, М., Тимс, К. Люди создают места: развитие общественной жизни городов. – Москва : Demos, 2005. – 79 с. – URL: <http://surl.li/qlmmo> (дата обращения: 13.06.2025).
3. Козн, Д., Голинелли, Д., Уильямсон, С., Сегал, А., Марч, Т., МакКензи, Т. Л. Влияние улучшения состояния парков на их посещаемость и физическую активность: последствия для политики и программирования // *American Journal of Preventive Medicine* (Американский журнал профилактической медицины). – 2009. – Т. 37, № 6. – С. 475–480.
4. Тлеген, Ж. Ж., Исабаев, Г. А., Юсупова, А. К., Мурзалина, Г. Б., Амандыкова, Д. А. Архитектурно-композиционные концепции экологически безопасной городской среды // *Гражданское строительство и архитектура*. – 2022. – Т. 10, № 3. – С. 1036–1046.
5. Мамедова, Д. Р. Анализ экологической ситуации города Актау //

Молодой ученый. – 2024. – № 50 (549). – С. 58–61. – URL: <https://moluch.ru/archive/549/120477/> (дата обращения: 13.06.2025).

6. Максимова, О. Парк «Акбота» в Актау – фотопортрет пустых обещаний // *Lada.kz*. – URL: <https://www.lada.kz/society/139304-populiarnye-tiktokery-iz-rossii-vybrali-aktau-dlia-semeinogo-otdykha.html> (дата обращения: 13.06.2025).

7. Тлеген, Ж., Молдабеков, М., Кошено, К., Мугжанова, Г. Роль этнокультурных общественных пространств в Казахстане // *Astra Salvensis*. – 2018. – Т. 11. – С. 761–774.

8. Эльдардири, Д. Х., Конбр, У. Использование феноменологической теории для устойчивой реновации исторических открытых пространств в Бахрейне // *Международный журнал устойчивого развития и планирования*. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 559–568.

9. Харник, П. Городская зелень: инновационные парки для возрождающихся городов. – Вашингтон, DC : Island Press, 2010. – URL: <https://lccn.loc.gov/2009043096> (дата обращения: 13.06.2025).

10. Эссентай, Д. Е., Кыялбаев, А. К., Кыялбай, С. Н., Борисюк, Н. В. Критерий надёжности и модель определения оптимальной скорости движения по автомобильным дорогам в зимних скользких условиях // *Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия геологических и технических наук*. – 2020. – № 6 (444). – С. 119–125.

References

- Cohen, D., Golinelli, D., Williamson, S., Sehgal, A., Marsh, T., & McKenzie, T. L. (2009). Impact of Park Renovations on Park Use and Physical Activity: Policy and Programming Implications. *American Journal of Preventive Medicine*, 37(6), 475–480. <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2009.07.017>.
- Eldardiri D. H., & Conbr U. (2022). Using Phenomenological Theory for Sustainable Renovation of Historical Open Spaces in Bahrain. *International Journal of Sustainable Development and Planning*, 17(2), 559–568. <https://doi.org/10.18280/ijstdp.170221>
- Essentai, D. E., Kiyalbayev, A. K., Kiyalbay, S. N., & Borisjuk, N. V. (2020). Reliability Criterion and Model for Determining the Optimal Speed on Highways in Winter Icy Conditions. *Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of Geological and Technical Sciences*, 6(444), 119–125. DOI: 10.21660/2021.83.j2115.
- Harnik, P. (2010). *Urban Green: Innovative Parks for Resurgent Cities*. Washington, DC: Island Press. Retrieved June 13, 2025, from <https://lccn.loc.gov/2009043096>
- Maksimova, O. Akbota Park in Aktau: A Photo Report of Broken Promises. *Lada.kz*. Retrieved June 13, 2025, from <https://www.lada.kz/society/139304-populiarnye-tiktokery-iz-rossii-vybrali-aktau-dlia-semeinogo-otdykha.html>
- Mamedova, D. R. (2024). Analysis of the Environmental Situation in the City of Aktau. *Young Scientist*, 50(549), 58–61. Retrieved June 13, 2025, from <https://moluch.ru/archive/549/120477/>
- Min, M., & Tims, Ch. (2005). *People Make Places: Growing the Public Life of Cities*. Moscow: Demos. Retrieved June 13, 2025, from <http://surl.li/qlmmo>
- Tolegen, Zh. Zh., Isabayev, G. A., Yusupova, A. K., Murzalina, G. B., & Amandykova D. A. (2022). Architectural and Compositional Concepts of an Environmentally Safe Urban Space. *Civil Engineering and Architecture*, 10(3), 1036–1046. <https://dx.doi.org/10.13189/cea.2022.100320>.
- Tolegen, Zh., Kaderbieke, B., & Amandykova, D. (2024). Human Urban Spaces: Insights from an Urban Intervention in the City of Almaty, Kazakhstan. *Archi-Texts e-journal*, 1(1). Retrieved June 13, 2025, from https://archi-texts.com/e-journal_1-01.php
- Tolegen, Zh., Moldabekov, M., Kosheno, K., & Mugzhanova, G. (2018). The Role of Ethnocultural Public Spaces in Kazakhstan. *Astra Salvensis*, 11, 761–774.

Формирование «зеленых каркасов» городов в XXI веке становится актуальной темой для определения их перспективного развития с позиции эколого-ориентированного подхода. Однако существующее неудовлетворительное эколого-гигиеническое состояние городов обусловлено рядом причин, вызванных процессами урбанизации: высокая плотность населения, большая площадь застройки и т. д. Эти проблемы в основном являются следствием архитектурно-градостроительных решений. В исследовании проводится анализ архитектурно-градостроительного процесса в проектировании рекреационных зон и выявляются проблемы в данной отрасли.

Ключевые слова: рекреация; экология; парк; город; комфортная среда; Астана; градостроительство. /

The formation of 'green frames' of cities in the 21st century has become an urgent topic for determining their future development from an environmentally-oriented perspective. However, the existing unsatisfactory ecological and hygienic conditions in cities are caused by a number of factors related to urbanization, such as high population density, large built-up areas, etc. These problems are primarily the result of architectural and urban planning decisions. This study analyzes the architectural and urban planning process in the design of recreational areas and identifies the challenges in this field.

Keywords: recreation; ecology; park; city; comfortable environment; Astana; urban planning.

Проблема формирования рекреационных зон в Астане / The problem of formation of recreational areas in Astana

текст

Сеймур Мамедов

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Айнур Мулдагалиева

Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина (Астана, Казахстан)

Гани Карабаев

Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина (Астана, Казахстан)

text

Seimur Mamedov

Eurasian National University named after L. N. Gumilyov (Astana, Kazakhstan)

Ainur Muldagaliyeva

S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University (Astana, Kazakhstan)

Gani Karabayev

S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University (Astana, Kazakhstan)

1. Введение

С ростом города, урбанизацией и развитием промышленности становится все более сложной проблема охраны окружающей среды, создания комфортных условий для жизни и деятельности человека [1]. Данное обстоятельство заставляет пристально следить за состоянием и развитием всех компонентов окружающей среды. При этом одним из главных экологических элементов в городской структуре являются рекреационные зоны, к которым относятся парки, сады и т. д.

Рекреация (лат. Recreation – восстановление, воссоздание) – это человеческая деятельность, направленная на восстановление психических и физических сил, а также и на личностный рост. Этот вид деятельности не связан с удовлетворением повседневно-бытовых потребностей, а также с осуществлением рабочих обязанностей [2, с. 85].

Природные территории входят в состав зеленых зон городов, комплексно выполняющих рекреационные, средорегулирующие, защитные функции, формируя инфраструктуру – сеть рекреационных учреждений, других объектов и устройств, обеспечивающих комфортные и безопасные условия проживания и обслуживания отдыхающих, а также защиту природной среды от негативных последствий рекреационной деятельности населения [3, с. 295].

При формировании городов, особенно крупнейших, необходимо создание развитой рекреационной инфраструктуры, которая обеспечит сбалансированное расположение природных и урбанизированных пространств. Это также позволит организовать пешеходную доступность населения к сине-зеленым зонам, выполняющим санитарно-гигиеническую и эстетическую функции.

Санитарно-гигиеническая функция зеленых насаждений заключается в уменьшении неблагоприятного воздействия окружающей среды (перегрева, сильных ветров, излишней сухости или высокой влажности воздуха; защиты от загрязнения водоемов и атмосферы; защиты от шума и др.) на человека и охраной природной составляющей в городской структуре. Эстетическая функция зеленых насаждений заключается в обогащении архитектурно-художественного облика жилой среды, улучшении ландшафта открытых городских территорий.

Таким образом, рекреационные пространства на современном этапе являются одним из основных элементов городской структуры, которые способны удовлетворить запросы городского населения и естественной природы.

На основании вышеизложенного формируется цель данного исследования – определить и обосновать проблему в области проектирования рекреационных зон в структуре города Астаны.

Для выполнения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить значение рекреационных зон в городской структуре;
- проанализировать действующую нормативную базу в данной области;
- проанализировать проектные решения в области формирования рекреационных зон города Астаны;
- выполнить натурное обследование исследуемых территорий;
- провести социологическое исследования в виде опроса и беседы с городскими жителями.

2. Материалы и методы

Для получения обоснованных результатов необходимо провести комплексное исследование, которое включает в себя изучение теоретического материала и критического анализа практических работ, определение социального мнения населения по объекту исследования, обобщение полученных данных и прогнозирование их развития. В связи с этим сформировались группы методов: теоретические, практические, социальные, обобщающие и прогнозирующие.

Теоретические методы. **Метод изучения теоретического материала.** Все научные труды являются последовательным продолжением других научных изысканий, их изучение необходимо для обоснования актуальности исследования, проблемы и понимания научной новизны. Таким образом, на данном этапе в первую очередь необходимо изучать кандидатские и докторские диссертации в данной области, монографии, учебники, научные статьи, входящие в базы Scopus и ККСОН. При этом необходимо анализировать исследовательскую деятельность зарубежных и местных ученых. В основном результат данного

метода не имеет определенной точности, он носит обобщенный характер.

Метод изучения нормативной документации.

В проектной деятельности нормативная документация формируется из теоретических исследований. Поэтому на данном этапе анализируются архитектурно-градостроительные нормы в области формирования объекта исследования (рекреационных зон), устанавливается их связь с научными трудами, определяются важные элементы объекта исследования и его характеристики.

Практические методы. **Метод анализа проектных документов.** Для архитектурно-градостроительного анализа необходимо изучить проекты, имеющие отношение к формированию объекта исследования (рекреационные зоны). Таким проектом является генеральный план города Астаны до 2035 года и краткая пояснительная записка к данному генеральному плану, который выполнен ТОО «Научно-исследовательский проектный институт «Астанагенплан»». В результате данного метода определяются множество архитектурно «спорных» моментов (вопросов).

Метод градостроительной коррекции проектных документов. Проектные решения, представленные в рассматриваемом документе, разрозненны и некорректно оформлены. Для того, что понять градостроительную направленность в области формирования рекреационных зон, необходимо внести архитектурные уточнения, которые связаны с размещением зеленых зон (парков, садов и т. д.) в структуре города. Для этого представленный перечень зеленых зон на листе ГП 5.3. «Схема озеленения» сопоставляется с картой города. В результате данного метода формируется более ясная структура градостроительного проектирования рекреационных зон.

Метод натурального обследования. В процессе использования этого метода осуществлялась фотофиксация рекреационных зон и их элементов. В ходе наблюдения исследователь всегда руководствуется определенной идеей, концепцией или гипотезой. Авторы не углублялись в детали рекреационных зон: лавки, скульптуры, детские площадки и т. д., поскольку их целью было осмыслить градостроительное размещение и проектную логику формирования зеленых зон в структуре города Астаны, а не их наполнение.

Метод типологического сравнения. Сравнение – познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов. С помощью сравнения выявляются качественные и количественные характеристики предметов. Следует иметь в виду, что сравнение имеет смысл только в совокупности «однородных» предметов, образующие класс. Сравнение предметов в классе осуществляется по признакам, существенным для данного рассмотрения; при этом предметы, сравниваемые по одному признаку, могут быть несравнимы по другому [4, с. 15]. На этом этапе сравнивается характеристика типологических элементов рекреационных зон, представленных в нормативных и проектных документах. Основными элементами сравнения являются тип и площадь рекреационной зоны (парка, сада) и радиус доступности. Для определения фактической площади использовались спутниковые карты города, измерительные приборы (электронная рулетка) и материалы натурального обследования. В результате данного метода определяются типологические отличия между теоретическими (нормированными) и практическими понятиями и характеристиками.

Социальные методы. **Метод социального исследования.** В контексте исследования авторы провели социологический опрос среди населения города.

Метод интервью. На данном этапе проводилась беседа с городскими жителями. В результате сформировалось социальное мнение о существующей и дальнейшей организации рекреационных зон в структуре города Астаны.

Прогнозирующие методы. **Метод эксперимента.**

Мысленный эксперимент – это теоретическая модель концептуальных элементов, представляющих собой не реальные, а воображаемые объекты, над которыми проводятся различные действия. В результате данного метода формируется концептуальная модель, которая основана на экологических тенденциях и социально-градостроительных запросах общества.

Метод прогноза. Прогноз – высказывание о будущем, которое получено в результате исследований, проведенных на глубокой научной основе. На данной стадии авторы формируют предложения по градостроительной концепции развития рекреационных зон в структуре города Астаны.

Метод сравнения. Результаты видны только в однопольном сравнении, в связи с этим сопоставляется существующая и предлагаемая концепции организации рекреационных пространств в структуре столичного города.

Обобщающие методы. Метод подведения итогов.

В завершение исследования фиксируются научная новизна и социальная востребованность полученных теоретических результатов.

3. Результаты

Основными видами городских ландшафтно-рекреационных территориальных образований являются парки, сады, скверы, бульвары.

Парк – озелененная рекреационная территория специализированного или многофункционального направления, предназначенная для периодического массового отдыха городского населения. В зависимости от расположения в структуре города существует два типа парка: городской (от 15 га) и районный (от 10 га). Радиус доступности районного парка не должен превышать 1200 м.

Сад – озелененная рекреационная территория, предназначенная для повседневного отдыха населения. Площадь сада составляет от 2-х до 5 га. Радиус доступности сада в структуре микрорайона не должен превышать 400 м.

Бульвар – озелененная линейная территория, которая располагается вдоль улиц и предназначена для повседневного отдыха и транзитного пешеходного движения. Ширина бульвара должна составлять не менее 15 м.

Сквер – озелененная рекреационная территория, предназначенная для повседневного кратковременного отдыха и транзитного пешеходного передвижения населения, площадь которого должна составлять от 0,5 до 2,0 га.

Согласно норме 8.1.17 удельный вес озелененных территорий и других открытых пространств в пределах застройки городов должен быть не менее 40%, а в границах территории жилого района – не менее 25% (включая суммарную площадь озелененной территории микрорайона и кварталов) и составлять не менее 19 м²/чел. [5, с. 35].

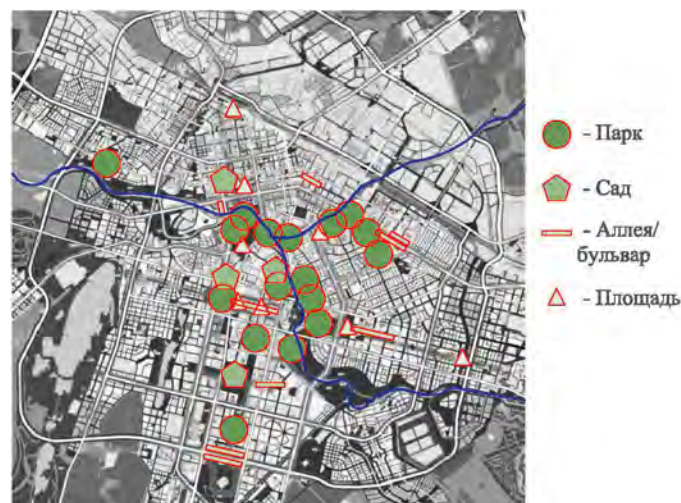
Таким образом, анализ нормативных документов показывает иерархическую структуру рекреационных зон, которая направлена на формирование:

- доступности (расстояние от жилой зоны до рекреационных объектов);
- равномерности размещения рекреационных территорий в городской структуре;
- удовлетворение разнообразных типов отдыха населения.

При этом необходимо отметить, что формирование некоторых типов рекреационных элементов носит рекомендательный характер (сквер, бульвар и т. д.). Радиусы доступности рекреационных территорий связаны с пределами физической утомляемости пешеходов и временной доступности этих объектов. У некоторых рекреаци-

^ Рис. 1. Анализ проекта генерального плана города Астаны:
– Лист ГП 5.3 Схема озеленения (взято из альбома генерального плана);
– Схема размещения типов рекреационных зон в структуре города (сделано автором)

онных территорий нормированный радиус доступности отсутствует.

Основным и первичным градостроительным документом является генеральный план. В проекте генерального плана определяют такие параметры городской среды, как перспективная численность населения и социально-демографическая структура; направления и границы территориального развития, которые устанавливаются с учетом пригородной зоны; предложения по функциональному зонированию и планировке территории; территориальная организация и параметры развития жилой, производственной, социальной, инженерно-транспортной и других инфраструктур; резерв и очередность освоения территории населенного пункта и пригородной зоны; мероприятия, обеспечивающие безопасность населения и создание комфортной среды проживания; охрана природной среды, природных объектов, комплексов, историко-культурных ценностей [6, с. 48].

Анализ альбома генерального плана в области формирования рекреационных зон показывает традиционную градостроительную концепцию линейного развития зеленых зон, которые в основном расположены на речной оси. При этом присутствует достаточно активное взаимодействие-слияние одного рекреационного объекта с другим. Так, парк «Жетысу» перетекает в «Корейский сад»; «Цветочный сад» – в сквер «Музея Первого Президента» и т. д.

На схеме видно доминирование парков над другими типами рекреационных зон, при этом нет нормированного деления данной структуры на городскую и районную. Появляются также такие элементы озеленения, как площадь и аллея, которые в нормах не указываются, при этом в генеральном плане отсутствуют скверы как типы рекреации (рис. 1).

Для определения общей площади рекреационных зон в структуре города необходимо указать площадь для каждого существующего и проектного объекта. В представленной таблице «Расчет зеленых насаждений» указывается, что современное состояние зеленых насаждений общего пользования составляет 1324,60 га, а рассчитанные по нормативам на 2025 год – 2812 га, на 2035 год – 4506 га. При этом в генеральном плане

не раскрывается механизм увеличения рекреационных зон в структуре города.

Большинство опрошенных отмечают неравномерное распределение рекреационных зон в структуре города. Нормативные радиусы доступности для парков (1200 м) и садов (400 м) не выполнены: имеются жилые зоны, которые удалены от зеленых пятен более чем на 3 км. Несмотря на то, что в нормативных документах и проекте генерального плана города Астаны указывается средняя обеспеченность 19,0 м² озеленения на человека, опрошенные считают этот показатель не соответствующим действительности.

В результате натурного обследования установлены расхождения между нормированными типологическими характеристиками и проектными. Так, в проекте указывается Парк Афганской войны, при этом нормативная минимальная площадь районного парка составляет 10 га, а территория, отведенная под этот тип рекреации, имеет приблизительные размеры 100 × 125 метров, что составляет около 1,25 га.

В градостроительных документах указывается водоохранная зона шириной в 30 метров. При этом обозначенный в проекте Пушкинский парк имеет приблизительные габариты: ширина 56 м (от воды), длина 259 м, площадь 1,45 га. Таким образом, существенная часть его территории относится к набережной, на которую последовательно наложены различные зеленые зоны.

В результате социологического опроса, проведенного возле Парка Афганской войны и Пушкинского парка, по вопросу, к какому типу рекреации относится данный участок, ни один респондент (всего их было 94) не выбрал вариант «парк».

Также необходимо отметить функциональную слабость данных зон, низкую экологическую направленность, которая выражается в количестве зеленых насаждений на данных участках. Это очень хорошо раскрывает Триатлон парк, который предназначен в основном для прогулки, бега или катания на велосипеде, с небольшим количеством зеленых насаждений (деревьев и кустов) (рис. 2).

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии единой градостроительной стратегии развития рекреационных пространств в структуре города Астаны,

^ v Рис 2. Рекреационные зоны города Астаны:
А) Парк Афганской войне;
Б) Пушкинский парк;
В) Триатлон парк. Фото автора

которые бы учитывали требования различных слоев городского населения и основные направления экологического развития современных городов.

Существующая модель формирования рекреационных зон увеличивает городскую нагрузку на природный элемент – реку, при этом практически не использует природно-ландшафтные территории для рекреации. В результате исследования установлено огромное влияние экономического фактора на формирование зеленых зон и традиционного градостроительного подхода. Таким образом, отдых городского населения практически не организован, за исключением тех жилых объектов, которые расположены у набережной и, соответственно, у зеленых зон (рис. 3).

Рекреационная деятельность большей части городского населения сосредоточена вокруг жилой зоны и имеет небольшую вариативность. Одним из основных выборов досуга становится пассивное потребление телевизионной и видеопроодукции, компьютерных игр и интернет-технологий. При этом удаленность различных типов рекреации в структуре крупного города может вызывать социально-психологические проблемы: чувство неуверенности; асоциальные виды досуга и др.

Современный градостроительный подход направлен на реализацию идеи создания экологического города, которую еще в 1980-е выдвинул известный российский архитектор А. Э. Гутнов. Эта идея предусматривает развитие гибкой планировочной структуры города в соответствии с ландшафтными особенностями, отказ от жесткого функционального разделения городской территории и создание комплексной многофункциональной среды города [7, с. 55].

Таким образом, появляется экологически-ядерная градостроительная концепция, которая направлена не на линейную нагрузку городского общества на природный аттрактор, а на формирование экологического каркаса города, связанного с природно-ландшафтными территориями (рис. 4).

По зеленым лучам данной концепции располагаются природные ядра – минимально измененные участки ландшафта, где сохраняются естественные связи между компонентами, или антропогенные сине-зеленые пятна, созданные человеком. В соответствии с этим на стадии

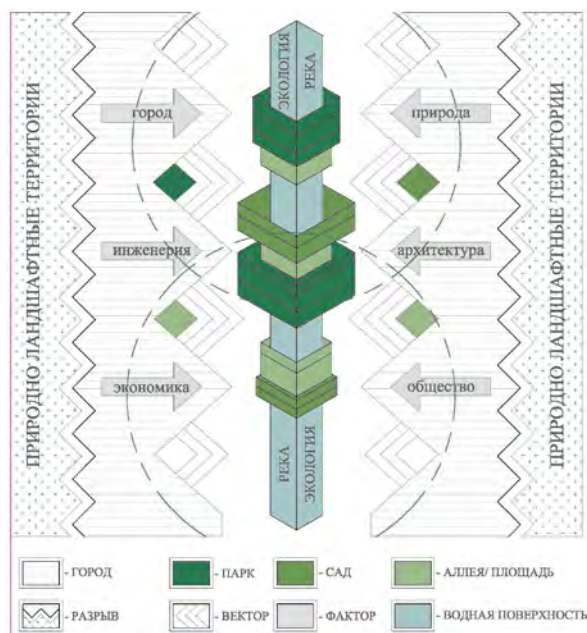

градостроительного проектирования необходимо фиксировать природные элементы и выстраивать вокруг них дальнейшую структуру города.

В этой модели факторы, которые давили на природные элементы (реку) частично диаметрально разворачиваются, сосредотачивая свое внимание на всех объектах рекреационной инфраструктуры. В результате формируются экологический, архитектурно-градостроительный, социальный и экономический эффекты.

Экологический эффект заключается в повышении способности к самоочищению реки; формировании набережной зоны; образовании экологического каркаса города; развитии природных ядер и сине-зеленых пятен;

> Рис. 3. Существующая «линейная» концепция формирования рекреационных зон

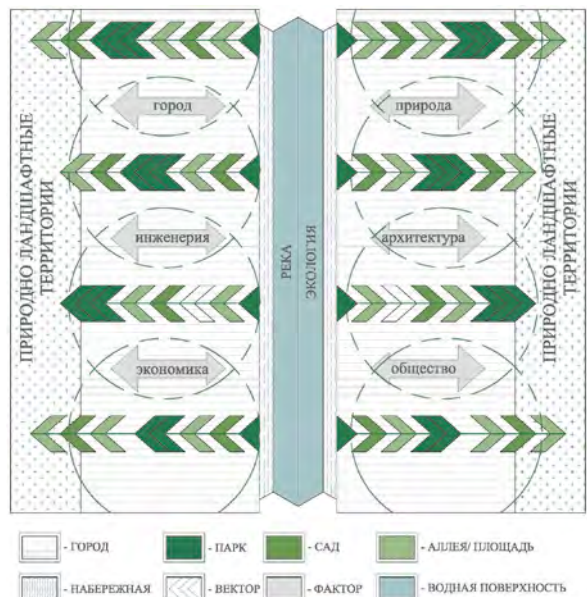

включении рекреационно-ландшафтных территорий в рекреационную структуру города.

Архитектурно-градостроительный эффект выражается в формировании равноценной городской структуры за счет обоснованного распределения рекреационных зон; организации доступной среды; взаимодействия городских зеленых зон с природно-ландшафтными территориями; уменьшения нагрузки на существующие природные элементы; организации архитектурно-художественного облика городских пространств, направленных на взаимодействие города и природной среды.

Социальный эффект отображается в повышении уровня санитарно-гигиенических условий за счет увеличения рекреационных зон; улучшении психологического и физического состояния городского населения; формировании новых социальных точек притяжения; предоставлении широкого спектра разнообразного досуга в пределах доступности.

Экономический эффект заключается в финансовой привлекательности городской среды; в экономическом повышении качества жилых и общественных объектов; улучшении психоэмоционального и физического состояния населения за счет рекреационных пространств, что будет способствовать более плодотворному труду.

> Рис. 4. Предлагаемая «ядерная» концепция формирования рекреационных зон

4. Дискуссия

Доктор социологических наук Олег Михайлович Рой утверждает: несмотря на то, что отвод земель под территории общественного пользования – парки и скверы – лишает органы власти возможности выручить в бюджет значительные суммы денежных поступлений от застройщиков, на самых дорогих землях мира простираются тысячи гектаров зеленых зон, создающих благоприятную среду для граждан этих городов и повышающих стоимость земли всего прилегающего к этим зонам пространства. В качестве основного примера ученый приводит Центральный парк Нью-Йорка – настоящую жемчужину этого города, воплощение продуктивного согласия бизнеса и власти в вопросах экологического благоустройства городского пространства.

Исследователь отмечает, что вследствие высокой востребованности строительных площадок в городах стала стремительно сокращаться доля общественных пространств и в первую очередь зеленых насаждений. Одной из причин такого положения стала неопределенность и смысловая размытость экологических нормативов. Существующий характер и способы расчета площади рекреационных зон позволяет застройщикам разными способами варьировать данные значения и пренебрегать требованиями к сохранению экологического равновесия в российских городах [8, с. 203].

В кандидатской диссертации Д. В. Литвинов провел анализ инвестиционной привлекательности прибрежных территорий, который показал, что уровень цен на жилье в Поволжских городах с 2005 по 2007 вырос на 60%. Он также установил, что разработка нормативной градостроительной документации отстает от развития застройки в прибрежной зоне городов Поволжья. В своем исследовании автор разрабатывает градо-экологические принципы развития прибрежных зон [9, с. 106].

Учитывая представленные научные труды, можно утверждать о положительном экономическом эффекте зеленых зон в городской структуре, что дополнительно подтверждает обоснованность предлагаемой модели. В данных исследованиях также указывается на проблемы нормативной базы в области проектирования рекреационных зон, но при этом не приводится анализа архитектурно-градостроительных решений и проектов.

В Республике Казахстан экологическое состояние набережных и самих рек постоянно ухудшается. Так, группа ученых из Восточного Казахстана отмечает, что внутренние реки крупных городов (на примере города Усть-Каменогорска) подвергаются существенному антропогенному воздействию, которое превышает предел их способности к самовосстановлению [10].

Группа местных исследователей установила, что в крупных городах Земли заметно сокращается природный компонент среды, и особенно актуальным вопросом на протяжении последних десятилетий является обращение мирового архитектурного сообщества к экологическим аспектам проектирования и строительства, способствующим комфортному, устойчивому развитию городского пространства. В Казахстане проблеме экологического состояния крупных городов, экономии энергоресурсов стали уделять большое внимание в конце XX – начале XXI в. Причиной стали последствия урбанизации, социальный фактор (производственная деятельность, транспорт), которые в свою очередь вызвали угрозу экологического характера [11].

Результаты местных ученых легли в обоснование экологической проблемы данного исследования, причины которой связаны с урбанизацией. В представленном исследовании авторы расширяют список причин экологических проблем, связанных непосредственно с архитектурно-градостроительной деятельностью.

Немецкие исследователи в процессе изучения био-разнообразия места проживания городского населения

выявили значительную взаимосвязь между воспринимаемым биоразнообразием городских зеленых насаждений и субъективным благополучием местных жителей. Густота лесного покрова, обилие крупных деревьев, а также видовое разнообразие способствуют повышению благосостояния городского населения. В то же время кажущаяся неухоженность городских территорий негативно сказалась на благосостоянии жителей [12].

В результате использования комбинации традиционных интервью и методов биосенсорного анализа, чтобы смоделировать влияние уличной жизни на эмоциональное состояние жителей, китайские исследователи установили экологические характеристики жилых улиц, которые влияют на психологическое восприятие людей. К ним относятся: соотношение зеленых насаждений, уровень присутствия автотранспорта, степень проходимости, сложность окружающей среды, ограждение зданий, степень распределения объектов, видимость неба, проходимость по высоте, медленно движущиеся объекты и насыщенность цвета. Исследования показали, что хорошо спроектированная городская среда может обладать такой же способностью снижать стресс, как и природная среда [13].

Эти исследования доказывают благотворное влияние зеленых элементов на человека. В своем обосновании предлагаемой «ядерной» концепции авторы базировались на представленных результатах.

Н. А. Василенко в кандидатской диссертации установила, что взаимопроникновение внешнего природного окружения и зеленых массивов внутрь города создает предпосылки формирования экологически благоприятной среды. Максимальное раскрытие внутренних пространств способствует проникновению благотворных факторов зеленого мира в структуру застройки. Для формирования этой среды автор выявил ряд общих принципов поведения демозкосистем, являющихся базой для разработки логических и математических моделей: принцип целостности, принцип иерархичности структуры, принцип компактности архитектурных систем, принцип определяющих признаков и инвариантности структуры [14]. Однако автор не анализировал архитектурно-градостроительную последовательность формирования рекреационных зон, но выявленные принципы учтены при формировании предложений в данном исследовании.

А. А. Корнилова и И. В. Лаптева установили, что изменившееся геополитическое положение Республики Казахстан, переход к рыночным условиям повлекли за собой изменения не только в обществе, но и в структурной организации городов. В связи с этим возникает острая необходимость в разработке качественно иных подходов при формировании генеральных планов.

Авторы предлагают концептуальную теоретическую модель, которую можно использовать для города Астаны – новой столицы Республики Казахстан. Основу данной модели составляет обобщающее функциональное зонирование основных городских зон и развитие транспортной инфраструктуры [15, с. 132].

Доктор архитектуры А. Ж. Абилов отмечает, что проект Генерального плана развития города Астаны (ТОО «НИПИ АСТАНАГЕНПЛАН», 2018) является логическим продолжением серии генпланов столицы республики, в каждом из которых ставились все более сложные и в то же время актуальные задачи, связанные не только с отражением административного статуса Астаны, но и с повышенным вниманием к вопросам жизнедеятельности горожан [16, с. 114].

В результате анализа научных работ местных ученых основной проблемой в формировании генерального плана города Астана является изменение административно-политических и социально-экономических условий, в связи с этим происходят корректировки градостро-

ительных проектов. При этом необходимо отметить, что Республика Казахстан стала независимой в 1991 году, а перенос столицы произошел в 1998 году.

В результате анализа теоретического материала установлены:

- социально-экономическая важность рекреационных зон в структуре крупного города;
- экологическая слабость урбанизированных территорий;
- отсутствие комплексного анализа архитектурно-градостроительных проектов и нормативных документов;
- недостаток социологического исследования в области формирования рекреационных пространств;
- доминирование концептуально-теоретического подхода в формировании предложений по развитию зеленых пятен.

Таким образом, комплексных исследований по проблемам формирования рекреационных зон в структуре крупного города проводилось мало, что и является актуальностью данной работы.

5. Выводы

В результате проведенного авторами исследования определены основные проблемы архитектурно-градостроительного процесса формирования рекреационных зон. Первая проблема: вместо комплексного используется фрагментарный подход, части которого не собираются в целостную последовательную структуру.

В нормативной базе каждая норма в формировании рекреационных зон в основном самостоятельная, т. е. не связана с другими. Одна норма дает характеристики парка, другая – сада и т. д., но нет нормативов, как должны взаимодействовать между собой различные типы рекреационных зон, как они должны контактировать с другими элементами города. При этом некоторые нормы носят рекомендательный характер, в других отсутствуют градостроительные требования к формированию рекреационных пространств. Это формирует неполноценную нормативную базу.

В градостроительных проектах прослеживается слабая связь с теоретическими и нормативными материалами. При этом каждый лист, который дает информацию о рекреационных зонах, является фрагментом, в котором практически отсутствуют связи между другими частями проекта. Рекреационные пространства в данном проекте носят условный характер, их градостроительное размещение не имеет системности.

Главной проблемой авторы считают социально-градостроительную «отсталость» нормативных и проектных документов, которая выражается в попытках применить решения прошлого городского образа жизни в современной урбанизированной среде.

Расхождения между нормативной базой и проектными решениями вызваны тем, что отсутствует единая градостроительная концепция развития города; критический анализ данных документов; комплексное научно-теоретическое обоснование, направленное на всестороннее развитие рекреационных зон, учитывающее все региональные (социально-экономический, природно-климатический и т. д.) аспекты; практикующие специалисты, владеющие современным теоретическим материалом; комплексный контроль над градостроительным процессом; общественное влияние на проектную документацию.

В процессе исследования установлена фундаментальная роль применяемой градостроительной концепции. Для формирования комфортной городской среды авторы предлагают «ядерную» модель формирования рекреационных пространств, которая по своему смысловому содержанию диаметрально противоположна существующей «линейной» модели. «Ядерная» модель будет способствовать повышению социально-экологического уровня жизни городского населения.

Для получения практического результата данную работу необходимо продолжить в следующих направлениях:

- расширить социологические исследования в области формирования рекреационных зон;
- определить тенденции развития сине-зеленых пространств в структуре крупного города;
- отредактировать действующую нормативную базу с учетом социологических результатов и тенденций;
- скорректировать архитектурно-градостроительные проекты с обновленными нормами;
- сформировать архитектурно-административные механизмы контроля за проектированием и строительством данных городских участков.

В результате последовательного формирования данных трудов появятся теоретические и практические предложения по проектированию и строительству рекреационных пространств в крупных городах.

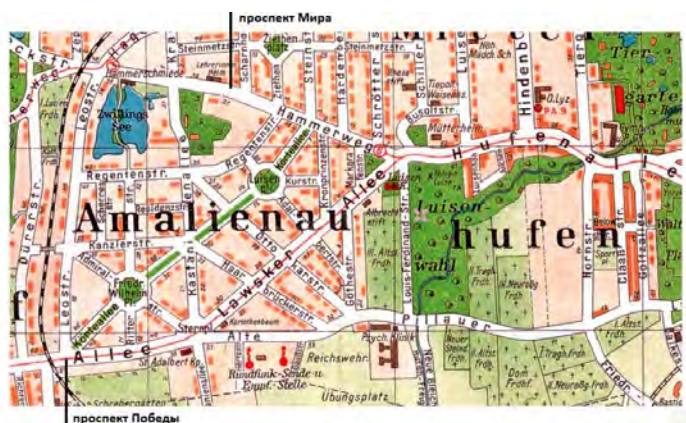
Литература

1. Мамедов, С. Э. Основы градостроительства : Учебное пособие. – Алматы : Эверо, 2024. – 124 с.
2. Корнилова, А. А., Исмаилова, А. А. Методология и методика научных исследований. – Астана : Издательство КазАТУ им. С. Сейфуллина, 2017. – 160 с.
3. СНиП РК 3.01-01Ас-2007. Строительные нормы и правила : Планировка и застройка города Астаны (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.04.2021 г.). – 199 с.
4. Баракбаев, А., Мамедов, С., Ожет, А., Байдрахманова, М., Булыга, Л., Феоктистова, Е., Мазина, Ю. Многовекторная модель градостроительного проектирования // Проект Байкал. – 2024. – № 82. – С. 46–52. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/82.2427>
5. Булатова, Е. К., Ульчицкий, О. А. Ландшафтный урбанизм в контексте современной городской среды : монография. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 129 с.
6. Рой, О. М. Основы градостроительства и территориального планирования : учебник и практикум для вузов – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 249 с.
7. Литвинов, Д. В. Градоэкологические принципы развития прибрежных зон (на примере крупных городов Поволжья) : дис. ... кандидата архитектуры. – Самара, 2009. – 228 с.
8. Apshikur, B., Rakhymberdina, M. Ye., Kapasov, A. K., Toguzova, M. M., Kolpakova, V. P. Investigation of the processes of ecological and ecosystem changes in water bodies using uav data // «ВЕСТНИК ВКТУ». – 2024. – № 1. – Р. 36–48. – URL: <https://storage.ektu.kz/nextcloud/index.php/s/fQ5k2FRmWYBqHD> (дата обращения: 20.05.2025)
9. Тойшиева, А., Тойшиева, А., Муканова, Д. Формирование «зеленой» архитектуры жилых комплексов (на примере Астаны, Сиднея) // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: технические науки и технологии. – 2023. – 142 (1). – С. 56–66. – URL: <https://bultech.enu.kz/index.php/main/article/view/302> (дата обращения: 20.05.2025).
10. Kriskhke, Johanna, Beckmann-Wübbelt, Angela, Glaser, Rüdiger, Dey, Sayantan, Saha, Somidh. Relationship Between Urban Tree Diversity and Human Well-being: Implications for Urban Planning. Sustainable Cities and Society. – 2025. – Vol. 124. April. – P. 1–13. – URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-105000548876&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sot=b&sdt=cl&cluster=scosubjabbr%2C%22ENGI%22%2Ct%2C%22ARTS%22%2Ct&s=TITLE-ABS-KEY%28The+green+city%29&sessionSearchId=ac5412623b093851ab37de36002604ba&relpos=33#> (дата обращения: 20.05.2025).
11. Peng Huiyun, Zhu Tingting, Yang, Tingting, Zeng Mingying, Tan Shaohua, Yan Li. Depression or recovery? A study of the influencing elements of urban street environments to alleviate mental stress. Frontiers of Architectural Research. – 2025. – Vol. 14 Ed. 3 (June). – Pp. 846–862. – URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-105001059793&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sot=b&sdt=cl&cluster=scosubjabbr%2C%22ENGI%22%2Ct%2C%22ARTS%22%2Ct&s=TITLE-ABS-KEY%28The+green+city%29&sessionSearchId=ac5412623b093851ab37de36002604ba&relpos=16> (дата обращения: 20.05.2025).
12. Василенко, Н. А. Системные принципы формирования ландшафтно-рекреационной среды крупного города : дис. ... кандидата архитектуры. – Москва, 2009. – 183 с.
- Bulatova, E. K., & Ulchitsky, O. A. (2023). *Landshaftnyj urbanizm v kontekste sovremennoj gorodskoj sredy: monografiya* [Landscape Urbanism in the Context of the Modern Urban Environment : Monograph]. Moscow: Izdatelstvo Yurajt.
- Kornilova, A. A., & Ismailova, A. A. (2017). *Metodologiya i metodika nauchnyh issledovanij* [Methodology and Methods of Scientific Research]. Astana: Izdatelstvo KazATU im. S. Seyfullina.
- Kornilova, A. A., & Lapteva, I. V. (2018). *Regionalnyie osobennosti formirovaniya generalnyih planov gorodov: Uchebnoe posobie* [Regional features of the formation of general plans of cities: Textbook]. Astana: Izdatelstvo KazATU im. S. Seyfullina.
- Kriskhke, J., Beckmann-Wübbelt, A., Glaser, R., Dey, S., & Saha, S. (2025, April). *Relationship Between Urban Tree Diversity and Human Well-being: Implications for Urban Planning. Sustainable Cities and Society*, 124, 1-13. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-105000548876&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sot=b&sdt=cl&cluster=scosubjabbr%2C%22ENGI%22%2Ct%2C%22ARTS%22%2Ct&s=TITLE-ABS-KEY%28The+green+city%29&sessionSearchId=ac5412623b093851ab37de36002604ba&relpos=33#>
- Litvinov, D. V. (2009). *Gradoekologicheskie principy razvitiya pribrezhnyh zon (na primere kurnykh gorodov Povolzhya)* [Urban and Ecological Principles of Coastal Zone Development (on the Example of Large Cities in the Volga Region)] [Ph. D. in Architecture Dissertation]. Samara.
- Mamedov, S. E. (2024). *Osnovy gradostroitelstva: Uchebnoe posobie*. [Fundamentals of Urban Planning: Textbook]. Almaty: Evero.
- Peng Huiyun, Zhu Tingting, Yang, Tingting, Zeng Mingying, Tan Shaohua, & Yan Li. Depression or recovery? A study of the influencing elements of urban street environments to alleviate mental stress. (2025, June). *Frontiers of Architectural Research*, 14(3), 846 – 862. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-105001059793&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sot=b&sdt=cl&cluster=scosubjabbr%2C%22ENGI%22%2Ct%2C%22ARTS%22%2Ct&s=TITLE-ABS-KEY%28The+green+city%29&sessionSearchId=ac5412623b093851ab37de36002604ba&relpos=16>
- Roj, O. M. (2023). *Osnovy gradostroitelstva i territorialnogo planirovaniya: uchebnik i praktikum dlya вузов* [Fundamentals of Urban Planning and Territorial Development: Textbook and Workshop for Universities] (2nd ed.). Moscow: Izdatelstvo Yurajt.
- SNiP RK 3.01-01As-2007. *Stroitelnye normy i pravila: Planirovka i zastroyka goroda Astany (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 27.04.2021 g.)* [Building Codes and Regulations: Layout and Development of the City of Astana (as of April 27, 2021)].
- Toishiyeva, A., Toishiyeva, A., & Mukanova, D. (2023). Formation of “green” architecture of residential complexes (using the example of the Astana, Sydney). *Bulletin of L. N. Gumilyov Eurasian National University Technical Science and Technology Series*, 142(1), 56–66. <https://bultech.enu.kz/index.php/main/article/view/302>
- Vasilenko, N. A. (2009). *Sistemnye principy formirovaniya landshaftno-rekreacionnoj sredy krupnogo goroda* [Systemic principles of the formation of the landscape and recreational environment of a large city] [Ph. D. in Architecture Dissertation]. Moscow.

13. Корнилова, А. А., Лаптева, И. В. Региональные особенности формирования генеральных планов городов: учебное пособие. – Астана: издательство КазАТУ им. С. Сейфуллина, 2018. – 175 с.
14. Абилов, А. Ж., Маметов, А. А. Градостроительство и территориальное планирование в Казахстане: истоки и тенденции развития. – Алматы, 2022. – 180 с.

References

- Abilov, A. Zh., & Mаметov, A. A. (2022). *Gradostroitelstvo i territorialnoe planirovanie v Kazahstane: istoki i tendentsii razvitiya* [Urban Planning and Territorial Planning in Kazakhstan: Origins and Development Trends]. Almaty.
- Apshikur, B., Rakhymberdina, M. Ye., Kapasov, A. K., Toguzova, M. M., & Kolpakova, V. P. (2024). Investigation of the processes of ecological and ecosystem changes in water bodies using UAV data. *Vestnik of D. Serikbaev EKTU*, 1, 36–48. Retrieved May 20, 2025, from <https://storage.ektu.kz/nextcloud/index.php/s/fQ5k2FRmwYBHQHD>
- Barakbayev, A., Mamedov, S., Ozhet, A., Baidrakhmanova M., Bulysa L., Feoktistova, E., & Mazina, Y. (2024). Multi-vector model of urban planning. *Project Baikal*, 21(82), 46–52. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/82.2427>
- Bulatova, E. K., & Ulchitsky, O. A. (2023). *Landshaftnyy urbanizm v kontekste sovremennoy gorodskoy sredy: monografiya* [Landscape Urbanism in the Context of the Modern Urban Environment : Monograph]. Moscow: Izdatelstvo Yurajt.
- Kornilova, A. A., & Ismailova, A. A. (2017). *Metodologiya i metodika nauchnykh issledovaniy* [Methodology and Methods of Scientific Research]. Astana: Izdatelstvo KazATU im. S. Seyfullina.
- Kornilova, A. A., & Lapteva, I. V. (2018). *Regionalnyye osobennosti formirovaniya generalnykh planov gorodov: Uchebnoe posobie* [Regional features of the formation of general plans of cities: Textbook]. Astana: Izdatelstvo KazATU im. S. Seyfullina.
- Krischke, J., Beckmann-Wübbelt, A., Glaser, R., Dey, S., & Saha, S. (2025, April). *Relationship Between Urban Tree Diversity and Human Well-being: Implications for Urban Planning. Sustainable Cities and Society*, 124, 1–13. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-105000548876&origin=result-list&sort=plf-f&src=s&sot=b&sdt=cl&cluster=scosubjabbr%2C%22ENG%22%2C%2C%22ARTS%22%2Ct&s=TITLE-ABS-KEY%28The+green+city%29&sessionSearchId=ac5412623b093851ab37de36002604ba&relpos=33#>
- Litvinov, D. V. (2009). *Gradoekologicheskie principy razvitiya pribrezhnykh zon (na primere krupnykh gorodov Povolzhya)* [Urban and Ecological Principles of Coastal Zone Development (on the Example of Large Cities in the Volga Region)] [Ph. D. in Architecture Dissertation]. Samara.
- Mamedov, S. E. (2024). *Osnovy gradostroitelstva: Uchebnoe posobie. [Fundamentals of Urban Planning: Textbook]*. Almaty: Evero.
- Peng Huiyun, Zhu Tingting, Yang, Tingting, Zeng Mingying, Tan Shaohua, & Yan Li. Depression or recovery? A study of the influencing elements of urban street environments to alleviate mental stress. (2025, June). *Frontiers of Architectural Research*, 14(3), 846 – 862. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-105001059793&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sot=b&sdt=cl&cluster=scosubjabbr%2C%22ENG%22%2C%2C%22ARTS%22%2Ct&s=TITLE-ABS-KEY%28The+green+city%29&sessionSearchId=ac5412623b093851ab37de36002604ba&relpos=16>
- Roj, O. M. (2023). *Osnovy gradostroitelstva i territorialnogo planirovaniya. uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Fundamentals of Urban Planning and Territorial Development: Textbook and Workshop for Universities] (2nd ed.). Moscow: Izdatelstvo Yurajt.
- SNiP RK 3.01-01As-2007. *Stroitelnye normy i pravila: Planirovka i zastroyka goroda Astany (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 27.04.2021 g.)* [Building Codes and Regulations: Layout and Development of the City of Astana (as of April 27, 2021)].
- Toishiyeva, A., Toishiyeva, A., & Mukanova, D. (2023). Formation of “green” architecture of residential complexes (using the example of the Astana, Sydney). *Bulletin of L. N. Gumilyov Eurasian National University Technical Science and Technology Series*, 142(1), 56–66. <https://bultech.enu.kz/index.php/main/article/view/302>
- Vasilenko, N. A. (2009). *Sistemnye principy formirovaniya landshaftno-rekreativnoy sredy krupnogo goroda* [Systemic principles of the formation of the landscape and recreational environment of a large city] [Ph. D. in Architecture Dissertation]. Moscow.

В начале XX века «болезни» крупных городов с длинной историей были признаны неизлечимыми. Город-сад как новый тип поселения виделся выходом из сложившегося положения. Жизнь Ins Grüne, на лоне природы, имела особый смысл и означала принятие простоты как эстетической категории, что сказалось на архитектуре домов в многочисленных городах-садах, где был представлен весь спектр стилистических направлений начала XX века. Для заказчика выбор архитектора для строительства дома в городе-саде означал демонстрацию своего статуса в обществе, а также приверженность соответствующей идеологии. Архитектура дома была своеобразным манифестом.

Ключевые слова: город-сад; простота; архитектура особняков; рационализм; романтизм; символизм; неоклассика. /

At the beginning of the twentieth century, the "diseases" of large cities with a long history were recognized as incurable. The garden city as a new type of settlement was seen as a way out of the current situation. The life "ins Grüne", in the bosom of nature, had a special meaning of acceptance of simplicity as an aesthetic category, which affected the architecture of houses in numerous garden cities, where the entire range of stylistic trends of the early twentieth century was represented. For the customer, choosing an architect to build a house in a garden city meant demonstrating his status in society, as well as commitment to the relevant ideology. The architecture of the house was a kind of manifesto.

Keywords: garden city; simplicity; architecture of mansions; rationalism; romanticism; symbolism; neoclassicism.

Жизнь Ins Grüne / Life Ins Grüne

Когда города были островками цивилизации в дикой природе, солнечный свет, воздух и зелень были доступны всем; достаточно было выйти за городские стены. Города росли, наращивая кольца укреплений, затем расплазались амебами по окрестностям. В недалеком будущем, возможно, мы забудем и само слово «город»; укоренится понятие «урболандшафт», где островки зелени будут искусственными.

«Огромный город давит, душит, плавит и перемалывает всякого, кто здесь оказался. Тысячи одинаковых лиц, похожих друг на друга как капли воды, гуляют, работают, обедают, отдыхают, умирают – непрерывно и неутомимо. Город – огромный часовой механизм, превращающий в рабов не только людей, но и животных...», – писал Леонид Андреев в рассказе «Проклятие зверя» [1]. И в этом же рассказе противоположное: «...вдруг очарует меня далекий город. Так далек я от него, что даже зарева ночных огней его не вижу; так далек я от него, что даже не слышу его грохота – и вдруг он кажется мне близким, вдруг он протягивает ко мне свои каменные пальчатые руки и зовет с величавым укором... Я хочу милых, подвижных людей, которые говорят так понятно; я хочу каменных домов, я хочу электричества, которое я сам зажигаю, сам гашу!» [1].

Соединить прелести жизни на лоне природы и блага цивилизации пытались с незапамятных времен. Рай представлялся местом, где цветут цветы и плодоносят деревья. О невозможности достижения идеала в земной жизни грустят монахи в монастырских садах, символизирующих рай, и архитекторы за компьютерами, рисующие картины будущего человеческих поселений.

Горожане стремятся «на природу» – «ins Grüne», как говорили на немецкий манер герои Чехова, но неизменно возвращаются в города. Утопические проекты «идеальных городов», призванные осчастливить людей, появлялись регулярно со времен античности. Но до конца XIX века авторы утопий гармонию искали в формах каменной архитектуры и в упорядоченности планировки города, а не в единении с природой.

Теоретическое осмысление принципов переустройства и развития городов стало особенно актуальным на рубеже XIX–XX веков, когда количество проблем

нарастало с каждым годом. В 1890 году Йозеф Штюббен (1845–1936), немецкий архитектор, основоположник градостроительной науки в Германии, опубликовал книгу «Градостроительство» [2]. Это был систематический справочник, обобщавший опыт автора по благоустройству исторических районов крупных городов Европы, а также по созданию проектов их развития. Книга Штюббена много раз переиздавалась с изменениями и дополнениями автора. Достаточно перечислить города, в планировании которых принимал участие Штюббен, чтобы оценить значимость его опыта. Он создал проекты реконструкции Кобленца (1889), Кёльна (с Карлом Хенрици, 1891–1897), Вены (1902, с Отто Вагнером), Рима (1911–1914), Мадрида (1930) и др.

Штюббена в первую очередь волновали практические вопросы организации городской инфраструктуры, оптимальная плотность застройки и населения. Архитектурно-художественные вопросы стиля и ансамбля были для него вторичны. Он считал, что город, организованный разумно, будет красив по определению.

В отличие от рационалиста Штюббена Камилло Зитте, опубликовавшего в 1889 году книгу «Городское планирование в соответствии с его художественными принципами» (Der Städtebau nach seinen künstlerischen Grundsätzen) [3], волновали художественные аспекты градостроительства. Эти две линии – рациональная и художественная – в осмыслении проблем городского

текст

Елена Багина

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

text

Elena Bagina

Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

< Плакат начала XX века «Город прошлого – город будущего»

> Город-сад Ратсхоф. Фото с высоты птичьего полета. 1920

> Город-сад Амалиенау. Вид со стороны пруда. Фото Александр Варламов

> Город-сад Амалиенау. Собственный дом архитектора Курта Фрика. Фото начала XX века

планирования и лечения застарелых болезней индустриальной эпохи слились воедино в концепции города-сада.

Новую модель идеального поселения предложили Теодор Фрич в Германии, написавший книгу «Die Stadt der Zukunft» («Город будущего») [4], а в Англии – Эбенизер Говард, выступивший в 1898 году с проектом «Garden-Cities of Tomorrow» (Город-сад будущего) [5]. Фрич и Говард считали, что вылечить города с длинной историей практически невозможно и строить новые поселения нужно на свободном месте.

Книга «Город будущего» вышла в свет в 1896 году. Идеи Теодора Фрича воплотились в строительстве поселка Хаймланд, повлияли и на несколько других проектов жилищного строительства. Вдохновлял идеологов градостроительства также опыт вегетарианской колонии Эден близ Ораниенбурга (Германия), основанной в 1893 году.

Идея основания колонии принадлежала приверженцам естественной жизни, которые на деле хотели испытать верность своих принципов и доказать миру, что жизнь «*ins Grüne*» гармонична. Треть обитателей Эдена была занята садоводством. Остальные трудились в различных мастерских: сапожных, портняжных, столярных, слесарных, ткацких, белошвейных и др. Была также в Эдене строительная контора, булочная, было организовано производство консервов. Работала гостиница. Земля в Эдене в соответствии с уставом находилась в общем пользовании (около 50 га). Спекуляция участками исключалась. «Ораниенбургский Банк» выдавал ссуды для постройки

дома и обустройства участка до 90% стоимости под 5% годовых на 66 лет. По сути, эта колония была организована как государство в государстве со своими законами, экономикой, предприятиями. Однако был и контроль: устав сельскохозяйственной артели Эден официально утверждало правительство Германии [6]. Возможно, успешная экономическая модель эденского поселения вдохновила Эбенизера Говарда.

Города-сады предлагалось строить на свободной территории на окраинах городов или на небольшом расстоянии от них. Планировалось, что добраться до большого города из города-сада можно будет на поезде, трамвае, автомобиле, наконец, верхом или в конном экипаже.

Принципиальной для города-сада была низкая плотность населения и застройки, а также однородная социальная среда. Очень быстро стало понятно, что самоуправление в таких поселениях возможно лишь в очень ограниченном варианте – в рамках существующего социального строя и соответствующего законодательства.

Говард попытался разработать программу строительства города-сада для малоимущих граждан, но его экономический эксперимент провалился. Без постоянного внешнего финансирования такой город-сад существовать не мог.

В начале XX века города-сады строили повсеместно либо для малоимущих на деньги крупных капиталистов, и тогда жители города-сада никаких прав на недвижимость и никакого самоуправления не имели, либо для среднего класса – профессоров университетов, юристов, архитекторов, коммерсантов. Во втором случае для поддержания в порядке систем водопровода, канализации, электроснабжения нанималась управляющая компания, за деятельностью которой следили выборные органы поселения.

В начале XX века принципы планировки городов-садов пытались применять даже к крупным новым городам. Так, Канберра в Австралии благодаря идеологии жизни «*ins Grüne*» обрела зеленые пространства и низкую плотность застройки. Ереван, который мыслился столицей независимой Республики Армении, образовавшейся в 1919 году, тоже планировался как город-сад и до сих пор сохранил

< Город-сад Амалиенау.
Вилла начала XX века.
Фото Александра
Варламова

< Город-сад Амалиенау.
Вилла Эдуарда Шмидта
(старшего)

зеленые пространства парков и скверов, запроектированных Александром Таманьяном.

Для обеспеченных представителей среднего класса город-сад мог быть построен в рамках существующей законодательной и экономической системы. Владельцы земельного участка, на котором строилось поселение, зарабатывали неплохие деньги, архитекторы могли реализовать свои представления об архитектуре и тоже неплохо заработать, а заказчики получали дома своей мечты.

Многообразие эпохи модерна (ар-нуво) и последующего времени давали возможность и архитектору, и заказчику не только согласовать свои представления о комфорте и эстетике дома, но и найти общий язык в вопросах истории, политики, моды и пр. Нередко мужья поручали своим женам взаимодействие с архитекторами и выбор стилистического направления. Поскольку в начале XX века феминистское движение было на подъеме, именно прогрессивные дамы из состоятельных семей поддерживали авангардных архитекторов, а мужья соглашались с их выбором.

Жизнь «ins Grüne» в городе-саде имела особый смысл и означала принятие простоты как доминирующей эстетической категории. Возможно, поэтому рационализм как одно из направлений эпохи ар-нуво был ярко представлен в архитектуре особняков городов-садов. Идеи Жан-Жака Руссо, увлекавшие просвещенных аристократов в XVIII веке, обрели в начале XX века последователей, строивших свои виллы в окружении зелени, вдали от городского шума.

В городах стилистические направления первой половины XX века были выражены ярче, чем в домах, которые строились в городах-садах. Манифестация простоты жизни «ins Grüne» налагала свой отпечаток. Иногда лишь некоторые формы-знаки на фасадах говорили о том, какое направление в архитектуре предпочитал владелец. Если это был сторонник, к примеру, немецкого национального романтизма, на фасаде его дома были намеки на фахверк, стрельчатые арки или характерные башенки. Если владелец предпочитал классику, использовались соответствующие пропорции и ордерные элементы. В архитектуре домов в городах-садах приветствовались «естественные

< Город-сад Амалиенау.
Вилла Людвиг Лео.
Архитектор Фридрих
Хайтманн. 1902

материалы» и «цвета земли»: черепица, камень разных пород, неокрашенное дерево, валуны... На фасадах домов в городах-садах зачастую было совсем немного декоративных элементов, но композиция объемов нередко сложна и асимметрична, что отвечало тенденции формообразования эпохи ар-нуво, какое бы стилистическое направление ни было выбрано – неоклассика, национальный романтизм, символизм или рационализм.

Виллы для среднего класса строились по индивидуальным проектам, но в каждом городе-саде существовали и общие правила, такие как, например, в городе-саде Амалиенау близ Кёнигсберга. Сейчас Амалиенау –

^ Город-сад Амалиенау. Вилла Людвиг Лео. Дворовый фасад. Архитектор Фридрих Хайтманн. 1902

^ Город-сад Амалиенау. Вилла Ханса Арона. Архитектор Отто Вальтер Кукук. Начало XX века. Фото Александра Варламова

престижный район особняков в Калининграде. Там сохранилась изначальная планировка и дома, построенные известными прусскими архитекторами: Фридрихом Хайтманном, Францем Кра, Фридрихом Ларсом, Густавом Хоппом и другими. Архитекторы, строившие в Амалиенау, имели разные взгляды: были среди них сторонники национального романтизма, символисты, неоклассицисты и рационалисты. Впрочем, один и тот же архитектор мог построить один дом с неоготическими элементами, другой – неоклассический, третий – в подражание Адольфу Лоосу или Вальтеру Гропиусу.

Постройки Курта Фрика, к примеру, называют «умеренным модерном», вероятно, имея в виду рационалистическое направление эпохи ар-нуво. Они близки по стилистике ранним постройкам Вальтера Гропиуса, Миса ван дер Роэ и Ле Корбюзье.

Фридрих Ларс в своих проектах использовал, как правило, простые геометрические формы и считался некоторое время авангардистом. Впоследствии, в 1930-х годах, он проектировал неоклассические здания, что вполне отвечало в Германии идеологическому запросу.

Густав Хопп до 1914 года предпочитал югендстиль, а в 1920-х годах позиционировал себя как функционалист. После Первой мировой войны ему стали близки идеи лидеров Баухауза.

> Город-сад Ратсхоф. Типовые жилые дома для рабочих. Фото нач. XX в.

Фридрих Хайтманн и Франц Кра – архитекторы-традиционалисты, предпочитавшие неоготические формы национального немецкого романтизма.

Кёнигсбергские заказчики, эстетические вкусы и политические взгляды которых сформировались в начале XX века, предпочитали обращаться к более молодым архитекторам – Хоппу, Ларсу, Фрику; солидные господа, сложившиеся в XIX веке, заказывали свои дома Хайтманну и Кра.

Несмотря на неизбежные стилистические различия, для особняков и квартирных домов города-сада Амалиенау были выработаны общие правила: строения должны были быть двухэтажными с мансардами, по высоте не более 8–10 метров. Во всех помещениях, даже в коридорах и санузлах, предусматривалось обязательное естественное освещение. Солнечный свет и свежий воздух воспринимались как неперенные атрибуты жизни «*ins Grüne*» [7]. Эти блага должны были радовать обитателей особняков и создавать иллюзию, что они ведут правильную жизнь.

Фридрих Хайтманн, инициатор строительства города-сада Амалиенау в предместье Кёнигсберга, до Первой мировой войны был одним из самых известных и удачливых архитекторов Пруссии. Кайзер Вильгельм I в 1901 году лично вручил Хайтманну орден Короны при освящении построенной им церкви королевы Луизы в Кёнигсберге.

Как профессионал Фридрих Хайтманн сложился в эпоху эклектики. Ему была близка мысль, что немецкую готику можно развить, не копируя формы исторических построек. Увлечение архитектора югендстилем было коротким. Если бы он умер в 1914 году, а не в 1921, профессиональная пресса разразилась бы похвалами по поводу его достижений. Ведь он построил почти треть всех особняков в Амалиенау, школы, больницы, храмы в Кёнигсберге и других городах Восточной Пруссии. Но после Первой мировой войны приоритеты поменялись, и в 1921 году его просто забыли [8].

В 1920-х годах идеология национального романтизма, близкая поколению немецких архитекторов, получивших образование в XIX веке, осталась в прошлом. Пришло время авангардистов разных направлений.

^ Город-сад Амалиенау. Квартирный дом. Начало XX века

< Город-сад Амалиенау. Панорама. Фото Александра Варламова

В Амалиенау мы не найдем таких ярких построек, как у мастеров «первой руки», как говорили в начале XX века. В кёнигсбергском городе-саде строили не гении, но крепкие профессионалы. Строили добротнo и надёжно. В их постройках сохранился дух времени, несмотря на испытания двух мировых войн и советского периода коммунального быта.

В Кёнигсберге сохранился еще один город-сад – Ратсхоф. Но этот поселок был не для состоятельных граждан, а для рабочих вагонной фабрики «Штайнфурт». Проектирование и строительство Ратсхофа началось в 1906 году по инициативе руководства фабрики. Планировочные принципы были похожи на те, что запроектировал Фридрих Хайтманн в Амалиенау: круглые площади, озелененные улицы, примыкающие друг к другу не под прямым углом. Но дома были типовые и дешевые. Строительный мастер Фриц Брайер построил в Ратсхофе двухэтажные квартирные дома, отдельно стоящие и блокированные. При каждом был разбит сад и палисадник. Предусматривались церковь, школа и больница. Квартиры в домах были ведомственными. Связь с центром Кёнигсберга поддерживалась, как и в Амалиенау, трамвайным сообщением.

Конечно, и в Амалиенау, и в Ратсхофе первоначальная застройка была уплотнена в советское время, многое утрачено в облике зданий, но понять, что из себя представляли районы, построенные в соответствии с концепцией города-сада, можно. Да и сохранившиеся строения могут многое рассказать об архитектуре двух эпох XX века – ар-нуво и ар-деко. Строительство Амалиенау и Ратсхофа началось в начале XX века и продолжалось вплоть до 1943 года. Это памятники эпох великих градостроительных и социальных иллюзий.

В XXI веке горожане все так же стремятся жить на лоне природы. Некоторые строят дома своей мечты в пригородных коттеджных поселках и каждый день ездят на работу в большой город, теряя на дорогу несколько часов. Иные переселяются в малые города и работают on line... Эпоха цифровизации дает возможность выбирать образ жизни. А градостроители вот уже второй век дискутируют, как будут развиваться города: по пути урбанизации или дезурбанизация победит.

Литература

1. Леонид Андреев. Проклятие зверя. – URL: <https://andreev.org.ru/biblio/Rasskazi/Proklatie1.html> (дата обращения: 13.05.2025).
2. Stübben, Josef. Der Städtebau. – Darmstadt : Bergsträsser, 1890. – 562 s.
3. Fritsch, Theodor. Die Stadt der Zukunft. – Leipzig, 1896. – 157 s.
4. Зитте, К. Художественные основы градостроительства. – Москва : Стройиздат, 1993. – 255 с.
5. Garden Cities of To-Morrow by Sir Ebenezer Howard. – URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/46134> (дата обращения: 13.05.2025).
6. Колония плодоводства «Эден» близ Берлина. – URL: <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/veg-viewing1913/89.htm> (дата обращения: 13.05.2025).
7. Амалиенау. – URL: <https://www.prussia39.ru/sight/index.php?sid=3748> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Хайтман, Фридрих. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 15.05.2025).
9. Меерович, М. Г. Рождение и смерть города-сада: градостроительная политика в СССР, 1917–1926 гг. : (концепция социалистического расселения - формирование населенных мест нового типа). – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. – 472 с.
10. Ратсхоф. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 15.05.2025).

References

- Amalienau. (n.d.). Prussia 39.ru. Retrieved May 15, 2025, from <https://www.prussia39.ru/sight/index.php?sid=3748>
- Fritsch, T. (1896). *Die Stadt der Zukunft*. Leipzig.
- Heitman, Friedrich. (2025, May 14). In *Wikipedia*. Retrieved May 15, 2025, from <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
- Howard, E., Sir. (2024, October 24). *Garden Cities of To-Morrow* [eBook]. Project Gutenberg. Retrieved May 13, 2025, from <https://www.gutenberg.org/ebooks/46134>
- Koloniya plodovodstva "Eden" bliz Berlina [The Eden fruit colony near Berlin]. (n.d.). Vita animal rights center. Retrieved May 13, 2025, from <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/veg-viewing1913/89.htm>
- Leonid Andreev. (n.d.). *Proklyatie zverya* [The curse of the beast]. Retrieved May 13, 2025, from <https://andreev.org.ru/biblio/Rasskazi/Proklatie1.html>
- Meerovich, M. G. (2008). *Rozhdenie i smert goroda-sada: gradostroitelnaya politika v SSSR, 1917-1926 gg.* [The birth and death of the garden city: urban planning policy in the USSR 1917-1926]. Irkutsk: IrSTU Publishing House.
- Ratshof. In *Wikipedia*. Retrieved May 15, 2025, from <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
- Sitte, C. (1993). *City planning according to artistic principles*. Moscow: Stroyizdat.
- Stübben, J. (1890). *Der Städtebau*. Darmstadt: Bergsträsser.

Описывается центр города Йошкар-Олы с ее уникальным, но местами проблематичным архитектурным обликом, который в свое время поспособствовал развитию туризма. В ответ на назревшие проблемы местный бизнес инициировал проект, получивший название «Город-лес». Концепция направлена на интеграцию марийской идентичности и возвращение лесных мотивов в городскую среду. Одной из ключевых особенностей проекта является предпринимательская модель развития территории.

Ключевые слова: культурный код; предпринимательская модель; лес; общественные пространства; Йошкар-Ола. /

The article describes the center of Yoshkar-Ola with its unique, but sometimes problematic architectural appearance, which used to contribute to the development of tourism. In response to the urgent problems, the local business initiated a project called the Forest City. The concept is aimed at integrating the Mari identity and returning forest motifs to the urban environment. One of the key features of the project is an entrepreneurial model of the territory development.

Keywords: cultural code; entrepreneurial model; forest; public spaces; Yoshkar-Ola.

«Город-лес»: новое прочтение марийской культуры / “Forest City”: A new interpretation of Mari culture

текст

Сергей Маяренко

Сибирская лаборатория
урбанистики (Иркутск)

Анастасия Холявко

Сибирская лаборатория
урбанистики (Иркутск)

text

Sergey Mayarenkov

Siberian Urban Lab (Irkutsk)

Anastasia Kholiyavko

Siberian Urban Lab (Irkutsk)

Йошкар-Ола – одна из трех столиц Поволжья, яркий, контрастный и многогранный город. Столица Республики Марий Эл на сегодня известна своим уникальным разнообразным архитектурным обликом в центре города: в одном месте собраны копии лучших архитектурных средневековых произведений мира – набережная Брюгге, Благовещенский собор, Спасская башня. Масштабная стройка 2010-х годов дала Йошкар-Оле импульс для развития туризма. Сегодня город посещает множество гостей: по открытым данным Правительства Республики в 2024 году турпоток вырос на 33% по сравнению с 2022 годом, количество туристов достигло 1,2 млн. человек. Кроме того, в 2024 году Марий Эл вошла в 10 лучших регионов России по профессиональному мастерству в сфере туризма и участвует в федеральной программе Discover Russia по продвижению туризма за рубежом [1].

Проект набережной Брюгге, разработанный административным путем, несмотря на свою привлекательность, имеет ряд проблем: бетонная набережная практически не связана с водой, отсутствует озеленение. Особенно сильно это сказывается на самочувствии во время пребывания людей на ее территории летом в жаркий день: спрятаться от солнца негде, даже в кафе. Предпринимательские проекты представлены в единичном количестве: первые этажи многочисленных зданий задействованы в основном под бюджетные учреждения. Эта концепция частично получила свое продолжение на единственной оставшейся неосвоенной территории центра Йошкар-Олы – участке у реки Малая Кокшага, который когда-то был полностью покрыт лесом. При этом лес для народа мари, «последних язычников Европы», как они себя называют, является священным местом, куда приходят поклоняться духам. Традиционные обряды до сих пор проводят жители Республики в малых поселениях. Многие леса носят статус особо охраняемых природных территорий и заповедников, а некоторые даже запрещены к посещению. К сожалению, сегодня сложившийся образ Йошкар-Олы сложно сопоставить с культурой народа мари, которая неразрывно связана с природой. Именно на противопоставлении камню и бетону разработана

концепция «Город-лес», в основу которой лег марийский культурный код.

Заказчиком концепции является местный бизнес, выступивший с инициативой разработки проекта, способного поднять столичный статус Йошкар-Олы. Проект уже поддержан на всех уровнях власти и горожанами и стал одним из ключевых в развитии города.

Главная идея – возвращение леса в современном формате, куда вплетена марийская идентичность. Проектные решения основаны на глубоком анализе, целью которого был поиск «марийскости». Особенно ярко она выражена в культуре, быту и орнаменте – то, что уже отражается в событийной программе и дизайне Йошкар-Олы. В архитектуре и среде прослеживается сильное влияние русской культуры – результате исторических событий середины XVI века. Благодаря этому основным видом строений у марийцев стала деревянная изба. При разработке концепции нельзя было проигнорировать окружающую советскую застройку – жилой микрорайон, спроектированный местным архитектором Анатолием Галицким. Среди панельных девятиэтажек ему удалось разместить градостроительные доминанты – уникальные жилые дома, прозванные в народе как «дом-одеколон» и «дом-бабочка». Половину территории проектирования занимают городские леса, среди которых расположен городской парк «Мари-парк», граничащий с ООПТ «Сосновая роща». Лес – это тайна, олицетворение устойчивого развития и гармонии. Это настоящая ценность для русского и марийца – то, что объединяет два народа. Отдельно стоит отметить, что в концепции участки под застройку выбраны исключительно на неозелененных пятнах – территориях, которые еще в советское время были выбраны под развитие и утратили зеленые массивы.

Современные течения многогранно используют природные мотивы в архитектуре: проникновение природных ландшафтов в объекты, применение природоподобных технологий. Все это послужило основой для разработки системы принципов: леса больше, чем объектов – «когда лес проникает в город, а не наоборот» и всесезонность использования – «зимний город».

Данная концепция как пилотный объект создают из Йошкар-Олы современный город, устремленный в будущее, самобытный и выделяющийся среди других

Проект: «Город-лес» – концепция развития территории в городе Йошкар-Оле, Республика Марий Эл.

Заказчик:

ООО «Первомайская ярмарка» при поддержке Администрации города Йошкар-Олы.

Концепция:

ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» рук. проекта С. Ю. Маяренко, гл. арх. А. О. Холявко

< Многофункциональный объект (детские и молодежные пространства, фудкорт и т. д.)

городов. Сегодня самый большой спрос у молодежи обнаруживается на пространства, где можно нескучно провести свободное время, где в окружении дизайна и новых смыслов можно ощущать себя в мире современного искусства и выбирать для себя лучшее, демонстрируя другим интересный формат жизни. Проект прежде всего ориентирован на новое поколение; это заявка на то, что Йошкар-Ола достойна иметь проекты, которые опережают время и задают новые тренды. Современный городской парк – это не просто прогулка по лесу, это сложный социальный и инженерный объект, в котором сочетается множество функций. Это место, где в любое время года и погоду реализуют свою деятельность десятки тысяч людей без вреда и ущерба природе. Многофункциональность концепции и компактность территории позволяют экономить самый ценный ресурс – время, за одну единицу которого можно сразу получить разнообразие услуг, ощутить тишину леса и динамику современного города.

Экономика проекта построена на принципах государственно-частного партнерства с участием предпринимателей, которые берут на себя ответственность за комплексную реализацию. Весь проект разбит на самостоятельные инвестиционные лоты, на каждый из которых проводилась оценка инвестиционного потенциала и выявлялся интерес предпринимателей. Благодаря такой модели территория будет способна сама себя обслуживать и развивать. Эти задачи не лягут на плечи городского бюджета и сотрудников администрации, что свойственно большинству подобных проектов. На 78 га планируется разместить 77 тыс. м² коммерческих площадей (апартаменты, термы, многофункциональные креативные пространства, рестораны и др.), 3 км благоустроенной набережной и 15 км велосипедных направлений. Общий бюджет проекта, включая инженерную подготовку, оценивается в 5 млрд руб., которые планируется освоить к 2030 году, где 85% составят частные инвестиции.

Современная архитектура, аутентичная среда, гастрономия и события создадут новый уникальный образ Йошкар-Олы, которым будут гордиться горожане и в который будут стремиться приехать туристы. «Город-лес» – это концепция про настоящие марийские ценности в со-

временном прочтении, где каждый найдет себе место для реализации своих идей.

Литература

1. Развитие туризма в Марий Эл выходит на новый уровень: подписано стратегическое соглашение с «ТТ-Трэвел». – URL: <https://mari-el.gov.ru/glava/news/razvitie-turizma-v-mariy-el-vykhodit-na-novyy-urov/> (дата обращения: 20.06.2025).

References

Razvitie turizma v Mari El vykhodit na novyi uroven: podpisano strategicheskoe soglasenie s "TT-Travel" [Tourism development in Mari El is reaching a new level: A strategic agreement has been signed with TT-Travel]. (2025, June 10). Head of the Republic of Mari El. Retrieved June 20, 2025, from <https://mari-el.gov.ru/glava/news/razvitie-turizma-v-mariy-el-vykhodit-na-novyy-urov/>

Награды:

– золотой диплом
смотр-конкурса
«Лучшие архитектурные произведения» (проекты) 2022–2024 в номинации «Открытые общественные пространства» межрегионального архитектурного фестиваля «Зодчество в Сибири – 2024»;

– серебряный знак XXXII международного архитектурного фестиваля «Зодчество – 24» в разделе «Проекты», номинация «Многофункциональные градостроительные ансамбли и комплексы».

^ Гостиничный комплекс

Ботанические сады XXI века трансформируются из традиционных хранилищ растительного разнообразия в стратегически важные парковые элементы экогородов будущего, становясь многофункциональными экосистемами, объединяющими наукоемкие технологии, социальные практики и антикризисные функции, принципы циркулярной экономики. Они становятся факторами городской среды благодаря участию в преодолении экологических, климатических и социальных вызовов. Особое значение имеет их вклад в выполнение Целей устойчивого развития – 2030 ООН, обеспечивая экологическую безопасность, просвещение и устойчивость городов.

Ключевые слова: ботанические сады; экогорода; экосистемные услуги; адаптационно-реабилитационные центры; устойчивое развитие; внеземные экопоселения./

Botanic gardens of the 21st century are being transformed from traditional repositories of plant biodiversity into strategically important park elements of eco-cities of the future, becoming multifunctional ecosystems that combine high-tech, social practices and anti-crisis functions, principles of the circular economy. They become factors in the urban environment as they contribute to overcoming environmental, climatic and social challenges. Of particular importance is their contribution to the implementation of the UN Sustainable Development Goals-2030, ensuring environmental safety, education and sustainability of cities.

Keywords: Botanic gardens; ecocities; ecosystem services; adaptation and rehabilitation centres; sustainable development; extraterrestrial ecovillages.

Ботанические сады для экогородов будущего / Botanic gardens for eco-cities of the future

текст

Виктор Кузеванов

Байкальский
государственный
университет (Иркутск)
text

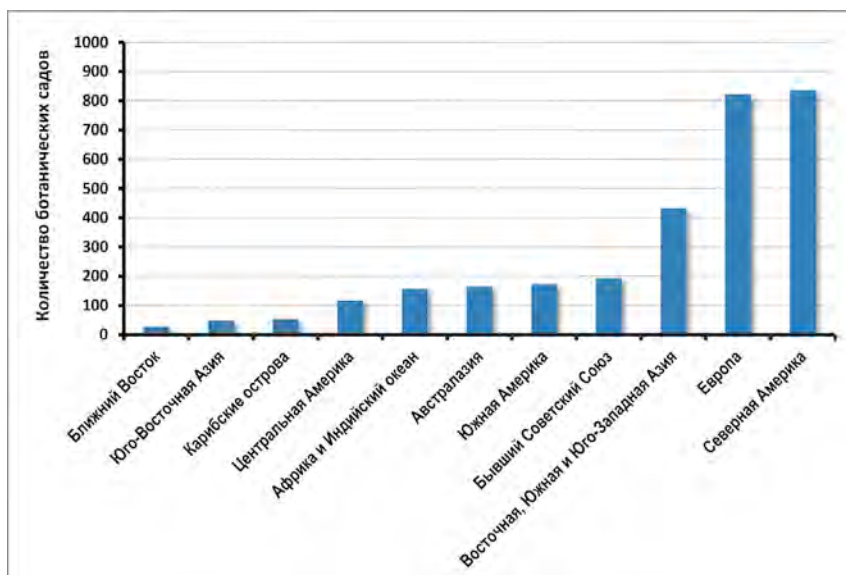
Victor Kuzevanov

Baikal State University
(Irkutsk)

Введение. Идея «экогорода», возникнув около 55 лет назад [1], достаточно быстро стала притягательной для градостроителей и экологически ответственных людей в разных географических и агроклиматических зонах в связи с тенденциями загрязнения, экологической неустойчивости и уязвимости городов, которые требуется перестроить на Цели устойчивого развития 2015–2030 ООН. Поэтому считается, что в XXI веке на смену традиционным городам неизбежен вынужденный переход к экономически благополучным и чистым экогородам, не истощающим природные ресурсы, а устойчиво поддерживающим баланс потребления и восстановления экологических ресурсов при переключении к шестому технологическому укладу. В это вмешивается множество разрушительных вызовов, включая изменения климата, загрязнение окружающей среды, неуправляемый рост населения и нехватка ресурсов развития. Безопасность, здоровье и качество продолжительной жизни становятся важными ценностями и приоритетами для граждан из-за комплексного взаимодействия социально-экономических, экологических и политических факторов.

Поэтому самым важным аспектом устойчивого градостроительства, очевидно, является создание и поддержание систем, которые способствуют безопасности и здоровью горожан, устойчивости растущих и развивающихся городов (зеленая инфраструктура и озелененные пространства для отдыха и социальных активностей: парки, скверы, сады, зеленые крыши и т. п.; энергоэффективные и комфортные здания; транспортная инфраструктура; системы переработки и нейтрализации отходов; системы поддержки предпринимательства и гражданского общества; механизмы принятия решений, инклюзивного планирования; технологии «умного города» для оптимизации всех городских процессов и т. д.). Внимание к городским озелененным пространствам объясняется обнаружением их ключевой роли в сохранении физического здоровья и психически здоровой продолжительной жизни горожан, в поддержании комфортной городской среды, в укреплении потенциальной конкурентоспособности городов [2]. Изучение крупных городов и мегаполисов (Сингапур, Чунцин, Шанхай, Тяньцзинь, Шэньчжэнь, Пекин, Гонконг, Сеул, Токио, Дели, Мумбаи, Москва, Санкт-Петербург, Вена, Стокгольм, Каир, Стамбул, Мехико, Париж, Чикаго, Нью-Йорк, Сан-Диего, Ванкувер, Кури-тиба и др.), многие из которых взяли курс на обретение свойств экологических городов, показывает, что среди экологических составляющих городского роста и развития местные администраторы и предприниматели уделяют особое внимание инвестициям в наукоемкие озелененные пространства городского комфорта и здоровья. Например, в одном из самых зеленых мегаполисов мира – городе-государстве Сингапуре (население более 6 млн. человек и плотность населения на урбанизированной части до 14 тыс. человек/км²) озелененная часть составляет около 47%, включая национальный парк, заповедники, парки, скверы, а также два знаменитых больших ботанических сада (Сады у Залива – Gardens by the Bay; Сингапурский ботанический сад – Singapore Botanic Gardens, являющийся объектом Всемирного природного наследия ЮНЕСКО). На первом месте по озеленению по-прежнему Москва [3], активно развивающая зеленую политику, где в настоящее время свыше 54% площадей составляют охраняемые зеленые зоны, включая 7 известных ботанических садов (3 университетских и 4 академических).

в Рис. 1. Таблица 1. Распределение ботанических садов по основным регионам мира [6] / Fig. 1. Table 1. Distribution of botanic gardens by major regions of the world [6]

5. Высочайшее биоразнообразие		НЕБОЛЬШИЕ БОТАНИЧЕСКИЕ САДЫ И ДЕНДРАРИИ	БОТАНИЧЕСКИЕ САДЫ СРЕДНЕГО РАЗМЕРА; ГОРОДСКОЙ ЗЕЛЕНЬ ПОЯС	БОТАНИЧЕСКИЕ САДЫ И ДЕНДРАРИИ; ДЕМОНСТРАЦИОННЫЕ ТЕПЛИЦЫ И ОРАНЖЕРЕИ; ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРКИ; ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЗЕЛЁНЫЕ КОРИДОРЫ	ПРИРОДНЫЕ ЗАПОВЕДНИКИ; ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ ПРИРОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ; КРУПНЫЕ БОТАНИЧЕСКИЕ САДЫ С БОЛЬШИМИ ПРИРОДНЫМИ ПЛОЩАДКАМИ
4. Высокий уровень биоразнообразия		НЕБОЛЬШИЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ САДЫ; ЭКО-УЧАСТКИ	РАЙОННЫЕ ПАРКИ СРЕДНЕГО РАЗМЕРА С РАЗНООБРАЗНЫМИ ЛАНДШАФТАМИ; СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ САДЫ (ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ, ЛЕЧЕБНЫЕ И Т. П.)	МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПАРКИ И САДЫ; ГОРОДСКИЕ ФЕРМЫ; СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ САДЫ; НАБЕРЕЖНЫЕ С ЕСТЕСТВЕННОЙ РАСТИТЕЛЬНОСТЬЮ	ГОРОДСКИЕ ЛЕСА; КРУПНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРКИ
3. Средний уровень биоразнообразия	ВЕРТИКАЛЬНОЕ ОЗЕЛЕНЕНИЕ; ОЗЕЛЕНЕНИЕ НА КРЫШЕ	ПЛОЩАДИ, БУЛЬВАРЫ, АЛЛЕИ, НАБЕРЕЖНЫЕ, ЖИВЫЕ ИЗГОРОДИ	САДЫ ЖИЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ; СПОРТИВНЫЕ ПЛОЩАДКИ; СКВЕРЫ	КРУПНЫЕ РАЙОННЫЕ ПАРКИ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПАРКИ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА С ДЕКОРАТИВНЫМИ РАСТЕНИЯМИ	КРУПНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПАРКИ С ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДЕКОРАТИВНЫМИ НАСАЖДЕНИЯМИ
2. Низкий уровень биоразнообразия	ЗЕЛЁНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ ПОЛОСЫ И РАЗВЯЗКИ	МОБИЛЬНОЕ И КОНТЕЙНЕРНОЕ САДОВОДСТВО; КЛУМБЫ, ЦВЕТНИКИ, ЖИВЫЕ ИЗГОРОДИ			
1. Наименьшее биоразнообразие	ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИЕ НАСАЖДЕНИЯ ВОДОЙ УЛИЦ И ТРОТУАРОВ; ГАЗОНЫ С НИЗКИМ РАЗНООБРАЗИЕМ; МИНИ-ПАРКИ, ВРЕМЕННЫЕ ПАРКИ; ЖИЛЫЕ РАЙОНЫ; КЛУМБЫ, ЦВЕТНИКИ, ЖИВЫЕ ИЗГОРОДИ	МИНИ-ПАРКИ, ВРЕМЕННЫЕ ПАРКИ; ГАЗОНЫ; АЛЛЕИ			
	Очень маленькие (<0,5 га)	Маленькие (0,5-3 га)	Средние (3-20 га)	Крупные (20-100 га)	Самые большие (>100 га)

РАЗМЕР ПО ПЛОЩАДИ, ГА

^ Рис. 2. Позиционирование ботанических садов, парков и других групп городских объектов озеленения в координатах размеров по площади и уровню богатства биоразнообразия растений. Именно наукоемкие ботанические сады являются исключительными ресурсами генофонда растений для благоустройства и озеленения, благодаря самому высокому богатству биоразнообразия коллекций местных и инорайонных интродуцированных растений /

Fig. 2. Positioning of botanic gardens, parks and other groups of green urban landscaping objects in coordinates of size by area and level of plant biodiversity richness. Obviously, it is the science-based botanical gardens that are exceptional resources of plant gene pool for landscaping and greenification, due to the highest biodiversity richness of collections of native and non-native introduced plants

Из 500-летней истории ботанических садов как уникальных социальных изобретений человечества для здоровья и благополучия известно, что именно их неразрывная научная и образовательная основа обеспечила во многом благосостояние и доминирование западной цивилизации над остальным миром в XVII–XX веках, преимущественно за счет неограниченного использования ресурсов биоразнообразия экономически значимых растений, вывозимых из колоний [4]. Ботанические сады были в эпоху колониализма и остаются в настоящее время двигателями товаризации, присвоения генетических ресурсов и развития товарных культур [5]. Поэтому страны-лидеры западной цивилизации (Западной Европы и Северной Америки), создавшие более половины от общего числа ботанических садов в мире (рис. 1), продолжают наращивать и модернизировать свои многофункциональные ботанические сады, чтобы сохранить доминирование в использовании уникальных генетических ресурсов растений [6].

Считается, что ботанические сады в разных регионах внешне почти не отличаются от традиционных парков и озелененных общественных пространств в городах. Несмотря на многообразие ботанических садов мира, их традиционно продолжают относить к рекреационным парковым зонам городов или иногда к землям сельскохозяйственного назначения. Однако их кардинальное имманентное отличие (внутреннее, проистекающее из их природы, сущности) заключается в том, что традиционными «ботаническими садами являются организации, имеющие **документированные коллекции** живых растений и использующие их для научных исследований, сохранения, демонстрации и образования» [7]. Современный ботанический сад – это особо охраняемая ландшафтная территория социально-экологического значения. Она содержит документированные коллекции растений и ландшафтные сады; здесь управляющая организация создает ресурсы для научных исследований, образования и просвещения, публичного показа растений и технологий сохранения биоразнообразия, воспроизводства растений, оказания услуг, основанных на знаниях о растениях и их производных [10]. В действительности из-за своей **фундаментальной и прикладной наукоемкости** они одновременно служат солидными учебно-научными

базами для академий, институтов, университетов и школ, рекреационными и культурно-просветительскими площадками для посетителей, зооботаническими садами, сити-фермами и коммерческими питомниками для умножения биоразнообразия растений. Благодаря достаточно большому занимаемым площадям и высокому биоразнообразию документированных научных коллекций растений ботанические сады становятся, во-первых, уникальными стандартами качества и чистоты используемого генофонда растений, а во-вторых, исключительными источниками высококачественного исходного посадочного материала для разнообразия типов городских озелененных территорий, включая даже дворы, квартиры и офисы горожан (рис. 2). Поэтому ботанические сады становятся символами гордости и признания разнообразия растительного мира, вдохновляя даже домохозяек, дачников и любителей растений называть свои коллекции и посадки «моим ботаническим садом».

Цель данной работы как продолжения предыдущей статьи про экогорода [8] – выявить и показать, как ботанические сады XXI века могут стать универсальными и многофункциональными моделями для экогородов будущего, объединяя технологии, экологию и человеческое благополучие. Для этого мы анализировали некоторые тренды, сопоставляя технологические решения, экосистемные услуги, социальные функции, связи с социально-экономическим развитием, государственно-частное партнерство и предпринимательские инициативы, ожидания в ходе освоения экстремальных по климату мест Земли, включая перспективу для мест обитания на будущих внеземных базах, которые не могут быть ничем иным, кроме как экопоселениями.

Материалы и методы. Исследовательские подходы и аналитические инструменты, применяемые в работе, формировались на основе более чем 30-летней практики сбора и систематизации данных, охватывающих территориальные и международные кейсы. Опыт автора включает участие в международных научных форумах с докладами и дискуссиями о ботанических садах и экогородах, участие в полевых исследованиях и наблюдениях, проводимых в образовательных и научных центрах, ботанических садах и коллекциях растений, а также в экологических организациях в 32 государствах – от суровых

в Рис. 3. Модернизированная многовекторная модель ключевых функций современных ботанических садов, парков и озелененных территорий как посредников между природой и обществом, подчеркивающая четыре междисциплинарные функции: (1) наука и исследования по управлению природными ресурсами; (2) образование и просвещение; (3) сохранение биологического разнообразия и эквосстановление; (4) экологические сервисы и коммерциализация инноваций. Стрелки указывают на циркуляцию материальных и нематериальных ресурсов между природой и обществом. Модернизация из [10] / Fig. 3. Modernized multi-vector model of the key functions of contemporary botanic gardens, parks, and green landscaped areas as intermediaries between nature and society, highlighting four interdisciplinary functions: (1) Science, research and management of natural resources; (2) Education and public awareness promotion; (3) Conservation of biological diversity and ecological restoration; (4) Ecological services and commercialization of innovations. Arrows indicate the circulation of tangible and intangible resources between nature and society. Modernized from the source [10]

ландшафтов Сибири до тропических регионов Азии, Южной Америки, Африки и Австралии. Хронологические рамки активности охватывают период с 1989 по 2024 год, что позволило фиксировать примеры из практики, эволюцию экосистемных стратегий ботанических садов и градостроителей в условиях меняющейся глобальной повестки в связи с Целями устойчивого развития ООН.

Результаты и обсуждение. Ботанические сады во многих случаях фактически становятся катализаторами устойчивого развития городов. В эпоху экологических вызовов из-за кризисов и конфликтов, доминирования процессов урбанизации и климатических изменений ботанические сады начинают трансформироваться из традиционных хранилищ растительного разнообразия в многофункциональные экопарки – интегральные элементы для экогородов при формировании так называемого Эко-Логичного статуса, то есть экологических и логично устроенных. Они становятся «магнитами» для науки, образования, индустрии и общества, объединяя усилия для создания устойчивых городских экосистем. Ключевой концепцией позиционирования ботанических садов, рассматривающейся в данной статье, является «треугольник, или, точнее, тетраэдр Лаврентьева» [9], то есть модель интеграции науки, образования/просвещения и производства с системами городского управления, где ботанические сады выступают инфраструктурными центрами синергии этих сфер с активным участием общественности. В контексте «зеленой» интеграции ботанических садов в этой модели акцентируется внимание на важности устойчивого развития и системного подхода в использовании их экологических ресурсов в городском управлении. Ботанические сады выступают как центры сохранения и использования биоразнообразия при активном участии в образовании и научных исследованиях, формируя экологическую ответственность и грамотность у населения. В результате ботанические сады становятся ключевыми агентами влияния на долговременные изменения в общественном сознании и мыслях горожан – главных интересантов в улучшении качества жизни в городах.

Ботанические сады XXI века трансформируются в многофункциональные «экологические ресурсы», объединяющие в единое целое науку, культуру и общество. Их миссия выходит за традиционные, чисто научные рамки исследований и разработок в сфере биоразнообразия, образования, восстановления среды и коммерциализации инноваций. Ботанические сады, а также современные парки и озелененные пространства становятся интерфейсами между природным наследием (биоразнообразием) и культурными ценностями развивающегося рыночного общества (рис. 3), обеспечивая замкнутые циклы ресурсов через обратные связи: научные открытия

→ управление природой → сохранение биоразнообразия и эквосстановление → просвещение/образование → экосистемные сервисы и коммерциализация инноваций.

Как показывает практика, многие российские академические ботанические сады (например, Никитский ботанический сад РАН в Ялте, Главный ботанический сад РАН, ботанические сады в ВИЛАР и в Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Москве, Ботанический сад БИН РАН в Санкт-Петербурге, Центральный Сибирский ботанический сад СО РАН в Новосибирске, Ботанический сад-институт ДВО РАН во Владивостоке и др., а также университетские ботанические сады в Москве, Петрозаводске, Симферополе, Иркутске и большинстве городов России) становятся лабораториями устойчивого развития, где научные данные трансформируются в полезные решения и рекомендации для развития парков и обустройства зеленых зон, улучшающих города нашей страны. Их успех зависит от баланса между сохранением исторических научных традиций, развитием и внедрением современных технологий от уровня отдельных видов и сортов растений до вертикального озеленения и крупномасштабного ландшафтного проектирования. Это подтверждается анализом российских садов, где около 80% усилий сосредоточено на науке, но только 5,8% – на образовании и просвещении [10].

На глобальном уровне многие отечественные и зарубежные ботанические сады демонстрируют стойкую тенденцию смещения к мультифункциональности в едином пространстве благодаря конвергенции ботанических садов с зоопарками, художественными музеями и галереями, музыкальными театрами (концертами), местами для рекреации и спорта, открытыми пространствами для крупных общественных событий и т. д., создавая комфорт и новые качества городской среды.

Особенно быстро происходят трансформации ботанических садов и их аналогов в Северной Америке, где они от традиционных научных хранилищ растений переходят к социальным экосистемам, играя ключевую роль в благоустройстве городов и устойчивом развитии сообществ. В 2020 году «Американская ассоциация ботанических садов и арборетумов» (AABGA) была переименована в «Американскую ассоциацию публичных парков и арборетумов» (AAPGA), что символизирует сдвиг от узкоспециализированных функций к широкому общественному участию и к преимущественно парковой специфике, сохраняя научные приоритеты. Это изменение отразилось на деятельности садов и арборетумов: их коллекции стали активно адаптироваться под программы дополнительного образования, публичные просветительские и экологические проекты, превращаясь в озелененные пространства, объединяющие науку, природу и горожан. Особенно заметна тенденция к интеграции ботанических и зоологических коллекций в формате аналогов по модели российского 200-летнего Казанского зооботсада (например, Байкальский музей СО РАН в Байкальской Сибири, гармонично сочетающий дендропарк с музейными коллекциями в помещениях и аквариумами с живыми обитателями озера Байкал; San Diego Zoo Safari Park в Калифорнии с семенным банком и ботаническим садом), где публичные живые растительные коллекции и экспозиции с животными демонстрируют взаимосвязь экосистем. Растет также число других зооботсадов, сочетающих взаимодействие посетителей с растениями и животными в условиях, близких к естественным, а также восстанавливающие местные виды растений одновременно с убежищами для диких птиц, насекомых и животных в Buffalo Zoological Gardens в Нью-Йорке, Denver Zoological Gardens в Колорадо, Living Desert Zoo & Gardens State Park в Нью-Мексико и т. п. Многие современные ботанические сады перестают быть строго ботаническими, а становятся, скорее, публичными экологическими парками: они включают оранжереи

^ v Рис. 4. Существующие сегодня футуристические парки, в которых сочетаются наукоемкие технологии построения ботанических садов и лучших международных экологических практик ландшафтного дизайна, где нет строгих границ между природой и архитектурными и инженерными сооружениями. А. Надземный High Line парк (2009) на острове Манхэттен в Нью-Йорке, обустроенный на месте бывшей железной дороги на высоте около 10 м над землей (<https://golnk.ru/D8rQ0>). Б. Парк Галицкого (2016–2025) в Краснодаре (<https://golnk.ru/k0vL1>). В. Ботанический игровой сад-парк «Природный детский сад» с просветительским и учебным центром, (2016, Чикагский Ботанический сад) (<https://golnk.ru/NMDky>). Г. Парк Зарядье (2017, Москва) (<https://golnk.ru/7yBAb>) / Fig. 4. Existing futuristic parks that combine high-tech botanic garden construction technologies and the best international environmental practices in landscape design, where there are no discernible boundaries between nature and architectural and engineering structures. A. The elevated High Line park, opened in 2009 on Manhattan Island in New York, built on the site of a former railroad at an altitude of about 10 meters above the ground (<https://golnk.ru/D8rQ0>). Б. Galitsky Park, created in 2016–2025 in Krasnodar (<https://golnk.ru/k0vL1>). В. The Botanic Play Garden and Park "Nature's Kindergarten" with an educational and training Center, opened in 2016 in the Chicago Botanic Garden (<https://golnk.ru/NMDky>). Г. Zaryadye Park, opened in 2017 in Moscow (<https://golnk.ru/7yBAb>)

с бабочками, аквариумы с экзотическими гидробионтами и водорослями, а также экспозиции, где посетители могут кормить и гладить животных. Интеграция с зоопарками и объектами культуры не только расширяет экологическую миссию ботанических садов, но и повышает их значимость как центров экотуризма. При этом традиционные ботанические коллекции остаются фундаментом: их научная ценность, включая семенные банки и репатриацию редких видов, дополняется социальными инициативами. Одновременно это делает современные ботанические сады трудно отличимыми от публичных парков, где природа, наука и отдых тесно переплетаются.

Ботанические сады наряду с другими городскими зелеными пространствами играют ключевую роль в формировании комфортной и устойчивой городской среды, одновременно обеспечивая широкий спектр так называемых бесплатных экологических услуг (или экосистемных сервисов) в разных сферах городской жизни. Они выступают не только как «зеленые легкие» и места отдыха, но и как поставщики экосистемных сервисов – естественных процессов, которые поддерживают жизнеспособность и устойчивость городов. Их роль становится особенно значимой в условиях климатических изменений, урбанизации и роста числа жителей мегаполисов. Эти «зеленые лаборатории» предоставляют регулирующие, поддерживающие, культурные и обеспечивающие услуги, которые невозможно заменить искусственными инженерными технологиями, требующими значительных затрат и инвестиций. Ботанические сады и парки активно участвуют в терморегуляции городской среды. Например, в ходе изменения климата многие весьма урбанизированные территории сталкиваются с ростом температуры (эффект «тепловых островов»), загрязнением атмосферного воздуха и водных ресурсов. А «зеленые острова» ботанических садов и их парковые аналоги помогают снижать температуру на 2–4°C при перегреве городской среды. Так, в футуристических и высокотехнологичных сингапурских «Садах у залива» (Gardens by the Bay) вертикальное озеленение поглощает до 30% CO₂. Это доказывает, что «умные» сады могут смягчать последствия изменения климата, когда интегрируют умные технологии для мониторинга климата и автоматизации ухода, а также используют экосистемные принципы, включая сбор дождевой

воды и использование солнечной энергии. Растительные сообщества ботанических садов и озелененных территорий поглощают и нейтрализуют канцерогены, токсичные газы (CO_2 , NO_2 и др.) и пыль, улучшая качество воздуха в загрязненных городах, особенно вдоль автомагистралей. Кроме нейтрализации загрязнений, они участвуют также в регулировании водных циклов через замкнутые системы и водоемы с гидрофитами, регулируя водные потоки, предотвращая подтопления в таких проектах, как экологичный «Город-губка» (Sponge City) – модель городского планирования в Китае для очистки сточных и ливневых вод.

Разработка и внедрение систем устойчивого управления зелеными зонами включает моделирование и прогнозирование влияния озеленения на городские климатические условия, оптимизирует научно обоснованные схемы и наборы видов растений в насаждениях для максимального экологического эффекта, помогает внедрению инновационных технологий биомониторинга (например, использование фитосенсоров). Для экогородов будущего ботанические сады и парки служат моделями циркулярной экономики, снижая углеродный след через замкнутые циклы ресурсов и повышая качество жизни через доступ к природе. Они не просто являются «зелеными легкими», но активными участниками глобальных процессов, где каждая функция – от садовой терапии до биоинженерии – усиливает экологические сервисы (экосистемные услуги). Эта интеграция делает их стратегическими узлами в борьбе с климатическими и социальными вызовами, обеспечивая связь между биосферой и урбанистической средой. В «умных» экогородах будущего ботанические сады и парки должны стать саморегулируемыми и самовосстанавливающимися автоматизированными экосистемами, минимизируя труд людей при трудоемких повторяющихся операциях садоводства и ландшафтного дизайна. Современные примеры самоуправляющихся и самовосстанавливающихся парков и садов пока редки. Они чаще представляют собой гибриды устойчивого дизайна, «умных» технологий и природных процессов, постепенно двигаясь к идеалу самоподдерживающихся и самовосстанавливающихся зеленых пространств. И уже есть некоторые проекты и концепции, приближающиеся к этой идее (рис. 4 и 5):

<> Рис. 5. Футуристические сады в субтропиках.

А. Сады у залива (Gardens by the Bay), площадь 101 га, открыт в 2012 в центре Сингапура (©Coleen Rivas <https://golnk.ru/64XRV>).

Б. Укрытый под куполом парк в штаб-квартире ООН в Найроби (<https://golnk.ru/GX0xY>) / Fig. 5. Futuristic gardens in the subtropics. /

А. «Gardens by the Bay» with an area of 101 hectares, opened in 2012 in the center of Singapore (©Coleen Rivas <https://golnk.ru/64XRV>).

Б. A park under a dome at the UN headquarters in Nairobi (<https://golnk.ru/GX0xY>)

1) Парк «Краснодар» (неофициально «Парк Галицко-го») и парк «Зарядье» в Москве – это уникальные сочетания разнообразия растений и ландшафтов культурно-просветительского назначения по аналогии с лучшими практиками современных ботанических садов, где нет резких границ между архитектурными и инженерными сооружениями и природой, где «все перетекает одно в другое, создавая ощущение единого, живого организма» (рис. 4Б и 4Г).

2) Городской парк High Line в Нью-Йорке, линейный приподнятый парк на возвышении длиной 2,33 км, созданный на заброшенной железнодорожной эстакаде, где применяются устойчивые методы озеленения с минимальным вмешательством человека и использованием местных растений, способных к самовосстановлению (рис. 4А).

3) Футуристический сад Gardens by the Bay в Сингапуре, где интегрируются «умные» технологии для мониторинга климата и автоматизации ухода, а также используются устойчивые экосистемные принципы, включая сбор дождевой воды, солнечную энергию и т. п. (рис. 5А).

4) Пилотные проекты по обустройству специализированных коллекций и парковых открытых и закрытых зеленых зон на принципах ботанических садов, экспериментальных экопарков и сити-ферм с IoT-автоматизацией, а также проекты «диких» городских садов и лесов под управлением общественных некоммерческих организаций в Германии, США, Китае, Сингапуре и т. п. как примеры реинтродукции естественных экосистем в городах, где минимальное вмешательство человека позволяет природным процессам восстанавливаться самостоятельно, в том числе с использованием сенсорных сетей, искусственного интеллекта и роботов для ухода за растениями, что приближает парки к статусу самоуправляющихся.

Особый интерес представляют идеи и концепции использования ресурсов и принципов построения ботанических, этноботанических садов и экопарков для освоения и обустройства будущих экологических городов и экопоселений в суровых по климату местах обитания в Арктике, Сибири, на Дальнем Востоке, а также на засушливых землях и в жарких пустынях Африки, Азии, Австралии и др. Такими разработками зеленых зон

заняты ботанические сады, расположенные в условиях Крайнего Севера или в приравненном к нему климате: российский академический Полярно-альпийский ботанический сад-институт (ПАБСИ РАН) в Мурманске и университетский Сургутский ботанический сад в Сургуте; норвежские «Tromsø Botanic Garden» в Арктическом регионе и «Svalbard Global Seed Vault» – сад-хранилище семян «судного дня» на острове Шпицберген; финский университетский «Botania – Joensuu Botanical Garden and Tropical Butterfly Garden» в городе Йоэнсуу; датский Арктический ботанический сад «Issittup Naasui» в гренландском Сисимиуте и др. В этих случаях ботанические сады и их наукоемкие парковые аналоги выступают как адаптационно-реабилитационные ресурсы для адаптации людей к экстремально холодным климатическим условиям.

Ботанические сады с их документированными коллекциями, опытом создания поликультур и управления микробиомами являются идеальными прототипами для будущих космических поселений, которые по своему смыслу должны быть экопоселениями, или экогородами. Проекты создания обитаемых баз на Луне, Марсе и в других частях космоса требуют глубокой интеграции экологических принципов, которые уже сегодня тестируются в ботанических садах и экогородах на Земле. Технологии, разработанные в земных ботанических садах и парках для экстремальных условий, находят применение в перспективных космических проектах. Основное внимание в проектировании комфортной среды для экипажей будущих внеземных баз и поселений уделяется адаптационно-реабилитационному центру жилого комплекса [11]. Его планировка предполагает обязательное наличие ландшафтного парка по типу ботанического сада или ландшафтных садов (рис. 6) по типу классических азиатских китайских, японских или корейских этнических парков в самом большом купольном помещении жилого комплекса. Такой адаптационно-реабилитационный центр вместе с производственными гидропонными и аэропонными оранжереями для выращивания растений должен не только решать задачи обеспечения продовольствием, но также улучшать психоэмоциональное состояние экипажа. Интеграция идей ботанических садов как универсальных экопарков в экосистемы внеземных поселений основана на их уникальной способности сочетать научную строгость, биотехнологическую базу и социальную функциональность. Эти технологии становятся фундаментом для освоения Луны и Марса, где жизнеподдерживающие системы должны быть предельно эффективными. Это влечет необходимость строгого научного отбора видов и сортов растений, устойчивых к стрессам, и такой подход станет обязательным. Только научно документированные коллекции, как в ботанических садах, обеспечат надежный генофонд. Здесь каждое растение выбирается не случайно, а через научный анализ его способности к фотосинтезу и минеральному питанию, продуктивности, пищевой ценности, компактности, а также эстетической ценности. Особое значение приобретает биопсихологическая реабилитация в условиях изоляции. Азиатские сады-парки с их акцентом на гармонию человека и природы становятся образцами для внеземных ландшафтов под куполом. Их многослойные композиции, сочетающие эстетику и функциональность, могут создать зоны медитации и отдыха для астронавтов. Опыт садовой терапии в ботанических садах разных стран, где, например, инвалиды и ветераны восстанавливаются через контакт с растениями, доказывает, что взаимодействие с зеленью снижает стресс и повышает устойчивость психики. В аналогах марсианских и лунных баз в экспериментах российского Института медико-биологических проблем участники, ухаживая за растениями, демонстрировали улучшение когнитивных функций и снижение тревожности. Однако в космосе важна не только

биологическая, но и социальная адаптация. Ботанические сады, как и парки в экогородах, должны стать мультифункциональными: обеспечивать пропитание, поддерживать здоровье, обучать и вдохновлять. Таким образом, очевидно, будущие поселения на Луне и Марсе должны быть построены по модели ботанических садов и их парковых аналогов. Это позволит создать не просто технически устойчивые базы экопоселений, но и среды, поддерживающие физическое и ментальное здоровье.

Заключение. Ботанические сады – это не только хранилища биоразнообразия, но и лаборатории будущего, где рождаются решения для экогородов, экстремальных климатов и космических колоний. Их успех зависит от способности объединять науку, бизнес и общество, преодолевая неравенство и этические дилеммы. Современные многофункциональные ботанические сады играют важную роль в реализации программы ООН «Цели устойчивого развития на 2015–2030 годы», помогая смягчать экологические и социальные угрозы. В первой половине XXI века ожидается, что шестой технологический уклад, охватывающий информационные технологии, генетическую инженерию, 3D-печать и социальные инновации, станет Эрой расцвета и востребованности ботанических садов. Технологический уклад здесь понимается как совокупность взаимосвязанных технологий, развивающихся синхронно и определяющих уровень продуктивной деятельности. Многие отдельные идеи и технологии, необходимые для обустройства ботанических садов и парков в экогородах будущего, уже существуют на практике, но, мягко говоря, пока нигде не интегрированы в единую систему. Мы прогнозируем значительное увеличение интереса к ботаническим садам как к важным экологическим ресурсам и социально значимым игрокам на национальной и международной арене, особенно в условиях экономических и экологических кризисов. Например, новая российская инициатива по созданию Сети детских ботанических садов в учебных заведениях страны призвана обеспечить их появление как в крупных, так и в малых городах России. В XXI веке ботанические сады будут активно развиваться в новых экогородах, особенно в регионах с экстремальными климатическими условиями, выполняя функции образовательных и экологических ресурсов и способствуя устойчивости и комфортной жизни людей.

В развитых странах Запада зачастую наблюдается тенденция к превращению некоторых частных ботанических садов в закрытые, доступные лишь узкому кругу лиц учреждения, что порождает социальную несправедливость и отсутствие инклюзивности. Такой подход противоречит принципам устойчивого развития, где приоритетом должны быть общественные интересы, а не исключительно коммерческие. В отличие от западной модели, основанной на экономическом росте и индивидуализме, страны Востока и Юга в мире чаще используют коллективистские стратегии, опираясь на государственное регулирование и культурные традиции сообществ. Для успешного формирования экогородов необходимо учитывать три ключевых аспекта: безопасность и здоровье жителей, восстановление экосистем и рациональное управление ресурсами. Инновационные технологии, такие как вертикальные фермы и гидропонные системы, уже сегодня позволяют выращивать продукты в условиях сурового климата как в Сибири, так и в тропиках. Например, концепции многоэтажных агрокомплексов, подобных проектам архитекторов Диксона Депоме и Винсента Каллебо для сити-ферм, демонстрируют, как можно совмещать продовольственную безопасность с энергоэффективностью. Подобные решения становятся основой для создания «второй природы» в городах, где растительные и животноводческие комплексы сити-фермерства функционируют на основе возобновляемой энергии и замкнутых циклов ресурсов. Особую значимость эти

технологии приобретают в регионах с экстремальными климатическими условиями. В холодных зонах, таких как Сибирь или Арктика, использование оранжерей и прозрачных куполов для моделирования теплых микроклиматов позволяет адаптировать растения и животных к суровым внешним условиям. Ботанические сады здесь выступают как модели и пилотные площадки для тестирования методов устойчивого природопользования. Однако на практике большинство экогородов пока остаются ориентированными на экономические показатели, игнорируя глубинные экологические и социальные цели. Для преодоления этого разрыва требуется междисциплинарный подход, объединяющий науку, бизнес и государство вокруг принципов справедливости в рациональном использовании биоразнообразия и наукоемких технологий ботанических садов и их парковых аналогов. Только так можно создать экосистемы экогородов, где природа и технологии служат не только прибыли, но и благополучию всех слоев населения.

Литература

1. Register R. *Ecocity Berkeley*. Berkeley, CA: North Atlantic Books, 1987. – 140 p. <https://golnk.ru/1vEn4> (дата обращения: 01.05.2025).
2. DeVille N. V., Iyer H. S., Holland I. et al. Neighborhood socioeconomic status and mortality in the nurses' health study (NHS) and the nurses' health study II (NHSII) // *Environmental Epidemiology*, 2023 Feb; 7(1):e235 – P. 1-7. – DOI: 10.1097/EE9.0000000000000235
3. Moscow: The green capital // Logos. 18.07.2024. – URL: <https://golnk.ru/nd9Nd> (дата обращения: 01.05.2025).
4. Brockway L. H. Science and colonial expansion: the role of the British Royal Botanic Gardens. // *American Ethnologist*, 1979. – vol. 6(3). – P. 449–465. – doi:10.1525/ae.1979.6.3.02a00030. – URL: <https://clck.ru/34a9gg> (дата обращения: 01.05.2025).
5. Forbes S. How botanic gardens changed the world // *Proceedings of the History and Future of Social Innovation Conference*. Hawke Research Institute for Sustainable Societies, University of South Australia, 2008. – P. 1–6.
6. Wyse Jackson P. S., Sutherland L. A. Role of Botanic Gardens. // In: Levin S. A. (ed.) *Encyclopedia of Biodiversity*, second edition, Waltham, MA: Academic Press, 2013. – Vol. 6. – P. 504–521. – URL: <https://golnk.ru/wxzew> (дата обращения: 01.05.2025).
7. Wyse Jackson P. S. Experimentation on a large scale – an analysis of the holdings and resources of botanic gardens // *Botanic Gardens Conservation News*, 1999. – Vol. 3(3). – P. 27–30. – URL: <https://golnk.ru/1vEYJ> (дата обращения: 01.05.2025).
8. Кузеванов, В. Экогорода – утопия или... будущее // *Проект Байкал*. – 2024. – № 80. – С. 72–79. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/80.2334>
9. Добрецов, Н. Л. «Треугольник Лаврентьева»: принципы организации науки в Сибири // *Вестник Российской Академии Наук*. – 2001. – № 5. – С. 428–436. – URL: <https://golnk.ru/7yBJy> (дата обращения: 01.05.2025).
10. Gorbunov, Y. N., Kuzevanov, V. Ya. The role of Russian botanical gardens in plant biodiversity conservation. Chapter 4. // In: Pullaiah, T. and Galbraith, D. (eds.). *Botanical Gardens and their role in plant conservation*. – CRC press (Canada), 2023. – Vol. 3. – P. 63–89. DOI: 10.1201/9781003282556-4 – URL: <https://golnk.ru/J7B69> (дата обращения: 01.05.2025).
11. Сизенцев, А. Г., Шевченко, В. В., Семенов, В. Ф., Байдал, Г. М. Концепция производственной лунной базы 2050 г. // *Вселенная и мы*. – 1997. – № 3. – URL: <https://golnk.ru/1vE4L> (дата обращения: 01.05.2025).

References

- Anonymous. (2024. July 18). Moscow: The green capital. *Logos*. Retrieved May 1, 2025, from <https://golnk.ru/nd9Nd>
- Brockway, L. H. (1979). Science and colonial expansion: the role of the British Royal Botanic Gardens. *American Ethnologist*, 6(3), 449–465. DOI: 10.1525/ae.1979.6.3.02a00030. Retrieved May 1, 2025, from <https://clck.ru/34a9gg>
- DeVile, N. V., Iyer, H. S., Holland, I. et al. (2023, February). Neighborhood socioeconomic status and mortality in the nurses' health study (NHS) and the nurses' health study II (NHSII). *Environmental Epidemiology*, 7(1):e235, 1-7. DOI: 10.1097/EE9.0000000000000235.
- Dobretsov, N. L. (2001). "Lavrentiev's Triangle": principles of science organisation in Siberia. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 71(5), 428–436. Retrieved May 1, 2025, from <https://golnk.ru/7yBJy>
- Forbes, S. (2008). How botanic gardens changed the world. *Proceedings of the History and Future of Social Innovation Conference* (pp. 1-6). Hawke Research Institute for Sustainable Societies, University of South Australia.
- Gorbunov, Y. N., & Kuzevanov, V. Ya. (2023). The role of Russian botanical gardens in plant biodiversity conservation. Chapter 4. In T. Pullaiah & D. Galbraith (Eds.), *Botanical Gardens and their role in plant conservation* (Vol. 3, pp. 63–89). Canada: CRC press. DOI: 10.1201/9781003282556-4. Retrieved May 1, 2025, from <https://golnk.ru/J7B69>
- Kuzevanov, V. Ya. (2024). Eco-cities - utopia or... the future. *Project Baikal*, 21(80), 72–79. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/80.2334>
- Register, R. (1987). *Ecocity Berkeley*. Berkeley, CA: North Atlantic Books. Retrieved May 1, 2025, from <https://golnk.ru/1vEn4>
- Sizentsev, A. G., Shevchenko, V. V., Semyonov V. F., & Baidal, G. M. (1997). Kontseptsiya proizvodstvennoi lunnoi bazy 2050 [Concept of production lunar base 2050]. *Universe and us*, 3. Retrieved May 1, 2025, from <https://golnk.ru/1vE4L>
- Wyse Jackson, P. S. (1999). Experimentation on a large scale – an analysis of the holdings and resources of botanic gardens. *Botanic Gardens Conservation News*, 3(3), 27–30. Retrieved May 1, 2025, from <https://golnk.ru/1vEYJ>
- Wyse Jackson, P. S., & Sutherland, L. A. (2013). Role of Botanic Gardens. In S. A. Levin (Ed.), *Encyclopedia of Biodiversity* (2nd ed., Vol. 6, pp. 504–521). Waltham, MA: Academic Press. Retrieved May 1, 2025, from <https://golnk.ru/wxzew>

^ Рис. 6. Пример концепции лунной базы 2050, где предполагается устройство адаптационно-реабилитационного центра как многофункционального аналога ботанического сада и ландшафтного парка в жилом комплексе базы. Источники [11] и <https://golnk.ru/gr7x0> / Fig. 6. An example of a concept for a Moon (Lunar) base in 2050, which proposes the construction of a multifunctional analogue of a botanic garden as a landscape park and an adaptation and rehabilitation center in the residential complex of the base. Sources [11] and <https://golnk.ru/gr7x0>

Рассматривается феномен городского европейского сада, выявляется его символическое и социально-нормативное содержание, взаимосвязь общественной системы, модели взаимодействия человека с миром и социумом в урбанистическом дискурсе. Дается анализ социально-утопической концепции города-сада Э. Говарда как общественного движения, градостроительной практики и метода социального реформирования. На основе материалов о принципах создания, истории развития и современном положении нижегородского города-сада «Красный просвещенец» раскрывается исследовательский, общественный и культурный потенциал данного объекта для развития города.

Ключевые слова: урбанистический дискурс; урбанистическая утопия; неопределенность, символическое пространство; европейский сад. /

The article considers the phenomenon of the urban European garden and reveals its symbolic and socio-normative content, the interrelation of the social system, and the models of human interaction with the world and society in urban discourse. The author analyzes E. Howard's socio-utopian concept of the garden city as a social movement, urban planning practice and a method of social reform. Based on the materials about the principles of creation, the history of development and the current situation of the Nizhny Novgorod garden city Krasny Prosveshchenets, the article reveals its research, social and cultural potential for the development of the city.

Keywords: urban discourse; urban utopia; uncertainty; symbolic space; European garden.

Концепт сада в мечте об идеальном городе / The garden concept in the dream of ideal city

текст

Юлия Козлова

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Институт социологии (Москва)

text

Yulia Kozlova

Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Institute of Sociology (Moscow)

Сад как символ идеального мира

Идея совершенного общества со времен Платона и до наших дней воплощается в образе идеального города. Меняются эпохи, совершаются научные открытия, создаются технологии, но, по-видимому, незыблемым идеалом остается дом, в котором живет счастливая семья, окруженный садом, где играют дети.

Несомненно, архетип Эдемского сада как счастливого прошлого человечества, образ Авалона из цикла легенд о короле Артуре оказал огромное влияние на европейскую культуру, обеспечив связку символической и обыденной реальности.

По-видимому, сад также является пространством, в котором человек подчиняет природу своим законам и выступает творцом собственного настоящего и будущего.

Д. С. Лихачев развивает идею о том, что, будучи материально природно-ландшафтным объектом, сад максимально социален, существует как синтез искусств, философии, поэзии, культурных форм быта и наполнен теми смыслами, которые характеризуют эпоху [1].

Так, средневековый сад полон христианских символов, незримого божественного присутствия; мысли находящихся в этом пространстве возвращаются к образу Эдема. Сады любви с бассейнами, лабиринтами и затейливыми цветниками напоминают посетителю о кратковременности и грусти бытия. В саду Ренессанса главным становится человек и историческая перспектива его существования. Барочный сад иронично гиперболизирует предметы и явления, формируя собственный миф, организуя игровое, театрализованное, музейное символическое пространство, представляя человека как экспериментатора. Пейзажные (живописные) сады развивали идеи романтизма о том, что «потерянным Раем» является как раз естественная природа, а задача человека – на основе научных знаний восстановить эмоциональный контакт сознания и природы в соответствии с либеральными идеями общественного устройства.

Сад как форма справедливого общества

Один из основателей геоурбанистики и автор книги «География городов» Н. М. Лаппо говорил о том, что рост урбанизации в XX веке ведет к новой эре – цивилизации

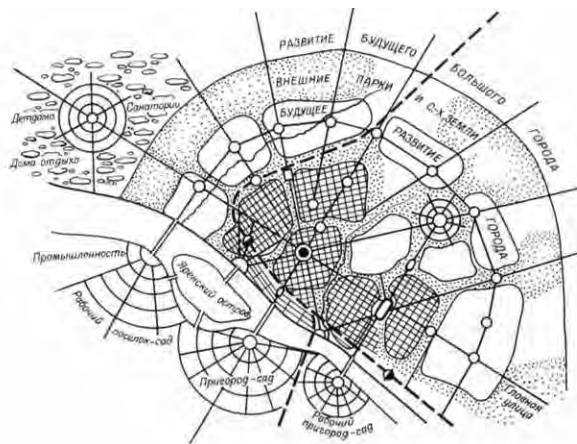
без городов-гигантов, к новому общественному укладу. На рубеже XIX и XX вв. английский социолог-утопист Эбенизер Говард в манифесте «То-morrow: A Peaceful Path to Real Reform» (1898) предложил по всему миру начать создавать сообщества энтузиастов, формировать нормативную основу для того, чтобы каждый человек мог построить себе дом, участвовать в создании идеального города и идеального общества без жестких рамок, соблюдая лишь общие принципы освоения территорий [2]. Переводчик русского издания 1911 года Д. Ю. Блох в предисловии прямо называет этот труд «социальной утопией и историческим документом» [2]. «Город-деревня» или «город-сад» представляет, по Говарду, цивилизационное «завтра» человечества – независимые природосообразные поселения, включенные в большие организационные системы.

По его мысли, новые города формируются естественным путем, захватывая свободные территории, с учетом их ландшафта, что делает их живописными и уникальными, строительство «с нуля» позволяет разгрузить перенаселенные районы. Земля принадлежит коллективному субъекту, недвижимость не предназначена для перепродажи и функциональность инфраструктуры достигается за счет «сотового» принципа: общественное пространство в центре, дома на 1–2 семьи вокруг него и связующая дорожная (железнодорожная) ветка по периметру.

Концепт города-сада стал обсуждаемым в том числе и в дореволюционной России. Для его реализации в 1913 году в Петербурге было основано «Русское общество городов-садов» и созданы первые поселения под Петербургом и в Москве. Предполагались также форматы предместий-садов и кварталов-садов на железнодорожных станциях (проект В. Глазырина), дачно-курортные поселки на Кавказе и в Крыму. Предлагалось апробировать идею в Барнауле (проект И. Носовича) и Бийске – для освоения сибирских земель, в Кузнецке (проект А. Крячкова) – для обеспечения жильем работников металлургических производств (фото 1 Барнаул, фото 2 Новосибирск). Идеальный город как образ здоровой, справедливо устроенной жизни, общества труда ради общего блага получил поддержку Всероссийского

Исследование выполнено в рамках проекта «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», поддержанного грантом РНФ № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>)

< Рис. 1. Проект города-сада в Барнауле (<https://dzen.ru/a/ZnxivGZx40e4mQsD>)

< Рис. 2. Проект города-сада в Новосибирске (<https://knife.media/siberian-garden/>)

профсоюза железнодорожников и Министерства путей сообщения.

Но в социалистической системе ценностей с доминантой общественного над личным, коллектива над личностью персональное владение чем-либо (жилплощадью, земельным участком, автомобилем и т. д.) считалось допустимым лишь для представителей самого высокого социального статуса. Именно поэтому достижения коллективизации, индустриализации, «великих строек» неразрывно связаны с культурой общежития. Попыткой позднесоветской «пересборки» стабильных социальных связей по месту проживания было, например, распределение выпускников учебных заведений по отраслевому принципу. В целом уклад жизни, ориентированный на стабильное проживание, владение домом и участком, индивидуальный стиль жизни, семейные и локальные традиции вступает в противоречие с социалистическим мироотношением и центральным его положением об общественной собственности на землю и недвижимость [3].

Воплощение мечты длиной в столетие

Нижегородский город-сад, квартал «Красный просвещенец» был основан в 1924 году, после принятия постановления ЦИК о кооперативном строительстве. Его участниками были преподаватели нижегородских вузов, оказавшиеся в тыловом Нижнем Новгороде после Первой мировой войны ученые, врачи, инженеры. Кооператив воспринимался ими как эксперимент по созданию уклада жизни, в котором усадебные традиции интегрировались бы меняющейся городской социальной средой.

В 1925 году началось строительство по проекту Б. Н. Гринева, который победил во всесоюзном конкурсе. Это были двухэтажные четырехквартирные деревянные дома с фасадами в стиле протоконструктивизма, отдельным входом, кладовкой и верандой, четырех типов асимметричной планировки. Застройка находилась вблизи от исторического центра Нижнего Новгорода. В центре квартала было общественное пространство, побывавшее за долгие годы столярным цехом, библиотекой, детской спортивной и театральной площадкой, катком (с 1958 – детский сад). У каждого дома было пространство в 5 соток земли с садом и огородом. Благоустрой-

ством квартала, озеленением, прокладыванием дорожек, постройкой деревянных сараев занимались сами жители сообщества (рис. 3).

Особая роль в формировании сообщества принадлежит архитектору Леониду Дмитриевичу Агафонову, автору проектов ряда знаковых нижегородских строений: здания на центральной площади, где сейчас расположен Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, здания Георгиевского училища, «Приюта для подкидышей», ставшего впоследствии Институтом педиатрии. Л. Д. Агафонову принадлежат разработки экспериментальных планировок кирпичных домов, построенных в первые советские годы, в которых также были опробованы санитарно-гигиенические, эргономические принципы организации внутреннего пространства и интеграции его с внешним придомовым. Здесь, как и в «Красном просвещенце», проектировались двухуровневые квартиры с непременно озеленением двора.

В конце 1930-х годов права собственности были законодательно отменены, участники кооператива получили компенсацию. И несмотря на то, что окраинные районы активно застраивались, состав семей в целом оставался прежним. Во время Великой Отечественной войны квартиры становились коммунальными, количество проживающих увеличивалось, впоследствии временные

< Рис. 3. Квартал «Красный просвещенец», Нижний Новгород (https://s0.rbk.ru/v6_top_pics/media/img/1/00/756506216837001.jpg)

жильцы получали жилье в новостройках. В 1950–1960-е годы квартал пережил строительную реформу, капитальный ремонт с газификацией. Застройка окружающих территорий продолжалась в соответствии с генеральным планом развития города. На рубеже тысячелетий впервые встал вопрос о дальнейшей судьбе нижегородского города-сада.

В начале 2000-х годов существовал проект высокоэтажного строительства, коммерчески выгодного и понятного широкой общественности с точки зрения функциональности и стиля. Благодаря общественным обсуждениям и судебным решениям застройку удалось приостановить. В 2021 году квартал стал частью программы комплексного развития территорий и объектом экспертизы Управления по охране памятников. Началась новая волна общественного резонанса, инициативной группой был создан интернет-ресурс, посвященный кварталу «Красный просвещенец» [4, 5] (рис. 4).

2024-й год стал годом 100-летия с даты основания нижегородского города-сада, были получены два противоположных экспертных решения о его историко-культурной ценности. Отрицательная экспертиза строится именно вокруг термина «город-сад»: квартал называется «зеленой зоной», подчеркивается, что застройка не настолько обширная, чтобы называться «городом». Ирония ситуации в том, что историческая реконструкция построек (или их снос) напрямую связана с интерпретацией понятия «город-сад» – в традиционном говардовском, предвоенном или позднесоветском его понимании.

Снос квартала на ближайшее время отменен, но, во-первых, не определен его статус, а во-вторых, отсутствует понимание того, каким образом восстанавливать данный объект и интегрировать его в туристические и культурные маршруты. Среди нынешних жителей квартала есть потомки участников первого кооператива, есть и совсем молодые люди, представители научной и творческой интеллигенции, готовые не только физически восстанавливать постройки и территорию, но и переосмысливать саму идею «города-сада», «города-мечты», города для жизни, в котором общее и личное, материальное и духовное, прошлое и будущее реализованы в формах, процессах, отношениях [6].

Таким образом, рассмотрев общекультурные принципы интерпретации городского пространства, и, в частности, садов в европейской культуре и более подробно рассмотрев концепт города-сада Э. Говарда в контексте советского и постсоветского урбанистического дискурса, можно прийти к следующим выводам:

- сад как культурный феномен восходит к экзистенциальным, гносеологическим и эсхатологическим позициям: каждая эпоха формирует концепт символического пространства идеального сада, отражающий представление об идеальном мироустройстве, месте человека в мире и обществе;

- садовая культура складывается из традиций конструирования (поиска и применения выразительных

средств, раскрывающих концепцию идеального сада как идеального мира и общества) и способов интерпретации, которые необходимы для «прочтения» символики сада;

- социально-утопическая модель города-сада Э. Говарда представляет собой попытку, двигаясь «от частного к общему» путем упорядоченного освоения прилегающих к городу земель, решить одновременно социальные проблемы растущих городов и построить общество, основанное на справедливом обеспечении жильем и выработке нового уклада жизни, объединяющем личную инициативу и общественную поддержку, семейные традиции и социальные новации;

- опыт проектирования и постройки городов-садов как формы социалистического строительства является амбивалентным: с одной стороны, присутствует противоречие между традиционными для россиян семейными устоями, приоритетом общественных структур, трудовых коллективов как акторов социальной жизни, с другой же стороны, широкое применение нашли рабочие поселки, поселки городского типа и другие форматы, восходящие к малоэтажному городу-саду Э. Говарда, с прилегающим земельным участком и общественной инфраструктурой;

- вековая история интеграции нижегородского города-сада «Красный просвещенец» в социально-культурные реалии города-миллионника, в итоге которой его статус остался неопределенным (жилой квартал ветхого фонда, туристическая зона, охраняемый объект), иллюстрирует историко-культурный, общественный и познавательный статус урбанистической утопии в первую очередь как утопии социальной.

Литература

1. Лихачёв, Д. С. Сад и культура Европы // Декоративное искусство СССР. – 1982. – № 3. – С. 38–45.
2. Говард, Э. Города-сады будущего / Перевел с английского А. Ю. Блох. – Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Общественная польза», 1911. – XVIII, 175 с. : ил.
3. Меерович, М. Г. Рождение и смерть города-сада : Градостроительная политика в СССР. 1917–1926 гг. (От идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку). – Иркутск : ИрГТУ, 2008. – 340 с.
4. Красный просвещенец [сайт]. – URL: <https://redprosvet.info/> (дата обращения: 20.05.2025).
5. «Красный просвещенец» в Нижнем Новгороде: снос или достопримечательное место? // Архи.ru [сайт] 2024. – URL: <https://archi.ru/russia/99611/krasnyi-prosveshchenec-v-nizhnem-novgorode-snos-ili-dostoprimechatelnoe-mesto> (дата обращения: 22.05.2025).
6. Савченко, И. А. Текстология города будущего: ретрофутуризм как алгоритм // Проект Байкал. – 2024. – № 80. – С. 102–107. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/80.2339>

References

- Govard, E. (1911). *Goroda-sady budushchego [Garden cities of the future]*. Saint Petersburg.
- Krasnyj prosveshchenec*. (n.d.). Retrieved May 22, 2025, from <https://redprosvet.info/>
- “Krasnyj prosveshchenec” v Nizhnem Novgorode: snos ili dostoprimechatel'noe mesto? [Krasny Prosveshchenets in Nizhny Novgorod: demolition or a place of interest?]. (2024). *Arhi.ru*. Retrieved May 22, 2025, from <https://archi.ru/russia/99611/krasnyi-prosveshchenec-v-nizhnem-novgorode-snos-ili-dostoprimechatelnoe-mesto>
- Lihachyov, D. S. (1982). Sad i kul'tura Evropy [Garden and culture in Europe]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*, 3, 38–45.
- Meerovich, M. G. (2008). *Rozhdenie i smert' goroda-sada: Gradostroitel'naya politika v SSSR. 1917–1926 gg. (Ot idei poseleniya-sada k sovetskomu rabochemu poselku) [The Birth and Death of the Garden City: Urban Planning Policy in the USSR. 1917–1926 (From the Idea of the Garden Settlement to the Soviet Workers' Settlement)]*. Irkutsk: IrGTU.
- Savchenko, I. A. (2024). Textual history of the future city: Retrofuturism as an algorithm. *Project Baikal*, 21(80), 102–107. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/80.2339>

> Рис. 4. Проект сохранения квартала «Красный просвещенец» (<https://pravda-nn.ru/articles/zhiltsy-krasnogo-prosveshchentsa-razrabotali-proekt-zastroyki-kvartala-chtoby-spasti-svoi-doma/>)

Городская среда – предмет сложный и многогранный. В нашей подборке статей собраны разнообразные подходы и трактовки понятия среды, взгляды на ее необходимые качества, процессы ее развития и трансформаций. В материалах пересекаются исторические подходы, опирающиеся на средневековые традиции отношения к воде в странах арабского «задушливого пояса», и влияние новейших технологий медиаарта, вопросы безопасности дворовых пространств в Бахрейне и Казахстане, средообразующие мемориалы Астаны и маргинальные среды российского Дальнего Востока...

Диапазон объектов – от Севастополя до китайского Даляня – и разброс во времени – от эпохи «праведных халифов» до наших дней – однозначно говорит о том, что тема городской среды актуальна всегда и везде.

**Елена Григорьева,
Константин Лидин**

среда / environment

The urban environment is a complex and multifaceted subject. Our collection of articles contains a variety of approaches and interpretations of the concept of the environment, views on its necessary qualities and processes of its development and transformation. The materials intersect historical approaches based on medieval traditional attitudes to water in the countries of the Arab 'arid belt' and the influence of the latest media art technologies, issues of courtyard safety in Bahrain and Kazakhstan, environmental memorials of Astana and marginal environments of the Russian Far East.

The range of objects is from Sevastopol to Chinese Dalian, and the time spread is from the era of the 'righteous caliphs' to the present day. It clearly indicates that the topic of the urban environment is always and everywhere relevant.

**Elena Grigoryeva,
Konstantin Lidin**

Настоящее исследование направлено на выявление и обоснование взаимосвязи цифровых технологий и архитектурно-планировочных решений как интегрированного подхода, соответствующего требованиям современных умных городов. В условиях активной трансформации пространственной среды города Алма-Аты (Алматы) особенно актуален поиск эффективных методов организации безопасных дворовых пространств. В результате проведенного сравнительного анализа и изучения опыта проектирования безопасных дворовых территорий в современных умных городах разработана матрица интегрированного подхода организации безопасного двора, сочетающая принципы CPTED третьего поколения.

Ключевые слова: умный город; CPTED третьего поколения; безопасный двор; малые архитектурные формы; цифровая безопасность. /

This study aims to identify and substantiate the interconnection between digital technologies and architectural and planning solutions as an integrated approach that meets the requirements of contemporary smart cities. In the context of the active transformation of Almaty's urban environment, the search for effective methods to organize safe courtyard spaces is particularly relevant. As a result of a comparative analysis and a study of best practices in designing safe courtyard spaces in modern smart cities, a matrix for an integrated approach to safe courtyard organization has been developed, combining the principles of third-generation CPTED.

Keywords: smart city; third-generation CPTED; safe courtyard; small architectural forms; digital security.

Безопасный двор в умном городе: интегрированный подход / Safe Courtyard in a Smart City: An Integrated Approach

текст

Жайна Толеген

Международная образовательная корпорация (Алма-Ата, Казахстан)

Ислам Хамди Элгонаими

Инженерный колледж Университета Бахрейна (Иса-Таун, Бахрейн)

Ахметжан Еспенбет

Международная образовательная корпорация (Алма-Ата, Казахстан)

Лаура Дильмурат

Казахская национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова (Алма-Ата, Казахстан)

text

Zhaina Tolegen

International Educational Corporation (Almaty, Kazakhstan)

Islam Hamdi Elghonaimi

College of Engineering, University of Bahrain (Isa Town, Bahrain)

Akhmetzhan Espenbet

International Educational Corporation (Almaty, Kazakhstan)

Laura Dilmurat

Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts (Almaty, Kazakhstan)

Введение

Обеспечение безопасности и комфорта в жилой среде – ключевая задача современной урбанистики. Особенно актуальной она становится в условиях реализации концепции «умного города», предполагающей цифровую трансформацию всех уровней городской инфраструктуры. В фокусе внимания оказываются не только общественные пространства и транспортные узлы, но и локальные зоны повседневного взаимодействия – дворовые пространства жилых кварталов.

В архитектурной практике одним из эффективных методов организации безопасных дворовых территорий является концепция CPTED (Crime Prevention Through Environmental Design) [1–3]. Однако в последние годы на международном уровне возрастает внимание к созданию устойчивых и «умных» городских пространств, где архитектура интегрируется с сенсорными и цифровыми технологиями [4]. Современный город невозможно представить без таких решений, как интеллектуальное освещение, видеонаблюдение с аналитикой поведения, биоклиматические малые архитектурные формы, интерактивная навигация и сенсоры, встроенные в инфраструктуру [5, 6]. Эти системы не только выполняют утилитарные функции, но и позволяют прогнозировать угрозы, обеспечивая автоматический отклик. Умные скамейки, солнечные панели, системы экстренной связи и мониторинг экологической обстановки формируют цифровую городскую среду, где безопасность становится ключевым критерием качества и способствует снижению урбанистической тревожности [7]. Эти факторы также повлияли на эволюцию поколений CPTED.

Значительный вклад в развитие концепции городской безопасности внесла Джейн Джейкобс с ее идеей «глаза на улице» (1961), заложившей основу для формирования междисциплинарного подхода CPTED, предполагающего использование элементов архитектурной и природной среды для профилактики преступности. CPTED первого поколения включал такие компоненты, как территориальность, естественное наблюдение, имидж и контроль доступа. Второе поколение CPTED дополнило этот подход социальными аспектами, акцентировало внимание на коллективной эффективности и «здоровье» микрорайона. Исследования показали, что интеграция физических

и социальных инструментов существенно повышает эффективность мер по обеспечению безопасности. Третье поколение, опираясь на принципы первых двух поколений, сочетает цифровые, экологические, технологические и инклюзивные аспекты [8, 9].

В 2011 году в рамках совместного проекта UNICRI и MIT «Senseable City Lab» была предложена концепция CPTED третьего поколения, основанная на теории городского планирования «умного роста». В отличие от концепций предыдущих поколений, CPTED третьего поколения рассматривается в более широком глобальном контексте (Sampson, 2012) и направлена на повышение общего качества жизни, формирование здоровых, социально благоприятных и безопасных городских кварталов. Отчет UNICRI и MIT расширил рамки CPTED, увязав ее с вопросами общественного здоровья, устойчивого развития и эстетики городской среды. В современных жилых районах особую роль начинают играть городская форма, элементы искусства и сохранение культурного наследия, которые способствуют формированию чувства гордости, локальной идентичности и коллективной ответственности за место проживания [10, 11].

Развитие этих аспектов в современных «умных» городах приводит к модернизации городских центров и повышению качества жизни горожан, что удовлетворяет их ожидания и потребности в комфортной и безопасной среде. В Казахстане, где в последние годы активно реализуются проекты «умных городов», ведется масштабное строительство новых жилых комплексов, модернизация инфраструктурных объектов и реновация дворовых территорий, что делает вопрос создания безопасной городской среды с учетом современных тенденций особенно актуальным. Эти процессы градостроительной трансформации наиболее ярко проявляются в крупнейшем городе страны – Алма-Ате (Алматы), что, в свою очередь, обостряет необходимость повышения качества городской среды и формирования безопасного, человекоориентированного пространства, соответствующего современным стандартам. В условиях ускоренной цифровизации, охватывающей все сферы управления городом, одним из таких стандартов обоснованно можно считать принципы CPTED третьего поколения, основанные на синтезе архитектур-

Introduction

Ensuring safety and comfort within the residential environment is a key objective of contemporary urban planning. This becomes particularly relevant in the context of implementing the “smart city” concept, which entails the digital transformation of all levels of urban infrastructure. As a result, not only public spaces and transport hubs, but also local areas of daily interaction – specifically, the courtyards within residential neighborhoods – are receiving increased attention.

In architectural practice, one of the most effective methods for organizing safe courtyard spaces is the concept of Crime Prevention Through Environmental Design (CPTED) (Jacobs, 2011; Newman, 1972; Jeffery, 1971). However, in recent years, there has been growing international focus on creating sustainable and “smart” urban spaces where architecture is integrated with sensor-based and digital technologies (Tolegen, Pomorov, & Issabayev, 2023). A modern city can no longer be envisioned without solutions such as intelligent lighting, surveillance systems with behavioral analytics, bioclimatic small architectural forms, interactive navigation, and infrastructure-embedded sensors (Tolegen, Konbr et al., 2023; Tolegen, Issabayev et al., 2022). These systems not only serve utilitarian functions but also enable threat prediction and provide automatic responses. Smart benches, solar panels, emergency communication systems, and environmental monitoring shape a digital urban environment in which

safety becomes a key quality criterion, helping to reduce urban anxiety (Ceccato, 2020). These factors have also influenced the evolution of CPTED generations.

A significant contribution to the development of urban safety concepts was made by Jane Jacobs with her idea of “eyes on the street” (1961), which laid the foundation for the interdisciplinary CPTED approach that involves using elements of the architectural and natural environment to prevent crime. First-generation CPTED included components such as territoriality, natural surveillance, image, and access control. Second-generation CPTED expanded this approach with social aspects, emphasizing collective efficacy and neighborhood “health”. Research has demonstrated that the integration of physical and social tools significantly increases the effectiveness of safety measures. Building upon the principles of the first two generations, third-generation CPTED combines digital, ecological, technological, and inclusive aspects (Mihinjac & Saville, 2019; Pshembayev et al., 2023).

In 2011, within the framework of the joint UNICRI and MIT “Senseable City Lab” project, the concept of third-generation CPTED was proposed, based on the smart growth theory of urban planning. Unlike previous generations, third-generation CPTED is considered within a broader global context (Sampson, 2012) and aims to improve overall quality of life by shaping healthy, socially supportive, and safe urban districts. The UNICRI

но-планировочных решений и современных цифровых технологий.

Методы исследования

Настоящее исследование рассматривает CPTED третьего поколения как современный подход к формированию дворовых и жилых пространств, объединяющий продуманные архитектурно-планировочные решения и интеллектуальные цифровые технологии для создания безопасной, креативной и жизнеспособной среды, стимулирующей активное участие и самореализацию жителей. В рамках данной концепции безопасность перестает быть изолированной задачей и становится неотъемлемой частью устойчивой городской среды, где каждый элемент способствует удобству, визуальной чистоте и развитию социальной активности.

На основе материалов, представленных в литературных и интернет-источниках, был изучен опыт архитектурно-планировочной организации «умных» городов – Масдар-Сити, Сонгдо и Хельсинки. На следующем этапе был осуществлен выбор восьми дворовых пространств города Алматы: четыре из них относятся к новым жилым комплексам комфорт-класса с элементами «умной» среды, а четыре – к модернизированным советским кварталам.

Критериями отбора городов послужило их официальное признание «умными», а также наличие реализованной политики в области цифровой инфраструктуры, устойчивого проектирования и обеспечения общественной безопасности.

Дворовые пространства, выбранные для анализа, должны соответствовать ключевым критериям CPTED и требованиям к внедрению цифровых технологий. Пространственный анализ проводился с использованием Google Maps, натурного обследования и фотографической фиксации.

На основе анализа и обобщения передового международного опыта реализации концепции «умных городов» – на примере Масдар-Сити (ОАЭ), Сонгдо (Республика Корея) и Хельсинки (Финляндия) – а также принципов CPTED третьего поколения нами разработана матрица интегрированного подхода, обладающая универсальным характером и применимая для различных городов Казахстана.

Результаты исследования

При рассмотрении трех ведущих умных городов – Масдар-Сити (ОАЭ), Сонгдо (Южная Корея) и Хельсинки (Финляндия) – можно выделить различные подходы к реализации принципов CPTED (предотвращение преступности путем проектирования среды), каждый из которых поддерживается набором цифровых инструментов, адаптированных к особенностям городской среды, социального контекста и стратегических приоритетов (рис. 1).

В Масдар-Сити принципы CPTED реализуются через пространственное зонирование, архитектурную защиту от климатических факторов и естественное наблюдение. Город ориентирован на пешеходов, исключает частный транспорт и создает хорошо просматриваемые улицы. Для поддержания такой среды используются системы видеонаблюдения с искусственным интеллектом, датчики движения, биометрический контроль доступа, а также интеллектуальные системы управления энергопотреблением и коммунальными ресурсами, что обеспечивает безопасность и устойчивость городской среды.

В Сонгдо сделан акцент на функциональном разделении городских зон, использовании прозрачных фасадов для усиления видимости и внедрении комплексных

< Рис. 1. Жизнеспособный двор сочетает в себе арт-объекты, зеленые газоны для отдыха, места для сидения и пешеходные дорожки рядом с жилыми зданиями. Масдар, ОАЭ (<https://royaldesign.ua/ru/masdar-city-perviyiy-v-mire-eko-gorod-buduschego.bX69f/>)

Fig. 1. A liveable courtyard combines art installations, green lawns for relaxation, seating areas, and walking paths near residential buildings, Masdar City, UAE (<https://royaldesign.ua/ru/masdar-city-perviyiy-v-mire-eko-gorod-buduschego.bX69f/>)

and MIT report expanded the scope of CPTED by linking it with public health, sustainable development, and the aesthetics of the urban environment. In modern residential areas, urban form, public art, and cultural heritage preservation play an increasingly important role, fostering a sense of pride, local identity, and collective responsibility for one's place of residence (UNICRI; Massachusetts Institute of Technology (MIT), 2011; Shaban et al., 2025).

The development of these aspects in contemporary smart cities leads to the modernization of urban centers and an improved quality of life for residents, meeting their expectations and needs for a comfortable and safe environment. In Kazakhstan, where smart city projects have been actively implemented in recent years, large-scale construction of new residential complexes, modernization of infrastructure, and courtyard renovation make the issue of creating a safe urban environment aligned with modern trends especially relevant. These processes of urban transformation are most evident in the country's largest city – Almaty – which, in turn, highlights the need to enhance the quality of the urban environment and to create a safe, people-centered space that meets contemporary standards. In the context of rapid digitalization across all aspects of urban governance, the principles of third-generation CPTED – based on the synthesis of architectural and planning solutions with modern digital technologies – can justifiably be considered one such standard.

цифровых систем доступа. Инфраструктура города высокотехнологична и тесно интегрирована: умное освещение, биометрические системы безопасности, автоматизация зданий, интерактивные панели навигации – все это позволяет эффективно контролировать и управлять всеми зонами города.

В Хельсинки основное внимание уделяется открытой планировке, вовлеченности граждан и совместному проектированию городской среды. Город строит свою политику на принципах прозрачности и активного участия жителей в принятии решений. Цифровая инфраструктура включает порталы открытых данных, системы обратной связи в реальном времени, сети экологических сенсоров, инструменты цифровой идентификации, а также такие платформы, как Agile Piloting Program, позволяющие тестировать инновационные решения при участии горожан.

Таким образом, несмотря на различия в географическом, культурном и управленческом контексте, все три города демонстрируют, как сочетание принципов CPTED и цифровых технологий может формировать безопасную, адаптивную и инклюзивную городскую среду будущего.

Для исследования интеграции концепции CPTED и цифровых технологий были выбраны восемь дворовых пространств Алматы: четыре современных жилых комплекса с элементами «умной среды» и четыре обновленные территории советской застройки. Такой выбор обеспечивает возможность сравнительного анализа разных типов

Materials and Methods

This research conceptualizes third-generation CPTED as a contemporary approach to the design of courtyard and residential environments, integrating carefully considered architectural and planning solutions with intelligent digital technologies to create safe, creative, and resilient spaces that foster active resident engagement and self-actualization. Within this framework, safety is no longer perceived as an isolated objective but becomes an inherent component of a sustainable urban environment, wherein each design element contributes to user convenience, visual clarity, and the promotion of social interaction.

Drawing on literature and reputable online sources, this study examines international best practices in the architectural and planning organization of smart cities, with Masdar City, Songdo, and Helsinki serving as reference cases. Subsequently, eight courtyard spaces in the city of Almaty were selected for analysis: four representing new comfort-class residential complexes incorporating smart environment features, and four comprising renovated courtyards within Soviet-era residential districts.

Selection criteria for the reference cities included official designation as smart cities and the demonstrated implementation of policies related to digital infrastructure, sustainable urban design, and public safety.

The selected courtyard spaces were required to meet key CPTED criteria and demonstrate readiness for the application of digital technologies.

городской застройки и оценки уровня внедрения принципов безопасности и цифровых решений.

В качестве примеров современных многоэтажных жилых комплексов рассмотрены ЖК «Атамекен», Metropole, Lancashire и «Шахристан» – яркие примеры интеграции «умной» и безопасной жилой среды с акцентом на комфорт, инклюзивность и качество зонирования (рис. 2).

Эти жилые комплексы спроектированы по периметральному принципу: здания образуют замкнутое дворовое пространство, изолированное от внешнего транспорта. Внутри обустроены детская площадка с безопасным покрытием, велодорожка и пешеходные маршруты, зоны отдыха с перголами и малыми архитектурными формами, озеленение и декоративное мощение. Автотранспорт полностью вынесен за пределы двора – парковка организована по периметру, что исключает транзитный трафик внутри территории и создает безопасные условия для детей и пешеходов, улучшает визуальное восприятие среды.

На спутниковых снимках хорошо видна структура двора: центральная ось с ландшафтными элементами, симметрично организованные дорожки и зеленые зоны. Такая организация соответствует современному принципу CPTED: обеспечивается естественное наблюдение из окон квартир, четкое функциональное зонирование и визуальный контроль всей территории.

Во дворах функционирует система видеонаблюдения, значительно повышающая уровень безопасности. Камеры размещены в ключевых точках – у входов, детских и спортивных площадок, прогулочных маршрутов. Это полностью соответствует принципам концепции CPTED третьего поколения, ориентированной на цифровую среду, и гарантирует круглосуточный мониторинг, фиксацию возможных инцидентов и быстрое реагирование, повышает субъективное чувство защищенности у жителей.

Таким образом, сочетание продуманного зонирования, инклюзивного благоустройства, ограничения доступа автотранспорта и интеллектуального видеонаблюдения делает эти жилые комплексы образцом современной безопасной и технологически оснащенной жилой среды.

В качестве объектов для сравнения выбраны жилые здания советского периода, реконструированные по программам реновации городской территории. В начале 2000-х в Алматы активно реализовывалась программа

> Рис. 2. Дворовое пространство ЖК «Шахристан». Алматы (<https://krisha.kz/complex/show/almaty/shahristan/>)
Fig. 2. Courtyard Space of the Shakhristan Residential Complex, Almaty (<https://krisha.kz/complex/show/almaty/shahristan/>)

Spatial analysis was conducted using Google Maps, in-situ inspections, and photographic documentation.

Based on a synthesis of cutting-edge international experience in smart city development – exemplified by Masdar City (UAE), Songdo (Republic of Korea), and Helsinki (Finland) – and guided by the principles of third-generation CPTED, this study proposes a matrix for an integrated approach to courtyard planning and design. This matrix has a universal character and is adaptable for use in various urban contexts throughout Kazakhstan.

Research Results

When examining three leading smart cities – Masdar City (UAE), Songdo (South Korea), and Helsinki (Finland) – one can identify distinct approaches to implementing the principles of CPTED (Crime Prevention Through Environmental Design), each supported by a set of digital tools adapted to the specific urban context, social environment, and strategic priorities (Figure 1).

In Masdar City, CPTED principles are implemented through spatial zoning, architectural solutions providing protection from climatic factors, and natural surveillance. The city is designed for pedestrians, excludes private vehicles, and creates well-observed streetscapes. To maintain this environment, AI-powered video surveillance, motion sensors, biometric access control, and intelligent systems for managing energy consumption and utilities are employed, ensuring both safety and urban sustainability.

«Дворы», в результате которой были обновлены практически все дворовые пространства города.

Однако сохранился ряд проблем: недостаточное функциональное зонирование – элементы дворовой инфраструктуры размещены без четкого разделения по видам активности. Спортивные площадки занимают значительное пространство, что ограничивает возможности для создания зон тихого отдыха, детских игровых площадок для младшего возраста, прогулочных маршрутов и озелененных участков. Это провоцирует конфликты между разными группами пользователей.

Отсутствует учет принципов инклюзии: нет элементов для маломобильных граждан и родителей с колясками, что ограничивает доступность пространства. Прямое размещение автомобилей во дворе приводит к хаотичной стоянке, снижает уровень безопасности, особенно для детей, и нарушает принципы территориального контроля и естественного наблюдения CPTED: припаркованные машины создают визуальные барьеры и «слепые зоны» (рис. 3).

Таким образом, несмотря на наличие базовой инфраструктуры и удовлетворительного уровня освещенности (опоры освещения расположены равномерно, что способствует ночному наблюдению), непродуманное распределение функций, отсутствие видеонаблюдения и четких границ между зонами активности и транспортом создают риски и требуют глубокой модернизации дворов с опорой на современные принципы CPTED и цифровые технологии.

Разработанная матрица служит универсальной основой для проектирования и анализа дворовых пространств с учетом современных требований безопасности, комфорта и инклюзивности. Эта матрица может быть эффективно применена как при проектировании новых жилых комплексов, так и при модернизации дворов советской застройки, что позволит обеспечить комплексный подход к безопасности, комфорту и устойчивости городской среды в соответствии с принципами «умного» и инклюзивного города.

Заключение

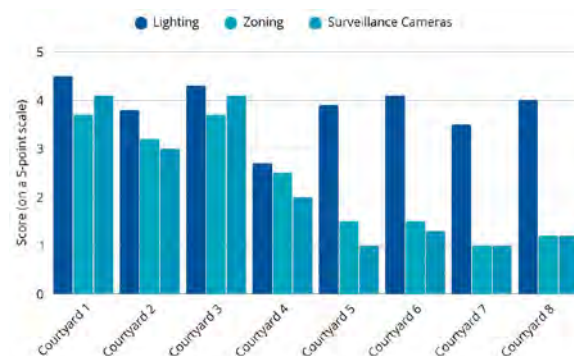
Результаты данного исследования подтверждают, что интеграция цифровых технологий и продуманных

Songdo emphasizes the functional separation of urban zones, the use of transparent building facades to enhance visibility, and the deployment of comprehensive digital access systems. The city's infrastructure is highly technological and fully integrated: smart lighting, biometric security systems, building automation, and interactive navigation panels all enable effective monitoring and management of every urban zone.

In Helsinki, the main focus is on open planning, citizen engagement, and co-design of the urban environment. The city bases its policies on transparency and active resident participation in decision-making. Its digital infrastructure includes open data portals, real-time feedback tools, networks of environmental sensors, digital identification tools, and platforms such as the Agile Piloting Program, which allows residents to co-test innovative solutions.

Thus, despite differences in geographical, cultural, and governance contexts, all three cities demonstrate how the combination of CPTED principles with digital technologies can create safe, adaptive, and inclusive urban environments for the future.

To explore the integration of the CPTED concept and digital technologies, eight courtyard spaces in Almaty were selected: four contemporary residential complexes featuring smart environment elements and four renovated courtyards within Soviet-era residential districts. This selection allows for a comparative analysis of different urban typologies and an

< Рис. 3. Результаты анализа соответствия принципам и применения цифровых технологий во дворах старого жилого фонда Алматы
Fig. 3. Results of the Analysis of Compliance with the Principles and the Application of Digital Technologies in the Courtyards of the Old Housing Stock in Almaty

архитектурно-планировочных решений является эффективным современным подходом к формированию безопасной и комфортной городской среды, соответствующей концепции умного города. На примере Алматы показано, что вопрос безопасности дворовых территорий требует переосмысления с учетом глобальных тенденций устойчивого развития и технологической трансформации.

Анализ зарубежного опыта Масдар-Сити, Сонгдо и Хельсинки выявил ключевые принципы CPTED третьего поколения, успешно адаптированные к цифровой инфраструктуре и местным условиям. Эти принципы включают продуманное зонирование, активное использование интеллектуальных систем наблюдения и управления, создание прозрачных и просматриваемых пространств, а также вовлечение жителей в процессы проектирования и эксплуатации среды.

Сравнение новых жилых комплексов Алматы с модернизированными советскими дворами показало, что современные объекты демонстрируют более высокий уровень соответствия критериям безопасности, комфорта и инклюзивности благодаря применению цифровых инструментов и функционального зонирования. В то же время обновленные дворы сохраняют проблемы, связанные с хаотичной парковкой, отсутствием камер видеонаблюдения и недостаточным учетом потребностей разных групп пользователей.

Разработанная матрица архитектурно-планировочной организации безопасного двора может быть использо-

v Таблица 1. Матрица интегрированного подхода организации безопасного дворового пространства / Table 1. Matrix for an Integrated Approach to the Organization of a Safe Courtyard Space

assessment of the degree to which safety principles and digital solutions are implemented.

Examples of modern multi-story residential complexes include Atameken, Metropole, Lancashire, and Shakhristan – prominent examples of integrating smart and secure residential environments with a focus on comfort, inclusivity, and quality zoning (Figure 2).

These residential complexes are designed according to a perimeter-block principle: buildings form a closed courtyard space, isolated from external traffic. Inside, there are safe playgrounds with protective surfaces, bicycle lanes and pedestrian routes, recreational areas with pergolas and small architectural elements, landscaping, and decorative paving. Vehicle traffic is completely removed from the courtyard – parking is arranged around the perimeter, eliminating through traffic within the territory and creating safe conditions for children and pedestrians, while improving the visual perception of the environment. Satellite images clearly reveal the courtyard structure: a central axis with landscaped elements, symmetrically organized pathways, and green areas. This layout aligns with modern CPTED principles: it ensures natural surveillance from apartment windows, clear functional zoning, and visual control of the entire territory. The courtyards are equipped with a video surveillance system that significantly enhances the level of safety. Cameras are installed at strategic points – entrances, playgrounds, sports areas, and walking paths. This fully aligns with

third-generation CPTED principles, which integrate a digital environment, guaranteeing around-the-clock monitoring, incident recording, and rapid response, thus increasing residents’ perceived sense of security. Therefore, the combination of thoughtful zoning, inclusive landscaping, restricted vehicle access, and intelligent video surveillance makes these residential complexes exemplary models of modern, safe, and technologically advanced living environments. For comparison, Soviet-era residential buildings renovated under urban redevelopment programs were also examined. In the early 2000s, Almaty actively implemented the “Courtyards” program, resulting in the modernization of nearly all courtyard spaces in the city.

However, several issues remain: insufficient functional zoning – courtyard infrastructure elements are positioned without clear separation by activity type. Sports fields occupy significant space, limiting opportunities for quiet recreation areas, playgrounds for younger children, walking routes, and green zones. This creates conflicts among different user groups. There is also a lack of inclusivity: no features accommodate people with limited mobility or parents with strollers, which restricts access to the space. The direct placement of cars within the courtyards leads to chaotic parking, reduces safety – especially for children – and violates CPTED principles of territorial control and natural surveillance: parked cars create visual barriers and blind spots (Figure 3).

Thus, despite the presence of basic infrastructure and satisfactory

Quality of space/ Качество пространства	Digital technologies/ Цифровые технологии	Architectural solutions/ Архитектурные решения
Accessibility/ Доступность	Free Wi-Fi/ Бесплатный Wi-Fi	Building facades/Фасады зданий
An inclusive space for all segments of the population/ Инклюзивное пространство для всех слоев населения		Sound-absorbing, energy-efficient. Use for backlighting and reliable lighting installations/ Шумопоглощающие, энергоэффективные. Использование для подсветки и разнообразных световых инсталляций
	Smart Lighting/ Умное освещение	Smart Pedestrian Zones/«Умные» пешеходные зоны
		Sensors embedded in the road surface, control of people movement, lighting control and navigation/ Интегрированные в дорожное покрытие датчики, позволяющие отслеживать перемещение людей, оптимизировать освещение и навигацию
Equipment/ Оборудование	Waste management systems/ Системы управления отходами	Bioclimatic small architectural forms/ Биоклиматические малые архитектурные формы
Availability of equipment based on the principles of universal design/ Наличие оборудования, основанного на принципах универсального дизайна	Interactive mobile applications/ Интерактивные мобильные приложения	Outdoor amphitheaters for meetings and events/ Уличные амфитеатры для встреч и мероприятий
	Information about all available services, information about events held throughout the year/ Информация обо всех доступных услугах, о мероприятиях, проводимых в течение года	
Possibility of observing the action/ Возможность наблюдения действия	Smart Signage/ Умные вывески	Yard libraries/ Дворовые библиотеки
The presence of conditions and artificial perspectives, the ability of the city dweller-spectator to be in this space, to observe the movement of people, water, cars, natural phenomena/ Наличие природных и искусственных перспектив, позволяющих горожанину-зрителю, находясь в этом пространстве, наблюдать движение людей, воды, автомобилей, природные явления	Sensors and Detectors for data collection/ Датчики и детекторы для сбора данных	Workout zones/ Воркаут-зоны
	Cameras and Video Surveillance/ Камеры и видеонаблюдение	Convenient bike paths/ Удобные велосипедные дорожки
Possibility of self-representation/ Возможность саморепрезентации	Interactive map of the area/ Интерактивная карта района	Vertical gardens and green walls/ Вертикальные сады и зеленые стены
Realization of personal aspirations in improving the overall quality of life/ Реализации личных устремлений в повышении общего качества жизни	Communication with management support, security information in the shortest possible time/ Связь с органами управления, информация о безопасности в реальном времени	
	Automated irrigation systems/ Автоматизированные системы полива	Interactive art objects/ Интерактивные арт-объекты
		Sculptures and installations that respond to movement, light, sound, creating unique experiences for visitors/ Скульптуры и инсталляции, реагирующие на движение, свет, звук, создающие уникальные впечатления для посетителей
Multifunctionality/ Мультифункциональность	Smart Benches and Kiosks/ Умные скамейки и киоски	Rooftop gardens/ Сады на крышах
The implementation of various behavioral strategies is possible – from “isolation” to maximum involvement in social interaction/ Возможности реализации различных стратегий поведения – от «самоизоляции» до максимальной включенности в социальные взаимодействия	Vertical gardens, smart lawns/ Вертикальные сады, «умные» газоны	

lighting levels (evenly distributed light poles support nighttime surveillance), poor functional distribution, the absence of video surveillance, and unclear boundaries between activity and traffic zones create risks and necessitate comprehensive modernization based on modern CPTED principles and digital technologies.

The developed matrix serves as a universal framework for designing and analyzing courtyard spaces in line with current safety, comfort, and inclusivity requirements. This matrix can be effectively applied both in the design of new residential complexes and in the modernization of Soviet-era courtyards, ensuring an integrated approach to safety, comfort, and urban sustainability in accordance with smart and inclusive city principles (Table 1).

Conclusion

The findings of this study confirm that the integration of digital technologies with well-considered architectural and planning solutions represents an effective contemporary approach to creating a safe and comfortable urban environment aligned with the smart city concept. Using Almaty as a case study, it has been demonstrated that the issue of courtyard safety requires reconsideration in the context of global trends in sustainable development and technological transformation.

The analysis of international case studies from Masdar City, Songdo, and Helsinki identified key principles of third-generation CPTED successfully

adapted to advanced digital infrastructure and local conditions. These principles include thoughtful spatial zoning, active use of intelligent monitoring and management systems, the creation of transparent and observable spaces, and the involvement of residents in the design and maintenance of the urban environment.

A comparative analysis of new residential complexes in Almaty and renovated Soviet-era courtyards showed that contemporary developments demonstrate a higher level of compliance with safety, comfort, and inclusivity criteria due to the implementation of digital tools and functional zoning. At the same time, updated courtyards still face challenges such as chaotic parking, the absence of surveillance cameras, and insufficient consideration of the diverse needs of different user groups.

The developed matrix for the architectural and planning organization of safe courtyards can be used as a practical tool for architects, urban planners, and municipal authorities. Its application will enable a comprehensive approach to the design of courtyard spaces in Almaty and other cities in Kazakhstan, integrating CPTED principles with digital solutions.

Future work will involve piloting the matrix in real projects and subsequently assessing its effectiveness in improving safety levels and resident satisfaction. This approach will contribute to the development of a sustainable, safe, and people-centered urban environment that meets the contemporary standards of smart cities.

вана как практический инструмент для архитекторов, городских планировщиков и муниципальных органов. Ее применение позволит обеспечить комплексный подход к проектированию дворовых пространств в Алматы и других городах Казахстана, интегрируя принципы CPTED и цифровые решения.

В дальнейшем предполагается апробация матрицы в реальных проектах и последующая оценка ее эффективности с точки зрения повышения уровня безопасности и удовлетворенности жителей. Такой подход будет способствовать формированию устойчивой, безопасной и человекоориентированной городской среды, отвечающей современным требованиям умных городов.

Литература

1. Джейкобс, Д. *Смерть и жизнь больших американских городов*. – Москва : Новое издательство, 2011. – 460 с.
2. Ньоман, О. *Защищаемое пространство: предотвращение преступности через проектирование городской среды*. – Нью-Йорк : Macmillan, 1972. – 260 с.
3. Джеффри, С. Р. *Предотвращение преступности через проектирование окружающей среды*. – Беверли-Хиллз : Sage Publications, 1971. – 220 с.
4. Тolegen, Zh. Zh., Pomorov, S. B., Issabayev, G. A. Роль трехмерной цифровой модели города в организации комфортной среды // *Вестник КазГАСА*. – 2023. – № 1 (87). – URL: <https://doi.org/10.51488/1680-080X/2023.1-12> (дата обращения: 20.05.2025).
5. Tolegen Z., Konbr U., Karzhaubayeva S. и др. Assessment of Safe Access to Pedestrian Infrastructure Facilities in the City of Almaty, Kazakhstan // *Civil Engineering and Architecture*. – 2023. – Vol. 11, N 1. – P. 351–371. – DOI: <https://dx.doi.org/10.13189/cea.2023.110128>
6. Tolegen, Z. Z., Issabayev, G. A., Yussupova, A. K. и др. Architectural and Compositional Concepts of Environmentally Safe Urban Arrangement // *Civil Engineering and Architecture*. – 2022. – Vol. 10, N 3. – P. 1036–1046. – DOI: <https://dx.doi.org/10.13189/cea.2022.100320>
7. Ceccato, V. The architecture of crime and fear of crime. Research evidence on lighting, CCTV and CPTED features // *Crime and Fear in Public Places: Towards Safe, Inclusive and Sustainable Cities*. – 2020. – P. 38–71. – DOI: 10.4324/9780429352775-4
8. Михиньяц, М., Сэвилл, Г. Преступность и ее предотвращение через проектирование окружающей среды третьего поколения (CPTED) // *Social Sciences*. – 2019. – Т. 8, ст. 182. – DOI: 10.3390/socsci8060182
9. Пшембаев, М., Кыялбай, С., Есентай, Д., Тлеуленова, Г., Регулирование водно-теплового режима земляного полотна цементобетонной дороги // *Geomate*. – 2023. – Т. 25, № 111. – С. 145–152. – DOI: 10.21660/2023.111.4035

10. Improving Urban Security through Green Environmental Design: New Energy for Urban Security // UNICRI; Massachusetts Institute of Technology (MIT). – 2011. – URL: http://www.unicri.it/news/files/2011-04-01_110414_CRA_Urban_Security_sm.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

11. Shaban, A. A., Basher, Z., Lotfi, Y. A. Smart Strategies in Public Spaces: Case Study of the Central Park of Masdar City // *Civil Engineering and Architecture*. – 2025. – Vol. 13, N 2. – P. 813–825. – DOI: 10.13189/cea.2025.130205

References

1. Ceccato, V. (2020). The Architecture of Crime and Fear of Crime: Research Evidence on Lighting, CCTV, and CPTED Features. In V. Ceccato (Ed.), *Crime and Fear in Public Places: Towards Safe, Inclusive and Sustainable Cities* (pp. 38–71). DOI: 10.4324/9780429352775-4.
2. Improving Urban Security through Green Environmental Design: New Energy for Urban Security (2011). UNICRI; Massachusetts Institute of Technology (MIT). Retrieved December 1, 2025, from http://www.unicri.it/news/files/2011-04-01_110414_CRA_Urban_Security_sm.pdf
3. Jacobs, J. (2011). *The Death and Life of Great American Cities*. Moscow: Novoe Izdatelstvo.
4. Jeffery, C. R. (1971). *Crime Prevention Through Environmental Design*. Beverly Hills, California: Sage Publications.
5. Mihinjac, M., & Saville, G. (2019). Third-Generation Crime Prevention Through Environmental Design (CPTED). *Social Sciences*, 8, Art. 182. DOI: 10.3390/socsci8060182.
6. Newman, O. (1972). *Defensible Space: Crime Prevention Through Urban Design*. New York: Macmillan.
7. Pshembayev, M., Kiyalbay, S., Ysentai, D., & Tleulenova, G. (2023). Regulation of the Hydrothermal Regime of the Roadbed of a Cement Concrete Road. *International Journal of GEOMATE*, 25(111), 145–152. DOI: 10.21660/2023.111.4035.
8. Shaban, A. A., Basher, Z., & Lotfi, Y. A. (2025). Smart Strategies in Public Spaces: Case Study of the Central Park of Masdar City. *Civil Engineering and Architecture*, 13(2), 813–825. DOI: 10.13189/cea.2025.130205.
9. Tolegen, Z. Z., Issabayev, G. A., Yussupova, A. K., et al. (2022). Architectural and Compositional Concepts of Environmentally Safe Urban Arrangement. *Civil Engineering and Architecture*, 10(3), 1036–1046. <https://dx.doi.org/10.13189/cea.2022.100320>.
10. Tolegen, Z., Konbr, U., Karzhaubayeva, S., et al. (2023). Assessment of Safe Access to Pedestrian Infrastructure Facilities in the City of Almaty, Kazakhstan. *Civil Engineering and Architecture*, 11(1), 351–371. <https://dx.doi.org/10.13189/cea.2023.110128>.
11. Tolegen, Zh. Zh., Pomorov, S. B., & Issabayev, G. A. (2023). The Role of a Three-Dimensional Digital City Model in Organizing a Comfortable Environment. *Vestnik KazGASA*, 1(87). <https://doi.org/10.51488/1680-080X/2023.1-12>.

В начале XXI века в России появляются примеры интеграции объектов культурного наследия в пространственно-планировочную структуру современных архитектурно-ландшафтных комплексов. Примером современной музеефикации является интеграция вновь выявленных объектов культурного наследия в структуру музейного комплекса в городе Севастополе, пространственно взаимодействующие с «парящей архитектурой» деконструктивизма В. Д. Прикса – автора музейного комплекса. Музеефикация рассматривается как метод интеграции объектов культурного наследия в структуру современных градостроительных, архитектурно-ландшафтных и архитектурных комплексов через ландшафтную организацию территории с целью создания устойчивых элементов культурного ландшафта города.

Ключевые слова: культурный ландшафт; водно-зеленый каркас; городская среда; выявленный объект культурного наследия; деконструктивизм. /

At the beginning of the 21st century, examples of integration of cultural heritage objects into the spatial-planning structure of modern architectural-landscape complexes appear in Russia. An example of modern museification is the integration of newly identified cultural heritage objects into the structure of the museum complex in the city of Sevastopol, spatially interacting with the 'floating architecture' of deconstructivist architect W. D. Prix, the author of the museum complex. Museification is considered as a method of integrating cultural heritage objects into the structure of modern urban planning, architectural-landscape and architectural complexes through landscape organization of the territory in order to create sustainable elements of the city's cultural landscape.

Keywords: cultural landscape; water-green framework; urban environment; identified cultural heritage site; deconstructivism.

Музеефикация культурного ландшафта музейного комплекса в Севастополе / Museification of the cultural landscape of the museum complex in Sevastopol

текст

Элина Красильникова

Севастопольский
государственный
университет

text

Elina Krasilnikova

Sevastopol State University

В настоящее время восприятие города как ландшафта – одна из современных экоориентированных концепций градостроительного развития городов. Мы находимся на стадии переосмысления подходов к формированию новых эстетических и экологических качеств современных городов, ориентированных на сохранение их идентичности, а также образного и ментального восприятия города как культурного ландшафта. Природная среда и культурное наследие – элементы культурного ландшафта Севастополя, которые определяют его отличительные черты в зависимости от исторических и социокультурных особенностей динамики формирования. Это напрямую связано с процессом формированием национальной идентичности, которая создается на основе восприятия и запоминания конкретного места, знакомства с его историей, традициями и культурой. Поэтому в настоящее время музеефикация объектов культурного наследия (ОКН) активно содействует органичному отождествлению памятника с регионом, городом, обществом, окружающей средой, историческим городским ландшафтом [1].

Севастополь – это градостроительный феномен, город, имеющий многовековую историю, планировочная структура которого и его культурный ландшафт формировались и трансформировались под влиянием природно-географических, исторических, геополитических, экономических, религиозных, социокультурных факторов. Принятие нового генерального плана города в апреле 2025 года стало важным этапом в градостроительном развитии Севастополя. В нем определены основные функционально-планировочные зоны для создания и перспективного развития крупного градостроительного комплекса – культурно-образовательного кластера на мысе Хрустальный и музейно-храмового комплекса «Новый Херсонес». Они влияют на дальнейшее формирование пространственно-планировочной и функциональной структуры города, на его туристическую привлекательность, социокультурную и ландшафтную идентичность и дальнейшее формирование культурного ландшафта города. Важным для понимания значения этих градостроительных комплексов в структуре Севастополя является исторический контекст выбранной территории. Он оказывает непосредственное влияние

на процесс формирования в городской ткани исторического города, создание новых типов культурных пространств, не имеющих аналогов в России.

Исторический контекст культурных пространства разного территориального масштаба включает в себя достопримечательные места, исторические объекты и артефакты, которые отражают и увековечивают сохранившиеся «следы» предыдущих исторических периодов, формирующих как прошлую, так и современную культурную идентичность. Строительство культурно-образовательного кластера в Севастополе – это новый виток в развитии современной архитектуры города. Появление уникального архитектурного объекта, созданного легендарной деконструктивизма Вольфом Дитером Приксом, является первым шагом в позиционировании города как культурной столицы Черноморского региона. В ключевых положениях формируемой градостроительной политики города она определена генеральным планом 2025 года (разработчик ГАУ «Институт Генплана Москвы»). Несмотря на достаточно крупный объем архитектурной формы, здания Севастопольского государственного театра оперы и балета и музейного комплекса гармонично вписываются в существующий архитектурный контекст центральной части города и формируют его морской фасад уже как объекты иконической архитектуры XXI века [2, с. 38].

Территория проектирования музейного комплекса, входящего в структуру культурно-образовательного кластера, расположена в центральной исторической части города. В шаговой доступности от территории музейного комплекса находятся знаковые объекты города, создающие его узнаваемый образ: архитектурно-художественный символ города «Памятник затопленным кораблям» (скульптор А. И. Адамсон, архитектор В. А. Фельдман, инженер Ф. О. Энберг), театр им. А. В. Луначарского (арх. В. В. Пелевин), гостиница «Севастополь» (арх. Ю. А. Траутман, Е. Г. Ставинский), Художественный музей им. М. П. Крошицкого, Приморский бульвар, мыс Хрустальный, Артиллерийская бухта, сквер 300-летия Российского Флота, памятник «Солдату и матросу», обелиск городу-герою Севастополю «Штык и парус» и другие здания и сооружения, имеющие историческую ценность и культурное значение.

Исследование проводится впервые и выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта 28-01318 /

Acknowledgements: The study is being conducted for the first time and carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project 28-01318

Автором проекта культурно-образовательного кластера на мысе Хрустальный является австрийское бюро Соор Himmelb (l) au под руководством Вольфа Дитера Прикса, архитектора с мировым именем, профессора, автора зданий и архитектурных комплексов, украшающих известные города мира: Вена, Франкфурт-на-Майне, Баку, Ольборг, Пусан, Тирана, Лион. В. Д. Прикс, наравне с Ремом Колхасом, Питером Айзенманном, Даниэлем Либескиндом, Захой Хадид, Бернаром Чуми – признанный идеолог и основатель деконструктивизма, междunarодного направления в современной архитектуре. Здания Севастопольского государственного театра оперы и балета и музейного комплекса Российской галереи искусств на мысе Хрустальном, несомненно, выполнены в стиле деконструктивизма, но при этом в них отсутствует жесткий контраст в пересечении архитектурных форм, присущий «чистому» деконструктивизму. Театр и музейный комплекс визуально открыты морю, «парят» над уровнем земли, гармонично вписаны в существующий исторический и градостроительный контекст территории и уже сейчас, на этапе завершения строительства, формируют новый архитектурный облик центральной части Севастополя.

В процессе проведения земляных работ по разработке котлована под фундамент музейного комплекса были выявлены артефакты различных исторических периодов. Было принято решение о перемещении площадки для строительства здания, чтобы провести археологические работы и в дальнейшем создать археологическую парковую зону в структуре территории озеленения музейного комплекса и культурно-образовательного кластера. По результатам археологических исследований в границах раскопок 2020–2021 были зафиксированы археологические объекты, связанные с освоением данной территории в конце XVIII – начале XX века:

- остатки стен объекта культурного наследия – строения военного укрепления, условно названные «Форт Меншиков» с системой внутрикомплексных объектов, представленные фрагментом стены Артиллерийского форта, построенные в XIX веке перед обороной Севастополя 1854–1855;

- остатки построек севастопольского рынка (так называемые «птичьи ряды»): остатки складского навеса 1844 года и остатки стен начала XX века;

- керамические печи предполагаемой античной гонимарной мастерской IV–III вв. до н. э., которые были перенесены в музей-заповедник «Херсонес Таврический» для сохранности.

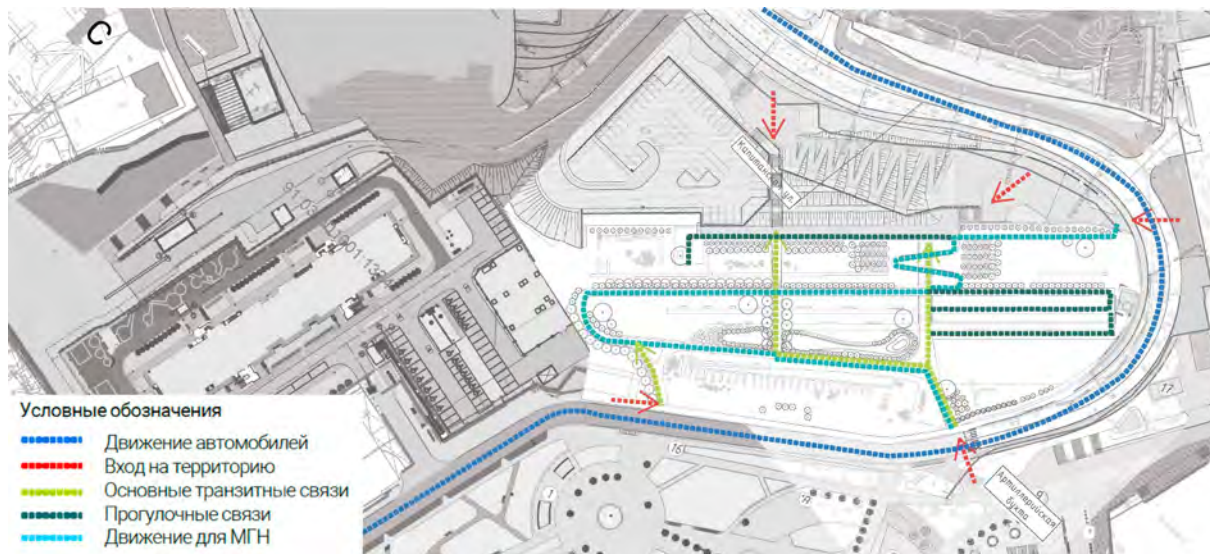
Таким образом, в структуре благоустраиваемой территории музейного комплекса появилась отдельная зона музеефикации выявленных объектов культурного наследия – памятников археологии [3] на месте проведенных археологических раскопок. Проект музеефикации был разработан архитекторами кафедры «Архитектура и дизайн» Института развития города Севастопольского государственного университета (авторский коллектив под руководством канд. арх., профессора Э. Э. Красильниковой в составе архитекторов: Е. В. Миклясевич, И. А. Заики, С. А. Долгановой, В. Г. Саркисян, В. А. и О. А. Хатибовых, В. А. Бибишева, канд. истор. наук, археолога, доцента Т. В. Сарапулкиной). Несомненно, статус объекта культурного наследия накладывает на территорию определенные ограничения, которые, с одной стороны, «консервируют» территорию для развития, с другой – оставляют возможность для создания общедоступных городских территорий и могут стать

^ Рис. 2. Музейный комплекс Российской государственной художественной галереи. Архитектор Вольф Дитер Прикс

< Рис. 1. Фотофиксация объекта. 2024. Остатки построек Севастопольского рынка («птичьи ряды») начала XX века

> Рис. 3. Схема пешеходно-транспортных связей археологической парковой зоны в структуре музейного комплекса Российской государственной художественной галереи

^ Рис. 4. Территория выявленных объектов культурного наследия – зафиксированных археологических комплексов, связанных с освоением территории в конце XVIII – начале XX века, расположенной в центральной части города

частью системы озелененных пространств города, его водно-зеленого каркаса. Поэтому для создания проекта благоустройства всей территории музейного комплекса был применен метод интеграции объекта культурного наследия в уже сложившуюся систему озеленения прилегающей территории и изменен планируемый ранее ее архитектурно-ландшафтный контекст.

Планировочная организация территории подчинена объектам музеефикации, трассировка основных парковых дорожек вписана в существующий, достаточно крутой рельеф склона, формируя террасированный ландшафт парковой зоны. С разных уровней парковой зоны хорошо раскрываются виды на археологические объекты, поэтому созданы смотровые площадки для их удобного просмотра. На территории запланировано два новых входа со стороны ул. Капитанской, а также сквозной транзит к музейному комплексу и театру оперы и балета. Концепция проекта – пересечение «прошлого» и «настоящего». Эта идея отражена и в геометрии планировки транзитных, прогулочных связей и дорожек для движения маломобильных групп населения. Таким образом, в центре города появляются новые пешеходные маршруты, отвечающие культурным и рекреационным требованиям горожан и туристов, связывающие зону музеефикации с территорией всего культурного кластера. Подобранные материалы для отделки подпорных стен, мощения прогу-

лочных дорожек, МАФ, элементов наружного освещения и др. гармонично сочетаются с историческими объектами и формируют общественное пространство, отвечающее современным тенденциям в ландшафтной архитектуре.

Ландшафтная организация территории археологической парковой зоны в структуре музейного комплекса Российской галереи искусств основана на концепции создания ландшафтной экосистемы с целью расширения биологического разнообразия на основе тщательно подобранного ассортимента региональных видов древесно-кустарниковых и травянистых растений, устойчивых к морским аэрозолям, ветрам, сложным почвенно-климатическим условиям с учетом инсоляционного режима. Пейзажные композиции из видов кипариса, сосны крымской, сосны крымской Палласова, сосны судакской, кедра ливанского, багряника крымского, лоха серебристого, розмарина, кизильника горизонтального, лаванды, шалфея, различных видов многолетних травянистых растений, лиан и других видов древесно-кустарниковых насаждений создают ощущение природного, исторически сложившегося веками ландшафта, характерного для этой прибрежной территории Крыма, гармонично сочетающегося с археологическими объектами, архитектурой музейного комплекса и прилегающей территорией сквера 300-летия Российского Флота.

В последнее время изменились подходы к музеефикации объектов культурного наследия, особенно археологических памятников, с позиции интеграции в общественные пространства города с целью создания археологических парков различного территориального масштаба, а также включения в структуру объектов социокультурного назначения. Наиболее близкими к теме исследования являются работы М. И. Паноса [4], Ф. Готта [5], М. Ротер-Благоевич, Г. Милошевич, А. Радивоевич [6, с. 36]. В них присутствует научный дискурс о необходимости разработки новых подходов к интеграции объектов культурного наследия в градостроительную ткань с целью их презентации жителям и гостям города в современном контексте и во взаимодействии с окружающей средой и природными ландшафтами. Это способствует развитию интерактивных отношений с территорией музеефикации как с местом, где посети-

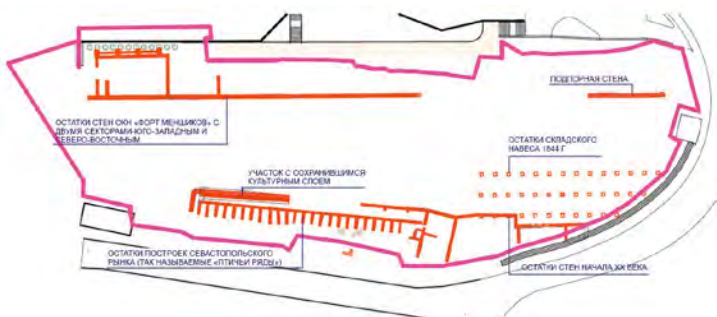

Рис. 5. Схема размещения выявленных объектов культурного наследия – памятников археологии на месте проведенных археологических раскопок

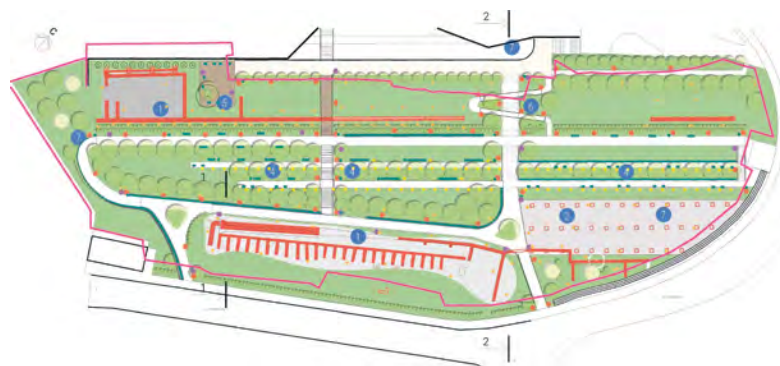

Рис. 6. Схема планировочной организации территории археологической парковой зоны

тели на различных городских мероприятиях знакомятся не только с историей, но и с отражением современной эпохи.

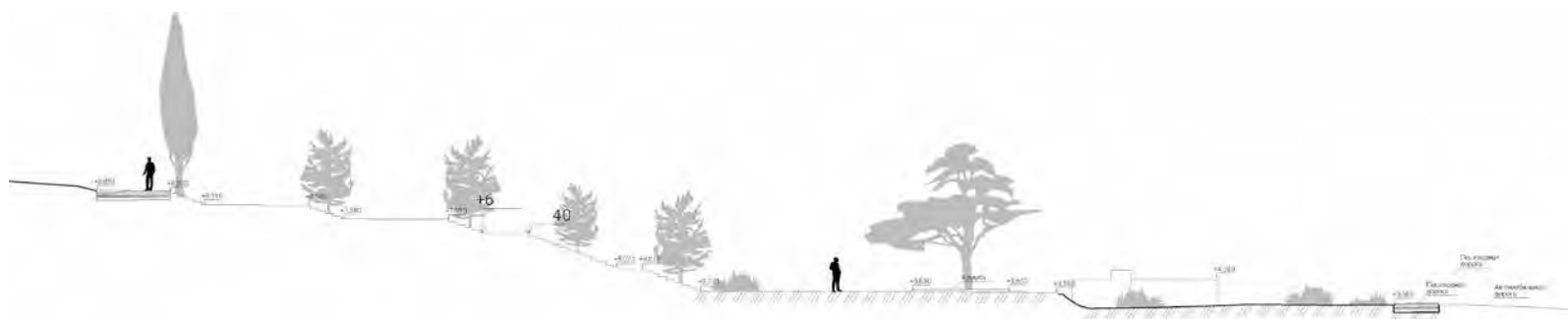
Среди зарубежных и российских аналогов такого подхода следует отметить примеры музеефикации объектов культурного наследия, которые были обнаружены при строительстве новых архитектурно-ландшафтных комплексов, имеющих важное, знаковое значение для градостроительного развития города. Например, новое здание музея Акрополя в Афинах (архитектор Бернар Чуми, 2009), музеефикацию римского некрополя I–III веков Via Sepulcral Romana в Барселоне на площади Пласа-де-ла-Вила-де-Мадрид, которая стала частью Музея истории Барселоны (МУНБА), парк Зарядье и его подземный музей с фрагментами фундамента Китайгородской стены XVI века и уникальными археологическими находками XV–XVII веков.

Деконструктивизм и музеефикация – это музей Акрополя в Афинах и музейный комплекс Российской государственной художественной галереи на мысе Хрустальном в Севастополе – здания архитекторов с мировыми именами Берна Чуми и Вольфа Прикса. Экспозиция музея Акрополя начинается с археологических раскопок, видимых через стеклянный пол во входной галерее, так как под зданием так же, как и при строительстве музейного комплекса в Севастополе, были обнаружены археологические объекты. В данном случае – разрушенные остатки жилого квартала Афин античного периода, поэтому первый этаж здания приподнят над уровнем

земли, «парит» над историей этого места. Несомненно, этот архитектурный прием связан с авторской концепцией Бернара Чуми, который стремился сохранить археологические объекты и интегрировать их в объем здания. При проектировании здания музейного комплекса в Севастополе не было известно о том, что при его строительстве будут обнаружены уникальные археологические объекты. Поэтому интеграция объектов культурного наследия происходит через ландшафтную организацию территории комплекса на основе расширения ее функционального насыщения – появления новой функциональной зоны в ее структуре, небольшого археологического парка, вписанного в достаточно крутой рельеф склона; «история становится частью природы» [7, 16]. Музеефикация основана на консервации руинированных ОКН, расположенных на территории благоустройства музейного комплекса, и планировочно связана с системой общественных пространств центра города, которые являются узловыми элементами водно-зеленого городского каркаса [8, с. 46].

Если до начала работ по музеефикации культурного ландшафта ландшафтная организация территории была подчинена уникальной архитектуре музейного комплекса, то сейчас музеефицированная археологическая парковая зона живет своей жизнью, привлекая внимание горожан, которые с нетерпением ждут знакомства с археологическими объектами после завершения строительства музейного комплекса.

Рис. 7. Поперечный разрез территории

^ Рис. 9. Вид на музейный комплекс

^ Рис. 10. Вид сверху на территорию музеефикации и Артиллерийскую бухту

Современный подход к вопросу музеефикации расширяет круг объектов, меняет прежний взгляд на главенство временной категории над пространственной, уравнивает их значимость. Музеефикация по-прежнему остается самым оптимальным вариантом не только сохранения историко-культурного наследия, но и репрезентации его в привычном пространственном окружении. Тем не менее мы имеем примеры нового подхода к музеефикации, который иллюстрируют работы российских и зарубежных архитекторов. Музеефикация как метод интеграции объектов культурного наследия в структуру современных градостроительных, архитектурно-ландшафтных и архитектурных комплексов через ландшафтную организацию территории основана на сохранении

исторической ценности объекта и его символической функции. Она направлена на создание благоприятных условий для улучшения и сохранения качества исторических городов и урбанизированных территорий с целью сохранения их исторических особенностей, природного потенциала и формирования культурного ландшафта.

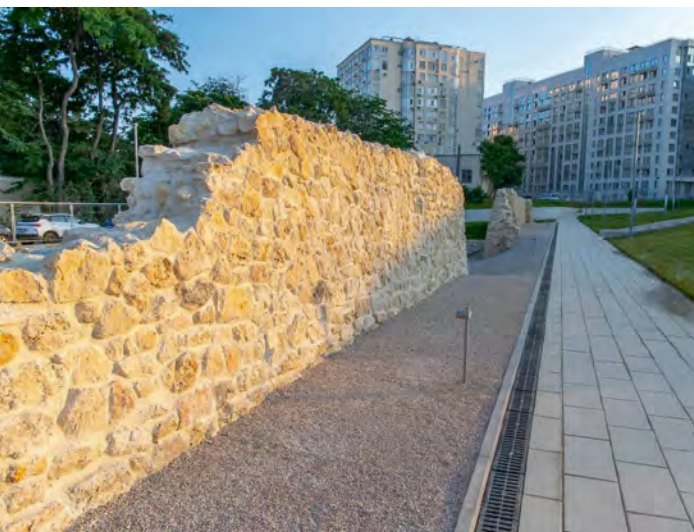
В контексте города Севастополя, который имеет статус исторического поселения [9], накладывающий определенные ограничения, требующие, с одной стороны, консервации наследия, а с другой — дает возможности его демонстрации, музеефикация ОКН может оказаться эффективным приемом для современной ландшафтно-градостроительной организации культурного кластера города Севастополя, способствуя его развитию, увеличению туристического потока и укреплению культурных связей в регионе. Можно предположить, что объект станет точкой притяжения как для местных жителей, так и для туристов, привлекая внимание к культурному наследию города.

Литература

1. ЮНЕСКО. Рекомендация по историческому городскому ландшафту. 2011. — URL: <https://whc.unesco.org/en/hul/> (дата обращения: 21.07.2025).
2. Худин, А. А. Иконические знаки в теории архитектуры постмодернизма // Academia. Архитектура и строительство. — 2021. — № 3. — С. 34–38. — URL: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2021-3-34-40> (дата обращения: 27.07.2025).
3. Приказ Управления охраны объектов культурного наследия города Севастополя от 20.03.2024 № 48 «О внесении изменений в приказ Управления охраны объектов культурного наследия города Севастополя от 01.03.2019 № 100 “Об утверждении перечней выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории города Севастополя”». — URL: <https://uokn.sev.gov.ru/perechen-obektov-kulturnogo-naslediya/perechen-vyyavlennyykh-obektov-kulturnogo-naslediya-raspolozhennykh-na-territorii-goroda-sevastopolya/> (дата обращения: 24.07.2025).
4. Panosa, M. I. Musealizing Archaeological Sites. Considerations on Research, Conservation, and Dissemination : A Case Study from the Gavà Mines Archaeological Park // Conservation and Management of Archaeological Sites. — 2015. — № 7 (2). — P. 159–174. — URL: <https://doi.org/10.1080/13505033.2015.1124181> (дата обращения: 30.07.2025).

> Рис. 8. Музеефикация археологического объекта. Остатки построек Севастопольского рынка (так называемые «птичьи ряды») начала XX века

^ Рис. 11. Музеефикация археологического объекта. Остатки стен начала XX века

^ Рис. 12. Музеефикация археологического объекта. Остатки складского навеса 1844 года

5. Gotta, F. The Archaeological Sites: from excavation to “open-air” museum Cultural uses, preservation, environments // *Proceedings of the 2nd ICAUD International Conference in Architecture and Urban Design*. – Tirana : Epoka University. – 2014. – Pp. 172–1–172–12.

6. Roter-Blagojević, M. Milošević, G., Radivojević, A. A new approach to renewal and presentation of an archaeological site as unique cultural landscape // *Spatium*. – 2009. – № 20. – P. 36–40. – URL: <https://doiserbia.nb.rs/img/doi/1450-569X/2009/1450-569X0920035R.pdf> (дата обращения: 30.07.2025).

7. Швидковский, Д., Ревзина, Ю. Архитектурная классика будущего // *Проект Байкал*. – 2025. – № 83. – С. 12–17. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/83.2472>

8. Красильникова, Э., Ермолина, А., Долганова, С., Масликова, И. Вторая жизнь усадьбы Кокораки // *Проект Байкал*. – 2025. – № 83. – С. 42–47. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/83.2477>

9. Приказ Министерства культуры РФ от 11 января 2016 г. № 2 «О включении города Севастополя в перечень исторических поселений федерального значения, утверждении границ территории и предмета охраны исторического поселения город Севастополь». – URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/19002?items=1&page=2> (дата обращения: 30.07.2025).

References

Gotta, F. (2014). The Archaeological Sites: from excavation to “open-air” museum Cultural uses, preservation, environments. *Proceedings of the 2nd ICAUD International Conference in Architecture and Urban Design* (pp. 172-1-172-12). Tirana: Epoka University.

Khudin, A. (2021). Iconic signs in the theory of postmodernism architecture. *Academia. Architecture and Construction*, 3, 34-38. <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2021-3-34-40>

Krasilnikova, E., Ermolina, A., Dolganova, S., & Maslikova, I. (2025). The second life of the Kokoraki estate. *Project Baikal*, 22(83). 42-47. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/83.2477>

Order of the Department for the Protection of Cultural Heritage Sites of the City of Sevastopol dated March 20, 2024 No. 48 “On Amendments to the Order of the Department for the Protection of Cultural Heritage Sites of the City of Sevastopol dated March 1, 2019 No. 100 “On Approval of the Lists of Identified Cultural Heritage Sites Located on the Territory of the City of Sevastopol”. (2024). Retrieved July 24, 2025, from <https://uokn.sev.gov.ru/perechen-obektov-kulturnogo-naslediya/perechen-vyavlenykh-obektov-kulturnogo-naslediya-raspolozhennykh-na-territorii-goroda-sevastopolya/>

Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation of January 11, 2016 No. 2 “On the inclusion of the city of Sevastopol in the list of

historical settlements of federal significance, approval of the boundaries of the territory and the subject of protection of the historical settlement of the city of Sevastopol”. (2016), Retrieved July 30, 2025, from <https://minjust.consultant.ru/documents/19002?items=1&page=2>

Panosa, M. I. (2015). Musealizing Archaeological Sites. Considerations on Research, Conservation, and Dissemination: A Case Study from the Gavà Mines Archaeological Park. *Conservation and Management of Archaeological Sites*, 7(2), 159–174. <https://doi.org/10.1080/13505073.2015.1124181>

Roter-Blagojević, M. Milošević, G., Radivojević, A. (2009). A new approach to renewal and presentation of an archaeological site as unique cultural landscape. *Spatium*, 20, 36-40. Retrieved July 30, 2025, from <https://doiserbia.nb.rs/img/doi/1450-569X/2009/1450-569X0920035R.pdf>

Shvidkovsky, D., & Revzina, Yu. (2025). Architectural classics of the future. *Project Baikal*, 22(83). 12-17. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/83.2472>

UNESCO. *Recommendation on the Historic Urban Landscape*. (2011). UNESCO. Retrieved July 21, 2025, from <https://whc.unesco.org/en/hul>

v Рис. 13. Музеефикация археологического объекта. Остатки построек Севастопольского рынка (так называемые «птичьи ряды») начала XX века

В потоке информации, который представляет собой культура, содержатся элементы, обладающие непреходящей (инвариантной) ценностью. Одним из таких элементов является отношение к воде, сформированное культурами «засушливого пояса» на Ближнем Востоке, в Средней и Восточной Азии. Глобализация угрожает утратой традиции бережливого отношения к воде и заменой его на расточительное перепотребление воды. В арабском мире эти процессы усиливаются за счет растущего населения и неравномерного развития стран региона. Анализ кампаний по пропаганде бережливого отношения к воде, проходящих в Иордании, показал их ошибочное таргетирование. Предложены более эффективные направления в работе с общественным восприятием с опорой на культурное наследие.

Ключевые слова: архитектура; культурное наследие; водосбережение; общественное восприятие; арабская культура. /

The flow of information that culture represents contains elements of enduring (invariant) value. One of such elements is the attitude to water formed by the cultures of the 'arid belt' in the Middle East, Central and East Asia. Globalisation threatens the loss of the tradition of water conservation and its replacement by wasteful overconsumption of water. In the Arab world, these processes are intensifying due to the growing population and uneven development of the countries in the region. The analysis of campaigns to promote a thrifty attitude to water in Jordan has shown their erroneous targeting. The authors suggest more effective directions in dealing with public perception with the support of cultural heritage.

Keywords: architecture; cultural heritage; water conservation; public perception; Arab culture.

Культурное наследие в общественном восприятии / Cultural heritage representation in public perception

Исса Набил Наури

Университет Фредерик
(Никосия, Кипр)

Анна Мерри

Университет Фредерик
(Никосия, Кипр)

Диаб Гази Наури

Университет Петра (Амман,
Иордания)

text

Issa Nabil Naouri

Frederick University
(Nicosia, Cyprus)

Anna Merry

Frederick University
(Nicosia, Cyprus)

Diab Ghazi Naouri

University of Petra (Amman,
Jordan)

Введение

Слово «культура» — одно из самых многозначных. Существуют десятки и сотни значений этого слова в различных языках. Возможно, наиболее общим является определение культуры, которое дал Ю. Лотман: культура — это вся информация, которая передается из поколения в поколение негенетическим путем [1].

Если принять это определение, взгляду предстает величественный поток информации, который течет сквозь века и тысячелетия. Каждое поколение людей в каждом уголке мира добавляет что-то свое, новое к этому потоку. Но каждый момент этот поток также и теряет что-то, какие-то элементы исчезают и забываются без следа. Иногда такие потери выглядят ничтожными и не имеющими значения для потока в целом. Иногда, наоборот, переживаются последующими поколениями как невосполнимые и горькие утраты чего-то бесценного.

Те элементы культурного потока, которые мы получили от предыдущих поколений и которые имеют для нас значительную ценность, мы называем «культурным наследием». Необходимо признать, что культурное наследие составляет лишь небольшую часть общего потока культуры. Этот поток слишком велик, его информационный объем имеет поистине космические масштабы, так что сохранить его весь — задача невыполнимая. Каждому

поколению приходится решать, какие элементы текущей современной культуры подлежат сохранению и должны быть добавлены к наследию предыдущих поколений, а какие будут забыты.

Однако есть и такие культурные феномены, которые устойчиво передаются на протяжении десятков и сотен поколений и, даже будучи утраченными, восстанавливаются по косвенным остаточным фрагментам. Такие «культурные инварианты» могут показаться забытыми, но, спустя много веков, внезапно всплывают из глубины общего потока и снова становятся актуальными.

К таким инвариантам относятся многие элементы культурного потока, связанные с водой.

1. «Засушливый пояс» и глобальная угроза засух

Ряд регионов Северной Африки, Аравийского полуострова, Передней и Средней Азии, Индии и Китая образуют сплошной пояс, в котором на протяжении последних десяти тысяч лет преобладают аридные (засушливые), пустынные и полупустынные типы климата. На рисунке 1 показана карта с выделением регионов, подверженных риску засух (по данным Института мировых ресурсов. — URL: <https://www.wri.org/data/aqueduct-global-maps-21-data>).

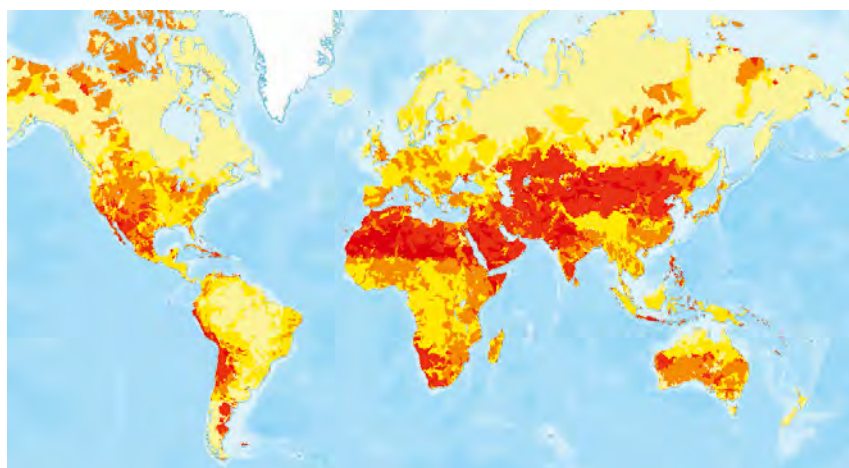
Необходимо отметить, что дефицит воды не является проблемой только отмеченных регионов. Засухи — это глобальная угроза, причем растущая и во многом плохо изученная. Согласно данным Конвенции ООН по борьбе с засухами, в которую входят 196 стран, положение вкратце можно охарактеризовать такими тезисами:

- с 2000 года количество и продолжительность засух возросли на 29%.

- С 1970 по 2019 год погодные, климатические и водные опасности стали причиной 50% бедствий и 45% смертей, связанных со стихийными бедствиями, в основном в развивающихся странах.

- Засухи составляют 15% стихийных бедствий, но унесли наибольшее количество человеческих жизней: около 650000 жизней в период с 1970 по 2019 год.

- С 1998 по 2017 год засухи привели к мировым экономическим потерям в размере около 124 млрд долларов США.

Introduction

The word 'culture' is one of the most polysemous words. There are dozens and hundreds of meanings of this word in different languages. Perhaps the most general is the definition of culture given by Y. Lotman: culture is all information that is transmitted from generation to generation in a non-genetic way (Lotman, 2000).

If we accept this definition, we see a majestic flow of information that flows through centuries and millennia. Each generation of people in every corner of the world adds something different and new to this flow. But every moment this stream also loses something, some elements disappear and are forgotten without a trace. Sometimes such losses seem insignificant and unimportant for the flow as a whole. Sometimes, on the contrary, they are experienced by subsequent generations as irreplaceable and bitter losses of something invaluable.

Those elements of the cultural flow which we have received from previous generations and which have significant value for us are called 'cultural heritage'. It must be recognised that cultural heritage is only a small part of the total flow of culture. This flow is too large, its information volume is truly cosmic, and it is an impossible task to preserve it all. Each generation has to decide which elements of the current contemporary culture are to be preserved and added to the heritage of previous generations, and which will be forgotten.

– В 2022 году более 2,3 млрд человек столкнулись с нехваткой воды; почти 160 млн детей подвергаются сильным и продолжительным засухам.

Если не будут приняты более активные меры, то:

– к 2030 году около 700 миллионов человек подвергнутся риску перемещения из-за засухи;

– к 2040 году каждый четвертый ребенок будет жить в районах с острой нехваткой воды;

– к 2050 году засухи могут затронуть более трех четвертей населения мира, и 4,8–5,7 миллиарда человек будут жить в районах, испытывающих нехватку воды, по крайней мере, один месяц в году, по сравнению с 3,6 миллиардами сегодня. До 216 миллионов человек могут быть вынуждены мигрировать к 2050 году, в основном из-за засухи в сочетании с другими факторами, включая нехватку воды, снижение урожайности сельскохозяйственных культур, повышение уровня моря и перенаселение [2].

На этом фоне опыт, накопленный культурами регионов «засушливого пояса», выглядит особенно актуальным и ценным. Именно эти регионы одновременно являются родиной многих древних цивилизаций, которые формировались и расцветали на фоне постоянного дефицита воды.

2. Вода в культурах Ближнего Востока

Искусство управления природными потоками воды существовало на Ближнем Востоке с древнейших времен. Достаточно вспомнить, что самая первая известная нам плотина (Джава) была построена на территории нынешней Иордании около тридцати пятого века до н. э. Это сооружение было призвано отводить паводковые воды в сезон дождей, чтобы уберечь пахотные земли от затопления и одновременно направить воду в подземные хранилища, чтобы создать запас для длинных засушливых периодов [3].

Комплекс средневековых плотин, расположенных в районе Медины в Саудовской Аравии, относится к доисламскому или раннеисламскому периоду и внесен в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО [4].

В период возникновения ислама священное отношение к воде было закреплено в Коране. Пророк называет три вида воды:

However, there are also such cultural phenomena that are steadily transmitted over tens and hundreds of generations and, even when lost, are reconstructed by indirect residual fragments. Such 'cultural invariants' may seem forgotten, but, after many centuries, suddenly emerge from the depths of the general flow and become relevant again.

Such invariants include many elements of the cultural flow related to water.

1. The 'arid belt' and the global threat of droughts

A number of regions in North Africa, the Arabian Peninsula, West and Central Asia, India and China form a continuous belt in which arid (dry), desert and semi-desert climates have prevailed for the past 10,000 years. Figure 1 shows a map highlighting regions at risk of drought (according to the World Resources Institute <https://www.wri.org/data/aqueduct-global-maps-21-data>).

It should be noted that water scarcity is not a problem only for the highlighted regions. Droughts are a global threat, and a growing and largely poorly understood one at that. According to the UN Convention on Drought Control, which includes 196 countries, the situation can be summarised as follows:

– Since 2000, the number and duration of droughts have increased by 29 per cent

– дождевая вода Тахур. Она слишком чистая, чтобы ее пить, но зато может использоваться как дезинфицирующее и лекарственное средство;

– питьевая «сладкая» вода Фурат – речная или родниковая, прошедшая через песок, почву и камни;

– морская вода Уджадж (в Коране используется фраза «Малх Уджадж», то есть «слишком соленая»). Солоноватую воду некоторых пустынных источников можно пить без вреда для здоровья, но морская вода «обжигает своей соленостью» (Коран, сура Аль-Фатир, 12 аят). Всего же в Коране упоминается двадцать шесть разновидностей воды, включая воду четырех райских рек, а также кипяток пополам с нефтью, который пьют грешники в аду [5].

Среди фольклорных историй о Джухе, народном персонаже сказок и анекдотов (в русскоязычной среде больше известен его турецкий аналог Ходжа Насреддин), есть рассказ о том, как Джуха попытался напиться морской воды, но его жажда только увеличилась. Тогда он нашел родник, набрал пресной воды и отнес к морю. Там он вылил воду в прибой со словами: «Вот, теперь понимаешь, что такое настоящая хорошая вода?» [6].

Высокая ценность воды обусловила высокий уровень технических решений, призванных обеспечить водой арабские города. Все правители, начиная с Четырех праведных халифов (632–661), вкладывали большие усилия в строительство каналов, водохранилищ, противопаводковых дамб и плотин и так далее. В эпоху расцвета Омейядского Халифата (661–750) в каждом богатом доме обязательно присутствовал элемент воды – фонтан, бассейн и так далее. Кроме того, в каждом квартале городов присутствовал водоем для общественного пользования [7]. Эта традиция сохранялась на протяжении многих веков.

Высочайшего расцвета искусство управления водными потоками достигло в Андалусии в период мусульманской династии Насридов (1230–1492), при которых город Гранада стала столицей Гранадского эмирата. Именно тогда (преимущественно в XIV веке) был построен дворцовый комплекс Альгамбра, до сих пор сохраняющий статус собрания чудес инженерной гидравлики и архитектуры с использованием воды [8]. Комплекс расположен на холме, значительно возвышаясь над уровнем реки Дарро. Чтобы доставить воду в подземную цистерну

< Рис. 1. Красным цветом выделены области, в которых присутствует риск засухи /
Fig. 1. Areas at risk of drought are highlighted in red colour

- From 1970 to 2019, weather, climate and water hazards caused 50% of disasters and 45% of disaster-related deaths, mostly in developing countries.
- Droughts account for 15% of natural disasters, but have claimed the largest number of human lives: about 650,000 lives between 1970 and 2019.
- From 1998 to 2017, droughts caused global economic losses of about US\$124 billion.
- In 2022, more than 2.3 billion people face water scarcity; nearly 160 million children are exposed to severe and prolonged droughts. Unless more action is taken:
 - By 2030, nearly 700 million people will be at risk of displacement due to drought.
 - By 2040, one in four children will live in areas of severe water scarcity.
 - By 2050, droughts could affect more than three-quarters of the world's population, and 4.8-5.7 billion people will live in areas experiencing water scarcity at least one month a year, up from 3.6 billion today. Up to 216 million people may be forced to migrate by 2050, mainly due to drought combined with other factors including water scarcity, declining crop yields, sea level rise and overpopulation (Drought in Figures, 2022).

под дворцом, был прорыт канал из точки выше по течению реки, на расстоянии шести километров от самого дворца. Из подземного хранилища вода поднималась в сам дворец при помощи остроумного сооружения: струя воды направлялась так, чтобы закручивалась воронка, в которую засасывался воздух. Вспененная вода поднималась вверх, а там пена гасла, и вода поступала в фонтаны и водоемы дворца на высоте около 840 метров от уровня реки. Этот необычный насос без движущихся частей работал непрерывно на протяжении нескольких столетий.

Необходимо заметить, что вся гидротехническая система Альгамбры потребляла относительно небольшие объемы воды. Фонтаны и каналы Альгамбры весьма экономно устроены, так что комплекс действительно представляет собой удивительное сочетание изобретательности, элегантности и трепетного отношения к воде. Пример Альгамбры показывает, каких высоких результатов достигли средневековые технологии добычи, транспортировки и использования воды в архитектуре. Вода не только добывается и транспортируется без потерь, но и используется с максимальным эффектом для создания эстетичной и комфортной среды для повседневной жизни.

3. Глобализация и расточительное отношение к воде
Основы глобальной культуры были заложены в странах и регионах, в которых дефицит воды никогда не становился насущной проблемой. Западная Европа и Северная Америка обладают развитыми системами крупных рек и озер, так что засухи в этих регионах достаточно редки и нерегулярны. В результате современный вестернизированный образ жизни далек от того уважительного, доходящего до поклонения отношения к воде, которое характерно для культур Ближнего Востока. Эту тенденцию наглядно иллюстрируют данные по потреблению воды на душу населения. Согласно нормативам ООН, санитарная норма потребления воды составляет 500 литров в день. В таблице 1 показаны уровни расхода воды в день на душу населения для нескольких арабских стран и, для сравнения, – нескольких стран Европы и США по данным крупного агрегатора статистических данных Worldometer (<https://www.worldometers.info/water/>).

Against this background, the experience accumulated by the crops of the 'arid belt' regions looks particularly relevant and valuable. These regions are at the same time the birthplace of many ancient civilisations that were formed and flourished against the background of constant water scarcity.

2. Water in the cultures of the Middle East

The art of managing natural water flows has existed in the Middle East since ancient times. Suffice it to recall that the very first dam known to us (Jawa) was built in what is now Jordan around the thirty-fifth century B.C. This structure was designed to divert floodwaters during the rainy season to keep arable land from flooding and, at the same time, to channel water into underground storage to create a reserve for long dry periods (Finlayson et al., 2011).

The complex of medieval dams located in the Medina area of Saudi Arabia dates back to the pre-Islamic or early Islamic period and is listed as a UNESCO cultural heritage site (Water Management in Saudi Arabia, 2023).

At the time of the emergence of Islam, the sacred attitude towards water was enshrined in the Quran. The Prophet names three kinds of water:

- Tahoor rainwater. It is too pure to drink but can be used as a disinfectant and medicine;

Таблица 1. Потребление воды, литров в день на душу населения в некоторых странах

Страна	Потребление воды, л / день на человека
Иордания	286
Йемен	429
Алжир	669
ОАЭ	2.348
Саудовская Аравия	2.078
Германия	856
Россия	1.306
США	3.732

Как видно из данных таблицы, в небогатых странах арабского мира потребление воды значительно ниже среднего санитарного уровня, но наиболее вестернизованные страны потребляют ее больше, чем даже богатая водой Россия.

Справедливость требует отметить, что ОАЭ и Саудовская Аравия также являются лидерами в поисках альтернативных источников пресной воды. В этих странах работают значительные мощности по опреснению морской воды, ведутся эксперименты по экономным способам ведения сельского хозяйства и так далее. Тем не менее эти усилия не компенсируют перерасход воды, что приводит к систематическому опасному истощению подземных водоносных слоев – основного источника пресной воды в регионе [2].

В своем исследовании мы исходили из предположения, что идеологические факторы – система ценностей, повседневные установки и представления – оказывают значительное влияние на поведение людей и в том числе на их отношение к расходованию воды. Избыточное расходование воды в сознании многих жителей арабского мира превратилось в знак престижа. Перепотребление воды воспринимается как признак современности, близости к образу жизни стран-лидеров глобализации, как желанный элемент роскоши. Напротив, излишнее потребление воды в традиционной арабской культуре выглядит как недостойное и неразумное поведение, противоречащее моральным и естественным законам. Таким образом, задача противодействия дефициту воды

- Drinking 'sweet' water Furat – river or spring water that has passed through sand, soil and stones;
 - Ujaj sea water (the Quran uses the phrase 'Malkh Ujaj', i.e., 'too salty'). The brackish water of some desert springs can be drunk without harm, but sea water 'burns with its saltiness' (Quran, Surah Al-Fatir, 12 Ayat). In total, the Quran mentions twenty-six kinds of water, including water of the four rivers of Paradise, as well as boiling water mixed with oil, which is drunk by sinners in hell (Ashraf, 2015).

Among folklore stories about Juha, a folk character of fairy tales and anecdotes (in the Russian-speaking environment his Turkic analogue Khoja Nasreddin is better known), there is a story about how Juha tried to drink sea water, but his thirst only increased. Then he found a spring, collected fresh water and took it to the sea. There he poured the water into the surf with the words: "Here, now you understand what real good water is?" (Lesmana, 2014).

The high value of water determined a high level of technical solutions to provide water to Arab cities. All rulers, starting from the Four Righteous Caliphs (632 - 661 A.D.) invested great efforts in the construction of canals, reservoirs, flood control dikes and dams and so on. In the heyday of the Umayyad Caliphate (661-750 A.D.), every rich house was sure to have an element of water – a fountain, a pool, and so on. In addition, a water body for public use was present in

every neighbourhood of the cities (García-Pulido & Martín, 2019). This tradition was preserved for many centuries.

The art of water management reached its highest peak in Andalusia during the Muslim Nasrid dynasty (1230-1492), when the city of Granada became the capital of the Emirate of Granada. It was then (mostly in the 14th century) that the Alhambra palace complex was built, which still retains the status of a collection of engineering hydraulic and architectural marvels using water (Ercin et al., 2024). The complex is located on a hill, rising significantly above the level of the Darro River. To bring water to the underground cistern beneath the palace, a canal was dug from a point upstream of the river, a distance of six kilometres from the palace itself. From the underground storage tank, the water was lifted into the palace itself by means of a clever contraption: a jet of water was directed so that a funnel was spun, into which air was sucked. The foamed water rose upwards, and there the foam was extinguished and the water flowed into the fountains and reservoirs of the palace at a height of about 840 metres from the river level. This unusual pump without moving parts worked continuously for several centuries.

It should be noted that the entire hydraulic system of the Alhambra consumed relatively small amounts of water. The fountains and canals of the Alhambra are very economical, so that the complex is

во многом сводится к изменению общественного мнения в странах «засушливого пояса». Необходимо вернуть традиционное этико-эстетическое отношение к воде как прекрасному и священному элементу повседневного уклада жизни.

4. Анализ кампании по бережному отношению к воде

В 2019 году крупнейшая иорданская фирма-поставщик услуг водоснабжения Миахуна инициировала пропагандистскую кампанию по информированию населения о той ситуации с пресной водой, в которой находится страна. Предварительные опросы выявили, что большинство жителей Иордании не знают, насколько глубоко зашла проблема с запасами пресной воды. Особенно сильное расхождение между реальностью и представлениями людей имело место в столице и крупнейшем (и наиболее вестернизированном) городе – Аммане.

Первый этап кампании был разработан рекламным гигантом – фирмой Огилви. Был предложен прием, призванный привлечь внимание иорданцев к проблеме. Простой слоган кампании «Не недооценивайте ценность капли» использовал игру слов на арабском языке, где слово «капля» совпадает со словом для арабских диакритических знаков (точек), используемых с некоторыми арабскими буквами. Исключение диакритических знаков из арабского слогана кампании сделало фразу сложной для чтения и интерпретации, что ясно проиллюстрировала «ценность капли». На рисунке 2 показан слоган в его оригинальном написании. Сине-белая цветовая гамма ассоциируется с прохладной чистой водой, а игра с написанием привлекает внимание зрителя.

Вторая и третья фазы рекламной кампании кроме слогана с игрой слов использовали изображения капли воды, а также фотографии клиентов фирмы Миахуна. Кроме того, вторая кампания опиралась на сообщения в социальных сетях и эмоционально окрашенные элементы, например, слоган «Берегите воду в вашей стране для будущего ваших детей; тратьте ее с умом на каждый кувшин». Третья кампания включала более сложный комплексный материал, включающий анализ водного кризиса в регионе и в стране.

Основной посыл кампаний был направлен на стимулирование обратной связи между фирмой и пользователя-

ми, чтобы люди внимательнее относились к неисправностям водопроводной сети и вовремя сообщали о потерях воды. Одним из неожиданных результатов кампании стало увеличение числа женщин-водопроводчиков. Согласно иорданским традициям, в отсутствие хозяина в дом не может зайти посторонний мужчина. Но женщина может исправить утечку воды, даже если в доме находится только хозяйка.

В нашем исследовании мы поставили цель выявить наиболее эффективные направления в пропаганде бережного отношения к воде по итогам нескольких лет, прошедших со времени рекламной кампании Миахуна и Огилви. Сначала были проведены полуструктурированные интервью с 12 экспертами из Министерства водного хозяйства и ирригации Иордании. Второй метод включал обсуждения в фокус-группах с участием 11 специалистов в области цифрового маркетинга и разработки рекламных кампаний. Целью этих сессий было собрать подробную информацию о трех конкретных рекламных кампаниях. Участникам было предложено оценить эффективность этих кампаний, определить их сильные и слабые стороны и предложить возможные улучшения. Фокус-группы предоставили платформу для углубленного обсуждения, позволив исследователям уловить нюансы мнений, которые могут не проявиться в ходе опроса или интервью.

Кроме того, были собраны количественные данные с помощью структурированных анкет, которые были разосланы 140 лицам (проанализированы 103 достоверных ответа). Этот опрос был ориентирован на широкую общественность и студентов университетов, специализирующихся в области дизайна и маркетинга. Анкета была разделена на четыре части, охватывающие демографические переменные и конкретные вопросы о трех рекламных кампаниях.

В исследовании изучалась роль различных видов рекламы в улучшении поведения потребителей воды путем применения интегрированных методов нечеткого анализа АНР и нечеткого анализа ВКОРА, которые обеспечивают сложный подход к оценке и сравнению эффективности различных рекламных стратегий.

Качественные данные, собранные в ходе интервью и фокус-групп, были проанализированы с использованием тематического анализа, строгого метода вы-

^ Рис. 2. Слоган рекламной кампании «Каждая капля – ценность». Сверху – оригинальное написание (без диакритических знаков), снизу – правильное написание (изображение с официального сайта фирмы <https://www.miyahuna.com.jo/default/en/>) /

Рис. 2. Слоган рекламной кампании «Каждая капля – ценность». Слева – оригинальное написание (без диакритических знаков), справа – правильное написание (изображение с официального сайта фирмы <https://www.miyahuna.com.jo/default/en/>) / Fig. 2. The slogan of the advertising campaign 'Every drop is a value'. On the left is the original spelling (without diacritical marks), on the right is the correct spelling (image from the official website of the company <https://www.miyahuna.com.jo/default/en/>)

really a marvellous combination of ingenuity, elegance and reverence for water. The example of the Alhambra shows the high level of achievement reached by the medieval technologies for extracting, transporting and utilising water in architecture. Water is not only extracted and transported without loss, but also used to maximum effect to create an aesthetic and comfortable environment for everyday life.

3. Globalisation and wasteful attitudes towards water

The foundations of a global culture were laid in countries and regions where water scarcity has never been a pressing problem. Western Europe and North America have well-developed systems of large rivers and lakes, so that droughts in these regions are quite rare and irregular. As a result, the modern westernised way of life is far from the respectful, even worshipful, attitude towards water that characterises Middle Eastern cultures. This trend is clearly illustrated by data on water consumption per capita. According to UN standards, the sanitary norm for water consumption is 500 litres per day. Table 1 shows the per capita water consumption levels per day for several Arab countries and, for comparison, several countries in Europe and the US, according to data from Worldometer, a major aggregator of statistical data (<https://www.worldometers.info/water/>).

Country	Water consumption, litres/day per person
Jordan	286
Yemen	429
Algeria	669
UAE	2.348
Saudi Arabia	2.078
Germany	856
Russia	1.306
USA	3.732

Table 1. Water consumption, litres per day per capita in some countries.

As can be seen from the data in the table, water consumption in the non-rich countries of the Arab world is well below the average sanitary level, but the most westernised countries consume more water than even water-rich Russia.

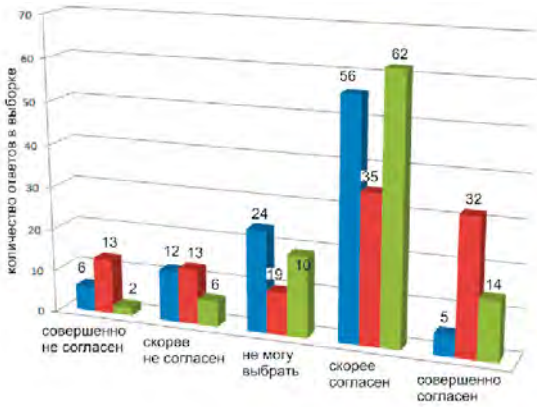
It is fair to note that the UAE and Saudi Arabia are also leaders in the search for alternative sources of fresh water. These countries are

явления, анализа и представления закономерностей в качественных данных, описанного Херцогом и др. [9]. Тематический анализ был сосредоточен на трех основных областях: дизайн и содержание рекламных кампаний, проблемы и возможности, с которыми столкнулись эти кампании, а также их успех и влияние на повышение осведомленности о сохранении водных ресурсов [10].

Количественные данные были проанализированы с использованием программного обеспечения SPSS версии 26, которое облегчило применение различных статистических тестов. Надежность и достоверность данных были обеспечены благодаря тщательному тестированию, включая альфа-тест Кронбаха на надежность и тест КМО и Бартлетта на достоверность.

Как и следовало ожидать, в основном респонденты и участники опросов позитивно оценили кампании по пропаганде бережливого отношения к воде. Наиболее высокую оценку получило использование эмоционально окрашенных слоганов в сочетании с ясными и четкими изображениями, а также использование конкретных примеров из повседневной жизни. В данном результате нет ничего оригинального, так как именно такие формы рекламы и пропаганды считаются самыми эффективными.

Синим цветом показаны ответы на вопрос: «Насколько Вы согласны с утверждением, что присутствие визуальных элементов оказывает существенное влияние на убедительность сообщения?»

> Рис. 3. Результаты анкетирования по итогам трех кампаний по пропаганде бережливого отношения к воде / Fig. 3. Questionnaire results from three campaigns to promote water conservation

Красным цветом показаны ответы на вопрос: «Насколько Вы согласны с утверждением, что сочетание визуальных и текстовых элементов в материалах кампаний было эффективным?»

Зеленым цветом показаны ответы на вопрос: «Насколько Вы согласны с утверждением, что реализация целей кампаний выглядит вполне вероятной?»

Как видно из рисунка 3, большинство респондентов высоко оценили убедительность и перспективность проведенных кампаний. Были отмечены уместность сочетания текстовых и визуальных элементов, размещение материалов в социальных сетях и общая организация кампаний.

Аналогичного мнения придерживались специалисты по маркетингу и рекламе, входившие в состав фокус-групп. Они отметили хорошую согласованность слоганов с изображениями, хотя и высказались за дальнейшее совершенствование этого аспекта.

Также высокую оценку получили все три кампании со стороны экспертов из Министерства ирригации Иордании. Эксперты отметили ясность и доходчивость как слоганов, так и символики, особенно высокую оценку получила вторая кампания, в которой использовались современные способы быстрого доступа к информации (хэштеги и QR-коды).

При этом эксперты также обратили внимание на то, что все три кампании были неправильно таргетированы. Были отмечены высокие затраты и недостаточная эффективность кампаний в плане привлечения инвестиций для решения проблемы дефицита воды.

Ситуация заключается в том, что на долю бытового использования воды приходится всего около 10% ее общего потребления. 70% воды потребляет промышленность, а 20% – сельское хозяйство [2]. Кроме того, бытовое потребление воды жителями Иордании и так находится значительно ниже санитарной нормы. Иначе говоря, нет особого смысла убеждать обычных граждан в необходимости бережного отношения к воде. Скорее, перспектива заключается в повышении заинтересованности бизнеса и государственных структур в развитии технологий альтернативных источников воды, а также в налаживании международного сотрудничества с целью

operating significant seawater desalination facilities, experimenting with frugal agricultural practices, and so on. Nevertheless, these efforts do not compensate for water overconsumption, which leads to systematic and dangerous depletion of underground aquifers, the main source of freshwater in the region (Drought in Figures, 2022).

In our study, we proceeded from the assumption that ideological factors – value systems, everyday attitudes and perceptions – have a significant impact on people's behaviour, including their attitudes towards water consumption. Excessive water consumption has become a mark of prestige in the minds of many people in the Arab world. Overconsumption of water is perceived as a sign of modernity, proximity to the lifestyles of globalisation leaders, and a desirable element of luxury. On the contrary, excessive water consumption in traditional Arab culture is seen as unworthy and irrational behaviour that contradicts moral and natural laws. Thus, the challenge of counteracting water scarcity largely comes down to changing public opinion in the 'arid belt' countries. It is necessary to return the traditional ethical and aesthetic attitude to water as a beautiful and sacred element of everyday life.

4. Analysing the water conservation campaign

In 2019, Jordan's largest water service provider, Miahouna, initiated

an advocacy campaign to inform the public about the freshwater situation the country is in. Preliminary surveys have revealed that most Jordanians do not know how deep the problem with fresh water supplies goes. The discrepancy between reality and people's perceptions was particularly strong in the capital and the largest (and most westernised) city, Amman.

The first phase of the campaign was developed by advertising giant Ogilvy. A technique was proposed to sensitise Jordanians to the issue. The simple campaign slogan 'Don't underestimate the value of a drop' used a play on words in Arabic, where the word 'drop' is the same as the word for the Arabic diacritics (dots) used with some Arabic letters. The exclusion of diacritical marks from the Arabic campaign slogan made the phrase difficult to read and interpret, which clearly illustrated the 'value of a drop'. Figure 2 shows the slogan in its original spelling. The blue and white colour scheme is associated with cool clear water and the play with the spelling draws the viewer's attention.

The second and third phases of the advertising campaign, in addition to the slogan with a play on words, used images of a drop of water, as well as photographs of Miyahuna's clients. In addition, the second campaign relied on social media posts and emotionally coloured elements, such as the slogan 'Save your country's water for your children's future; spend it wisely on every jug'. The third campaign

более справедливого распределения общих водных запасов между странами региона.

К числу проблем, как отметили эксперты, также относились «ограниченные возможности доступа к воде и средствам санитарии» и «социальные проблемы» в общинах, испытывающих нехватку ресурсов. Эти проблемы подчеркивают социально-экономические барьеры, которые могут повлиять на успех природоохранных мероприятий, указывая на то, что в будущих кампаниях, возможно, потребуется более непосредственно решать эти проблемы. «Право на воду» является важнейшим аспектом социальной справедливости в регионах «засушливого пояса».

Закключение. Выводы и рекомендации

- Дефицит воды становится глобальной проблемой, чреватой значительным экономическим ущербом и крупномасштабными летальными катастрофами;

- в ряде регионов так называемого «засушливого пояса» накоплен обширный опыт жизни в ситуации дефицита воды. Этот опыт является одним из фундаментальных элементов культурного наследия, в частности, арабских стран;

- вестернизация современной арабской культуры приводит к тому, что традиционное бережливое отношение к воде вытесняется расточительным отношением, что ведет к социальным и международным напряжениям, а также создает угрозу для природных систем водооборота;

- пропаганда бережливого отношения к воде в современной Иордании выглядит достаточно эффективной, но фактически «бьет мимо цели». Ошибочное таргетирование не позволяет надеяться, что вложенные в такую пропаганду усилия смогут исправить ситуацию с дефицитом воды в стране и в регионе;

- на наш взгляд, более перспективным направлением является активное исследование культурного наследия арабских стран, включая технологии добычи, транспортировки и использования воды. К таким технологиям относятся сбор и сохранение сезонных паводковых вод, подземное хранение и транспортировка воды, разработка новых и модернизация традиционных технологий замкнутого водооборота в промышленности и так далее.

Особым элементом пропаганды бережливого отношения к воде может стать более активное использование воды в качестве элемента архитектуры и интерьерного дизайна современных арабских городов.

Литература

1. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. – Санкт-Петербург. – 2000. – С. 125–150.
2. Засуха в цифрах 2022. Доклад Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием. – URL: <https://www.unccd.int/resources/publications/drought-numbers> (дата обращения: 09.06.2025).
3. Finlayson, B.; Lovell, J.; Smith, S.; Mithen, S. The archaeology of water management in the Jordan Valley from the Epipalaeolithic to the Nabataean, 21,000 BP (19,000 BC) to AD 106. In *Water, Life, and Civilisation: Climate, Environment and Society in the Jordan Valley*; Cambridge University Press: Cambridge, UK, 2011; pp. 191–217.
4. Water Management in Saudi Arabia: The Ancient Dams. Официальный сайт ЮНЕСКО. – URL: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/6637/> (дата обращения: 10.06.2025).
5. M. Ashraf (2015). Importance of Water in the Light of Quran and Sunnah and Ways of its Saving. Islamabad: Pakistan Council of Research in Water Resources (PCRWR), pp.37.
6. Lesmana M. Comparing Nashrudin Hoja, Juha and Mullah Nashrudin: Finding Out Humor in Middle East Culture. *Global Journal of Human-Social Science: C. Sociology & Culture*. – 2014. Vol. 14. – Is. 2. Version 1.0. – Pp. 35-40.
7. García-Pulido, L. J., & Martín, S. P. (2019). The Most Advanced Hydraulic Techniques for Water Supply at the Fortresses in the Last Period of Al-Andalus (Thirteenth to Fifteenth Century). *Arts*, 8(2), 63 – 87.
8. Ercin E., Karaman C., van der Zwet J. and Dobrescu, I. (2024) Water Footprint Assessment of the Middle East Region. Technical Report. Water Footprint Implementation, Den Haag, the Netherlands.
9. Herzog, C., Handke, C., and Hitters, E. (2019). "Analyzing Talk and Text II: Thematic Analysis." In *The SAGE Handbook of Qualitative Data Analysis*. London: SAGE Publications, 385-401.
10. Salimi, A. H., Noori, A., Bonakdari, H., Masoompour Samakosh, J., Sharifi, E., Hassanvand, M., Gharabaghi, B. and Agharazi, M., 2020. Exploring the role of advertising types on improving the water consumption behaviour: An application of integrated fuzzy AHP and fuzzy VIKOR method. *Sustainability*, 12(3), p.1232.

included more complex integrated material, including analyses of the water crisis in the region and in the country.

The main message of the campaigns was aimed at stimulating feedback between the firm and users, so that people would be more attentive to faults in the water network and report water losses in time. One of the unexpected results of the campaign was an increase in the number of female plumbers. According to Jordanian tradition, when the owner is absent from the house, no unauthorised male can enter it. But a woman can fix a water leak even if only the hostess is in the house.

In our study, we set out to identify the most effective avenues for promoting water conservation based on several years since the Miyahun and Ogilvie advertising campaign. First, semi-structured interviews were conducted with 12 experts from the Jordanian Ministry of Water and Irrigation. The second method involved focus group discussions with 11 experts in digital marketing and advertising campaign development. The purpose of these sessions was to gather detailed information on three specific advertising campaigns. Participants were asked to evaluate the effectiveness of these campaigns, identify their strengths and weaknesses, and suggest possible improvements. The focus groups provided a platform for in-depth discussion, allowing the researchers to capture nuanced opinions that may not be apparent in a survey or interview.

In addition, quantitative data was collected through structured questionnaires that were sent to 140 individuals (103 valid responses were analysed). This survey targeted the general public and university students specialising in design and marketing. The questionnaire was divided into four parts covering demographic variables and specific questions about three advertising campaigns.

The study investigated the role of different types of advertising in improving water consumer behaviour by applying the integrated fuzzy AHP and fuzzy VICORA analysis methods, which provide a sophisticated approach to evaluate and compare the effectiveness of different advertising strategies (Salimi, 2020).

Qualitative data collected through interviews and focus groups were analysed using thematic analysis, a rigorous method for identifying, analysing and presenting patterns in qualitative data described by Herzog et al. (2019). The thematic analysis focused on three main areas: the design and content of the promotional campaigns, the challenges and opportunities faced by the campaigns, and their success and impact on raising awareness of water conservation.

Quantitative data were analysed using SPSS version 26 software which facilitated the application of various statistical tests. Reliability and validity of the data were ensured through rigorous testing including Cronbach's alpha test for reliability and KMO and Bartlett's test for validity.

As would be expected, for the most part, respondents and interviewees rated the water conservation campaigns positively. The use of emotionally coloured slogans combined with clear and crisp images, as well as the use of concrete examples from everyday life, were most appreciated. There is nothing original in this result, as such forms of advertising and propaganda are considered to be the most effective.

The blue colour shows the answers to the question: "To what extent do you agree with the statement that the presence of visual elements has a significant impact on the persuasiveness of the message?"

The red colour shows responses to the question: "How much do you agree with the statement that the combination of visual and textual elements in campaign materials was effective?"

Green shows responses to the question: "To what extent do you agree with the statement that the realisation of campaign objectives seems likely?"

Figure 3 shows that the majority of respondents rated the persuasiveness and promise of the campaigns highly. The appropriateness of the combination of text and visual elements, the placement of materials on social media and the overall organisation of the campaigns were noted.

Marketing and advertising professionals who were part of the focus groups held a similar view. They noted good consistency between slogans and images, although they favoured further improvements in this aspect.

All three campaigns were also praised by experts from the Jordanian Ministry of Irrigation. The experts noted the clarity and accessibility of both slogans and symbols, especially the second campaign, in which modern ways of quick access to information (hashtags and QR codes) were used, was highly appreciated.

At the same time, the experts also pointed out that all three campaigns were incorrectly targeted. High costs and insufficient effectiveness of the campaigns in terms of attracting investments to solve the problem of water scarcity were noted.

The situation is that domestic water use accounts for only about 10 per cent of total water consumption. 70% of water is consumed

by industry and 20% by agriculture (Drought in Figures, 2022). In addition, the domestic water consumption of Jordanian residents is already well below the sanitary norm. In other words, there is little point in persuading ordinary citizens to conserve water. Rather, the prospect is to increase the interest of business and governmental structures in the development of alternative water source technologies, as well as in the establishment of international co-operation for a more equitable distribution of shared water resources among the countries of the region.

The experts noted that challenges also included 'limited access to water and sanitation' and 'social problems' in resource-poor communities. These challenges highlight the socio-economic barriers that can affect the success of conservation interventions, indicating that future campaigns may need to address these issues more directly. 'The right to water' is a critical aspect of social justice in "arid belt" regions.

Conclusions and recommendations

- Water scarcity is becoming a global problem fraught with significant economic damage and large-scale lethal disasters;
- a number of regions in the so-called 'arid belt' have accumulated extensive experience of living under water scarcity. This experience is a fundamental element of the cultural heritage of Arab countries in particular;
- westernisation of today's Arab culture leads to the fact that traditional water conservation is replaced by wasteful attitudes, which leads to social and international tensions and threatens natural water rotation systems;
- the promotion of water conservation in today's Jordan looks quite effective, but actually 'misses the target'. The erroneous targeting does not allow us to hope that the efforts invested in such propaganda will be able to correct the situation with water scarcity in the country and in the region;
- in our view, a more promising direction is to actively explore the cultural heritage of Arab countries, including technologies of water extraction, transport and utilisation. Such technologies include collection and conservation of seasonal flood waters, underground storage and transport of water, development of new and modernisation of traditional technologies of closed water circulation in industry, and so on. A special element in promoting water conservation could be the increased use of water as an element of architecture and interior design in modern Arab cities.

References

- Ashraf, M. (2015). *Importance of Water in the Light of Quran and Sunnah and Ways of its Saving*. Islamabad: Pakistan Council of Research in Water Resources (PCRWR).
- Drought in Numbers 2022. (2022). *UN Convention to Combat Desertification*. Retrieved June 9, 2025, from <https://www.unccd.int/resources/publications/drought-numbers>
- Ercin, E., Karaman, C., van der Zwet, J., & Dobrescu, I. (2024). *Water Footprint Assessment of the Middle East Region. Technical Report*. Water Footprint Implementation, Den Haag, the Netherlands.
- Finlayson, B., Lovell, J., Smith, S., & Mithen, S. (2011). The archaeology of water management in the Jordan Valley from the Epipalaeolithic to the Nabataean, 21,000 BP (19,000 BC) to AD 106. In *Water, Life, and Civilisation: Climate, Environment and Society in the Jordan Valley* (pp. 191–217). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- García-Pulido, L. J., & Martín, S. P. (2019). The Most Advanced Hydraulic Techniques for Water Supply at the Fortresses in the Last Period of Al-Andalus (Thirteenth to Fifteenth Century). *Arts*, 8(2), 63 – 87.
- Herzog, C., Handke, C., & Hitters, E. (2019). Analyzing Talk and Text II: Thematic Analysis. In *The SAGE Handbook of Qualitative Data Analysis* (pp. 385–401). London: SAGE Publications.
- Lesmana, M. Comparing Nashrudin Hoja, Juha and Mullah Nashrudin: Finding Out Humor in Middle East Culture. (2014). *Global Journal of Human-Social Science: C. Sociology & Culture*, 14(2. Version 1.0), 35–40.
- Lotman, Yu. M. (2000). *Culture and explosion*. SPb: Semiosphere.
- Salimi, A. H., Noori, A., Bonakdari, H., Masoompour Samakosh, J., Sharifi, E., Hassanvand, M., Gharabaghi, B., & Agharazi, M., (2020). Exploring the role of advertising types on improving the water consumption behaviour: An application of integrated fuzzy AHP and fuzzy VIKOR method. *Sustainability*, 12(3), 1232.
- Water Management in Saudi Arabia: The Ancient Dams*. (2023). UNESCO World Heritage Convention. Retrieved June 10, 2025, from <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/6637/>

В статье рассматривается связь медиаарта с городской средой на основе анализа российских и зарубежных проектов. Определяется, что объекты медиаарта влияют на городское пространство как в фактическом архитектурно-визуальном выражении, так и через репрезентацию культурного кода места. Язык традиционного искусства в медиаарте сочетается с современными тенденциями в соответствии с полифонизмом постмодернизма и медиакультуры, осуществляющей диалоги в разных временных и культурных диапазонах.

Ключевые слова: медиаарт; медиасреда; медиакультура; культурный код. /

The article considers the connection of media art with the urban environment based on the analysis of Russian and foreign projects. It is determined that media art objects affect urban space both in actual architectural and visual expression and through the representation of the cultural code of the place. The language of traditional art in the media art is combined with modern trends in accordance with the polyphonism of postmodernism and media culture, which carries out dialogues in different time and cultural ranges.

Keywords: media art; media environment; media culture; cultural code.

Медиаарт: синтез цифрового искусства в городской среде / Media art: Synthesis of digital art in an urban environment

Медиаарт в современной культуре с помощью цифровых технологий открывает новые пути для диалога между разными традициями и форматами художественной демонстрации. Связь медиаарта с архитектурным пространством города расширяет горизонты коммуникации искусства, а его вхождение в социокультурную сферу актуализирует жизненные ценности и новые смыслы, аккумулирует культурные коды.

Логика статьи выстраивается прежде всего на раскрытии механизма работы медиаарта как инструмента для коммуникации, а в дальнейшем рассматриваются проекты, формирующие архитектурное пространство в разных городах России и зарубежных стран.

Определение понятия «медиаарт» требует обращения к целому ряду культурологических контекстов, смыслы которых заложены в логику понятий: медиа, медиакультура, медиасреда. Как отмечает канадский социолог М. Маклюэн в труде «Понимание медиа: внешние расширения человека», в основе формирующего содержания находится сложное и инертное по своей природе пространство постмодернизма как явление хаотичное, беспредельное и избыточное, способное расширять границы и возможности для развития информации. В переводе с английского «медиа» означает «середина, посредник», а также производное «центр» [1].

Согласно теории В. В. Волкова, следует трактовать «медиа» и как сбор информации, и как процесс ее расширенного применения в массовой культуре в условиях динамики и масштабности вплоть до глобального уровня [2]. Как следствие, в культуре возникают производные сферы: медиасреда и медиакультура, функционирование которых сопряжено именно с массовым распространением. Эпоха постмодернизма с помощью цифровых технологий активно аккумулирует разнообразие творческих форматов, к числу которых принадлежит и медиаарт.

Медиаарт следует рассматривать как новый вид искусства, возникающий в пространстве медиакультуры на основе объединения современных художественных практик и медиа с помощью цифровых технологий и, соответственно, адаптирующийся в новой медиасреде к задаваемым условиям коммуникации, обретая качества изменчивости и интерактивности. При создании произве-

дений в медиаарте язык традиционного и классического искусства может сочетаться с современными художественными тенденциями, что вполне в духе полифонизма, присущего для эпохи постмодернизма и самого характера медиакультуры, способной осуществлять диалоги в разных временных диапазонах.

В данном исследовании мы выстраиваем концепцию связи медиаарта с городской средой, где художественные формы, представляемые в цифровом формате, взаимодействуют с объектами архитектуры. При этом каждый из объектов города обретает свой образ и одновременно несет совместную эстетическую функцию. Формируется образ города с уникальными чертами, которые целостно составляют культурный код города. В современных исследованиях анализ культурного кода города обретает значимость с целью выявления культурных смыслов, укрепления уникальной городской идентичности и позиционирования его образа во внешней среде. В качестве основы для последующего анализа культурного кода в разных городах мы используем уже разработанную систему факторов: 1) природа и климат; 2) художественные тексты, где город осмыслен и представлен в художественном контексте; 3) исторические события, связанные с городом; 4) пространственные характеристики; 5) символическая связь с известными личностями («гениями места») [3].

текст

Раиса Мусат

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

Наталья Немаева

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

Анастасия Борисенко

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

Марина Никитина

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

Дмитрий Шавлыгин

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

text

Raisa Musat

Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Natalia Nemaeva

Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Anastasia Borisenko

Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Marina Nikitina

Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Dmitry Shavlygin

Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

< Рис. 1. Лазерное шоу на фасаде Московского государственного университета. 1997 (<https://subscribe.ru>)

^ Рис. 3. Проект дизайн-студии Radugadesign «Диалог». 2020. Шэньчжэнь, Китай (<https://radugadesign.com/dialog>)

^ Рис. 2. Инсталляции «Новая уникальная реальность». 2024. Казань (<https://entermedia.io/weekend>)

Сегодня значительно расширился спектр технологических средств и возможностей по созданию медиаарт-проектов, предназначенных для экспонирования в городском пространстве. Медиахудожники пришли к пониманию синтетической природы медиаарта по аналогии с искусством, способным объединять разные виды творчества по принципу «между видами искусства нет границ», поэтому логично, что в работе на стыке разных искусств задействуется и городская архитектура. Медиаискусство вышло из замкнутых пределов музейных экспозиций, расширяя поле своего контакта со зрителем в условиях городской архитектурной среды.

Особенностью произведений медиаарта в городской среде является их непосредственная связь с обликом города, способность влиять на ткань городского пространства как в фактическом архитектурно-визуальном выражении, так и путем репрезентации культурно-исторических смыслов. Во-первых, произведения медиаарта способствуют знаковому и эстетическому преобразованию городской среды, отмечая места и объекты как нечто «особенное», «привлекательное», «значимое». Во-вторых, произведения медиаискусства могут содержать вполне конкретные образы, связанные с культурой и историей места, – этнические символы, природные объекты, портреты значимых личностей и др. Таким образом, архитектурное пространство в синтезе с медиаартом оживает и приобретает новое качество, становится носителем и репрезентантом культурного кода города, особенно эффективным с учетом его иммерсивного потенциала.

Через медиаарт сегодня ярко проявляются очертания нового кибермира, где цифровое и реальное переходят из одного в другое и существуют в тесной взаимосвязи. Медиафасады, рожденные новыми медиа и востребованностью визуального зрелища в обществе, стали новым средством связи между цифровым пространством, архитектурой и городскими пространствами, придающими облику современного города неповторимый, яркий и динамичный стиль. Виртуальный мир с развитием медиаархитектуры стал доступным для коллективного взаимодействия носителем культурного кода. Уже сегодня медиатехнологии и медиаарт формируют уникальное

синтетическое пространство, где человек не сторонний зритель, а активный участник в ожившей образной среде.

Формирование культурного облика городских сред средствами медиаарта: зарубежный и российский опыт

Сегодня в разных мировых культурах сложился большой опыт создания городских медиа-арт-инсталляций с кратковременными и долгосрочными функциями, которые способны существенно менять облик пространства, формировать новый образ конкретного места. Первым опытом союза технического искусства и архитектуры стала светодиодная композиция в Таймс-сквере в Нью-Йорке, созданная компанией Morgan Stanley в 1995 году, посвященная Дню святого Валентина. В 1997 году в России состоялось грандиозное аудиовизуальное шоу в виде световой инсталляции в городской среде. Постановка инсталляции осуществлялась к 850-летию Москвы под руководством французского мастера Жан-Мишеля Жарра на фасаде здания МГУ, стены которого превратились в огромные экраны. Зрелищное представление в формате лазерного шоу строилось на сочетании сложных мозаичных зарисовок из истории архитектурных стилей, в быстром ритме сменяющих друг друга. Участие разных цифровых технологий одновременно в одном действии изменяло сюжетную композицию и цвет в образе единого художественно решенного пространства. Также задействованы театральные представления. Весь процесс шоу – это наглядное явление сложнейшего многопланового взаимодействия двух искусств – изобразительного и архитектурного.

Благодаря популярности медиаарта в городах Западной Европы, стал использоваться специальный термин «медиаархитектура». Современные проекты с цифровым искусством здесь активно поддерживаются, преобразуют город в инновационные пространства, которые становятся символом культурной самобытности. Авторы медиапроектов осуществляют творческое переосмысление утилитарных функций города, представляемых в привычных объектах, и наделяют их новыми смыслами, когда «с одной стороны, используют исторический бэкграунд места, с другой – дают знакомым локациям свою

< Рис. 4. Проект медиалаборатории UFO MediaLab «Time Peeling». 2020. Шеньчжэнь, Китай (<https://vimeo.com/ufomedialab>)

интерпретацию и помогают горожанам по-новому на них посмотреть» [4]. Так происходит актуализация социокультурных смыслов и значений для населения города.

Еще одна важная задача решается в городах, когда здания промышленного назначения превращаются в арт-объекты. Так, например, электростанция в Денмарке выглядит ночью как маяк благодаря встроенным дополнительно световым источникам. Вспыхивая попеременно ночью, она создает ощущение живого организма в городе. В России урбанистический медиаарт активно включается в развитие международных событий, среди которых отметим фестиваль INTERVALS, каждый год проводимый в Нижнем Новгороде. Во время фестиваля разные виды медиаарта заполняют общественные пространства: иммерсивные инсталляции размещаются в скверах, мэппинг-шоу на исторических зданиях.

В традиционном фестивале «НУР» («Новая уникальная реальность») в Казани в 2024 году участвовали лидеры в сфере инновационных мультимедиа-технологий – студии Dreamlaser, Format, Radugadesign. Проекты всегда отличаются поиском новаторских подходов для эффективного сочетания образов из разных изобразительных форм, звука и света в открытых и закрытых архитектурных пространствах. Художественное решение медиапроектов с использованием светящихся инсталляций отличается особой символикой и лаконичностью. В схематичной и четкой трактовке светового рисунка проявляется скрытый философский контекст, отсылающий восприятие зрителя к ассоциациям о бесконечности мира, о простой и одновременно сложной связи сферических форм, диалоге человека и машины. Практика фестиваля – обретение опыта в открытии новых подходов к восприятию зрителем творений медиаарта.

Сегодня городская среда является одним из основных пространств, в которых проводятся культурные мероприятия и реализуются художественные практики культурно-просветительского характера. События направлены, с одной стороны, на человека, а с другой – на преобразование городского пространства. Проведение в городе фестивалей культуры и искусства объединяет горожан и способствует повышению удовлетворенности общим уровнем жизни, формирует позитивное отношение

к городу. Специфика фестивальных мероприятий в кратковременном пребывании и потому их влияние ограничено, но при этом оставляет яркую память о событии, накладывает определенный отпечаток и на территорию города как на «место» событийности. В то же время моделирование городского пространства с помощью цветосветового участия – это более долговременное явление, способное поддерживать сформированный эмоциональный настрой живого участия.

Стремительное развитие технологий в эпоху постиндустриального общества привело к созданию так называемых умных вещей, к примеру это технологии «умный дом», «умные гаджеты» (смартфоны, часы, очки и др.) и даже «умная одежда», а в более глобальном смысле актуальна концепция «умного города» (Smart City), получившая широкое распространение как ответ на возросшую роль IT-технологий в жизни современного общества. «Умный» город предполагает наличие «умной» многофункциональной городской среды [5].

В данном контексте исследователи все чаще применяют и понятие «умное арт-пространство», наполняющее город новой, постинформационной эстетикой [6, с. 103], отмечается, что информационные технологии станут тем фундаментом, на котором будет строиться эстетика будущего. Плазменные экраны и дисплеи, проецирующие исторические фрагменты и фильмы, становятся репрезентаторами специфического культурного кода [6]. Именно сегодня с привлечением цифровых технологий мы встречаем эпоху нового художественного синтеза в масштабности города с разнообразием способов и форм в решениях. Значительно расширился спектр технологических средств и возможностей по созданию проектов, предназначенных для экспонирования в среде не только музейного, но и городского пространства. Истоки актуальности такого синтеза восходят еще к XX веку, к периоду, когда синтез искусств и архитектуры перерастал «в тотальную систему, призванную решать проблемы, связанные не только с видоизменениями предметно-пространственной среды, но и с социальными запросами общества» [6, с. 103]. Безусловно, проекты медиаарта со слиянием архитектурной формы и цветосветовых эффектов ненавязчиво аккумулируют

^ Рис. 5. RinattoL'bank.
Медиасерия «Суздаль.
Вечная гармония наследия
и традиций».
Диджитал-арт. 2024
(<https://vk.com>)

ют социокультурные значения, а место локализации становится привлекательным, притягательным для людей. И, как правило, работает в масштабах территорий, знаковых для города.

Важно еще раз отметить, что медиаарт преобразует среду в художественный образ, где человек уже не сторонний зритель, а полноценный участник «живого» действия. Искусство медиа инсталляции обладает такой интенсивностью воздействия, что буквально захватывает внимание зрителя, вводит его в состояние сопричастности с изображенным действием. Вовлеченность зрителей-участников позволяет говорить о высоком уровне культуuroобразующего потенциала этого искусства. Поэтому исследователи определяют медиаарт как интерактивную и иммерсивную художественную среду с прогнозируемыми алгоритмами взаимодействия со зрителем [7]. В последние десятилетия иммерсивность как термин, наиболее точно отражающий эффект погружения в мир виртуального художественного мира, стал часто применяться при характеристике дизайна и искусства. Это происходит несмотря на то, что «погружение зрителя в атмосферу произведений всегда было одной из основных задач художников и архитекторов» [8, с. 90].

Сама художественность в масштабах городской среды может быть представлена различными формами и трактовками образов, в том числе с привлечением стилистики из современного и традиционного искусства. Как результат, возникают различные художественные языки, где особая роль отводится паблик-арту, к которому и относятся и мультимедийные произведения: медиаарт и медиаинсталляции. Объекты медиа искусства могут комплексно располагаться в разных измерениях города и при этом объединяться глубокими смыслами историко-культурного и философского содержания. В проектах Китайской Народной Республики накоплено большое количество паблик-произведений с актуальными художественными тенденциями, созданными под впечатлением от знаковых международных или локальных событий.

Фестиваль искусств «Сезон паблик-арта в бухте Шэньчжэня» проходит ежегодно с 2019 года. В 2020-м он был посвящен теме «Интеллектуальный город». Участниками

фестиваля стали зарубежные художники с мировой известностью и молодые авторы. Кураторская идея базировалась на использовании искусства как средства общения с жителями Шэньчжэня и осмыслении жизни в эпоху искусственного интеллекта [9]. Дизайн-студия Radugadesign представила экспериментальный арт-проект «Диалог» для исследования креативного потенциала компьютерной коммуникации, где в диалог вступают две системы cellular automata под управлением нейросети. Симуляция осуществлялась в реальном времени в виде инсталляции из двух LED-колонн. Таким образом, искусственный интеллект предстал в городском пространстве в синтезе с медиаартом.

На фестивале света Glow Shenzhen в пяти районах города было представлено 179 световых произведений, погружающих зрителя в другую реальность, но несущих в своей основе концепции с насущными темами для местного населения. Например, инсталляция UFO MediaLab, одна из первых медиалабораторий медиаискусства в Китае, представляла проекции сменяющихся изображений на разрушенных частях архитектуры, сквозь которую в наш обыденный мир как будто прорываются символические изображения. По задумке данная инсталляция символизирует рост города Шэньчжэня в ответ на исторические и географические изменения.

Во время масштабных событий в мае 2024 года цифровые работы художников можно было увидеть на 23 медиафасадах в восьми городах России – Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Казани, Краснодаре, Нижнем Новгороде, Перми, Челябинске, а также в Нью-Йорке, что стало утверждением активных позиций медиаарта в современной культуре общества.

В сентябре 2024 года происходит событие, которое, во-первых, подчеркнуло интерес Китая к русскому искусству, а во-вторых, явилось синтезом классического и цифрового искусства. Речь идет об открытии масштабного выставочного проекта в музее Пекина, где произведения из собрания Третьяковской галереи соседствовали с цифровыми работами о наследии Суздаля. Экспозиция состояла из разделов, отражающих процесс развития русского искусства – от древнерусской живописи до современного медиаарта.

^ Рис. 7. Тонино Гуэрра. Арка бесславных. 2023. Суздаль (<https://www.theartnewspaper.ru>)

^ Рис. 8. «Сказки земли Владимирской». Стены Суздальского кремля и купола Рождественского собора, музейный комплекс «Кремль». 2024. Суздаль (<https://vk.com>)

Третьяковская галерея привезла в Пекин картины мастеров второй половины XIX – начала XX века. Современную экспозицию представляли девять современных художников, которые являлись участниками крупной офлайн- и онлайн-выставки «Под куполом». Этот масштабный синтетический проект, знаменующий творческий симбиоз древнерусской культуры и современного искусства, был организован Владимиро-Суздальским музеем-заповедником совместно с компанией «ВКонтакте» (крупнейшая социальная сеть России) и галереей современного искусства VS Gallery и приурочен к 1000-летию Суздаля, отмечаемому в 2024 году. В августе в рамках празднования были организованы культурные мероприятия, центром которых стало грандиозное музыкально-световое шоу с повествованием о тысячелетней истории древнего города-музея. «Любое искусство, как созданное в XXI веке, так и то искусство, что было рождено 800 лет назад, может находиться в абсолютной гармонии, просто потому что искусство – это язык, способ выражения, переживания, связанный с осмыслением современной реальности», – отметила Екатерина Проничева, генеральный директор Владимиро-Суздальского музея заповедника [10].

В следующем примере инсталляции – медиатриптихе «Суздаль. Вечная гармония наследия и традиций» – современный цифровой художник под псевдонимом RinattoL'bank фиксирует переживания относительно связи прошлого и настоящего. Это серия работ о сути великого города, где историческая архитектура и бескрайние пейзажи создают бесконечный нарратив непрерывности и святости.

Художница Юлия Низамутдинова (Julia Cyberflora) в рамках выставочного проекта создала удивительную цифровую серию футуристичных головных уборов. Как отмечает сам автор, эти хищные, но одновременно нежные и изящные киберкокошники с чертами футуристичного доспеха появились под впечатлением от традиционной выставки женских головных уборов «Красота», которая проходила в Суздале в декабре 2023 года.

Фестивали в Суздале представляют собой опыт одновременного размещения изображений на разных объектах исторической архитектуры, обладающих своим

характером содержания, объемов и компоновки. Под эти особенности адаптирована целая галерея художественных образов, сформированных на основе разных стилистических традиций и символики. Сложно сказать, какой из видов искусства – цифровой или изобразительный – преобладает в общем фестивальном синтезе. Происходит то одновременное звучание, то солирование какого-то одного вида, например изобразительного. К примеру, в постоянной экспозиции «Пересечение судеб» музея Спасо-Евфимиева монастыря разместилась «Арка бесславных» – проект итальянского режиссера Тонино Гуэрры. По периметру триумфальной арки расположены керамические плитки с рисунками из исторических орнаментальных символов, которые несут сакральную, зашифрованную в знаках информацию. Цветовая гамма изображений выдержана в ограниченной палитре синего и темно-зеленого цветов на белом фоне стены. Структура инсталляции выстроена так, что возникает ощущение движения. В сочетании с архитектурным элементом – аркой – знаковые формы образуют целостную систему-доминанту для среды интерьера, способствующую возвышенному состоянию при восприятии. Все средства формируют образ триумфальной арки, проходя через которую человек испытывает мистическое чувство инициации перед его попаданием в другое музейное пространство.

Не менее впечатляющим стало мероприятие-шоу «Сказки земли Владимирской» на стенах Суздальского кремля. Стены кремля и купола Рождественского собора украшались медиасюжетами и расписными декорациями в традициях яркой росписи Палеха. Кремль стал огромной сценой для уникального светомузыкального представления. Сказки оживали на стенах Архиепископских палат. По словам авторов, создание образов навеяно графикой Ивана Билибина, лаковой миниатюрой и иконописью, традиционными русскими ремеслами. Фантастическое сочетание музыки и изображения, ожившие краски в сочетании с современными спецэффектами вызвали сильные эмоциональные переживания у зрителей.

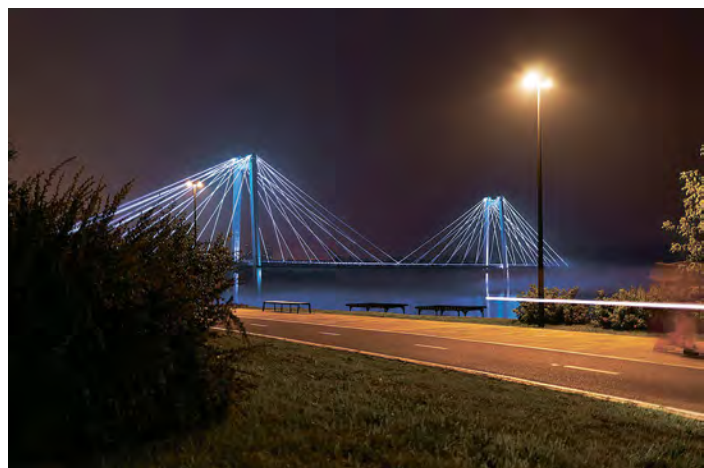
Таким образом, основная мысль данных масштабных проектов в Суздале была явлена в сопоставлении многовековой истории и современного искусства, в своеобраз-

^ Рис. 6. Julia Cyberflora. Медиаарт «Коруна». Проекция на фасаде. 2024. Нью-Йорк (<https://vk.com>)

^ Рис. 9. Коммунальный мост через Енисей в вечернее время с подсветкой. Красноярск (https://ru.wikipedia.org/wiki/Коммунальный_мост)

< Рис. 10. Виноградовский (Вантовый) вело-пешеходный мост через Енисей в вечернее время с подсветкой. Красноярск (https://ru.wikipedia.org/wiki/Виноградовский_мост)

ном диалоге между прошлым и будущим. Через гармоничный синтез медиатеchnологий и архитектуры медиаарт позволил приобщиться к этому диалогу в рамках знаменательных выставочных проектов огромному количеству людей, ведь выставочным пространством стали фасады зданий крупных российских и мировых городов.

Преображение городского пространства посредством медиатеchnологий происходит и в сибирских городах. Так, в Красноярске медиатеchnологии повлияли преимущественно на изменение светового окружения. Это является ярким примером трансформации архитектурного пространства посредством создания визуальных эффектов. Различные варианты подсветки для знаковых объектов и популярных мест проведения досуга горожан придали новое звучание ранее знакомым формам архитектуры.

Примером моделирования городского пространства посредством световых эффектов является подсветка одной из основных транспортных артерий Красноярска – Коммунального моста, расположенного в центральной части города и имеющего протяженность более двух километров. Мост прочно занимает место одного из символов города и объединяет рядом расположенные Центральную и Ярыгинскую набережные – места притяжения горожан и проведения культурных мероприятий. Световое оформление усиливает акценты знакового характера: в вечернее время многоцветная подсветка преобразует мост, превращая его в художественно-эстетическую доминанту среди огней ночного города, а динамика цвета привлекает внимание и завораживает.

Вантовый мост в Красноярске соединяет центр города с островом Татышева – зоной спортивно-досугового отдыха. В данном случае создание светового оформления придает мосту характер портала, связывающего территории различного назначения. Эстетическая притягательность объекта служит приглашением горожанам в зону отдыха.

В более локальном масштабе световая трансформация городской среды представлена в оформлении композиций-проекций в орнаментальной трактовке, которые в основном приурочены к различным масштабным событиям и мероприятиям, что подчеркивает их значимость для города. При этом в качестве архитектурной «основы»

для создания проекций используются здания культурного назначения (например, проект 3D-мэппинг-шоу в рамках XXIX Зимней универсиады 2019 года и проекции на фасады зданий исторического центра города, в частности на фасад Красноярского драматического театра им. А. С. Пушкина).

В 2022 году в Красноярске была реализована слайд-мэппинг-подсветка жилых домов. Так, на фасады зданий проецировались картины знаменитого русского живописца В. И. Сурикова «Взятие снежного городка» и «Автопортрет», картина художницы Ю. Аржевитиной «Портрет А. Поздеева», световые картины национального парка «Столбы». Все образы связаны с культурой и историей города, транслируют характерный для места код. Картины В. И. Сурикова всемирно известны, но сам художник родом из Красноярска. А. Г. Поздеев – известный жителям города красноярский художник, а национальный парк «Столбы» – природная достопримечательность. Таким образом, в проекциях соединяются эстетическая составляющая произведений художников, знакомый красноярцам культурный контекст и городская среда. Все это подается зрителю в формате нового синтетического медиапроизведения, масштаб которого не оставляет равнодушным. Световые композиции, размещенные на архитектурных объектах, эстетически преобразуют городскую среду, дополняя ее новыми смыслами, отражающими культурный код города.

В рамках локальных, но знаковых событий для города можно отметить лаконичное световое шоу на фасаде здания во время мультимедиапрезентации «Музыка внутри дома», посвященной открытию жилого сити-квартала «Кецовели» от строительной группы «СМ. СИТИ». В окнах недавно введенного в эксплуатацию жилого комплекса в определенном порядке включались проекторы под атмосферную музыку и историю о будущих жильцах дома. Окна окрашивались в яркие цвета, что создавало несложные узоры на архитектуре фасада. Такие мероприятия используются крупными компаниями как финальный аккорд для создания благоприятного впечатления о событии. Они подчеркивают его масштабность и уникальность в глазах зрителей, в данном случае для будущих жильцов квартала и приглашенных гостей.

^ Рис. 11. «В центре мира». Фрагмент 3D-мэппинг-шоу на фасаде здания Драматического театра им. А. С. Пушкина. 2019. Красноярск (<https://vk.com>)

^ Рис. 12. Мэппинг на фасадах зданий жилых домов по ул. Киренского, проекции произведений известных красноярских художников В. И. Сурикова и А. Г. Поздеева. 2022. Красноярск (<https://dela.ru/articles/275762>)

Заключение

В статье на основе анализа культурных событий и фестивальных мероприятий зарубежных и российских городов исследованы особенности взаимодействия произведений медиаарта с архитектурным пространством. Следует отметить следующее: форматы цифрового искусства могут размещаться в разных измерениях архитектурных пространств и объемов, как в современной, так и в традиционной стилистике. В системе медиаарта сегодня сформировался свой видовой ряд инсталляций, определяемый в зависимости от места расположения, медиатехнологий, художественных стилей и решений. В результате синтеза художественных композиций и цифровых технологий создаются светоцветовые инсталляции, преобразующие городскую среду и формирующие «образ места» события как символ культурной самобытности, где концентрируется историческое и современное содержание. Произведения цифрового искусства обладают интерактивностью, иммерсивным воздействием на зрителей и становятся местом притяжения горожан, актуализируя социокультурную значимость.

Литература

- Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. – Москва ; Жуковский : «Канон-пресс-Ц» ; «Кучково поле», 2003. – 464 с.
- Волков, В. В. Термин и понятие «медиа»: аспекты герменевтического исследования // Известия Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2021. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-i-ponyatie-media-aspekty-germenevticheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 5.06.2025).
- Федотова, Н. Г. Культурный код города // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-goroda> (дата обращения: 7.06.2025).
- Наумова, М. Свет, звук и никаких глухих заборов: как город становится местом для медиаарта // Enter. – 2024. – URL: <https://entermedia.io/weekend/svet-zvuk-i-nikakih-gluhih-zaborov-kak-gorod-stanovitsya-mestom-dlya-mediaarta/> (дата обращения: 28.10.2024).
- Гущин, А. Н., Дивакова, М. Н. Умный ландшафт для «умного города» // Урбанистика. – 2022. – № 1. – С. 38–53.
- Евстратова, Т. А., Кулеева, Л. М., Куприянов, В. Н., Малахов, С. А., Михайлов, С. М. Современные тенденции в области художественного синтеза в архитектуре и дизайне города // Известия КГАСУ. – 2023. – № 2 (64). – С. 101–112.

- Никифорова, А. А., Воронова, Н. И. Иммерсивные практики в современном культурном пространстве (мировой и отечественный опыт) // Философия и культура. – 2023. – № 5. – С. 60–73.
- Шапинская, Е. Н. Культура в эпоху «Цифры»: культурные смыслы и эстетические ценности // Культура культуры. – 2015. – № 3 (7). – С. 8–98.
- Цзя Чаочао. Этапы становления и развития публичного искусства в Китае // Искусство и культура. – 2022. – № 4 (48). – С. 39–43.
- «Под куполом»: Digital-проект к 1000-летию Суздаля // Mydecor. – 2024. – URL: <https://mydecor.ru/news/art/pod-kupolom-digital-proekt-k-1000-letiyu-suzdalya/> (дата обращения: 20.10.2024).

References

- Evstratova, T. A., Kuleeva, L. M., Kupriyanov, V. N., Malahov, S. A., & Mihaylov, S. M. (2023). Modern trends in the field of artistic synthesis in architecture and design of the city. *News KSUAE*, 2(64), 101–112. DOI: 10.52409/20731523_2023_2_101.
- Fedotova, N. G. (2022). *Kulturnyy kod goroda [The cultural code of the city]*. Word.ru: Baltic accent. Retrieved June 7, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-goroda>.
- Gushchin, A. N., & Divakova, M. N. (2022). Smart Landscape for a “Smart City”. *Urban Studies*, 1, 38–53. DOI: 10.7256/2310-8673.2022.1.36917.
- Maklyuen, M. (2003). *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: External Human Extensions]* (V. Nikolaeva, Trans). Moscow; Zhukovsky: Canon-press-Ts; Kuchkovo Pole.
- Naumova, M. (2024). Svet, zvuk i nikakih gluhih zaborov: kak gorod stanovitsya mestom dlya mediaarta [Light, Sound and No Blank Fences: How the City Becomes a Place for Media Art]. Retrieved October 28, 2024, from <https://entermedia.io/weekend/svet-zvuk-i-nikakih-gluhih-zaborov-kak-gorod-stanovitsya-mestom-dlya-mediaarta/>.
- Nikiforova, A. A., & Voronova, N. I. (2023). Immersive practices in the modern cultural space (world and domestic experience). *Philosophy and culture*, 5, 60–73. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.5.40731.
- «Pod kupolom»: Digital-proekt k 1000-ti letiyu Suzdalya [“Under the Dome”: Digital project for the 1000th anniversary of Suzdal]. (2024, May 15). Mydecor. Retrieved October 20, 2024 from <https://mydecor.ru/news/art/pod-kupolom-digital-proekt-k-1000-letiyu-suzdalya/>
- Shapinskaya, E. N. (2015). Culture in Digital Epoch: Cultural Meanings and Aesthetic Values. *Culture of culture*, 3(7), 88–98.
- Tszya Chaochao. (2022). Etapy stanovleniya i razvitiya pablik-arta v Kitae [Stages of Shaping and Development of Public Art in China]. *Art and Culture*, 4(48), 39–43.
- Volkov, V. V. (2021). The term and concept of ‘media’: The aspects of hermeneutics of research. *Izvestiya of Saratov University. New series: Philology. Journalism*, 21(1), 20–24. Retrieved June 5, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-i-ponyatie-media-aspekty-germenevticheskogo-issledovaniya>

В статье исследуется архитектура трех знаковых мемориальных комплексов Казахстана, ставших символами региональной идентичности и носителями коллективной памяти. Цель работы – проанализировать архитектурные решения, определяющие образ и семантику этих объектов. В качестве методов использован комплексный анализ литературных источников и визуальных материалов для изучения формы, композиции и декоративного оформления ключевых элементов: монументальных групп, стел, арок, лестниц и ритуальных площадок. Результаты показывают, что семантический подход позволяет глубже раскрыть символическое содержание архитектурного образа и понять его роль в формировании и поддержании культурной идентичности общества.

Ключевые слова: мемориальная архитектура; образ; семантика пространства; идентичность; символика. /

The article explores the architecture of three significant memorial complexes in Kazakhstan, which have become symbols of regional identity and carriers of collective memory. The purpose of the study is to analyze the architectural solutions that shape the image and semantics of these objects. The methodology is based on a comprehensive analysis of literary sources and visual materials to examine the form, composition, and decorative design of key elements: monumental groups, steles, arches, staircases, and ritual platforms. The results demonstrate that a semantic approach allows for a deeper understanding of the symbolic content of the architectural image and its role in shaping and maintaining the cultural identity of society.

Keywords: memorial architecture; image; spatial semantics; identity; symbolism.

Семантика архитектурных образов мемориалов Казахстана / Architectural image semantics of Kazakhstan's memorials

текст

Дана Дюсенова

Международная образовательная корпорация (Алма-Ата, Казахстан)

Дуйшон Омуралиев

Кыргызский государственный технический университет имени И. Раззакова (Бишкек, Кыргызская Республика)

Манас Хасенов

Международная образовательная корпорация (Алма-Ата, Казахстан)

Гульнара Мауленова

Казахский национальный исследовательский технический университет им. К. И. Сатпаева (Алма-Ата, Казахстан)

text

Dana Dyussenova

International Educational Corporation (Almaty, Kazakhstan)

Duishon Omuraliev

Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Manas Khassenov

International Educational Corporation (Almaty, Kazakhstan)

Gulnara Maulenova

Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satbayev (Almaty, Kazakhstan)

Введение

Мемориальные комплексы аккумулируют в себе локальные исторические нарративы, этнокультурные коды, элементы традиционного образного языка и символические маркеры, отражающие специфику той или иной территории. Через архитектурную композицию, выбор материала, ландшафтную интеграцию и художественные приемы мемориальные объекты формируют устойчивую знаковую систему, транслирующую региональную уникальность и культурное своеобразие в рамках национального дискурса памяти [1, 2]. Эта тема привлекает все большее внимание в контексте набирающей динамику глобализации, размывания национальных и государственных, исторических и культурных особенностей и утраты идентичности стран и регионов [3]. Среди объектов, создаваемых в память об исторических событиях и выдающихся личностях, особое значение приобретают мемориальные комплексы как синтетические пространственно-художественные формы, сочетающие в себе различные виды искусства и архитектуры [4]. В отличие от локальных памятников или мемориальных табличек, такие комплексы обладают многослойной семантической структурой и формируют целостное символично-пространственное поле. Они могут включать монументальную скульптуру и живопись, архитектурные сооружения, садово-парковые композиции, культовые объекты, захоронения, а также музейно-выставочные пространства. Благодаря своей системной природе мемориальные комплексы не только обеспечивают визуализацию памяти, но и становятся активными пространствами историко-культурной трансляции, в которых взаимодействуют индивидуальные и коллективные формы восприятия прошлого. В современных условиях именно мемориальные комплексы способны наиболее полно и многогранно репрезентировать региональную идентичность, опираясь на специфический исторический контекст, этнокультурные образы и символику конкретной территории, тем самым формируя культурно значимое «место памяти» [5, 6]. В этом контексте архитектурный образ мемориальных комплексов выступает как коллективный дискурс, в котором символика форм, композиционных решений и декоративных элементов транслирует общественно значимые

смыслы. Подобно естественным языкам архитектурный код подвержен изменениям и развивается в соответствии с трансформацией социальных норм, культурных ценностей и исторического сознания [7]. В условиях Казахстана, где процессы переосмысления исторического прошлого и формирования национальной идентичности приобрели особую актуальность, архитектура мемориальных комплексов становится выразительным средством культурной рефлексии. Развитие архитектурного языка этих объектов затрагивает не только их семантическое наполнение, но и коллективные ожидания, связанные с образом памяти, героизма и национального единства. Цель исследования – определить особенности семантического наполнения архитектурного образа мемориальных комплексов Казахстана и проанализировать, как архитектурные средства формируют и транслируют культурно-исторические смыслы в пространстве коллективной памяти. Рассматриваются три репрезентативных объекта мемориальной архитектуры: музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий «АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жен изменников Родины), мемориальный комплекс «Коркыт ата» и Мемориальный музей Шокана Уалиханова. Анализ фокусируется на интерпретации архитектурного образа как кодифицированной системы, в которой пространственные, морфологические, композиционные и символично-знаковые компоненты функционируют в едином семиотическом поле [8].

Материалы и методы

В материалах исследования представлены история создания, местоположения и особенности функционирования мемориальных комплексов: «АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жен изменников Родины), мемориального комплекса «Коркыт ата» и Мемориального музея Шокана Уалиханова.

АЛЖИР представляет собой один из наиболее известных лагерей системы ГУЛАГ, функционировавший в структуре советского репрессивного аппарата в предвоенный период. Лагерь был организован в конце 1930-х годов в непосредственной близости от современной столицы Республики Казахстан – города Астаны (исторически – Акмола). Он стал одним из символи-

ческих «эпицентров ада на земле». Лагерь выполнял специализированную функцию: содержание и изоляция женщин – жен мужчин, обвиненных в «измене Родине». В АЛЖИР направлялись женщины со всех концов Советского Союза: из Москвы, Ленинграда, Украины, Грузии, Армении, республик Средней Азии. Всего через лагерь прошло более 18000 женщин, около 8000 из них отбыли наказание именно в АЛЖИРе. Среди заключенных были жены и родственницы известных государственных, политических и общественных деятелей СССР. Со временем лагерь был переоборудован в многоотраслевое хозяйство с развитым сельскохозяйственным производством, мастерскими и швейной фабрикой. Все основные объекты лагеря (барак, столовая, мастерские, животноводческие фермы, зернохранилище, водоканал) были построены руками женщин-заключенных, среди которых преобладали представительницы интеллигенции, не имевшие опыта физического труда. После его закрытия в 1953 году поселок получил название Малиновка, а позже – Акмол, по историческому наименованию местности.

В 1997 году, в связи с 70-летием начала репрессий, указом Первого Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева была учреждена дата памяти жертв политических репрессий – 31 мая. В разных регионах Казахстана стали появляться мемориальные комплексы, памятники и знаки памяти, посвященные жертвам советских репрессий. Одним из центральных объектов такого рода стал музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР».

Мемориальный комплекс «Коркыт ата» представляет собой значимый объект культурно-исторического наследия Казахстана, расположенный вблизи села Жосалы Кызылординской области, на месте, традиционно ассоциируемом с предполагаемым местом захоронения легендарного мыслителя, поэта и философа тюркского мира – Коркыта ата (IX век). Мемориал «Коркыт ата» выступает не только как объект памяти, но и как архитектурная интерпретация философской парадигмы, где материальное и нематериальное (звук, легенда, образ) соединяются в едином культурном коде. Проект был реализован в 1997 году в рамках государственной программы по возрождению культурного наследия и духовных символов казахского народа. Комплекс был построен на предполагаемом месте погребения легендарного мыслителя, музыканта и философа Коркыта ата, фигура которого является ключевой для формирования тюркской культурной идентичности. Был официально внесен в список ЮНЕСКО как объект культурного наследия и находится под охраной государства с 28 ноября 2018 года. В соответствии с требованиями ЮНЕСКО в регионе проводится работа по популяризации наследия Коркыта ата на международном уровне и с широким охватом жителей сельской местности. Сегодня важно сохранить и передать бесценный устный фольклор кюи Коркыта будущим поколениям в их первоизданном виде.

В 2014 году был полностью реконструирован мемориальный комплекс «Коркыт ата», ставший местом паломничества, сакральным местом для тюркоязычных народов. Легендарный образ Коркыта ата открыл новые возможности для развития туризма в регионе. Ежегодно его посещают до тринадцати тысяч туристов из стран ближнего и дальнего зарубежья. Авторами архитектурного проекта мемориального комплекса «Коркыт ата», расположенного в Кызылординской области Казахстана, являются известные казахстанские архитекторы: член Союза архитекторов РК Б. Ибраев и С. И. Исатаев.

Мемориальный музей Шокана Уалиханова, расположенный в селе Сырымбет Северо-Казахстанской области, представляет собой значимый памятник историко-культурного и мемориального зодчества, посвященный увековечиванию научного, интеллектуального и обще-

ственно-просветительского наследия Шокана (Чокана) Уалиханова (1835–1865) – одного из первых казахских ученых-ориенталистов, путешественника, этнографа и просветителя, сыгравшего ключевую роль в формировании казахской научной и культурной мысли в XIX веке. Мемориальный музей был открыт в 1985 году к 150-летию со дня рождения Уалиханова в нескольких километрах от места его захоронения. Музей был создан по проекту архитекторов Р. Сейдалина, Б. Ибраева и С. Рустамбекова.

Комплексный анализ мемориальных комплексов проводится с учетом морфологической структуры, архитектурно-символического кода, пространственно-нарративной организации, акустической среды и авторской концепции применения художественно-пластических средств.

Результаты исследования

Музейно-мемориальный комплекс «АЛЖИР»

Музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий «АЛЖИР» обладает четкой осевой симметрией, пространственно ориентированной на линейное движение посетителя от входной зоны к центральной части – музейному зданию. Главная осевая перспектива направлена от монумента «Арка скорби» к зданию музея, что задает ритуальную логику пути: от внешнего мира – к памяти, от реальности – к осмыслению (рис. 1). Пространство комплекса функционирует как ритуальный маршрут через ключевые смысловые узлы: арка – аллея – музей. Элементы композиции размещены с паузой, создавая пространственные «пустоты» между объектами, что усиливает контемплативный характер восприятия. Открытое поле и отдаленная городская застройка усиливают эффект изоляции комплекса, подчеркивая его ритуально-мемориальный характер и отрыв от повседневности. Высадка деревьев по периметру формирует переходную буферную зону между сакральным пространством памяти и окружающей урбанизированной средой.

Мемориальный комплекс представляет собой многокомпонентное архитектурно-художественное сооружение, в состав которого входят музей, мемориальные и скульптурные элементы, символизирующие память о жертвах советской репрессивной системы.

Центральным элементом ансамбля выступает монумент «Арка скорби» (арх. Сакен Нарынов), символизирующий переход в сакрализованное мемориальное пространство – точку пересечения жизни и смерти, прошлого и настоящего (рис. 2). «Арка скорби» изображает женщину, оплакивающую погибшего мужа и потерянных детей. Арка выполнена в форме шлема и женского головного убора – ак жаулык, символизируя мужскую силу, женскую чистоту и невинность. Черный и белый цвет символизируют согласие и гармонию между народами, религиями и культурами разных этнических групп, а также вечное сосуществование добра и зла. Арка выполнена из темного гранита и увенчана стальным ажурным куполом, метафорически обозначающим бесконечность скорби и коллективной вины.

Ключевыми художественными акцентами служат скульптурные композиции «Отчаяние и бессилие» и «Борьба и надежда», воплощающие эмоциональные состояния заключенных. Мемориальная «Стена памяти» с высеченными именами 7620 погибших женщин-заключенных, стела «Слезы» с картой ГУЛАГа, а также реконструированные элементы лагерной инфраструктуры (барак, швейная мастерская, следственный кабинет) формируют визуально-пространственный нарратив, погружающий посетителя в исторический контекст.

Здание музея, автором которого является заслуженный архитектор Казахстана Серик Рустамбеков, выполнено в форме усеченного конуса с открытым верхом, вдохновленного традиционными погребальными сооружениями

> Рис. 1. Общий вид музейно-мемориального комплекса жертв политических репрессий «АЛЖИР» / Fig. 1. General view of the museum and memorial complex dedicated to the victims of political repression "ALZHIR" (<https://www.advantour.com/rus/kazakhstan/astana/alzhir.htm>)

Центральной Азии. Музей начинается с туннеля, олицетворяющего трудный этап в жизни казахского народа в годы репрессий. Архитектурная форма музейного здания метафорически отсылает к образу закрытой шкатулки – условного «хранилища женской тайны» и символа скорби, заключенной внутри. Отсутствие окон подчеркивает интровертный характер пространства, исключая внешние визуальные связи и сосредотачивая внимание на внутреннем содержании. Световое решение – верхнее

естественное освещение – организовано таким образом, что экспозиционное пространство погружается в рассеянный, мягкий свет, акцентирующий экспонаты и формирующий эффект раскрытия сокровенного, актуализируя символику просветления, памяти и истины. Экспозиция организована по круговому принципу – как пространственная метафора замкнутости исторического цикла и вневременности памяти.

Выставка включает архивные документы, письма, фотографии, мемуары и личные вещи узниц, среди которых жены и близкие видных политических и культурных деятелей. Художественные и диорамные инсталляции («Цветок памяти», «Свобода и плен», «Материнство», «Оковы») усиливают выразительность экспозиции и придают ей эмоциональную глубину.

Специальный зал «Через ад» посвящен катастрофическим последствиям репрессивной политики: голоду 1930-х годов, экологическим и гуманитарным катастрофам. Завершающим акцентом служит художественная композиция «Ata-baba armanu» («Мечты предков»), раскрывающая тему независимости и исторического преемства.

Мемориальный комплекс «Коркыт ата»

Мемориальный комплекс Коркыт ата – это не просто архитектурный объект, а функционально насыщенная структура, сочетающая инженерную рациональность, культурный символизм и пространственную выразительность (рис. 3). Он интегрирует сакральную функцию, акустику, национальный код и мемориальную силу в единый архитектурный образ. Открытая панорама и размещение комплекса в степном ландшафте создает ощущение пространственной бесконечности и сопричастности к истории. Здесь архитектура растворяется в ландшафте, формируя среду для созерцания и ритуального единения с культурной памятью.

Комплекс в общей сложности занимает 8 гектаров площади. Если смотреть с высоты птичьего полета, центр композиции похож на кобыз, лежащий на расстеленном ковре (рис. 3). Вокруг расположены четыре стелы, символизирующие четыре стороны света, где в свое время побывал Коркыт ата.

> Рис. 2. Монумент «Арка скорби» / Fig. 2. "Arch of Sorrow" Monument (<https://www.advantour.com/rus/kazakhstan/astana/alzhir.htm>)

< Рис. 3. Общий вид мемориального комплекса Коркыт ата / Fig. 3. General view of the Korkyt ata Memorial Complex (<https://dwc.kg/places/memorial-korkyt-ata/>)

Одним из центральных символических объектов комплекса является скульптура Кошкара – зооморфного мифологического существа, сочетающего элементы орла и барана. Интерпретируемая как грифон, данная композиция репрезентирует сакральное единство небесного и земного начал, воплощая древние представления о космогонической связи миров.

Архитектурное ядро открытого общественного пространства формирует амфитеатр, предназначенный для размещения до 2000 зрителей. Пространственная организация объекта базируется на концентрической композиции: диаметр нижнего яруса составляет 12,5 метров, верхнего – 38 метров. Амфитеатр выполняет функцию центра культурной репрезентации, в том числе проведения тюркского фестиваля раз в четыре года.

Особое место в символическом ландшафте комплекса занимает «Пирамида желаний» – архитектурный объект с внутренней спиральной траекторией движения, предполагающий семикратный обход. Объект функционирует как пространственно-ритуальная форма, связанная с практиками сакрального пожелания и очищения.

Стела, ориентированная строго по сторонам света, достигает высоты 12 метров и состоит из 92 блоков корбинского гранита. Архитектурная вертикаль венчается 40 металлическими трубами, исполняющими функцию звуковых резонаторов, имитирующих звучание кобыза при воздействии ветра. Этот объект символизирует культурно-историческую идентичность города Кызылорда и акцентирует акустическое измерение памяти (рис. 4).

В качестве текстильной метафоры культурного единства в пространстве ансамбля использован «Ковер», инкрустированный семью видами природного камня, добытого в радиусе 18 км от комплекса. Каменная композиция маркирует территорию как ритуально значимую и завершает символично-композиционную структуру мемориального пространства.

Мемориальный музей Шокана Уалиханова

Архитектурное решение мемориального музея Шокана Уалиханова представляет собой синтез традиционной казахской символики и принципов современного мемориального зодчества. Общая площадь музейного комплекса составляет 629,4 м², при этом экспозиционное

пространство занимает 454 м². Конфигурация здания одноэтажная с переменной высотной отметкой, максимальная высота около 7,5–8 метров, что обусловлено конструкцией потолочного перекрытия, организованного по принципу «парящего свода». Музейный комплекс включает экспозиционный зал, лекционное пространство и фондохранилище, что обеспечивает как образовательную, так и научно-исследовательскую функции. Коллекция музея сформирована на основе материалов из архивов и музеев Москвы, Санкт-Петербурга и Алматы и включает 934 музейных предмета, среди которых личные вещи Шокана Уалиханова, его этнографические рукописи, составленные карты, а также реконструкции усадьбы семьи Уалихановых и комнаты Ф. М. Достоевского в Семее.

< Рис. 4. Стела мемориального комплекса Коркыт ата / Fig. 4. Stele of the Korkyt ata Memorial Complex (<https://dwc.kg/places/memorial-korkyt-ata/>)

> Рис. 5. Общий вид здания мемориального музея Шокана Уалиханова / Fig. 5. General view of the building of the Shokan Walikhanov Memorial Museum (<https://vlast.kz/inside/18009-vnutri-memorialnyj-muzej-sokana-ualihanova.html>)

Фасадное решение музея выполнено в виде пересекающихся асимметричных плоскостей, сходящихся в остроугольных силуэтах (рис. 5). Этот прием трактуется как метафора «раскрытой книги» – архитектурный образ, символизирующий обращение к памяти, знаниям и наследию. Геометрическая ясность объемов подчеркивает собранность и направленность формы, а отсутствие оконных проемов акцентирует интровертность пространства, важнейшую характеристику мемориальной архитектуры, ориентированной на внутреннее сосредоточение и осмысление. Семантический анализ цветовой палитры, основанной на использовании теплого розового известняка, указывает на архетипическую связь с землей и местным ландшафтом. Одновременно выбранный материал задает ощущение надежности, долговечности и сопричастности природной памяти территории.

Внутреннее пространственно-художественное оформление мемориального музея Шокана Уалиханова формирует архитектурно-семантический образ, тесно связанный с казахской культурной традицией и символикой (рис. 6). Планировочная структура интерпретирует образ юрты – архетипического жилища кочевой культуры, где вместо традиционного шанырака в центре потолочного пространства размещены декоративные элементы в виде «узлов счастья», распространенных в восточной орнаментальной системе как символов благополучия и гармонии.

Потолочное перекрытие, выполненное в технике традиционного орнаментального зодчества, имеет переменную высотную отметку, создавая эффект «парящего свода», обеспечивающего естественную инсоляцию интерьера вне зависимости от положения солнца. Светотехническое решение интегрировано в конструктивный замысел, формируя созерцательный характер восприятия музейного пространства. В цветовом решении интерьера преобладает красный цвет, характерный для традиционного убранства казахских жилищ, в сочетании с облицовкой из нежно-розового известняка, что придает экспозиционной среде теплую эмоциональную окраску.

Особое внимание в композиции экспозиционного пространства уделено тканевому гобелену ручной работы, размещенному у входа, изображающему маршруты научных путешествий ученого. Историческая мемориали-

зация подчеркивается ныне хранящейся в музее мраморной плитой, установленной на месте его захоронения в 1881 году при содействии архитектора Павла Зенкова.

Таким образом, архитектурный образ музея формирует целостную семантическую структуру, в которой экспозиционно-пространственная организация, колористика, световая среда и предметный ряд взаимодействуют как единая система репрезентации исторической памяти и культурной идентичности Казахстана.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что архитектурный образ мемориальных комплексов Казахстана формируется как многослойная семантическая структура, в которой архитектурно-пространственные, художественно-пластические и ландшафтные компоненты организованы в единую систему репрезентации исторической памяти и культурной идентичности. Комплексы «АЛЖИР», «Коркыт ата» и Мемориальный музей Шокана Уалиханова демонстрируют различные стратегии пространственной и художественной репрезентации, но все они объединены общей логикой символического моделирования национального нарратива.

Морфологическая организация мемориальных пространств строится на архетипических образах: арка как символ перехода в сакральное, мазар как модель вселенной, юрта как знак культурной преемственности, а шанырак и узлы счастья – как маркеры сакрального центра и структуры мира. Композиционные приемы (осевая симметрия, спиралевидное движение, контраст закрытых и открытых пространств) направлены на создание сценарного восприятия памяти, где архитектура выступает медиатором между индивидуальным опытом и коллективным историческим сознанием.

Особое значение имеет авторская концепция применения художественно-пластических средств. Архитекторы каждого комплекса осознанно интегрируют национальные декоративные и орнаментальные мотивы в объемно-пространственную структуру зданий. В «АЛЖИРе» это купольное завершение Арки скорби как символ женской судьбы и вечной скорби, в «Коркыт ата» – акустически активные стелы и звучащие трубы, транслирующие па-

> Рис. 6. Интерьер Мемориального музея Шокана Уалиханова /
Fig. 6. Interior of the Shokan Walikhanov Memorial Museum
(<https://vlast.kz/inside/18009-vnutri-memorialnyj-muzej-sokana-ualihanova.html>)

мать через звук, в музее Уалиханова – подвесная система узлов счастья и парящий свод как образ восхождения к знанию и гармонии.

Свет, цвет, фактура и форма задействованы не как вторичные декоративные элементы, а как автономные выразительные средства архитектурной семантики. В каждом из исследуемых объектов художественно-пластические решения активно формируют архитектурный нарратив, воздействующий как на эмоциональное, так и на когнитивное восприятие.

Таким образом, системный анализ мемориальных комплексов, включающий морфологическую структуру, архитектурно-символический код, пространственно-нарративную организацию, акустическую среду и авторскую концепцию применения художественно-пластических средств, позволяет раскрыть глубинную семантику архитектурного образа как формы репрезентации культурной памяти. Исследованные объекты демонстрируют потенциал мемориальной архитектуры как медиума национальной идентичности, способного соединить историческое знание, художественное высказывание и общественное переживание в едином пространственно-временном континууме.

Литература

1. Хомяков, А. И. Первые мемориально-музейные комплексы мира // Архитектура и современные информационные технологии. – 2017. – № 3 (40). – С. 39–51. – URL: http://marhi.ru/AMIT/2017/3kvart17/03_khomyakov/index.php (дата обращения: 25.06.2025).
2. Смаилова, Ш. К. Музей «АЛЖИР» как социокультурное явление // История лагеря Алжир. – URL: <http://alzhir.kz/ru/2014-03-17-08-21-02/2014-03-17-08-25-12.html> (дата обращения: 25.06.2025).
3. Кучуков, Т. Коркыт – легенда тюркского мира // Время : общественно-политическая газета Казахстана. – 2018. – 11 дек. – URL: <https://time.kz/articles/moment/2018/12/11/korkit-legenda-tjurkskogo-mira> (дата обращения: 25.06.2025).
4. Калиаскарова-Мусирова, Т. Внутри. Мемориальный музей Шокана Уалиханова // Vlast.kz. – URL: <https://vlast.kz/inside/18009-vnutri-memorialnyj-muzej-sokana-ualihanova.html> (дата обращения: 25.06.2025).
5. Юренева, Т. Ю. Мемориальный комплекс как форма увековечения памяти жертв политических репрессий в постсоветской России // Музееведение и охрана культурного наследия. – 2022.

6. Теодоронский, В. С., Парфёнова, А. Е. Особенности ландшафтной организации мемориальных комплексов г. Севастополя // Лесной вестник. – 2022. – Т. 26, № 2. – С. 50–58.

7. Вагонер, Б., Бреско, И. Мемориалы как места исцеления: матрица взаимодействия материального дизайна и восприятия посетителей // Международный журнал экологических исследований и общественного здравоохранения. – 2022. – Т. 19. – № 6711.

8. Раевский, А. А. Семантика архитектурного стиля : дис. ... кандидата архитектуры. – Екатеринбург, 2002. – 172 с.

References

- Kaliascarova-Musirova, T. (2016, June 23). *Vnutri. Memorialnyi muzej Shokana Ualikhanova* [Inside: The Memorial Museum of Shokan Walikhanov]. Vlast.kz. Retrieved June 25, 2025, from <https://vlast.kz/inside/18009-vnutri-memorialnyj-muzej-sokana-ualihanova.html>
- Khomyakov, A. I. (2017). The first memorial-museum complexes of the world. *Architecture and Modern Information Technologies*, 3(40), 39–51. Retrieved June 25, 2025, from http://marhi.ru/AMIT/2017/3kvart17/03_khomyakov/index.php
- Kuchukov, T. (2018, December 11). *Korkyt – legenda tyrkskogo mira* [Korkyt – the legend of the Turkic world]. Vremya. Retrieved June 25, 2025, from <https://time.kz/articles/moment/2018/12/11/korkit-legenda-tjurkskogo-mira>
- Raevsky, A. A. (2002). *Semantics of Architectural Style* [Cand. Arch. Sci. diss. : 18.00.01]. Yekaterinburg.
- Smailova, Sh. K. (2018). *The ALZHIR Museum as a sociocultural phenomenon*. Alzhir Camp History Portal. Retrieved June 25, 2025, from <http://alzhir.kz/ru/2014-03-17-08-21-02/2014-03-17-08-25-12.html>
- Teodoronsky, V. S., & Parfyonova, A. E. (2022). *Landscape organization of memorial complexes in Sevastopol*. *Forestry Bulletin*, 26(2), 50–58. <https://doi.org/10.18698/2542-1468-2022-2-50-58>
- Wagoner, B., & Bresco, I. (2022). Memorials as healing places: A matrix for bridging material design and visitor experience. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(6711). <https://doi.org/10.3390/ijerph19116711>
- Yureneva, T. Yu. (2022). *The memorial complex as a form of commemoration of victims of political repression in post-Soviet Russia*. *Museology and Cultural Heritage Protection*. <https://doi.org/10.34685/HI.2022.39.4.012>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20346, <https://rscf.ru/project/24-28-20346/>

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-20346, <https://rscf.ru/project/24-28-20346/>

В статье анализируется маргинализация территорий города, которая рассматривается в качестве многоступенчатого и сложного процесса, имеющего как социально-экономическое, так и социокультурное значение для жизни города. Цель статьи – определение сущностных признаков и выявление особенностей маргинализации городского пространства. В заключительной части работы подчеркивается значимость формирования стратегического комплекса мер, направленных на преобразование маргинализированных территорий, приведение их к городскому ритму, улучшение общего уровня жизни населения.

Ключевые слова: маргинализация; город; городские пространства; процесс; особенности; социальное отчуждение. /

This article presents an analysis of the marginalization of urban areas, which is considered as a multi-stage and complex procedure that has both socio-economic and socio-cultural significance for the life of the city. The purpose of the article is to determine the essential features and identify the features of the marginalization of urban space. The final part of the work emphasizes the importance of forming a strategic set of measures aimed at transforming marginalized areas, bringing them to the urban rhythm, and improving the general standard of living of the population.

Keywords: marginalization; city; urban spaces; process; features; social alienation.

Процесс маргинализации городских пространств / The process of marginalization of urban spaces

текст

Анастасия Гарнага

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

Светлана Туркулец

Дальневосточный
государственный
университет путей
связи (Хабаровск)

Ирина Гареева

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

Александр Слесарев

Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних
дел Российской Федерации
имени И. Ф. Шилова
(Хабаровск)

text

Anastasia Garnaga

Pacific National University
(Khabarovsk)

Svetlana Turkulets

Far Eastern State Transport
University (Khabarovsk)

Irina Gareeva

Pacific National University
(Khabarovsk)

Alexander Slesarev

Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation named after
I. F. Shilov (Khabarovsk)

Введение

В настоящее время российское общество переживает последствия глобального кризиса, в связи с чем процессы маргинализации только набирают обороты. Во-первых, стоит отметить специфику исследования маргинальности и маргинализации, обусловленную научным многообразием. Повышение сложности, ускорение процессов маргинализации связано с развитием структуры социума. Кроме того, общество расширяет социальные, экономические, культурные связи на регулярной основе. Атрибутивный характер маргинализации обусловлен постоянной социальной динамикой и является весьма важной особенностью ее роли в жизни общества. Маргинализация представляет собой многоступенчатый процесс, который инициирует как положительные, так и негативные последствия для социальной структуры. Характер последствий зависит от множества различных факторов. В текущих реалиях маргинализации уделяется повышенное внимание [4].

Постановка проблемы

Научные работы, посвященные взаимодействию между этносами, миграционным процессам и их последствиям, урбанизации, межкультурному разрыву в обществе затрагивают понятия маргинальности и маргинальной личности со времен основания чикагской социологической школы. Как правило, данные термины применялись для описания индивида, находящегося на стыке двух и более культур, социальных вселенных, неспособного закрепиться ни в одной из них. Вместе с тем следует обратиться к иному контексту использования понятия маргинальности.

Нечеткое разграничение социокультурного пространства обосновано постоянными преобразованиями мира, его разнообразием. Именно город представляет собой сложное многофункциональное пространство, в котором обитают люди. Город по прошествии нескольких столетий стал отражением человеческого облика. Благодаря социально-экономическим трансформациям, активизирующимся в XIX столетии, город стал выполнять ключевую роль для последующей урбанизации. Процессы увеличения численности горожан, повышения социальной

значимости городов сопровождаются и развитием нового способа расселения. Соответственно, социум приобретает новую культуру, жизненный уклад, правила жизни.

Начиная с середины XX века, активно развиваются и внедряются технологические инновации, происходит рыночная глобализация, в города в огромных количествах начинают прибывать мигранты. Трансформации социально-экономического и структурного характера служат главной причиной усиления маргинальности. Понятие маргинального используется в негативной коннотации. Оно все чаще применяется в отношении индивидов, утративших определенный социальный статус, оставшихся «за бортом». В связи с этим трактовки маргинального в контексте городской проблематики переплетаются с такими характеристиками, как окраинность, периферийность, пограничность. Здесь стоит пояснить, что в данной работе под окраинностью понимается территориальное расположение района по отношению к центральной части населенного пункта; периферийность трактуется несколько шире, как в контексте отношения территории к центральному/основным частям социума, так и с позиции локализации территории или положения людей/группы на границе или вне доминирующей структуры; пограничность используется для указания на промежуточное, переходное положение человека между разными социальными группами или культурами.

Персонализация индивидов, рост общественной атомарности, появление новых социальных связей, обновление общественных и политических парадигм, стирание рамок концептуального и ценностного пространства, плюралистический оттенок искусственной среды обитания индивида – все перечисленное отражает характер городского пространства, склонного к постоянным трансформациям. Маргинализация индивида, расщепление человека как личности участилась по причине развития новых форм городского функционирования и глобального изменения социокультурного поля. На основании этого можно сделать вывод о необходимости пересмотра научных взглядов относительно городского и маргинального феноменов. Содержание и смысл городских явлений в качестве ключевого аспекта существования современного индивида в обществе обусловлено вхождением

< Рис. 1. Маргинальность городских пространств

урбанистических процессов в стадию постиндустриализации [5].

Традиционно под маргинальностью понимают выход «за» пределы, отчуждение от общественного окружения, утрату самоидентификации. Данным термином описывают социальное явление, при котором человек, находясь в социуме, пребывает в пограничном состоянии, что оказывает серьезное влияние на его ментальное здоровье. Данный термин впервые был использован американскими социологами, он применялся для описания неспособности иммигрантов приспособиться к местным условиям жизни в обществе [11]. С точки зрения урбанистического поля маргинализация представляет собой пограничное положение конкретной территории, вызванное ускоренной трансформацией города, из-за чего он невыгодно отличается от других (рис. 1).

Анализу маргинализации современные ученые уделяют повышенное внимание. Значительная часть специалистов, анализирующих данные процессы, придерживается мнения, что маргинализация с каждым годом оказывает все более интенсивное воздействие на социум. Примечательно, что, в зависимости от исследования, маргинализацию оценивают по-разному. Так, З. Бауман в своем исследовании «Современность и амбивалентность» подчеркивает, что в современных реалиях представитель маргинальной ячейки опасен для общества прежде всего нарушением его идентичности: вхождение маргинала в социум угрожает утратой какой-либо стабильности, в результате все попытки упорядочить определенное социальное пространство будут тщетны.

Вопрос маргинализации с точки зрения глобальных трансформаций исследуется такими учеными, как У. Бек и Э. Гидденс. Исследователи занимаются вопросами нового разграничения социокультурных рамок с учетом современных реалий, изучают место маргиналов в современном социальном поле, стремятся найти новые показатели и границы в целях закрепления общественной идентичности. Космополитизм, по мнению У. Бека, представляет собой обновленную версию идентичности социума [1]. Отдельные специалисты рассматривают маргинальность как новый инструмент для культурного

развития социума, как вариант нестабильного существования индивида [4].

Что касается ситуации с территориями, в данном контексте маргинализация обозначает пограничное состояние урбанистического пространства, нахождение его на стыке прошлого и будущего. Для наглядности следует привести городские примеры, отражающие процессы маргинализации: частный сектор, районы, задействованные в программах реновации, культурные достопримечательности, находящиеся в центральных районах на дорогостоящих землях [8]. Городская маргинализация является многосторонней. Маргинальные процессы трансформируют городские культурные пространства, содержание и активность социальных явлений. Точечное размещение субкультур и частично легальных бизнесов вызвано формированием внутренней периферии города, обусловленной маргинализацией. По завершении таких процессов возникают городские территории, оставленные без внимания [6].

Далее целесообразно представить основные методы классификации маргинальных процессов относительно городских территорий [6].

- Геометрический метод. Следуя логике автора данного метода, отметим, что речь идет о схематическом/геометрическом изображении на карте/схеме города наиболее удаленных, окраинных территорий. Именно они определяются в качестве маргинальных.

- Экологический метод. В категорию маргинальных включаются регионы или региональные отрезки, признанные экологически небезопасными, вероятно, по причине экологической катастрофы.

- Культурный метод. В качестве маргинальных характеризуются городские территории, внутри которых образуются и распространяются субкультуры.

- Экономический метод. К маргинальным по данному признаку включаются депрессивные территории, отстающие от общего темпа экономического роста региона, развитие которых было заторможено или прекращено.

- Политический метод. Маргинальными являются территории, признанные менее привлекательными по политическим соображениям.

– Этноконфессиональный подход. С позиции данного подхода маргинальность территории обусловлена наличием национальных и/или религиозных признаков, отличающих отдельные районы города, региона.

Помимо названных стоит упомянуть о существовании подхода, который выделяет маргинальность пространственного типа. Сторонники данного подхода связывают пространственную маргинальность с понятием хронотопа, вкладывая в его содержание два важных аспекта – пространственный и временной. Речь идет о бытийном (исторический контекст пространственных изменений) и профанном (текущее положение дел) хронотопах. Здесь важно уяснить, что пространственная маргинальность возникает в ситуации противоречия/несогласованности между этими двумя хронотопами, когда возникает некий разлом между привычным городским порядком вещей и времени [8, с. 58].

Ряд авторов, анализируя понятие маргинальности с территориальной точки зрения, описывают его как явление, при котором города или городские участки быстро теряют местных жителей [3].

Результаты исследования

На основании вышесказанного можно заключить, что маргинализация городских территорий представляет собой процесс, в результате которого конкретные участки города трансформируются в зоны отчуждения из-за возникновения проблем социального, экономического, культурного характера. Описываемое явление нередко можно встретить в густонаселенных городах, где отдаленные от центра районы становятся маргинальными. По причине того, что процесс урбанизации постоянно расширяется, подобные районы утрачивают былую инфраструктуру, качество жизни населения стремительно падает, финансовых вложений становится недостаточно, растет криминальная статистика. Целостность городской экосистемы страдает не меньше, чем население той или иной территории.

Так, Центральный район города Хабаровска является наглядным образцом воздействия маргинализации. Исторические постройки стоят бок о бок с запущенными участками или опустевшими домами. Современные жилые комплексы строятся без учета исторического окружения. Возникают проблемы в области архитектуры.

С другой стороны, жилые комплексы, построенные на большом удалении от центра города, страдают из-за недостаточной инфраструктуры и слабой социальной активности. Учреждения образования и культуры закрываются, общественный транспорт плохо функционирует, что создает неудобства для горожан. Хотя эти территории имеют потенциал для роста, они часто оказываются отрезанными от остальных районов, что ведет к социальному разобщению [9].

Вместе с тем городские границы расширяются за счет промышленных зон, старых районов с бараками и новых коттеджных поселков. При этом советский частный сектор, хотя и занимает большую территорию и является местом жительства многих людей, остается без внимания [2].

Еще одним примером маргинализации городского пространства выступает создание «серых» арендных зон, которые часто формируются за счет въезжающих граждан (студенты, мигранты, военнослужащие и переселенцы из небольших населенных пунктов Дальнего Востока России). Из-за этого произошло сильное смешение разных социальных групп. В итоге социальное разделение стало заметнее из-за скрытого конфликта между быстро развивающимся центром и «нецентром», который включает не только город, но и его окрестности [2]. Есть особенности, связанные с разделением городских территорий на зоны. Эти зоны связаны с разными проектами

прошлого, настоящего и будущими представлениями о городе. Социальные группы по-разному воспринимают одни и те же участки или постройки. Маргинальные территории отличаются от других частей города тем, что они меняются в зависимости от действий местных жителей. Например, люди разбивают там клумбы, делают игровые площадки и сушилки для белья. Но одновременно там могут появляться стихийные торговые ряды, места для временного пребывания бомжей, организуются бытовые свалки и проч.

Историческая функция города стирается. Он перестает участвовать в современной экономике и культуре [7]. На окраинах города возникают субкультуры и нелегальный бизнес. В итоге эти районы становятся заброшенными и малолюдными. С точки зрения управления это серьезная проблема, поскольку требует постоянных затрат для поддержания инфраструктуры. Местным властям бывает сложно или просто невыгодно возродить забытые места, что ведет к бедности и социальной отчужденности.

Маргинализация влияет на состав населения, и коренные жители могут быть вытеснены более богатыми людьми (например, при застройке дорогостоящими коттеджами территорий, на которых десятилетиями проживали семьи рабочих ныне обанкротившегося, а некогда крупного предприятия). Из-за этого возникают социальные проблемы и конфликты. Депрессивные городские территории, как уже отмечалось выше, характеризуются ухудшением условий жизни, распространением негативных социальных практик (преступность, социальное отчуждение, безработица), ростом социальной напряженности.

В свете глобальных перемен открываются возможности для качественных преобразований, когда градостроительные планы и общественные инициативы могут вдохнуть жизнь в заброшенные пространства и интегрировать их в городскую среду.

Возрождение территорий и реновационное включение их в социокультурную жизнь города, открывающие для них новые горизонты, возможно. Для определения путей решения проблемы следует обратиться к анализу существующих и реализованных зарубежных проектов.

Национальные государства имеют три альтернативных способа борьбы с маргинализацией. Первый, наименее затратный, вариант состоит в латании действующих госпроектов по улучшению благосостояния. Естественно, что подобные меры не способствуют полноценному искоренению проблем.

Второй вариант является более жестким и радикальным. Он заключается в криминализации бедности посредством перемещения всех бедных в самые отдаленные и забытые районы. Другая половина будет распределена по тюрьмам. Данный вариант был реализован в Америке в 1960-е годы, когда радикальные меры были приняты относительно бунтующих жителей гетто [13, 14]. Следует подчеркнуть, что такой вариант неоднократно рассматривался и в Европе. Представителей местной власти не останавливали даже внушительные финансовые расходы на реализацию такой задумки. Заключение под стражу представляется менее травмирующим способом борьбы с разрушительными социальными явлениями [10]. Начальные причины распространения бедности при этом игнорируются.

Третий, наиболее рациональный, вариант предполагает глобальную трансформацию государственного механизма благосостояния с учетом современных социально-экономических явлений. В целях расширения социальных прав и предотвращения губительных последствий влияния на трудовой рынок необходимо внедрение таких новшеств, как универсальная оплата труда гражданам,

разграничивающая труд и стремление к получению вознаграждения для последующего выживания [12].

Анализируя представленные варианты, можно заключить, что третий способ в контексте развития современного социума является наиболее адекватным.

Заключение

Маргинализация традиционно связывается с процессом социальной деградации. Отдельные индивиды становятся изгоями для остального социума. В контексте функционирования и развития городского пространства процесс маргинализации следует понимать как конкретно-исторический, объективный социокультурный процесс, характерный для трансформационного или аномийного социального состояния, причинами которого выступают конфликт с устоявшимися в обществе нормами, утрата (потеря) идентичности, вынужденная социальная мобильность. Суть процесса, в конечном счете, сводится к отчуждению человека от привычной среды и в социальном исключении индивидов, проживающих в маргинальных локациях.

Вместе с тем пустые здания и улицы нередко становятся площадками для творчества и протестов. Там появляются уличные художники, которые украшают стены и выражают идеи тех, кто чувствует себя забытым. Это явление создает особую культуру, которая, несмотря на проблемы, связанные с бедностью, делает города интереснее.

Заброшенные районы постепенно начинают привлекать инвесторов, что приводит к джентрификации. Этот процесс может как обновить/возродить город и отдельные его районы, так и уничтожить его уникальность. Чтобы вывести территории из маргинального состояния, нужно разработать стратегии развития, направленные прежде всего на улучшение культурного, социального и экономического положения местных жителей с учетом традиций и богатого исторического прошлого города.

Литература

1. Бек, У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. Т. VI. – Вып. 1. – С. 24–53.
2. Бляхер, Л. Е., Ковалевский, А. В. Горожанин в поисках сообщества: особенности организации дальневосточного городского пространства (на примере города Хабаровска) // Идеи и идеалы. – 2023. Т. 15. – № 1. Ч. 1. – С. 134–147.
3. Зырянов, А. И. Маргинальные территории // Географический вестник. – 2008. – № 2 (8). – С. 9–20.
4. Иванова, М. С. Маргинализация и ее динамика в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 162–169.
5. Лапова, И. Ю. Маргинальность как социальный феномен современного города : автореферат дис. ... кандидата философских наук. – Новосибирск, 2009. – 17 с.
6. Преображенский, Ю. В. Пространственная маргинализация: подходы и уровни исследования // Вестник ТвГУ. Серия география и геоэкология. – 2020. – № 2. – С. 5–12.
7. Ряпосов, И. А. Регенерация маргинальных городских территорий как драйвер социально-экономического развития городов (анализ американского опыта) // АМТ. – 2017. – № 1 (38). – С. 291–305.
8. Тимошкин, Д. О., Пчелкина, Д. С. Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярск // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2021. – № 1. – С. 56–66.
9. Туркулец, С. Е., Туркулец, А. В., Гареева, И. А., Слесарев, А. В. Территориальная стигматизация молодежи (на примере Дальневосточного региона) // Социодинамика. – 2019. – № 6. – С. 81–89.
10. Christie, N. An Essay in Penal Geography. Unpublished manuscript // Department of Criminology, Oslo University, 1997.

11. Colyvas, J. A., Jonsson, S. Ubiquity and Legitimacy: Disentangling Diffusion and Institutionalization // Sociological Theory. – 2011. – Vol. 29, no. 1. – P. 27–53.

12. Parijs P. van. Refonder la solidarité. Paris: Editions du Cerf, 1996.

13. Wacquant, L. Vom wohltätigen Staat zum stragenden Staat: Über den politischen Umgang mit dem Elend in Amerika // Leviathan: Zeitschrift für Social und Politikwissenschaft. – 1997. – Bd. 25. – S. 50–66.

14. Rothman, D. American Criminal Justice Policies in the 1990s // Punishment and Social Control. – New York : Aldine de Gruyter, 1995. – P. 29–44.

References

Beck, U. (2003). The cosmopolitan society and its enemies. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 4, 24–53.

Blyakher, L. E., & Kovalevsky, A. V. (2023). The citizen in search of community: Peculiarities of the organization of the Far Eastern urban space (the case of Khabarovsk). *Ideas and ideals*, 15(1, part 1), 134–147.

Christie, N. (1997). *An Essay in Penal Geography*. Unpublished manuscript. Department of Criminology, Oslo University.

Colyvas, J. A., & Jonsson, S. (2011). Ubiquity and Legitimacy: Disentangling Diffusion and Institutionalization. *Sociological Theory*, 29(1), 27–53.

Ivanova, M. S. (2013). Marginalization and its dynamics in modern Russian society. *Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2, 162–169.

Lapova, I. Y. (2009). Marginality as a social phenomenon of a modern city [abstract of the dissertation of the candidate of Philosophical sciences]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.

Parijs, P. van. (1996). *Refonder la solidarité*. Paris: Editions du Cerf.

Preobrazhensky, Yu. V. (2020). Spatial marginalization: approaches and levels of research. *TvSU Bulletin. Series: Geography and Geoecology*, 2, 5–12.

Rothman, D. (1995) American Criminal Justice Policies in the 1990s. In *Punishment and Social Control* (pp. 29–44). New York: Aldine de Gruyter.

Ryaposov, I. A. (2017). Regeneration of marginal urban areas as a driver of socio-economic development of cities (analysis of American experience). *AMIT*, 1(38), 291–305.

Timoshkin, D. O., & Pchelkina, D. S. (2021). Vulnerable archaism: the appearance of marginal spaces in Krasnoyarsk. *Oikumen. Regional studies*, 1, 56–66.

Turkulets, S. E., Turkulets, A. V., Gareeva, I. A., & Slesarev, A. V. (2019). Territorial stigmatization of youth (on the example of the Far Eastern region). *Sociodynamics*, 6, 81–89.

Wacquant, L. (1997). Vom wohltätigen Staat zum stragenden Staat: Über den politischen Umgang mit dem Elend in Amerika. *Leviathan: Zeitschrift für Social- und Politikwissenschaft*, 25, 50–66.

Zyryanov, A. I. (2008). Marginal territories. *Geographical Bulletin*, 2(8), 9–20.

В статье анализируются проблемы, связанные с процессами маргинализации пространств, объектов, отношений в городской среде. На примере дальневосточных городов и конкретных объектов рассматриваются складывающиеся социальные практики и стратегии преодоления маргинализации, а также возможности их инклюзии в городскую среду.

Авторы приходят к выводу, что маргинальные пространства не исчерпываются только негативным значением, так как обладают достаточным потенциалом преодоления маргинализации и возможностями создания нового облика городов в условиях трансформаций общественной жизни.

Ключевые слова: городское пространство; маргинализация; дальневосточные города; маргинальные места. /

The article analyzes the problems related to the processes of marginalization of spaces, objects, and relationships in the urban environment. Using the example of Far Eastern cities and specific facilities, the authors consider the emerging social practices and strategies for overcoming marginalization, as well as the possibilities of their inclusion in the urban environment.

The authors conclude that marginal spaces are not limited only to their negative significance, as they have sufficient potential to overcome marginalization and can create a new image of cities in the context of transformations in public life.

Keywords: urban space; marginalization; Far Eastern cities; marginal urban spaces.

Нарицательные маргинальные места дальневосточных городов / Common marginal places of Far Eastern cities

текст

Анастасия Гарнага

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

Ирина Гареева

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

Михаил Базилевич

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

text

Anastasia Garnaga

Pacific National University
(Khabarovsk)

Irina Gareeva

Pacific National University
(Khabarovsk)

Mikhail Bazilevich

Pacific National University
(Khabarovsk)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20346, <https://rscf.ru/project/24-28-20346/> и Министерства образования и науки Хабаровского края (Соглашение № 114/2024). /

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-20346, <https://rscf.ru/project/24-28-20346/> and the Ministry of Education and Science of Khabarovsk Krai (Agreement No. 114/2024)

Актуальность проблемы маргинализации связана с трансформациями как на глобальном, так и на локальном уровнях. В свою очередь, актуальность исследования маргинальных городских пространств на примере дальневосточных городов РФ подтверждается необходимостью исследования сложных социально-экономических и культурных процессов, истоки которых кроются в глобализации, урбанизации, цифровизации, запускающих трансформацию традиционных форм общественной жизни, участвующих в создании новой социальной реальности. Демографические тенденции, экономическая неопределенность, трансформация ценностных ориентаций, этническое разнообразие и иные факторы позволяют рассматривать маргинальные территории в качестве объектов, на примере которых может быть изучена динамика в социуме, адаптация отдельных групп к меняющемуся городскому ландшафту. Эти пространства находятся в определенной социальной изоляции, тем важнее проанализировать механизмы формирования идентичностей при ограниченном доступе к ресурсам и услугам. Маргинальное пространство отражает особенности паттернов, связанных с социальной интеграцией и сегрегацией, позволяет изучить институциональные и неинституциональные факторы, определяющие тенденции происходящих процессов. Необходимо отметить также, что социальная мобильность и инклюзия обеспечиваются местными властями, социальными институтами и гражданским обществом, что требует их скоординированного ответа на маргинализацию.

Дальневосточные города, этническим разнообразием поставленные перед различными экономическими вызовами, являются особенно ценными объектами для исследования в этом направлении. Они позволяют понять, какие локальные практики и стратегии преодоления маргинализации наиболее успешны, способны возродить инклюзивную городскую среду. Впрочем, феномен маргинальных пространств не исчерпывается их негативным значением: они также могут рассматриваться как экспериментальная площадка для внедрения инновационных социальных городских практик или объектов, участвующих в формировании коллективной идентичности [5].

Такие пространства являются своеобразным отражением исторической памяти города.

Процессы маргинализация в российском обществе обусловлены рядом обстоятельств и в первую очередь трансформационными процессами, происходящими с конца XX века и имеющими свои последствия до сих пор. Это связано со сменой прежней патерналистской политики государства, касающейся и регулирующей все социальные объекты (сферу экономики, культурные объекты, население) на либеральную без подготовки в стране к этим переменах, что увеличило не только количество маргинализирующих факторов, но и силу их воздействия, включенность всех социальных явлений, продолжительность влияния. Таким образом, можно утверждать, что изучение маргинальных городских пространств – способ актуализировать в теоретическом аспекте развитие урбанистики, а также возможность разработки прикладных эффективных стратегий управления городскими территориями, цель которых – преодолеть маргинализацию, преобразить облик городов, создать устойчивые сообщества. Необходимо понимать процессы, идущие в маргинальных пространствах, чтобы справиться с вызовами, стоящими перед современными городами [6]. Маргинальные пространства (объекты) привлекают интерес, активно посещаются, несмотря на официальные запреты и ограничения, обсуждаются в социальных сетях, подлежат различным сделкам (аренда, купля, продажа). Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения и анализа процессов, происходящих в маргинальных пространствах, для преодоления вызовов, стоящими перед современными городами.

Результаты исследования

Маргинальность (маргинализация) социальных объектов понимается как пограничность социального объекта в системе социальных элементов. Проблеме исследования маргинальности посвящены работы Р. Парка, особенно пространственные исследования изменения города на примере Чикаго. Продолжая традицию Чикагской школы, многие отечественные и зарубежные исследователи активно используют термин «маргинальность» в силу его методологической универсальности и применимости

^ Рис. 1. Граффити на объекте «Башня Инфиделя» в Хабаровске с видом на реку Амур

^ Рис. 2. Водонапорная станция спиртзавода купца Богданова в Хабаровске

для изучения многих социальных процессов разнообразия контекстов употребления. Для описания данных объектов можно использовать термины «заброшенный (безнадзорный, запущенный, оставленный без внимания)», «деградирующий (ухудшение характеристик какого-либо объекта, снижение качества)», «периферийный (имеющий пограничную, сомнительную значимость)». Но все эти термины дают узкое представление об изучаемом объекте и не позволяют описать все его социальные характеристики. Следуя современной исследовательской практике, где активно используются термин «маргинальный», позволяющий расширить исследовательское поле и многообразие контекстов его употребления, в своей работе мы также используем термин «маргинализация» для описания исследуемых процессов в городской среде.

Маргинализация городского пространства – это конкретно-исторический, объективный социокультурный процесс, характерный для трансформационного или аномийного социального состояния, причинами которого выступают конфликт с устоявшимися в обществе нормами, утрата (потеря) идентичности, вынужденная социальная мобильность, суть которого заключается в появлении новых социальных практик, в отчуждении человека от привычной среды и в социальном исключении индивидов, проживающих в определенных локациях, в осуществлении территориальной стигматизации и формировании пограничного образа отдельных локальностей города [1, с. 19] (рис. 1). В настоящее время в РФ выявлено более 181 тыс. заброшенных зданий и сооружений, большая часть (157 тыс.) из них в жилищно-коммунальной сфере. Приведенные цифры свидетельствуют, что процессы заброшенности и маргинализации становятся рутинными, за которым стоят проявления отношений, отдельных событий, случаев.

Среди характерных маргинальных зданий региона можно выделить Дом архитектора («Башня Инфиделя» или «Воронье гнездо») и здание бывшего спиртоочистительного завода, принадлежавшего купцу С. Я. Богданову в г. Хабаровске, купол на Монастырской сопке, Дом культуры строителей на ул. Рябииковской в г. Петропавловске-Камчатском. Эти здания, нарицательные для общественного сознания, сохраняют свою

уникальность, являются частью культурного кода города, хотя и не наделены явной исторической или художественной ценностью. Типичность выделенных объектов заключается в следующем: они находятся в крупных поселениях (городах); расположены рядом с объектами функционирующими, используемыми по назначению; выпадают из контекста остального города; являются объектами коллективной договоренности и т. д. Таким образом, описательных признаков для их классификации (типизации) может быть достаточно для включения их в группу «маргинальных». Чтобы проанализировать эти объекты, необходимо понимать социокультурный контекст, причинно-следственные связи, определяющие как их маргинализацию, так и их определенную культурную значимость.

Тем важнее рассмотреть социально-экономическую и культурную ситуацию в регионе, в ландшафт городов которого включены локальные маргинальные объекты. Дальний Восток РФ имеет уникальную историю, географию и этнокультурную структуру, поэтому на протяжении многих лет представляет собой территорию, где реализуются различные социальные и экономические эксперименты. Здесь можно изучать как колонизацию, так и глобализацию на фоне явлений, характерных для маргинальной городской культуры [2]. Поэтому маргинальные здания, которые более не являются частью жизнедеятельности города, остаются историческими символами, напоминающим о смене парадигм, конфликтах и противоречиях в регионе.

Так, Дом архитектора в Хабаровске, несомненно, маргинальный объект и отражает архитектурные тенденции и социальные изменения своего времени. Такие аналогии подтверждают заимствование архитектурных форм, стремление местной элиты соответствовать западным стандартам.

Здание расположено на возвышенности над рекой Амур, вдали от городской суеты. Оно занимает пять этажей с двумя отсеками, и с его крыши открывается захватывающий вид на знаменитый мост, изображенный на купюре в 5000 рублей. Один из отсеков здания содержит два монолитных круглых в плане резервуара, а рядом

> Рис. 3. Купол на Монастырской сопке во Владивостоке

> Рис. 4. Мортиры близ Морского кладбища во Владивостоке

расположены еще две массивные бетонные емкости, закрытые каменными крышками.

Достоверно известно то, что в 1948 году недостроенная башня уже стояла на холме и успела порядком обветшать. Правдоподобной выглядит версия, что башня строилась в конце 1930-х годов и была связана со строительством Амурского тоннеля. Предполагалось, что в башне будут расположены компрессоры вентиляционной системы тоннеля, а в резервуарах храниться вода для экстренного пожаротушения. Нет ясности и в том, когда и почему «Башня Инфиделя» была заброшена. Однако есть предположение, что к началу 1941 года строительство башни просто не успели закончить. В 1946 году тоннель был законсервирован, а при восстановлении в 1964-м получил более простые и современные системы жизнеобеспечения. Башня же продолжала ветшать, в 1990–2010-х несколько раз переходила от города к частникам и от частных к городу, но наполнить ее новым смыслом пока не вышло ни у тех, ни у других.

Со временем здание стало заброшенным, что запустило процесс его маргинализации. Таким образом, обнаруживается контраст между первоначальным замыслом и настоящим состоянием здания. «Башня Инфиделя» – вернакулярное наименование объекта, оно запутывает обывателя, в особенности гостя города, связывая объект с именем некоего Инфиделя (то ли архитектора, то ли купца). В действительности же название предложено участниками ролевых игр и никакого отношения к владельцу и другим людям не имеет. При этом выдуманное название широко известно среди горожан и овеяно городскими легендами.

На примере судьбы спиртоочистительного завода купца С. Я. Богданова можно проследить политическую, экономическую трансформацию, произошедшую в регионе. Это напоминание о развитой предпринимательской деятельности, востребованности производства алкоголя в XIX веке и символ упадка, вызванного широкими социальными и экономическими кризисами, разразившимися в постсоветском пространстве.

Землю, на которой стоит завод, и дом в 1906 году купил Сергей Яковлевич Богданов, купец 1-й гильдии. Он вместе с семьей переехал на Амур из Забайкалья в числе первых переселенцев. Сначала семейство промышляло пушниной, а в Хабаровске переключилось на рыбный промысел. Позже Сергей Яковлевич решил построить винокурный завод, для чего и купил землю у благовецкого купца И. Р. Рафаилова. На территории были два чистых родника, росли сливы, яблони и виноград амурский, а также груши. После смерти купца в годы революции земля, завод и домовладения были национализированы. Завод функционировал до конца XX века, а здания усадьбы использовались под нужды санаториев.

На данный момент часть зданий разрушена, остался только летний дом усадьбы, который продается властям города за один рубль с обременением его реставрации. С учетом экономических затрат и малой окупаемости объекта бизнес Хабаровска и региона не заинтересован в покупке и восстановлении особняка; он продолжает находиться в ведении города.

На подходе к особняку заметны остатки витражей, табличек, узоров. О былом величии дома напоминает оригинальный фасад. Здание не охраняется и не эксплуатируется, дверь не закрыта. По информации Хабаровского краевого центра охраны памятников истории и культуры усадьба пережила множество изменений, и внутри уже не найти упоминаний о когда-то проживающем семействе Богдановых.

По этой причине здание спиртзавода символизирует как индивидуальную судьбу спиртозаводчика, так и коллективную память об экономических потрясениях и разных эпохах в жизни региона. Водонапорная станция (рис. 2) несколько последних десятилетий была закрыта высоким ограждением из профнастила, но в 2024 году была открыта для взора горожан, проезжающих по улице Правобережной прямо вдоль береговой линии Амура. Сейчас это небольшое строение начало привлекать большое количество людей; сюда идут фотографироваться, люди видят особую эстетику этого места. Вместе с тем открытое внутреннее пространство бездомные используют объект в качестве ночлежки. Внутри раскиданы старые матрасы, ветошь, некоторые предметы быта.

Купол на Монастырской сопке в г. Владивостоке и-mortиры близ Морского кладбища также рассматриваются в качестве маргинальных, они даже формируют единое пространство. Когда-то значимые для людей, теперь они заброшены, забыты, теряют культурную ценность. Однако маргинализация этих символов ушедшего времени не мешает привлекать исследователей и местных жителей, в связи с чем в их отношении формируются новые нарративы и ассоциации, что позволяет им сохранить своеобразие неформальной ценности. В частности, купол расценивается как уникальный арт-объект, разрушения которого местные жители не желают (рис. 3).

Дом культуры строителей на ул. Рябиковская в Петропавловске-Камчатском – свидетельство о времени коллективизма, активной культурной жизни рабочих. Следует отметить, что объект не был заброшен одновременно, после периода 1990-х годов он был временно возвращен для эксплуатации. Сегодня это место, памятное для горожан, участвует в формировании новых идентичностей и культурных практик, что способно привести к переоценке его значения и назначения (рис. 5, 6).

Итак, у маргинальных зданий Дальнего Востока России отсутствует выраженная историческая или худо-

< Рис. 5. Заброшенный Дом культуры строителей в Петропавловске-Камчатском

< Рис. 6. Состояние интерьера Дома культуры строителей в Петропавловске-Камчатском

жественная ценность, однако они остаются значимыми для архитектурного контекста городов, для социального и культурного контекста в целом. Они воспринимаются обществом как материальные свидетельства сложных взаимосвязей истории, памяти и идентичности, именно поэтому сохраняется их значение для культурной среды. Эти объекты помогают в изучении динамики культурной памяти и социальных трансформаций на территориях Дальнего Востока.

Их нарицательный статус сформирован социально-экономическими, культурными изменениями, которые, несмотря на утрату значимости, определили среду их существования в пространстве городов, сознании горожан. Безусловно, физически запущенные, выключенные из активной жизни города объекты, отличающиеся маргинальностью, продолжают быть частью облика городов, выражением городской идентичности и культурной памяти. У этих пространств – периферийное место, в том числе в общественном сознании, однако они остаются интересными с точки зрения изучения жизни социума [3, с. 109].

Следует признать, что появление маргинальных пространств – сигнал изменений городской структуры, индикатор социальной динамики. Они образуются после экономического кризиса, процесса миграции, смены политического курса. Заброшенные, неиспользуемые, эти объекты продолжают свидетельствовать о прошлом города, трансформации его идентичности, культурного ландшафта [4, с. 77].

Однако у данных пространств может быть будущее: маргинальное пространство может быть переосмыслено в рамках джентрификации. Это процесс реабилитации объекта и территории, запускаемый активистами из числа местных жителей, предпринимателями, представителями творческих профессий. Благоустройство может спровоцировать конфликты старожилов и новых жителей, что также демонстрирует сложность социальных отношений и признаки борьбы за жизненное пространство, консервацию или переосмысление территории.

Таким образом, в рамках маргинальных пространств происходят различные социальные взаимодействия, созидательные и негативные ввиду столкновения интересов разных групп. Кроме того, феномен городской пространственной маргинальности связан как с заброшенными, запущенными пространствами, символизирующими прошлое, так и с примерами дискуссионной организации облика современного города. Многие из маргинальных объектов могут функционировать как «памятники» современности, символизировать как упадок, так и возможность для возрождения, регенерации. Это места и сохранения памяти о прошлом, и формирования новых нарративов, ассоциаций, отсылок,

часть городской мифологии; значит, имеют потенциал для своего существования и в будущем. Заброшенность маргинальных пространств не мешает им оставаться активными участниками культурного процесса, диалога между прошлым и настоящим. Подводя итог, необходимо отметить роль маргинальных пространств, которые утратили функциональность, но в формировании городской идентичности и сохранении культурной памяти, повседневного социального опыта их роль неоспорима. Эти объекты связывают историю, память и идентичность, встраиваются в современный культурный ландшафт. Тем важнее исследовать данные пространства, чтобы понять историческую, социальную, культурную динамику, осознать, каким образом маргинальность может стать источником новых возможностей и культурных кодов.

Литература

1. Туркулец, С. Е., Гареева, И. А., Слесарев, А. В., Гарнага, А. Ф. Маргинализация городского пространства (опыт социологического исследования на примере Хабаровска) // Социодинамика. – 2024. – № 12. – С. 17–37.
2. Бляхер, Л. Е., Иванова, А. П., Ковалевский, А. В. «Пустые пространства» и их обитатели в городах Дальнего Востока России (на примере города Хабаровска) // Мир России. Социология. Этнология. – 2021. – Т. 30. – № 3. – С. 150–173.
3. Ковалевский, А. В. Феноменология описания города: город видимый и невидимый // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2021. – № 5. – С. 108–111.
4. Лавренова, О. А. «Изнанка города»: маргинальные ландшафты и современная визуальная культура // Наука телевидения. – 2021. – № 17 (2). – С. 61–117.
5. Боков, А. Неродод. Часть 2 // Проект Байкал. – 2021. – № 68. – С. 16–22. – DOI: <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1795>
6. Раппапорт, А. Пространство и его форма // Проект Байкал. – 2024. – № 82. – С. 18–21. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/82.2420>

References

- Blyakher, L. E., Ivanova, A. P., & Kovalevsky, A. V. (2021). "Empty spaces" and their inhabitants in Far Eastern Russian cities: The case of Khabarovsk. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 30(3), 150–173.
- Bokov, A. (2021). Noncity. Part 2. *Project Baikal*, 18(68), 16–22. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1795>
- Kovalevsky, A. V. (2021). Phenomenology of city description: City visible and invisible. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, 5, 108–111.
- Lavrenova, O. A. (2021). "The seamy side of the city": Marginal landscapes and contemporary visual culture. *The Art and Science of Television*, 17(2), 61–117.
- Rappaport, A. (2024). Space and its form. *Project Baikal*, 21(82), 18–21. DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/82.2420>
- Turkulets, S. E., Gareeva, I. A., Slesarev, A. V., & Garnaga, A. F. (2024). Marginalization of urban space: Experience of sociological research on the example of Khabarovsk. *Sociodynamics*, 12, 17–37.

В статье представлены материалы и результаты исследования, проводимого автором при поддержке гранта Российского научного фонда «Методы интеграции зон исторической застройки и сохранения объектов культурного наследия в условиях развития современных городов северо-востока Китая». Приведены краткие исторические сведения, касающиеся процесса формирования планировочной структуры г. Даляня и его центральной площади – Чжуншань (Николаевской, Большой). Рассмотрены композиционные, объемно-планировочные и стилистические особенности исторических и современных зданий и сооружений, образующих в настоящее время целостный архитектурный ансамбль площади.

Ключевые слова: Далянь; площадь Чжуншань (Николаевская); архитектура; наследие./

The article presents the materials and results of the study conducted by the author with the support of the grant of the Russian Science Foundation “Methods of Integration of Historical Development Zones and Preservation of Cultural Heritage Objects in the Conditions of Development of Modern Cities in North-East China”. Brief historical information is provided regarding the process of formation of the planning structure of the city of Dalian and its central square – Zhongshan (Nikolaevskaya, Grand). The compositional, space-planning and stylistic features of historical and modern buildings and structures that currently form an integral architectural ensemble of the square are considered.

Keywords: Dalian; Zhongshan Square (Nikolaevskaya); architecture; heritage.

Архитектурный ансамбль площади Чжуншань в Даляне / Architectural ensemble of Zhongshan Square in Dalian

текст

Михаил Базилевич

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

text

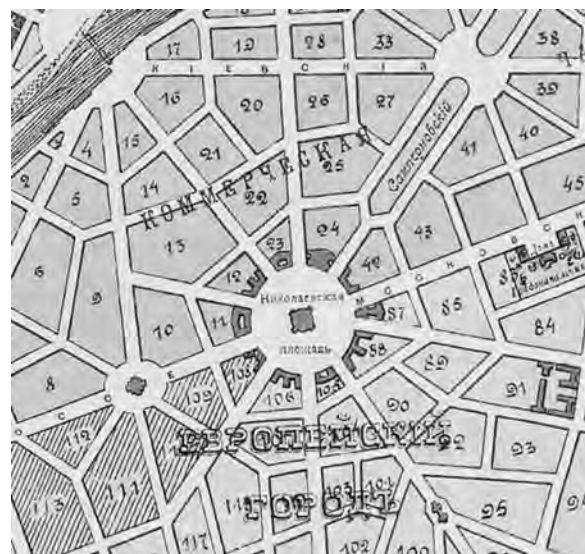
Mikhail Bazilevich

Pacific National University
(Khabarovsk)

Введение. Чжуншань (中山区) – один из десяти районов и городских уездов, входящих в состав Даляня, и, помимо общественного-делового и коммерческого центра города, включает в себя ряд живописных фрагментов южного побережья Ляодунского полуострова, отделенных от основной массы застройки выразительными природными холмами. Центром планировочной композиции района является одноименная площадь Чжуншань (англ. Zhongshan Square, кит. 中山广场), названная так в честь первого президента Китайской Народной Республики Сунь Чжуншаня (Сунь Ятсена). В русскоязычном научном дискурсе площадь эта более известна как Николаевская. Заложенная в 1899 году в рамках реализации проекта города Дальнего, круглая площадь диаметром в 100 саженей задумывалась в качестве основного ядра наиболее крупной из трех его частей – Европейского города. В ее центре планировалось возведение монументального Николаевского собора, который должен был взять на себя функцию визуальной доминанты в структуре панорам улиц, расходящихся от площади во всех направлениях. Утрата контроля над Ляодунским полуостровом в 1905 году не позволила российскому правительству в полной мере воплотить задуманные планы по развитию данной территории. Тем не менее заложенный планировочный каркас стал основой для дальнейшего роста города. В период между 1907 и 1936 годом вокруг площади выросли крупные общественные здания, в целом определившие характер ее ансамбля и ставшие неотъемлемой частью архитектурного образа города. Дальнейшее развитие застройка площади Чжуншань получила уже после основания Китайской Народной Республики, когда на фоне изменений общего политического и экономического устройства страны в центральной части Даляня началось строительство многоэтажных жилых и общественных зданий, соответствующих духу новой эпохи.

В настоящее время площадь Чжуншань сохраняет свое ключевое значение в планировочной структуре города и, благодаря высокой концентрации объектов архитектурного наследия, представляет безусловный интерес с точки зрения изучения механизмов и разработки принципов взаимодействия исторической и современной застройки.

Планировочные особенности. В отличие от других русских городов в Китае планировка Дальнего отличалась компактностью и отсутствием деления на обособленные районы. Сложившееся зонирование было продиктовано особенностями рельефа местности, в частности, наличием оврагов в юго-восточной части города, отведенных под размещение садов и питомника [1]. Согласно первоначальному проекту, составленному петербургским архитектором К. Г. Сколимовским, пространство Европейского города разделялось на три части: коммерческую и гражданскую, заложенные с северной и южной стороны от Николаевской площади соответственно, а также район особняков, местом для строительства которого была выбрана территория с восточной стороны от городских садов [2]. К 1905 году были проведены работы по дорожному планированию и обустройству Николаевской площади, в то время как возведение объектов капитального строительства начато еще не было (рис. 1а). Территорию Европейского города и его центральной площади пересекали четыре широких проспекта: Московский, Самсониевский, Алексеева и Витте, объединяющие между

а

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10119, <https://rscf.ru/project/24-78-10119/>

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-78-10119, <https://rscf.ru/project/24-78-10119/>

Рис. 2. Застройка Большой площади на японских открытках (<https://www.wforum.com/news/history/2024/08/08/453912.html>):

а) общий вид

б) фрагмент ансамбля (на заднем плане справа здание Восточной девелоперской компании)

собой разные фрагменты городской ткани и образующие визуальные коридоры, связывающие урбанизированное пространство с природным окружением.

Отличительной особенностью планировочной структуры Дальнего являлось наличие нескольких крупных полукруглых и круглых площадей с веером расходящихся от них улиц и широкими проспектами. Данный прием впоследствии использовался японскими инженерами в процессе реконструкции Чанчуня и Шэньяня. Ввиду многонационального состава жителей Дальнего на Николаевской и других городских площадях планировалось строительство культовых объектов различных конфессий, вертикальные объемы которых должны были доминировать на фоне окружающей застройки меньшей этажности, формируя тем самым выразительный силуэт города со стороны акватории. В тот же период к северу от Европейского города было завершено строительство большинства зданий Административного городка и сооружений, относящихся к железной дороге и порту [3]. Развитие территории Европейского города было продолжено уже японскими инженерами, сохранившими

конфигурацию площадей, направления улиц и размеры кварталов.

С установлением в городе новой администрации Николаевская площадь была переименована в Большую (яп. 大広場), а по ее периметру началось возведение нескольких знаковых объектов. Проектированием и строительством большинства зданий, составляющих в настоящее время историческую часть ансамбля площади, занималась группа молодых японских архитекторов из строительного управления Южно-Маньчжурской железной дороги – Такахару Оноки, Такеши Ота, Кенсукэ Йокои, Кикудзиро Ичида (Аоки Кикуджиро), Мацуё (Мацун) Маэда и другие специалисты, работавшие в начале XX в. на северо-востоке Китая в Чанчуне, Шэньяне и ряде других городов вдоль ЮМЖД [3]. Кроме того, при их участии в городе проводилась и модификация дорожной сети, в частности, в центре площади было сформировано благоустроенное рекреационное пространство, а по его периметру организовано круговое движение пассажирского транспорта. В 1914 году на площади была установлена бронзовая статуя первого

Рис. 1. Эволюция планировочной структуры исторического ядра Дaireня:

а) фрагмент плана Дальнего с обозначением планировочного каркаса Европейского города. Архитектор К. Г. Сколимовский. 1904
б) фрагмент плана Дaireна с обозначением построек вокруг Большой площади. Японская карта 1935
в) фрагмент плана Дaireня (на основе Google Maps). 2025

> Рис. 3. Застройка площади Чжуншань в 2024. Фото М. Базилиевича:
а) вид со стороны ул. Minkang (Сахоровский проспект). Справа здание Икокома спеши банка, по центру здание Клуба народной культуры
б) вид со стороны ул. Qiui (Самсониевский проспект). Справа коммерческое здание, построенное на месте Генерального консульства Великобритании в 2000

а

б

губернатора префектуры Канто Ёсимасо Осимы, которому на тот момент исполнилось 63 года. По этой причине на ней было высажено 63 дерева, гармонично дополнивших уже имевшиеся композиции из зеленых насаждений. К 1935 году вокруг площади завершилось строительство 9 общественных зданий, имеющих островное положение в структуре застройки и формирующих целостный силуэт ее выразительного ансамбля (рис 16, 2а), а спустя еще год в границах улиц Renmin (Московский проспект) и Luxun (проспект Сахорова) по проекту Сюити Мунэтака в формах ар-деко было возведено здание Восточной девелоперской компании (рис. 26).

В 1945 году, после вывода японских войск, Большая площадь была окончательно переименована в Чжуншань. С этого момента начался новый этап развития Далиня, отмеченный увеличением объемов строительных работ в центральной части города. Так, в 1951–1952 на участке в границах улиц Qiui (Самсониевский проспект) и Minisheng (Алексеева) по проекту группы советских архитекторов под руководством белорусского инжене-

ра Наева [5] в формах советской неоклассики возвели здание Клуба народной культуры (рис. 3а). Развитие получила и застройка соседних кварталов. На месте бывшего Самсониевского бульвара развернулось строительство жилых и общественных зданий, что вскоре привело к полной утрате визуальной связи площади Чжуншань с северо-восточной набережной (рис. 1в).

В 1990–2000-е на фоне быстрого экономического роста центр города обогатился большим количеством современных высотных зданий, полностью изменивших масштаб застройки и восприятие памятников архитектуры первой половины XX в. В 1995 году было снесено здание Генерального консульства Великобритании, построенное в 1914 по проекту британского архитектора Герберта Ашмида [6]. Спустя пять лет на его месте было построено новое шестиэтажное коммерческое здание, выдержанное в стилистике постмодернизма (рис. 3б).

Памятники архитектуры. Застройка площади Чжуншань представлена объектами, возводившимися

< Рис. 4. Здание
Департамента по
гражданским делам
префектуры Като, 1907–
1908. Архитектор Сонгён.
Строительные работы:
бюро Аракава.
Фото М. Базилевича. 2024

на разных этапах развития города, что безусловно нашло отражение в характере ее архитектуры.

Движение в сторону вестернизации, наметившееся в архитектуре Японии еще во второй половине XIX в., нашло свое проявление в работах японских инженеров и на территории Маньчжурии. Так, первой монументальной постройкой, положившей начало формированию ансамбля площади Чжуншань, стало двухэтажное здание Департамента по гражданским делам префектуры Като, возведенное в формах эклектики с элементами григорианского стиля и неоготики. Центром архитектурной композиции является вытянутый объем колокольни, акцентирующий главный вход, а торцы обращенного в сторону площади фасада зафиксированы цилиндрическими объемами башен-донжонов. Пластика равноценных уличных фасадов определена ритмом узких сгруппированных полуциркульных и прямоугольных оконных проемов и широких простенков, рассеченных повторяющимися силуэты контрфорсов пилястрами. Дополнительную выразительность образу сооружения придает контраст краснокирпичной лицевой кладки и белых оштукатуренных элементов фасадного декора (рис. 4).

Примечательна в этом плане и архитектура здания Июкогама спеша банка, представляющего пример стиля тацуно с характерной для него интерпретацией форм западноевропейского зодчества и отдельных мотивов традиционного японского строительного искусства (рис. 5а). Эскизный проект сооружения был составлен в Японии одним из выдающихся мастеров периода Мэй-дзи – Цумаки Ёринака, а рабочую документацию на месте разрабатывал архитектор Такеси Ота [7]. В формах тацуно построено и здание Банка Империи Цин, отличающееся, однако, большей аскетичностью декора и суровой монументальностью (рис. 5б).

В 1909–1914 по проекту Такеси Ота было построено помпезное здание Ямамото отеля. Его симметричный четырехэтажный объем, увенчанный трехчастным мезонином, стал самым высоким сооружением ансамбля площади [4]. Равноценные уличные фасады выдержаны в духе эклектики, вобравшей в себя мотивы и отдельные элементы французского классицизма и неоренессанса, но в то же время в пластике стен первого этажа вместо

ожидаемой крупной рустовки архитектор применил массивные горизонтальные тяги, являющиеся прямой отсылкой к стилистике тацуно и встречающиеся в схожей трактовке на фасадах Июкогама спеша банка и Банка Империи Цин. Дополнительную динамику сооружению придают слабо выдвинутые ризалиты, акцентирующие углы по периметру его монументального объема. В 1920 году по соседству с Ямамото отелем было завершено строительство здания городской ратуши. Автором проекта выступил начальник строительного отдела Департамента по гражданским делам префектуры Като Маэда Сонгён. Архитектура сооружения в целом соответствует духу классической архитектуры, проявляющемуся как на уровне общей симметрии его трапециевидного в плане корпуса, так и составляющих фасадного декора. Отметим также и градостроительное значение двух этих объектов, до 1950-х годов фланкировавших визуальный коридор широкого Самсониевского бульвара, панорама которого завершалась зданием почтового отделения (рис. 6). Как уже отмечалось выше, в дальнейшем территория бульвара была застроена, что частично изменило восприятие ансамбля и его связь с природным окружением.

В формах эклектики с преобладанием элементов неоклассицизма построены и здания Банка Кореи, и Бюро доставки, расположенные друг напротив друга и фланкирующие ось ул. Minkang (пр. Сахорова), отходящую от площади в северо-восточном направлении (рис. 7).

В период установления в большей части Маньчжурии власти марионеточного государства Маньчжоу-го Япония сохраняла за собой права на аренду Квантунской области и г. Дайрен. По этой причине формирование его архитектурного ландшафта проходило несколько иным путем, связанным в первую очередь с продолжением вестернизации застройки и поддержанием европейского колорита города в противовес попыткам построения архитекторами Маньчжоу-го собственного стиля, объединявшего китайские, японские и западноевропейские мотивы и формы, и получившего в 1930-е широкое распространение в других городах региона.

Внимание японских архитекторов к новым магистральным течениям нашло отражение в архитектуре здания Восточной девелоперской компании, построенного

> Рис. 6. Фрагмент застройки Большой площади с изображением городской ратуши (слева), Ямамото отеля и перспективы Самсониевского бульвара (<https://m.zhanyue.com/readbook/12861047/14.html?p2=104167t>)

v Рис. 5. Памятники архитектуры стиля тацуно. Фото М. Базилевича:

а) здание Июкогама спешби банка, 1909

б) здание Банка Империи Цин, 1910

в 1936 году по проекту ученика Ёсихэи Накамура Сюити Мунэтакэ. Сооружение представляет пример архитектуры стиля ар-деко с характерной для него работой с крупными массами и строгой геометричностью плоскостных композиций (рис. 8).

Проблемы взаимодействия исторической и современной застройки. Противоречия между защитой архитектурного наследия и модернизацией городских пространств глубоко укоренены в современном градостроительстве. Поиск путей оптимизации застройки и адаптации старых зданий под новые функции нередко приводит к сносу или же к непрофессиональной реконструкции как отдельных объектов, так и целых исторических кварталов, что влечет за собой необратимые изменения сложившегося культурного ландшафта. Особенно актуальна данная проблема для провинциальных городов и региональных центров, где процесс внедрения мероприятий по охране памятников истории и культуры, как правило, происходит с определенным запаздыванием. Не является исключением и город Далянь, системное изучение и реставрация исторических районов которого начались лишь в начале 2000-х, что, к сожалению, не могло не привести к утрате или изменению облика многих уникальных построек. Земельные реформы, проводимые правительством КНР в конце XX в., способствовали появлению новых субъектов городского планирования – застройщиков, а введение платной передачи права землепользования легализовало сделки с земельными участками и открыло широкие возможности для спекуляций на рынке недвижимости [8]. На этом фоне во многих городах страны, в том числе и Даляне, активно развернулось строительство коммерческих высотных зданий, направленное на максимизацию экономической отдачи городских территорий, нередко сопровождавшееся сносом ценной исторической застройки. Примечательно и то, что в период японской колонизации администрацией города проводились работы по выявлению зон концентрации объектов, обладающих высокими архитектурно-художественными признаками. Так, на одном из генеральных планов города того времени, представленном в исследовании специалистов Даляньского технологического университета [9], обозначены

а

^ v Рис. 7. Здания по ул. Minkang. Фото М. Базилевича: а) здание Банка Кореи. 1920. Архитектор Ёсихэси Накамура
б) здание Бюро доставки префектуры Като. 1918. Архитектор Мацумуро Сигэмицу

четыре таких района, включая площадь Чжуншань, мост Шэнли (Административный городок), район Наньшань и Народную площадь. Контур этих районов в целом совпадает с границами современных охранных зон, выделенных в структуре генерального плана Даляня [10]. Однако во второй половине XX в. на фоне изменения модели государственного управления, а затем последовавшего стремительного экономического роста города и развития частного предпринимательства мероприятия по охране культурного наследия в Даляне фактически не реализовывались.

В 2001 году по решению Госсовета КНР ансамбль площади Чжуншань был включен в перечень национальных реликвий, а в 2015 площадь приобрела статус историко-культурного района провинциального уровня, включенного в состав генерального плана города. Памятники архитектуры, расположенные по периметру площади, находятся в высокой степени сохранности и задействованы для размещения гражданских и финансовых учреждений, а сама площадь выполняет роль общественно-рекреационного пространства и является одним из знаковых туристических объектов Даляня. В силу высокой интенсивности движения автомобильного транспорта вокруг площади наземный пешеходный переход на нее организован только с северной стороны. С западной и восточной сторон на площадь можно попасть через подземные переходы, выполняющие также функцию входов на станцию метрополитена. В центре площади оборудована круглая площадка, используемая под сцену при проведении массовых мероприятий.

На планировочном уровне площадь имеет две основные композиционные оси: север-юг, зафиксированную объемами зданий Июкогама спешу банка и Ямамото отеля, и запад-восток, раскрывающую панорамы улиц Zhongshan и Renmin (Московский проспект), поддерживая таким образом визуальную связь с акваторией Даляньского залива (рис. 9).

Заключение. Архитектурный ансамбль площади Чжуншань представляет наглядный пример рационального подхода к сохранению объектов историко-культурного наследия и их интеграции в экономическую жизнь современного города. Монументальные сооружения первой по-

б

ловины XX в. гармонично сосуществуют здесь с окружающей высотной аскетичной застройкой, которая, несмотря на свои доминирующие размеры, выступает нейтральным фоном при восприятии исторических зданий со стороны площади и перекрестков сходящихся на ней улиц.

Изменение масштабов строительства, происходившее в Даляне во второй половине XX в. и сопровождавшееся сносом многих объектов, обладающих признаками историко-культурного наследия, но так и не поставленными на государственную охрану, способствовало формированию в структуре городской ткани обособленных фрагментов исторической застройки. В настоящее время они формируют неповторимый колорит и хорошо узнаваемый образ этого приморского города, неотъемлемой частью которого является ансамбль его центральной площади.

Литература

1. Крадин, Н. П. Русские города в Китае. Архитектура Восточной Сибири и Дальнего Востока : Вып. 1. Русские города на Дальнем Востоке : Сборник научных статей / Под ред. Н. П. Крадина. – Хабаровск : Магеллан, 2002. – С. 109–142.

> Рис. 9. Вид на площадь Чжуншань с западной стороны.
Фото М. Базилевича

> Рис. 8. Здание Восточной девелоперской компании. 1936. Архитектор Сюити Мунэтакэ.
Фото М. Базилевича

2. Пугачева, Е. А., Курбатов, Р. К. Влияние российской и японской архитектурных школ на застройку города Далянь в конце XIX в. – первой половине XX в. // Урбанистика. – 2024. – № 4. – С. 13–31. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71603 (дата обращения: 15.01.2025).
3. Левашко, С. С. Польско-русский архитектор Казимир Сколимовский (1862–1923) на фоне эпохи // Polska – Rosja: sztuka i historia / Eds. Jerzy Malinowski & Irina Gavrash. Vol. III. – Warszawa–Torun, 2014. – С. 358–367.
4. Исследование истории и культуры современной архитектуры в крупных городах Северо-Восточного Китая / под ред. Ч. Ли. – Чанчунь : Изд-во Чанчунь, 2012. – 220 с. (中国东北地区主流城市近代建筑历史文化研究/李之吉 编. —长春 : 长春出版社 · 2012).
5. 大連人民文化クラブ (中山広場8号) / レトロな建物を訪ねて – URL: <https://gipsypapa.exblog.jp/15966898/> (дата обращения: 15.01.2025).
6. Смольянинова, Т. А. Консульские здания как образ иностранной архитектуры в городах Северо-Восточного Китая // Урбанистика. – 2023. – № 2. – С. 97–106. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38331 (дата обращения: 15.01.2025).
7. Архитекторы и инженеры восточных окраин России второй половины XIX – начала XX века / М. Е. Базилевич, Н. П. Крадин, А. П. Иванова [и др.] : монография. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2023. – 271 с.

8. Yang Liu, Karine Dupre, Xin Jin & David Weaver (2019): Dalian's unique planning history and its contested heritage in urban regeneration, *Planning Perspectives*. – DOI: 10.1080/02665433.2019.1634638.

9. Zhang Hongchi, Wang Fenglin, Guo Fei, Cai Jun, Dong Jing. Urban built heritage protection and realistic dilemmas: the development process, protection system, and critical thinking of historic districts in Dalian. *Built Heritage* No 7. – 2023. – pp. 1–20.

10. Dalian Natural Resources Bureau. Dalian City Land and Space Master Plan (2021–2035), 2021.

References

- Bazilevich, M. E., Kradin, N. P., & Ivanova, A. P. (2023). *Architects and engineers of the eastern outskirts of Russia in the second half of the 19th – early 20th century*. Khabarovsk: Pacific National University.
- Dalian Natural Resources Bureau. (2021). *Dalian City Land and Space Master Plan (2021–2035)*.
- Hongchi, Zh., Tang, J., Guo, F., & Lu, X. (2020). The urban design of ventilation paths as a mitigation strategy for heat island of high-density historical blocks. *Architectural Journal*, S1: 17–21.
- Kradin, N. P. (2002). Russian cities in China. *Architecture of Eastern Siberia and the Far East: Issue 1. Russian cities in the Far East: Collection of scientific articles* (N. P. Kradin, Ed.). Khabarovsk: Magellan.
- Levoshko, S. S. (2015). Polish-Russian architect Kazimierz Skolimowski (1862–1923) against the backdrop of the era. In J. Malinowski & I. Gavrash (Eds.), *Polska – Rosja: sztuka i historia* (Vol. III, pp. 358–367). Warsaw: Torun.
- Li, Ch. (Ed.) (2012). *A Study of the History and Culture of Modern Architecture in Major Cities of Northeast China*. Changchun: Changchun Publishing House.
- Liu, Y., Dupre, K., Jin, X., & Weaver, D. (2019). Dalian's unique planning history and its contested heritage in urban regeneration, *Planning Perspectives*, DOI: 10.1080/02665433.2019.1634638.
- Pugacheva, E. A., & Kurbatov, R. K. (2024). The influence of Russian and Japanese architectural schools on the development of the city of Dalian in the late 19th century – the first half of the 20th century. *Urban Studies*, 4, 13–31.
- Smolyaninova, T. A. (2023). Consular Buildings as an Image of Foreign Architecture in the Cities of Northeast China. *Urban Studies*, 2, 97–106.
- 大連人民文化クラブ (中山広場8号/レトロな建物を訪ねて. Retrieved from <https://gipsypapa.exblog.jp/15966898/>

В статьях этого раздела речь идет о та-
ких объектах, которые хранят в себе
память о военных традициях. Исследо-
ватели Дальнего Востока еще раз воз-
вращают нас к теме военных городков
и архитектуре военного ведомства.
А выпускники ИРНТУ присоединя-
ются к движению по защите от сноса
казарм в Иркутске и предлагают свои
варианты современного использо-
вания этого здания. Построенное в на-
чале XX века, оно предназначалось
под кадетское училище, а несколько
лет назад необоснованно было исклю-
чено из ансамбля военного городка.
Между тем постройки военного на-
значения несут в себе память самых
различных эпох. Военные городки
Сибири и Дальнего Востока рассказы-
вают о прошлом столетии, а Смбатовы
крепостные стены в армянском Ани –
о десятом веке н.э. И вековые, и ты-
сячелетние традиции армейской жиз-
ни – в этих постройках.

ЕГ, КЛ

военные городки / military towns

The articles in this section deal
with such objects that preserve
the memory of military tradi-
tions. Researchers of the Far
East once again bring us back to
the topic of military towns and
the architecture of the military
department. And graduates of
INRTU join the movement to
protect barracks in Irkutsk from
demolition and offer their own
options for modern use of this
building. Built in the early twen-
tieth century, it was intended for
a cadet school, and a few years
ago it was unreasonably exclud-
ed from the ensemble of the mil-
itary camp. Meanwhile, military
buildings carry the memory of a
wide variety of eras. The military
towns of Siberia and the Far East
tell us about the last century,
and the Smbatov fortress walls
in Armenian Ani tell us about
the tenth century A.D. Both the
centuries-old and millennial tra-
ditions of army life are in these
buildings.

ЕГ, КЛ

текст

Анастасия Силина

Иркутский национальный
исследовательский
технический университет
Инна Дружинина
Иркутский национальный
исследовательский
технический университет

text

Anastasia Silina

Irkutsk National Research
Technical University
Inna Druzhinina
Irkutsk National Research
Technical University

Общеобразовательная школа в кадетском корпусе в Иркутске / Secondary school in the cadet corps in Irkutsk

Многочисленные дискуссии в медиапространстве, на градостроительных и общественных Советах при мэре города и губернаторе Иркутской области о судьбе здания кадетского корпуса не утихают вот уже несколько лет. Вопрос о сносе уникального объекта истории, культуры и архитектуры встал в связи с исключением здания из государственного реестра объектов культурного наследия. Тем не менее, кадетский корпус является важной составной частью градостроительного ансамбля начала XX века. Внушительные по размерам неоклассические кирпичные здания кадетского корпуса (на схеме ПЗУ справа) и юнкерского (ныне Суворовского) училища в Иркутске связаны с именами двух известных архитекторов – Г. Б. Бархиным и А. П. Артюшковым, что уже само по себе вызывает интерес к объекту. Кадетский корпус строился как главное здание. Впоследствии оно использовалось в качестве казармы военного училища. При утрате этого здания, являющегося значимым элементом всей композиции, неизбежно обезличится и вся остальная часть комплекса. В итоге Иркутск лишится еще одного крупного культурно-исторического градостроительного военного ансамбля, коих в Иркутске почти не осталось.

В то же время территория бывшего ИВВАИУ активно застраивается жилыми массивами, и с целью комплексного развития территории здесь требуется размещение общеобразовательной школы. Предлагаемый проект совмещает две задачи: сохраняет здание как элемент ансамбля и приспособливает кадетский корпус под общеобразовательную школу. В итоге это могло бы решить обе проблемы.

Проект школы максимально сохраняет объемно-планировочную структуру всего комплекса военного городка и фасадные решения по трем сторонам исторического здания. Со стороны главного входа организован двухсветный вестибюль. Предлагается частичное изменение планов существующих корпусов при сохранении несущих конструкций и чередовании мелкоячеистой структуры учебных аудиторий с крупными помещениями актового

Выпускная квалификационная работа архитектора-бакалавра «Реконструкция и приспособление бывшего кадетского корпуса под общеобразовательную школу в Иркутске» выполнялась в 2022 году по поручению Иркутской региональной организации Союза архитекторов России. Главной целью проекта было сохранение кадетского корпуса как объекта культурного наследия регионального значения.

Ключевые слова: кадетский корпус (училище); ИВВАИУ; объект культурного наследия; реконструкция; приспособление. /

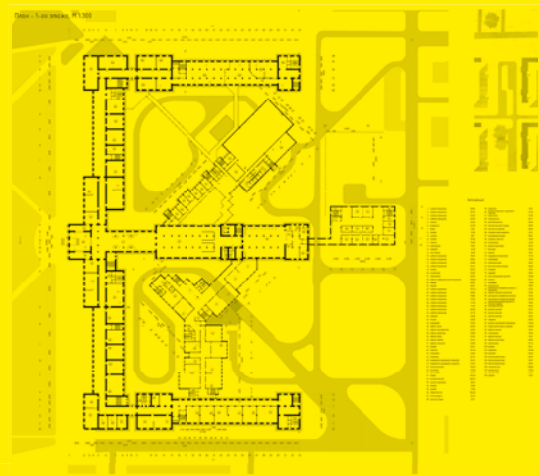
The bachelor's degree thesis "Reconstruction and adaptation of the former cadet corps for a secondary school in Irkutsk" was completed in 2022 on behalf of the Irkutsk regional organization of the Union of Architects of Russia. The main goal of the project was to preserve the cadet corps as an object of cultural heritage of regional importance.

Keywords: cadet corps (college); IVVAIU; cultural heritage site; reconstruction; adaptation.

зала и столовой. В новых блоках предусмотрены спортивный зал и бассейн, помещения для учителей и кружковые, зимний сад и живой уголок. Блоки встраиваются во внутренние дворы между старыми корпусами с поворотом, создавая игру перекрытых многоуровневых пространств необычной формы для творчества, общения и занятий учащихся. В существующем корпусе, выходящем на ул. Советскую, предлагается устройство библиотеки и музея истории военного дела, открытых для доступа горожан.

Предусматривается усиление зеленого ядра с фиксацией существующих аллей и пробивкой новых, благоустройство парковой зоны и устройство дополнительных открытых спортивных площадок со стороны главного входа в корпус. Со стороны внутренних дворов запланированы амфитеатр для проведения мероприятий на открытом воздухе, опытная зона, детские площадки, площадка для изучения ПДД, парковки.

Проект реконструкции поможет городу сохранить историческое здание и градостроительный военный ансамбль в целом как еще одну достопримечательность.

город и парк / a city and a park

проект байкал 3(85) project baikal

Фасад 5 etaz. 6-8

Фасад 1 etaz. 5-35

В июне 2025 года в Институте архитектуры, строительства и дизайна ИРНИТУ защищён на отлично дипломный проект «Сохранение части исторического комплекса построек ИВВАИУ (Иркутский кадетский корпус) с приспособлением под многофункциональный культурно-образовательный центр патриотического воспитания молодежи». Разработчик – дипломник (студент группы РРб-20-1) Софья Микаилова.

Ключевые слова: Центр патриотического воспитания молодежи в Иркутске; предпроектные научные исследования; историко-библиографические исследования; научно-реставрационное обоснование. /

In June 2025, a diploma project entitled "Preservation of part of the historical complex of buildings of the IVVAIU (Irkutsk Cadet Corps) with adaptation for a multifunctional cultural and educational centre for patriotic education of young people" was defended with honours at the INRTU Institute of Architecture, Construction and Design. The project was worked out by graduate student Sofia Mikailova (student of group RRB-20-1).

Keywords: Centre for Patriotic Education of Youth in Irkutsk; pre-project scientific research; historical and bibliographical research; scientific and restoration justification.

Возрождение казарм ИВВАИУ с новой функцией / Revival of the IVVAIU barracks with a new function

текст

Софья Микаилова

Иркутский национальный
исследовательский
технический университет
Алексей Чертилов
Иркутский национальный
исследовательский
технический университет

text

Sofia Mikailova

Irkutsk National Research
Technical University
Alexey Chertilov
Irkutsk National Research
Technical University

Архитектурная концепция сохранения и приспособления исторического комплекса зданий Иркутского кадетского корпуса разработана на основе предпроектных историко-библиографических, комплексных научных исследований и научно-реставрационного обоснования.

Учитывая расположение комплекса зданий кадетского корпуса недалеко от центра города, в парковой зоне, рядом с суворовским училищем, целесообразно приспособить его с окружающей территорией под многофункциональный культурно-образовательный центр патриотического воспитания молодежи (МФЦПВМ).

Проектируемый объект обладает большими ресурсами: историко-мемориальной ценностью и значимостью, достаточной территорией (общая площадь 44665 м²), площадью (общая площадь зданий и сооружений 26839 м²), строительным объемом (81774 м³) и вместимостью (пропускная способность 1000 человек). Это позволит проводить на одной площадке масштабные образовательные, культурные и спортивные мероприятия для детей и молодежи всего города и Иркутской области. Особую роль будет играть военно-образовательная функция, на протяжении всего периода существования военно-технического заведения определявшая характер и предназначение территории.

Задачи проекта реставрации и приспособления:

1) максимальное сохранение объемно-планировочного решения, кирпичных (неоштукатуренных) фасадов, деталей, декоративного оформления, воссоздание утраченных и разрушающихся элементов по прямым аналогам; 2) восстановление, замена конструктивной несущей системы, в первую очередь крыши; 3) модернизация сетей инженерного обеспечения; 4) современное благоустройство территории с сохранением исторического ландшафта.

В одном месте удачно соединены несколько важных сфер деятельности: 1) образовательная – возможности для обучения и развития (проведение лекций, семинаров, конференций); 2) культурная – пространство для творчества и культурно-массовых мероприятий (проведение выставок, концертов, театральных представлений, мастер-классов); 3) спортивная – возможности для физической активности и укреплению здоровья. Соединение этих функций в одном месте создаст уникальную атмосферу, где посетители смогут учиться, развлекаться и заниматься спортом. Это сделает его привлекательным не только для детей и молодежи, но и для взрослых.

Проектируемый комплекс включает два основных здания: 1) реставрируемый главный корпус, 2) новый спортивный корпус с бассейном; пять открытых площадок: строевой плац, универсальную спортивную на месте второго плаца, реконструируемые стадион и хоккейный корт, а также скейт-парк.

Создается новая дорожно-пешеходная сеть. Кроме сохраняемого восточного проезда на территорию (бывший КПП-2), западнее организуется новый, идущий вдоль главного корпуса. Объект обеспечивается пожарными проездами.

Главное здание. Ш-образное, состоит из четырех корпусов: западного основного и трех крыльев. Центральный (главный) вход модернизируется, крыльцо расширяется, обустраивается тамбур, с двух сторон организуются пандусы для маломобильных групп населения. В северной части располагается музейно-галерейное пространство. Южная часть корпуса предназначена для занятий искусством; есть вспомогательные помещения, зоны для отдыха и общения. Отсюда организовано сообщение с северным и южным крыльями.

В северном крыле создаются учебные кабинеты, спортзал и административные помещения, штаб военных

ПЛАН ЭТАЖА НА ОТМЕТКЕ 0.000

игр; в подвальном этаже – тир, доступный для всех желающих. В среднем крыле планируется разместить концертный зал на 400 мест для проведения общегородских и театральных мероприятий (не только молодежных). Предусмотрены буфеты, репетиционные залы, гримерные, декорационные и пр. В восточной пристройке бывших бань для кадет расположены административные помещения. Южное крыло выполняет спортивную функцию с современным универсальным залом, медицинским и массажным кабинетами, тренерскими комнатами, складскими для спортивного инвентаря и оборудования.

Строевые плацы. Южный (между северным и средним крыльями) плац станет новой спортивной зоной для занятий спортом, состязаний (волейбол, баскетбол, теннис, бадминтон) и групповых тренировок (йога, фитнес на открытом воздухе). Северный плац (между средним и южными крыльями) будет использоваться для военно-патриотического воспитания.

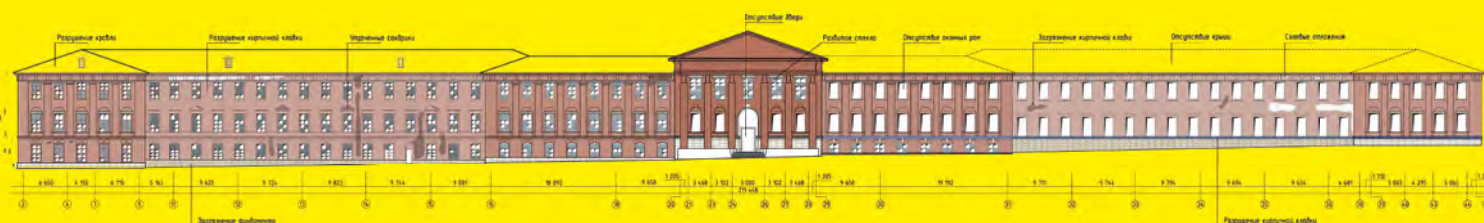
Парковая зона открыта для горожан. Главный элемент – еловая аллея, высаженная курсантами, преподавателями и жителями военного городка вдоль главного корпуса. Сохраняются участки исторического озеленения, дополняющиеся сибирской флорой. По оси главного корпуса в парке предусмотрен новый элемент – фонтан. Устраиваются разветвленные пешеходные дорожки.

Литература

1. Сидоренко, А., Чертилов, А. Кадетское, юнкерское, авиатехническое, суворовское... // Проект Байкал. – 2021. – № 69. – С. 122–133. – DOI : 10.51461/projectbaikal.69.1863.

References

Sidorenko, A., & Chertilov, A. (2021). Cadet, military, aerotechnical, suvorov. *Project Baikal*, 18(69), 122–133. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1863>

В статье, написанной на основе материалов, выявленных в фондах Российской научной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России и Государственного архива Российской Федерации, представлены промежуточные результаты исследования, проводимого в рамках гранта Российского научного фонда «Военная тема в архитектурно-пространственном освоении Дальнего Востока». Приводится обзор источников, раскрывающих различные аспекты гарнизонного и казарменного быта в 1900–1930-е годы. «Красные казармы», являющиеся основным объектом исследования, рассматриваются в двух ракурсах – как база краснокирпичной гарнизонной архитектуры, распространенной на всей территории Российской империи от Петербурга до Владивостока, и как идеологический конструкт первого десятилетия советской власти, противопоставляющийся «царской казарме».

Ключевые слова: Дальний Восток; красные казармы; гарнизонная архитектура; военные городки. /

Written on the basis of materials identified in the collections of the Russian Scientific Library, the State Public Historical Library of Russia and the State Archives of the Russian Federation, the article presents the interim results of a study conducted within the framework of the Russian Science Foundation grant “Military Theme in the Architectural and Spatial Development of the Far East”. The authors provide a review of sources that reveal various aspects of garrison and barracks life in the 1900–1930s. Red Barracks, which are the main object of the study, are considered from two perspectives: as the basis of red-brick garrison architecture widespread throughout the Russian Empire from St. Petersburg to Vladivostok, and as an ideological construct of the first decade of Soviet power, opposed to the Royal Barracks.

Keywords: Far East; Red Barracks; garrison architecture; military camps.

Красные казармы / Red Barracks

текст

Алина Иванова

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)
Михаил Базилевич
Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

text

Alina Ivanova

Pacific National University
(Khabarovsk)
Mikhail Bazilevich
Pacific National University
(Khabarovsk)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20354, <https://rscf.ru/project/24-28-20354/> и Министерства образования и науки Хабаровского края (Соглашение № 119С/2024)
Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-20354, <https://rscf.ru/project/24-28-20354/> and the Ministry of Education and Science of Khabarovsk Krai (Agreement No. 119C/2024)

Введение

Для жителей крупных железнодорожных узлов, расположенных вдоль Транссиба (Омск, Новосибирск, Иркутск, Хабаровск, Владивосток), словосочетание «красные казармы» ассоциируется с военными городками, построенными в начале XX века в связи с переброской войск на восток (рис. 1). Эти краснокирпичные ансамбли время от времени являются объектами научных исследований местных историков.

Иркутские коллеги (Н. Бубис, И. Калинина, Е. Ладейщикова) неоднократно пытались привлечь внимание общественности к бедственному состоянию Красных казарм, возведенных в 1908–1909 годы для размещения 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, принимавшего участие в обороне Порт-Артура. Регулярно спланированный и одновременно выстроенный, «закрытый, автономно действующий военный городок», включал солдатские и офицерские казармы, Николаевскую церковь, жилые дома для семейных офицеров, подсобные и хозяйственные строения, склады и проч.; постройки, объединенные по функциональному значению, «образовывали замкнутые, разделенные проездами и улицами группы» [1]. Авторы указывают, что здания военного городка были построены по проекту иркутского архитектора Ф. Ф. Коштыля, но мы склонны думать, что за основу были взяты типовые чертежи, разработанные инженерным ведомством и рекомендованные всем войсковым соединениям в 1882 году.

В 2019 году в журнале «Проект Байкал» была опубликована хорошо иллюстрированная статья Николая Журина и др. о формировании военно-стратегической функции городов Западной Сибири (Омск и Новониколаевск) в начале XX века. Анализируя объекты, возведенные в Новониколаевске, – военный городок № 17 («огромный комплекс, состоящий из 39 зданий») и военно-остановочный пункт у железнодорожного вокзала, автор выделяет шесть основных функциональных типов сооружений: жилые, культовые, больничные, хозяйственные, общественно-административные и сооружения для питания воинского контингента [2].

Мы также неоднократно обращались к теме гарнизонной архитектуры в цикле статей в журнале «Проект Байкал» в 2021–2024 годах. Однако данная работа явля-

ется «побочным продуктом» нашего основного проекта, посвященного архитектурно-градостроительной деятельности военного ведомства на Дальнем Востоке. В ходе поиска информации по словосочетанию «красные казармы» в электронных базах данных Российской научной библиотеки (РНБ), Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБР) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) мы – неожиданно для себя – обнаружили пласт публикаций первого послереволюционного десятилетия, показавшийся нам достаточно интересным, чтобы расширить хронологические рамки исследования до 1930-х годов.

Феномен красных казарм в зависимости от «настройки оптики» можно рассматривать, во-первых, как единый проект, охвативший всю территорию Российской империи от Царского Села до Приморского края (рис. 1), во-вторых, «красная казарма» – идеологический конструкт, появившийся в первые годы советской власти и широко использовавшийся пропагандой (при этом «царские» краснокирпичные казармы трактовались как место «хуже каторги»).

Объектом исследования являются казармы первой четверти XX века, предметом – реконструкция на основе исторических источников казарменного быта 1900–1930-х годов. Основная цель – выявить инструменты трансформации царской казармы в красную казарму в первом десятилетии советской власти.

Методика работы включает изучение материалов из фондов РНБ, ГПИБР и ГАРФА, а также натурные обследования дальневосточных краснокирпичных казарм, возведенных в начале XX века в Приморье, Хабаровске и Николаевске-на-Амуре. В статье в большом количестве цитируются малоизвестные послереволюционные публикации.

Историки архитектуры обычно имеют дело с архивными чертежами, концентрируясь на объемно-планировочных решениях, композиции фасадов, стилистических маркерах и прочих узкоспециализированных проблемах, редко задаваясь вопросом, а каково было жить в этих постройках? Относительно объективную картину состояния казарм можно получить на основании обзоров санитарно-гигиенического характера, регулярно появлявшихся

в

а

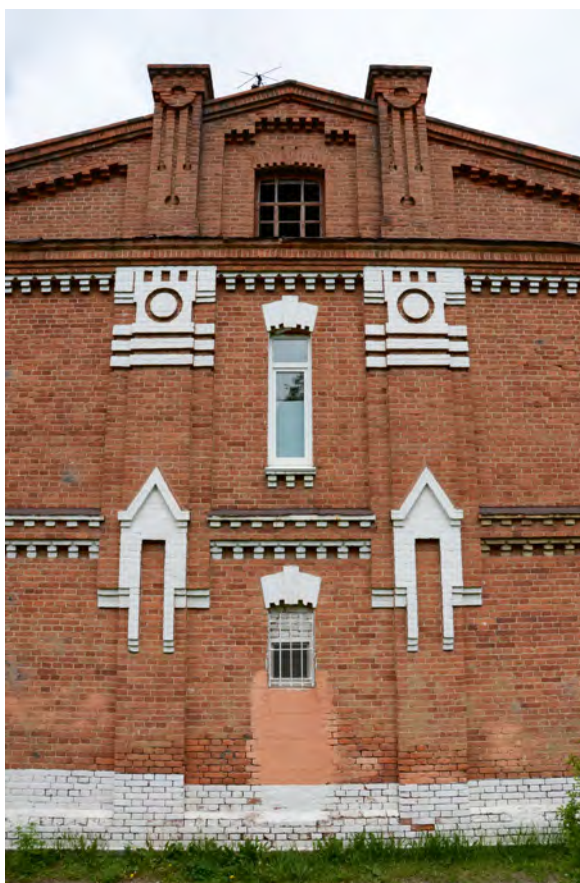
на страницах периодики в конце XIX – начале XX века и выходивших отдельными изданиями.

Основным источником по истории русских казарм является монументальный труд Н. П. Ляпидевского «История казарменного помещения войск в России», публиковавшийся отдельными главами в «Инженерном журнале» в течение пяти лет (1881–1885). «Инженерный журнал» (рис. 2, а) в целом является примером высокого культурного уровня русских военных инженеров, свободно владевших европейскими языками и внимательно следивших за передовыми военными технологиями, внедряемыми западными державами. Совершенно иное впечатление оставляет революционная военная пресса (например, газета под многообещающим названием «Казарма»), наполненная мессианскими ожиданиями победы Интернационала. Какую-либо фактологию, касающуюся темы нашего исследования, почерпнуть из этих источников проблематично, однако в журналах «Красная армия в Сибири» (Новониколаевск, 1921–1922) и «Красная армия на Востоке» (Иркутск, 1921–1922) (рис. 2, б) были разделы, посвященные «красноармейскому быту». На основе этих публикаций можно реконструировать драматичную судьбу краснокирпичных казарм начала XX века, о которых писали наши иркутские и новосибирские коллеги. Мы вернемся к ним чуть позже, чтоб не нарушать хронологическую последовательность изложения.

В РНБ и в фоне редких изданий ГПИБР хранятся ветхие брошюры 1920–1930-х годов (рис. 2, в), напечатанные различными пропагандистскими отделами и предназначенные для чтения вслух красноармейцам. Отметим, что создатели этого «красного дискурса», скрывавшиеся под псевдонимами, плохо владели русским литературным языком (или специально пытались сконструировать речевые практики, понятные малограмотному красноармейцу из крестьян), поэтому читать постреволюционную прессу тяжело и неприятно. Тем не менее изучение этого информационного пласта позволяет выявить технологию трансформации «черной» (царской) казармы в советскую «красную казарму».

На рис. 3 представлены изображения царских казарм из пропагандистских изданий 1920-х годов. Интересно, что изображение классицистской «черной казармы» с дорическим портиком (рис. 3, а) напоминает типич-

б

^ < Рис. 1. Типичные дальневосточные красные казармы начала XX века, село Раздольное:
а – общий вид,
б – торцевой фасад;
в – фрагмент карниза и фронтона.
Фото Е. В. Глатоленковой

ный послевоенный обком/райком (например, бывший Хабаровский райком на ул. Карла Маркса). Да и в целом здание хороших пропорций и благородной, дворцовой архитектуры производит, возможно вопреки замыслу иллюстратора, благоприятное впечатление. Другая иллюстрация (рис. 3, б) более соответствует привычному представлению о казарме как безликом, лишенном каких-либо намеков на архитектуру строения. Насколько

▲ Рис. 2. Источниковая база исследования. Обложки изданий из фондов РНБ и ГПИБР: а – «Инженерный журнал», на виньетке – узнаваемый силуэт моста. Такие мосты были построены в начале XX века русскими инженерами в Хабаровске через р. Амур и в Харбине через р. Сунгари; б – журнал «Красная армия на Востоке» (1923); в – «Жизнь красной казармы и красного лагеря» (1927) [3]; г – сборник воспоминаний «В царской казарме» (1929) [4]

далек этот образ казармы от реальной гарнизонной архитектуры, можно оценить, взглянув на рис. 1.

«Черная казарма». Ненадежные свидетельства

Существуют буквально единицы широко известных источников, вошедших в русский культурный код и описывающих повседневность гарнизонной жизни, что несколько странно, учитывая прекрасное столичное образование, получаемое офицерством, традиционно комплектовавшимся из высшего – аристократического и дворянского – сословия. Каста военных была жестко стратифицирована на «кшатриев» – офицеров, значительную часть которых составляли немцы-лютеране и поляки-католики, и бесправную солдатскую массу, рекрутируемую из инородцев и самого темного славянского крестьянства. Офицеры, входившие по праву рождения в высший слой культурной элиты страны, вероятно, из соображений полковой чести предпочитали не «выносить сор из избы», а нижние чины были тотально малограмотны и неспособны к рефлексии. Из-за скудности источников истории и антропологи, занимающиеся анализом казарменного быта и традиционных бытовых практик, воспроизводящихся в гарнизонах, неизменно обращаются к творчеству А. И. Куприна, получившего образование в московском кадетском корпусе и Александровском военном училище, а после четыре года отслужившего в Подольской губернии. Наиболее часто цитируется повесть «Поединок» (1905), описывающая жизнь пехотного полка, размещенного на постой в глухом местечке на западной окраине Российской империи. «Поединок» вызвал возмущение русского офицерства, широко известен негодующий отзыв военного историка генерала Платона Гейсмана, совершенно справедливо обвинявшего Куприна в подрыве государственных устоев. В повести Куприна упоминается о попытке суицида забитого солдата. О том, что солдатская жизнь была порой невыносимой, косвенно свидетельствуют отчеты штаба Приамурского военного округа, хранящиеся в Государственном архиве Хабаровского края, содержащие ежемесячные сухие сводки о самоубийцах из нижних чинов.

Мы не будем в очередной раз цитировать «Поединок», а обратимся к малоизвестным (судя по отсутствию запросов на выдачу на контрольных листках) источникам описания казарменного быта, оставленным вольноопределяющимися. Вольноопределяющиеся, составлявшие некий промежуточный слой между офицерством и солдатами, часто набирались из образованных евреев, перешедших в христианство, и недоучившихся студентов, но их свидетельства слишком тенденциозны и не вызывают полного доверия. Прочитав десяток совершенно однотипных воспоминаний, написанных словно под копирку и одинаково названных «В царской казарме», мы склоняемся к мысли, что эти тексты были инспирированы военной прозой А. И. Куприна.

Однако среди бесконечных сетований на ужасную антисанитарию, отвратительную еду, грубость ограниченных фельдфебелей и апатичность спивающихся офицеров можно вычленив обрывки информации об устройстве столичных казарм начала XX века. Вот типичные воспоминания некоего Семёна Григорьева, к которому солдаты обращались «господин вольноопределяющийся», изданные Государственным военным издательством в 1925 году: «Большой двор, обнесённый некрашеным деревянным забором, низким и донельзя ветхим. Казарменные постройки ничем не отличались одна от другой: красные железные крыши, беловато-мутные стены, квадратные, в 10 стекол каждое, окна» (рис. 2, б); «Я переступил порог похожего на манеж помещения. Несмотря на большие размеры, на многочисленные, в два ряда, окна, казарма казалась тесной и мрачной» [5, с. 76].

Из описания можно понять, что столичные казармы, в отличие от дальневосточных, оштукатуривались, имели значительные размеры и большую площадь остекле-

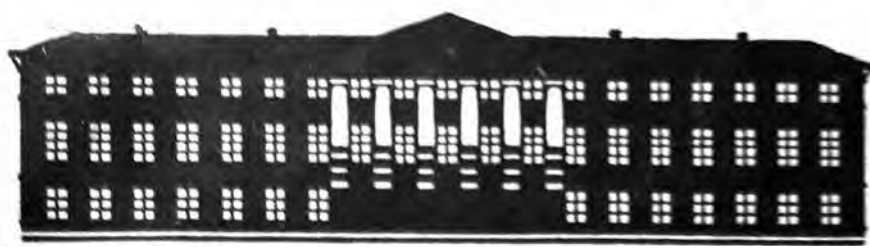
ния. Далее Семён Григорьев описывает планировочное решение и обстановку казармы: «Пирамиды для ружей делили ротное помещение на две почти равные части. В меньшей, между четвертым и пятым окном стоял киот. Несколько поодаль от киота – желтый большой прямоугольный стол. С обеих сторон, во всю длину стола по скамье без спинок. В глубине старенький, весь в трещинах шкаф. Эту часть казармы, как я после узнал, солдаты называли «обжоркой». Часть за пирамидой, занятая нарами, называлась «ночлежкой», один из углов которой, огороженный досчатой перегородкой, занимала канцелярия» [5, с. 77].

Наиболее объективные воспоминания оставил в 1903 году некий «товарищ, прослуживший в казарме весь полагавшийся ему срок службы» («Искра», Женева): «Чтобы занять праздный ум солдат, начальство придумывает для них развлечения: беседы со священником, книги для чтения, даже театр. Раз или два в год разыгрываются драматические сцены, незамысловатые, но доставляющие много искреннего удовольствия и зрителям, и исполнителям» [6].

В отличие от многочисленных авторов сомнительных «воспоминаний», «товарищ» из «Искры», вероятно, действительно служил, поэтому его свидетельства более объективны. В частности, он упоминает книги и театр – это важная деталь, так как красные пропагандисты будут всячески педалировать тему тотального «мрака невежества», царившего в царской казарме. Однако указания на существование библиотек в самых дальних гарнизонах встречаются и в воспоминаниях современников, и в официальных источниках, например во Всеподданнейшем отчете по управлению Восточно-Сибирским военным округом за 1880 год говорится: «Чтобы доставить возможность <...> заниматься чтением, в свободное от служебное от занятий время, в частях военного округа заведены библиотеки, пополняемые ежегодно выходящими в свет сочинениями, по мере средств, отпускаемых для этих целей правительством, и – частью на суммы, получаемые от добровольных взносов офицеров».

Мы могли бы привести массу цитат из военной периодики 1900–1914 годов, свидетельствующей о развитии солдатского культурного досуга, но остановимся на очерке некоего Талыпина «Солдатские развлечения», опубликованном 11 апреля 1906 года в газете «Военная жизнь» (печатавшаяся с разрешения начальника тыла войск Дальнего Востока» в Харбине), где говорилось о популярности солдатских любительских спектаклей: «Во многих войсковых частях находились любители театрального дела. Они спрашивали у начальства разрешение устроить солдатский спектакль, изыскивали денежные средства для постановки, выбирали актеров из наиболее смелых и развитых нижних чинов, распределяли роли, следили за их разучиванием. <...> Задолго до спектакля были заполнены вечерние досуги у солдат и вся казарма с живым интересом следила за подготовкой спектакля, который, обыкновенно, приурочивался к войсковому празднику. <...> Иногда после него в зрительном зале, приспособленном из казармы или столовой, устраивался танцевальный вечер для солдат». Из этого замечания можно вывести заключение о полифункциональности зальных помещений, обычных для дальневосточной гарнизонной архитектуры.

Талыпин уверял, что «между офицерами всегда много театралов и артистов-любителей, так как офицерские любительские спектакли давно сделались обыденным явлением в офицерском быту, особенно при стоянках в захолустных медвежьих углах». Говоря о незначительном бюджете, требуемом для солдатских спектаклей, автор очерка ссылаясь на практики китайских театров (напоминаем, что мы цитируем газету, выходившую в Харбине): «Многое, что является необходимостью в городских благоустроенных театрах, будет ненужной роскошью

б

в казарме. Многое может быть дополнено воображением зрителей. Без занавеса, например, легко обойтись, как показывает китайский театр Тифонтия в Харбине. У китайцев вообще развита условность в театральной игре. <...> Наиболее важна не материальная, а духовная сторона дела». В заключение этот энтузиаст театрального дела резюмировал: «Солдатские любительские спектакли должны страсти с жизнью казармы, как любимое и нормальное праздничное развлечение. А по мере развития и укоренения <...> руководитель-офицер должен по-немногу передавать режиссерство в руки нижних чинов, оставляя себе лишь совет и цензуру». Из этой заметки нетрудно сделать вывод, что на самом дальнем фронтире империи солдатская жизнь была достаточно благополучна, раз хватало ресурса на организацию культурного досуга.

От царской казармы к красной казарме

Однако в советской пропаганде царская казарма неизменно описывалась в самых мрачных, беспросветных тонах. Целенаправленная работа по «черному пиару» царских казарм, вероятно, должна была истребить еще свежую память о вполне достойном уровне комфорта, который они обеспечивали своим постояльцам, так как солдатская жизнь в первые годы революции, по свидетельствам современников, превратилась в кошмар. Очерки, посвященные «красноармейскому быту», публиковавшиеся в ежемесячно выходивших журналах «Военное дело в Сибири» и «Военное дело на Востоке», переполнены однотипными воспоминаниями: «Начало 1921 г. Только что возвратившиеся с фронтов части принимают за свое жилье. Казармы потеряли жилой вид. Побитые стекла, разрушенные печи, щели в стенах. Тяжелая зима. Топливные заготовки превратились в боевой фронт, и красноармейцы отчаянно бьются с холодом»; «Во всех казармах окна побиты, красноармейцы на голых нарах ночью чуть инеем не покрываются»; «Холодная казарма с побитыми окнами. <...> Вонючие коптилки отравляют воздух и почти не освещают внутренности жилища Красного бойца. Двойные нары. Грязь. Обморожения. Заболеваемость. Никто не забыл прошлой зимы 1921 года. Казарма могла называться только «черной», как бывают в деревнях бани по-черному. И вот из этой холодной и грязной казармы надо было сделать Красную казарму».

Товарищ Яков Берман в статье «Улучшения быта красноармейцев» сокрушался: «Нам нечего скрывать ни от других, ни от себя, что условия жизни нашего красноармейца заставляет желать много лучшего. Нашим красноармейцам приходится жить в совсем необорудованных казармах, с неисправным отоплением, испорченной канализацией, с разбитыми стеклами, спать на грязных, необчищенных нарах, порой без всякой подстилки, сидеть по вечерам без света в недостаточно отопленных помещениях, ничем не украшенных, иногда имеющих очень тусклый, неприглядный вид». Так как журнал выходил в Иркутске, в штабе 5-й армии, Я. Берман описывает руинизацию тех самых «красных казарм», построенных в 1907–1908 годах, о которых упоминалось во введении. От построек, некогда полностью соответствовавших перedовым санитарно-гигиеническим требованиям, после Гражданской войны остались одни остоны. Далее Яков Берман

а

призывает украсить казарменный быт «всеми видами просветительской работы, клубом, школой, читальней, библиотекой, уголками отдыха, портретами, плакатами, украшениями и проч.».

Эти цитаты дают представление о том, во что превратились новониколаевские и иркутские краснокирпичные казармы на четвертый год революции. В качестве основных причин столь бедственного состояния некогда вполне цивилизованных гарнизонных построек автор статьи «Ремонт казарм в 1922 г.» прежде всего называет «отсутствие хозяина» из-за «беспрерывной переброски вследствие военных действий частей войск». Кроме того, «большую роль в разрушении казарм сыграл топливный голод». Если и отпускались дрова, то свежерубленные, поддерживать тепло было невозможно, температура в казармах была около 0 градусов. Чтобы согреться, красноармейцы жгли всю сухую «столярку», двери, рамы, заборы, топчаны, табуреты и даже стропила, что влекло разрушение крыш. Спасаясь от холода, солдаты забивали выбитые окна щитами и досками, поэтому в казармах было темно круглые сутки.

Катастрофичность ситуации требовала волевого решения – и Реввоенсовет Иркутска объявил «разверстку». К лету 1921 года была собрана «колоссальная сумма – в переводе на рыночные деньги 1921 года – более триллиона рублей. И эта помощь даром не прошла – четыре месяца лихорадочной работы, и военное строительство Сибири с честью справилось со своей работой. Казарма преобразилась: окна, забитые досками, были остеклены полностью, полуразрушенные печи прочищены и восстановлены, дополнены недостающими приборами, сожженные двери изготовлены вновь и навешены, кухни снова отремонтированы, вся пыль и грязь с потолков и стен снята, и последние сверкают своей новой побелкой. Двухъярусные нары убраны и заменены топчанами. Забылось тяжелое время прошлых лет, когда в холодных и грязных комнатах, закутавшись в шинели у вонючей коптилки, сидела группа красноармейцев, – теперь яркий свет электрических лампочек освещает чистые комнаты и кровати, установленные правильными рядами». К 1922 году добились выполнения нормы воздуха на каждого красноармейца – 1,5 куб. сажени воздуха. Войска, расквартированные по бытовым домам, снова вернулись в «красные казармы» [7].

^ Рис. 3. Изображения царских казарм в раннесоветской пропаганде: а – рисунок с обложки книги «В царской казарме» [4]; б – иллюстрация к тексту С. Григорьева [5]

Наименование	Оборудование, %		Наименование	Оборудование, %	
	1921	1922		1921	1923
Топчаны	15	85	Отпуск дров в казарму	25	100
Одноярусные нары	40	12	Остекление	5	100
Двухъярусные нары	45	3	Освещение «коптилками»	60	20
Кипятильники	30	80	Электрическое освещение	0	50

Чрезвычайные меры дали быстрый эффект. В журнале «Красная армия Сибири» в статье «Ремонт казарм в 1922 г.», подписанной инициалами С. К., говорилось: «Казарма стала общежитием, где не ощущается недостатка в самых первоначальных потребностях. Каждый красноармеец имеет свою койку. Казарма тепла и светла. Но каждый красноармеец не имеет еще уютного уголка, где бы он имел возможность в светлом, теплом и уютном месте почитать, написать письмо или поговорить с товарищем. Необходимо, чтобы в каждой роте был устроен

б

> Рис. 4. Иллюстрации из книги «Жизнь красной казармы и красного лагеря» [4]:

а – урок политпросвещения;

б – утро красноармейцев

«Красный уголок» – уютный, украшенный, теплый, со всеми принадлежностями, необходимыми для чтения, письма и отдыха. <...> Перед нами стоит задача построить действительно Красную казарму.

В рубрике «Быт красноармейца» регулярно печатались статьи под инициалами В. К. В последнем, декабрьском номере за 1922 год этот поборник нового красноармейского быта писал: «Идеалом красной казармы мы считаем во всех отношениях хорошо оборудованное, теплое и светлое общежитие красноармейца, культурно выросшего и занимающегося серьезной учебой. Как близко мы подошли к этому идеалу?» [7].

От военной казармы к «культурному общежитию»

В качестве характерного образца раннесоветского дискурса приведем фрагменты из инсценировки для гарнизонных «театральных» «Черная и красная казармы» (издана Политическо-просветительским управлением Петроградского военного округа в 1921 году), два действия которой, по уверению безымянного автора, должны были характеризовать «вчера и сегодня». Этот поразительный документ эпохи хотелось бы процитировать целиком, но ограничимся кратким пересказом. Первая сцена – «Черная казарма» – показывает урок словесности в царской казарме, которая описывается так: «Душно. Полутемно. На нарах сидят с тупым отчаянием солдаты. Жутко». Полной противоположностью выглядит «Красная казарма» во второй сцене: «Светлая комната. Плакаты. Портреты. Красноармейцы сидят, читают, кое-кто рисует».

Заметим, что для размещения красноармейцев использовались все те же царские казармы. То, что из душной темной комнаты «учебка» превратилась в светлое помещение, объясняется, вероятно, тем, что открыли или помыли большие окна, которые были обязательным элементом казарменных построек.

Так как здания казарм оставались прежними, царскими, для создания новой, красной казармы требовалось кардинально изменить ее функционал и режим использования. Продолжим цитировать инсценировку 1921 года: «Спереди возле одного из красноармейцев – жена и маленький брат». Это указание, сигнализирующее о том, что казарма из «царской тюрьмы» со злобным фельдфебелем-антисемитом превратилась в уютный родной дом (точнее бы сказать – проходной двор, куда спокойно могут зайти посторонние).

«Вбегает толпа красноармейцев.

Красноармеец: Товарищи, получите билеты в театр.

Голоса: Мне. Мне. Очередь.

Красноармеец: На лекцию! На лекцию! Кто из сельскохозяйственного кружка! Лектор пришёл».

Жена: И сутоловка же у вас.

Красноармеец: Товарищи из хорового кружка! Сейчас будут занятия.

а

Начинаются занятия хорового кружка. Поют песни. Входит группа коллектива.

Коллектив: Товарищи! Придется прервать занятия. Наступают наши революционные праздники. Необходимо подготовиться. Обсудим на общем собрании.

Голоса: Товарищи! На общее собрание!

Председатель: Прежде всего, украсим наш клуб, сделаем праздничное жилье для наших праздничных дней.

Голоса: Правильно! Правильно!»

Даже по этому небольшому фрагменту можно сделать вывод о значительном изменении функционала казармы, да и самой концепции призывной армии. Основной идеей традиционной, царской казармы было изолирование солдата от привычного окружения, полный разрыв всех прежних связей и создание максимально обезличенного пространства. Сторонником этого подхода (если верить Н. П. Ляпидевскому) были и Петр I, и Александр I, и Николай I. Между тем в России до 1882 года сохранялась традиционная практика постоя. Привыкших к «вольному житью» в частных домах солдат пугал и отвращал жесткий распорядок коллективной казарменной жизни. Задачей раннесоветской пропаганды являлось «перекодирование» казармы из казенной «тюрьмы» в «уютный дом». В «Тезисах для политруков и агитаторов» выдвигалось революционное предложение: «Перестраивание армии состоит в переходе к милиции трудящихся. Вместо казармы-тюрьмы должно быть введено краткосрочное военное обучение на месте, не отрывающее от мирного труда граждан Советской России». Однако до завершения этого перехода «временно часть трудящихся остается под ружьем. Но Красная казарма – жилище часового Советской России – иная, чем царская казарма». В качестве основного отличия декларировалось стремление Красной казармы «прежде всего уничтожить разъединение солдата с его родной деревней и заводом». Предполагалось, что казарма станет «широко раскрытыми воротами в жизнь, а не в тюрьму, как в царское время» и возьмет на себя функции школы, клуба, библиотеки и дополнительного образования (кружков политических, технических, научных и художественных) [3].

Клубы стали главным символом новой Красной казармы. На 1.04.1926 в Красной армии и флоте работало 757 клубов, 1690 библиотек (где было записано почти полмиллиона читателей), 6122 школы, 5438 ленинских уголков и 8 тыс. кружков. Интересно, что больше всего – 21,5% – было художественных кружков, а кружков военных знаний 15,7% [3]. Этот явный крен в художественную самостоятельность отвечал некой, отчасти макабрической, театральности эпохи. В журнале «Красная армия на Востоке» (1922) была опубликована статья товарища Гедды «Театр в армии» [8], во многом переключенная с цитировавшейся выше статьи Талыпина «Солдатские развлечения» из газеты «Военная жизнь» (Харбин, 1906).

Гедда, ссылаясь на Рихарда Вагнера («искусство грядущего должно нести на себе печать коллективного гения человечества, освободившегося от всяких национальных границ»), считал необходимым «втянуть в театр не единицы кружков и студий, а массы армии», так как «участие красноармейцев в массовых представлениях принесет много пользы со стороны общей эстетики и расширит понимание эпохи, проснется надежда героических подвигов». По мнению Гедды, «лагерная обстановка может способствовать практическому осуществлению массовых постановок», а «наиболее благоприятным местом для устройства зрелищ может служить поляна или площадь, непременно с холмом – но самое удобное – котловина, на одной стороне которой будет развиваться действие, а на скате другой – расположатся зрители, которые на первых опытах, может быть, будут и пассивны к происходящему и не воьются в гущу действия – этим смущаться не следует». В этом описании красноармейского театра угадывается античный образец. Отчасти наивные, но исполненные романтического энтузиазма мечты о народно-красноармейском театре, опубликованные в официальном органе 5-й армии Восточно-Сибирского округа, характеризуют далеко зашедший процесс трансформации военной казармы в «культурное общежитие».

Важнейшим, сакральным пространством казармы после смерти вождя мирового пролетариата стали ленинские уголки (бывшие «красные уголки»). Летом в лагерях организовывались ленинские полянки и палатки. На полянках устраивались «приспособления для спортивных занятий: стойки для прыжков в высоту, деревянные гранаты и копья, мячи для игр и проч., а в палатках – передвижные библиотеки. «Ленинская палатка, – уверяет автор брошюры, которую мы продолжаем цитировать, – гордость каждого красноармейца. Воинские части соперничают друг с другом в умении получше и покрасивее убрать палатку внутри и снаружи. Из дерна, камней, стекол и щебня красноармейцы искусно выкладывают картины, портреты вождей революции. Эти украшения вместе с засаженными цветами клумбами украшают каждую ленинскую палатку» [3]. Щемяще-трогательная подробность о «картинах» и «портретах» из щебня и битого стекла указывает, с одной стороны, на отчаянную нищету эпохи, а с другой – на подъем вернакулярного дизайна, не представимого в царских казармах. Внутри стены ленинских уголков и палаток украшались плакатами, стенгазетами, географическими картами и вырезками из газет. В каждой ленинской палатке устраивались «доски текущих событий, на которые ежедневно заносились важнейшие сообщения из газет». Кроме того, имелись «разнообразные игры, шахматы, шашки», а также столы получения и отправки красноармейских писем (рис. 2, г).

Помимо перечисленных выше новых общественных пространств, появившихся в красных казармах и, по-видимому, стандартных для всех войсковых частей, встречались оригинальные решения. В очерке «Тихоокеанцы» [3, с. 35], посвященном 1-й Тихоокеанской дивизии, описаны стрелковые кабинеты: «...некоторые из них оборудованы отлично. Вот в ящике под стеклом разрезаны все пули, которыми пользуются армии других стран и наша Красная армия. Далее громадный ящик с песком, где красноармейцы искусно делают холмики, мосты, реки, железные дороги и даже села с деревьями, учась, как надо применяться к местности». «Трое копошатся около панорамы, которую один из стрелков приводит в действие. В панораме, изображающей холмистую и лесистую местность, то вдаль, то вблизи появляются чуть заметные стрелки. <...> Тут прицельные станки, пулеметы в разрезе, образцы газовых масок и т. д.».

Автор неоднократно цитируемой нами «книги для чтения» (рис. 2, в) констатирует: «Незаметно про-

ходит рабочий день красноармейца. Работа чередуется с интересными и полезными развлечениями. В казарме красноармеец, наряду с военной учебой, привыкает к разумной общественной работе, развивается политически, пополняет свои знания, укрепляет спортом здоровье» [3, с. 23–24].

Заключение

Начало 1920-х годов – поразительное время. Новое государство поднималось из руин Гражданской войны под лозунгом: «Союз серпа, молота и красной винтовки непобедим!» Утопический проект замены регулярной армии народной милицией предполагал полную трансформацию казармы из закрытого, милитаризованного локуса в общественно-культурное пространство открытого типа. Однако зачастую приметы нового красноармейского быта были воспроизводством повседневных практик, широко распространенных в царских казармах. В Красную армию вернулись не только чины и погоны, но и клубы, выросшие из офицерских собраний, любительские театры и библиотеки, «уроки словесности» и летние лагеря. Красные казармы, построенные в самом начале прошлого века, пережив революционные катоклизмы, восстали из пепла и тлена Гражданской войны как символ связи эпох. Некоторые из них до сегодняшнего дня используются по прямому назначению.

Литература

1. Бубис, Н., Калинина, И., Ладейщикова, Е. Красные казармы – памятник российской военной истории // Земля Иркутская. – 2001. – № 17. – С. 23–27.
2. Журин, Н., Вольская, Л., Хиценко, Е., Чугунов, Е. Военные городки: формирование военно-стратегической функции городов Западной Сибири (Омска и Ново-Николаевска) в начале XX века // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 166–169. – DOI : 10.7480/projectbaikal.62.1566.
3. Сычев, П. А. Жизнь красной казармы и красного лагеря : [книга для чтения]. – Москва : Главполитпросвет, 1927. – 72 с.
4. В царской казарме. – Москва : Издательство политкаторжан, 1929. – С. 141–202.
5. В царской казарме. – Москва : Гос. военное издательство, 1925. – 76 с.
6. В казарме. Из наблюдения социал-демократа. – Женева : Издательство «Искра», 1903. – 15 с.
7. В. К. Год строительства Красной казармы // Красная армия на Востоке : ежемесячный военно-полит. журнал 5-й армии и Востсибвоенноокруга. – № 5–6. – С. 54–61.
8. Гедда. Театр в армии // Красная армия на Востоке : ежемесячный военно-полит. журнал 5-й армии и Востсибвоенноокруга. – Иркутск, 1922. – С. 21–25.

References

- Bubis, N. G. (2001). Krasnye kazarmy – pamyatnik rossiiskoi voennoi istorii [The Red Barracks – a Monument of Russian Military History]. *Irkutsk Land*, 17, 23–27.
- Gedda. (1922). Teatr v armii [Theater in the Army]. *The Red Army in the East: Monthly military-political journal of the 5th Army and the East Siberian Military District*, 21–25.
- In the Barracks. From the Observations of a Social Democrat.* (1903). Geneva: Iskra Publishing House.
- In the Tsar's Barracks.* (1925). Moscow: State Military Publishing House.
- In the Tsar's Barracks.* (1929). Moscow: Political Prisoners' Publishing House.
- Sychev, P. A. (1927). *Zhizn krasnoi kazarmy i krasnogo lagerya: [kniga dlya chteniya]* [Life of the Red Barracks and the Red Camp: [a book for reading]]. Moscow, Leningrad: Glavpolitprosvet.
- V. K. (n.d.). God stroitelstva Krasnoi kazarmy [The Year of Construction of the Red Barracks]. *The Red Army in the East: Monthly military-political journal of the 5th Army and the East Siberian Military District*, 5–6, 54–61.
- Zhurin, N., Volskaya, L., Khitsenko, E. & Chugunov, E. (2019). "Military Towns" as the basis for the formation of the military-strategic function of the cities of Western Siberia (Omsk and Novo-Nikolaevsk) at the beginning of the twentieth century. *Project Baikal*, 16(62), 166–169. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1566>

Статья посвящена истории создания оборонительной линейной структуры Амурского бассейна (1906–1914) и основана на новых материалах, выявленных в фондах Российского государственного архива Военно-морского флота, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках исследования «Военная тема в архитектурно-пространственном освоении Дальнего Востока». Рассматриваются предпосылки создания Амурской речной флотилии, руководящая роль Комитета по организации береговой обороны (Санкт-Петербург), выбор места для базы флотилии под Хабаровском и проблемы с землеотводом, а также строительство временных баз под Сретенском и Благовещенском.

Ключевые слова: Амурская речная флотилия; Де-Ливрон; Гаусман; Казарменная комиссия. /

The article is devoted to the history of the creation of the defensive linear structure of the Amur basin (1906–1914). It was written on the basis of new materials discovered in the archives of the Russian State Archives of the Navy, the Russian State Archives of the Far East and the Russian State Military Historical Archive with the support of the grant of the Russian Science Foundation “Military Theme in the Architectural and Spatial Development of the Far East”. The article examines the prerequisites for the creation of the Amur River Flotilla (ARF), the leadership role of the Committee for the Organization of Coastal Defense (Saint Petersburg), the choice of the location for the ARF base near Khabarovsk and problems with land allocation, as well as the construction of temporary ARF bases near Sretensk and Blagoveshchensk.

Keywords: Amur River Flotilla; De-Livron; Gausman; Barracks Commission.

Организация военного строительства на среднем Амуре в начале XX века / Organization of military construction on the Middle Amur at the beginning of the 20th century

текст

Алина Иванова

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)
text

Alina Ivanova

Pacific National University
(Khabarovsk)

Введение

Возведение укрепрайона на берегу Амурского лимана и организацию баз Амурской речной флотилии (АРФ) на среднем Амуре можно рассматривать как убедительный пример военного урбанизма, обеспечивающего заселение, индустриальное и культурное развитие восточных территорий Российской империи накануне Первой мировой войны и социальных катаклизмов 1917–1922 годов.

Зимовки и базы АРФ, основанные в Сретенске, Благовещенске и Хабаровске, помимо выполнения основной функции – защиты территориальной целостности Российского государства, являлись «точками роста», так как к их созданию, кроме членов Адмиралтейского совета, опытных морских офицеров и военных инженеров, были привлечены профессиональные кадры петербургских оборонных заводов.

Особенно интересен опыт обустройства базы АРФ под Хабаровском. На пике расцвета (1915) база представляла собой двухуровневую структуру: внизу, по берегам Осиповского залива (рис. 1, а, б), размещались бараки и мастерские Балтийского завода, сам экипажный городок, состоявший из 3–4 десятков кирпичных и деревянных построек, был разбит на верхнем плато (рис. 1, в, г). На крутом спуске к Амуре было возведено еще около 10 кирпичных казарм и складов (рис. 1, д, е). Удивительно, что организация такого скромного, даже по хабаровским меркам (не говоря о масштабах гигантской империи), поселка, потребовала столько усилий высокопоставленных особ и запустила такие сложные бюрократические процессы согласований между Петербургом и Хабаровском.

На этом локальном примере можно понять механизмы выстраивания баланса между множеством различных инстанций (морским ведомством, Канцелярией генерал-губернатора Приамурского края, командованием Приамурского военного округа, Окружным инженерным управлением, казарменными войсковыми комиссиями и проч.), между военно-стратегическими государственными интересами и сложившимся образом жизни местного гражданского населения, между планами петербургских военных чиновников и жесткими дальневосточными реалиями. Столкнувшись с экстремальными

природно-климатическими условиями (сокрушительные ледоходы, паводки, наводнения, тайфуны, сильные морозы со штормовыми ветрами), с тотальным дефицитом всего самого необходимого и острой нехваткой рабочих рук, обостренной разворачивающимся в Приамурском крае масштабным железнодорожным строительством, морские офицеры и военные инженеры смогли в сжатые сроки реализовать план обороны Амура и построить образцовый экипажный городок, до сегодняшнего дня остающийся самым романтичным районом Хабаровска.

Русские морские офицеры делили Амур на три части в зависимости от возможности прохождения судов с разной осадкой: нижний Амур с лиманом – от Николаевска до Хабаровска (осадка до 10 футов); средний – от Хабаровска до Благовещенска (осадка не должна превышать 4,5 фута); верхний – от Благовещенска до станции Покровская (осадка 3 фута). Длина Амура от Николаевска до Благовещенска составляла 1807 верст, а от Благовещенска до Покровской – 838, «выше Аргунь играет значение пограничной реки, а Шилка лишь как подъездной путь» [1, с. 5].

Географические рамки статьи ограничены средним Амуром, хронологические – заданы датой утверждения Николаем Вторым решения об организации флотилии (21.07.1906) и первой зимовкой сформированной речной флотилии в Сретенске (1909).

Основная цель статьи – выявить предпосылки создания и инструменты организации баз АРФ на среднем Амуре в 1906–1909 годах. Методика работы включает изучение материалов из архивных фондов, а также натурные обследования гарнизонных построек начала XX века в Хабаровске и Николаевске-на-Амуре. Источниковой базой этой статьи послужили фонды 422 (Особый комитет по организации прибрежной обороны), 1237 (Штаб Амурской речной флотилии) Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ) и 702 (Канцелярия генерал-губернатора Приамурского края, 1861–1920).

Большинство дел, включая проекты казарм для хабаровской базы речной флотилии, выявлены впервые. Огромное количество документов, собранных в фонд 422 РГАВМФ, доступны исследователям в виде микрофильмов,

Исследование
выполнено за счет гранта
Российского научного
фонда № 24-28-20354,
[https://rscf.ru/
project/24-28-20354/](https://rscf.ru/project/24-28-20354/) и
Министерства образования
и науки Хабаровского
края (Соглашение
№ 119С/2024)/

Acknowledgements: The
study was supported by
a grant from the Russian
Science Foundation
No. 24-28-20354,
[https://rscf.ru/
project/24-28-20354/](https://rscf.ru/project/24-28-20354/)
and the Ministry of
Education and Science of
Khabarovsk Krai (Agreement
No. 119C/2024)

^ < Рис. 1. Фотофиксация
Осиповского затона.
Хабаровск, 05.07.2025:
а – общий вид затона;
б – склон сопки и берего-
вая линия;
б – одноэтажная казарма,
ул. Руднева;
г – двух- и трехэтажные
казармы, ул. Краснофлот-
ская;
д – руинированная казар-
ма на подъеме от затона
к базе;
е – руины казармы на
склоне сопки. Фото автора

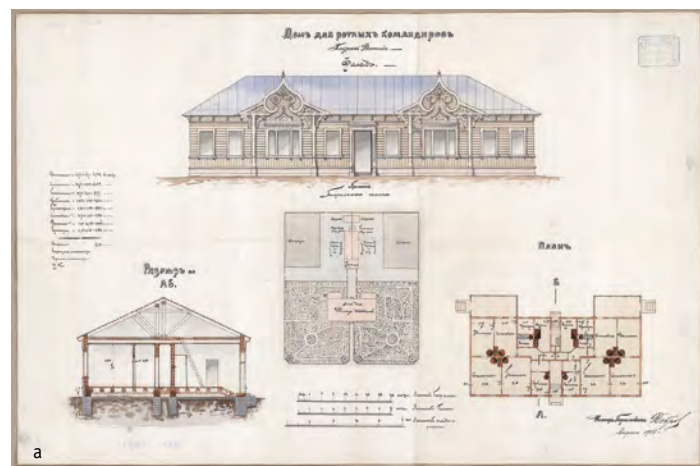
что значительно облегчает работу, но делает невозможным указание страниц в ссылках. Статья написана на основе протоколов заседаний Комитета по организации береговой обороны (Санкт-Петербург) и еженедельных рапортов начальников флотилии с амурских берегов в Адмиралтейство. Объединение этих, параллельно развивающихся нарративов, позволяет включить локальный дальневосточный кейс в судьбу империи.

Амурская речная флотилия неоднократно привлекала внимание профессиональных историков и краеведов-любителей: еще в 1976 году в журнале «Россия и АТР» была опубликована статья И. С. Рудакова под лаконичным названием «Амурская речная флотилия». Исследователи в основном рассматривают флотилию в прямом смысле, как совокупность вооруженных кораблей, пароходов, буксиров и барж. Архитектурно-пространственное оформление вопроса изучено фрагментарно: четыре краснокирпичные постройки хабаровской базы АРФ, расположенные на ул. Руднева (здание службы связи,

две казармы и офицерский флигель), внесены в свод памятников Хабаровского края. Однако описание отдельных объектов не дает целостной картины организации и строительства самостоятельной градостроительной единицы, которой являлась база АРФ.

^ Рис. 2. Схема Амурского бассейна. Чертила Елизавета Самсонова

Мы по возможности стараемся избегать формата «пересказ Википедии», поэтому во введении ограничимся кратким упоминанием основных персонажей, стоявших у истоков «амурского проекта». Прежде всего вспомним капитана 2-го ранга Михаила Коронатовича Бахирева, назначенного в 1906 году начальником флотилии рек Амурского бассейна. Первым командующим Амурской речной флотилией с ноября 1908 по август 1910 года был капитан 1-го ранга Анатолий Алексеевич Кононов. Важной фигурой в нашем сюжете является член Адмиралтейского совета адмирал Карл Карлович Де-Ливрон (есть различные версии написания его фамилии, мы придерживаемся варианта, использовавшегося в официальной переписке). Де-Ливрон с 15 января 1906 года занимал должность председателя Особого комитета по организации Амурской флотилии (Санкт-Петербург) и с 23 мая 1908 года возглавлял Особую комиссию по выбору места АРФ (Хабаровск). Именно он принимал основные решения по организации баз флотилии и контролировал ход работ. Кроме военных моряков, хотелось бы упомянуть генерал-лейтенанта от артиллерии Иосифа Карловича Гаусмана, с 1882 по 1912 год отвечавшего за работу Комиссии по устройству казарм при Военном совете Российской империи, а с 1912 по 1917-й возглавлявшего Главное управление по квартирному довольствию войск. Бахирев работал на Амуре, Гаусман – в Петербурге, а Де-Ливрон был медиатором между этими локациями, максимально удаленными друг от друга по разным краям империи.

Si vis pacem, para bellum. Обоснование проекта Амурской обороны

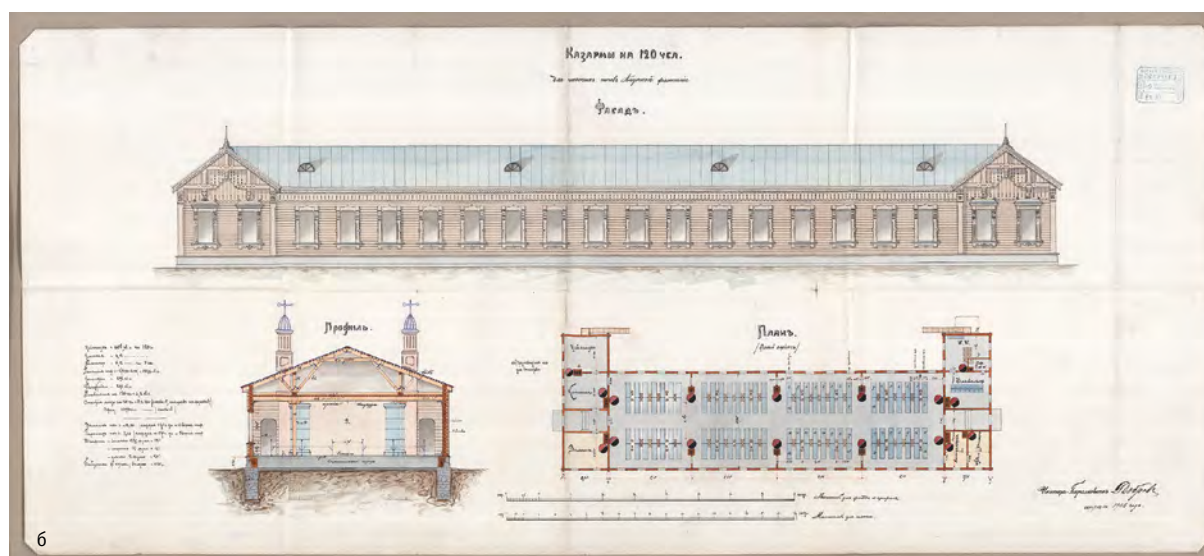
В докладе о «нуждах Амурской флотилии» Де-Ливрон упоминал, что «вопрос об организации охраны пограничной реки Амур имеет свою 50-летнюю историю. Дело все откладывалось, пока бомбардировка Благовещенска в 1900 году китайцами не заставила начать безотлагательное созидание военно-морской силы в виде речной флотилии» [2]. Замысел обороны Амурского бассейна, возникший еще в конце XIX века, разрабатывался межведомственной комиссией под руководством генерал-лейтенанта Н. Е. Нидермиллера

в 1902–1903 годах, но основной интерес правительства до 1905 года был направлен на обустройство незамерзающих портов на Желтом море. Потеря Тихоокеанской эскадры и Порт-Артура заставила Петербург осознать серьезность проблемы безопасности восточных рубежей империи. Де-Ливрон в 1909 году докладывал, что «целая серия мелких и крупных показателей с Дальнего Востока заставляют думать о неизбежности войны с японцами и китайцами. Мы, Россия, не имеем ни малейшего права доверяться дружелюбно-коварным уверениям наших соседей. Наше дело во всеоружии готовиться встретить всякие, могущие быть, случайности и твердо усвоить себе истину, что чем скорее мы будем готовы, тем дальше отодвинем надвигающийся взрыв» [2].

М. К. Бахирев, вероятно, лучше всех в Адмиралтействе представлявший реальную обстановку в Приамурском военном округе (ПВО), призывал Петербург принять неотложные меры по укреплению Амурского бассейна и созданию боеспособной флотилии, «чтобы при возможной близкой войне мы оказались более подготовленными, более опытными и лучше знающими реку, чем наш будущий противник» [1, с. 8]. Указывая на полнейшее бездорожье (Амурская железная дорога будет достроена только в 1914-м), в докладных записках 1907 года он подчеркивал роль пограничного с Китаем Амура как единственной транспортной артерии, связывающей дальневосточные войска с Россией.

Амурский бассейн, помимо великой реки, ведущей от Тихоокеанского побережья вглубь континента, включает важные притоки: р. Уссури, по которой через озеро Ханка и р. Раздольную можно добраться до Амурского залива и зайти в тыл Владивостока; р. Сунгари, соединявшую Приамурский военный округ с Маньчжурией (рис. 2).

Участок среднего Амура казался наиболее опасным, так как Уссури и Сунгари служили «естественными путями для передвижения неприятеля» [1, с. 5]. По Сунгари противник мог быстро добраться до Харбина, что ставило под удар весь проект КВЖД. Бахирев предупреждал Адмиралтейство: «...возможная вещь, что китайцы и японцы теперь строят и собирают на верхнем Сунгари речные канонерки, которые, при несчастливом для нас начале

< Рис. 3. Проекты инженера-полковника П. И. Доброва для базы Амурской речной флотилии в Хабаровске, апрель 1908 года: а – фасад, разрез, планы дома для ротных командиров [4]; б – фасад, планы казармы на 120 матросов [5].

войны, легко могут появиться на Амуре и препятствовать не только подвозке припасов для армии, но и передвижению самих войск по реке» [1, с. 2].

Де-Ливрон, в свою очередь, опасался, что «натиск на Приморский край и ея ключ – Хабаровск» готовится из Цицикара через р. Айгунь на Благовещенск и с одновременной блокадой Владивостока и диверсиями через лиман на Николаевск это «может привести к отделению всей области, если не приготовиться дать отпор» [2].

Базы флотилии решено было разместить на среднем Амуре (предполагалось одновременное укрепление Николаевска с целью защиты Амурского лимана). Характер реки не внушал оптимизма. Бахирев сообщал об извилистых фарватерах при большом течении: «...скорость течения Амура такова, что якоря в 12 и 8 пудов, прибывшие с Сормовского завода, оказались легкими и потребовали замены на 18–19 пудов» [1, с. 13].

Хроника подготовительного периода (1906–1907)

В июне 1906 года в рамках Совета государственной обороны было организовано Особое совещание для окончательной программы создания АРФ. 21 июля 1906 года император Николай Второй утвердил решение Особого совещания об организации флотилии, которую на первых порах из соображений конспирации именовали Сибирской, о чем следует помнить, изучая архивные каталоги в поисках информации. В декабре 1906 года был образован Особый комитет для постройки флотилии под руководством адмирала К. Де-Ливрона. Пока комитет заседал в Петербурге, М. К. Бахирев занимался рекогносцировкой местности. Судя по подробным докладным запискам 1907 года, он досконально изучил всю гигантскую реку с целью найти оптимальные места для организации баз АРФ.

Бахирев четко обозначил первостепенный критерий для выбора места: «...базы должны быть вне досягаемости выстрелов орудий с китайского берега» [1, с. 5]. Исходя из главного условия, сразу отвергался исключительно удачный во всех иных отношениях Астраханский затон под Благовещенском («рекомендованный капитаном 2-го ранга Родионовым» [1, с. 5]), расположенный всего в 50 кабельтовых от правого китайского берега Амура. К тому же к этому берегу из глубины Китая подходила

Большая Мандаринская дорога, по которой неприятель мог быстро перебросить войска прямо под Благовещенск. Удобный Биршертковский затон на р. Зее не удовлетворял второму по значимости критерию – возможности сообщения с крупным центром.

Осиповский затон под Хабаровском: плюсы и минусы

Осмотрев весь средний Амур, Бахирев рекомендовал для организации затона Воронежскую протоку к северу от Хабаровска («по реке 15 верст, по берегу – 12, по прямой воздушной линии – 10 верст от Хабаровска» [3, с. 25]). Сам город и сегодня, как на ладони, просматривается с китайского берега, но дальние предместья его Северного округа и Воронежский хребт с россыпью поселков из-за поворота Амура на северо-восток уходят из обзора.

Помимо удовлетворения основному условию безопасности, выбранное Бахиревым место отвечало и другим требованиям, необходимым для организации стоянки кораблей: «достаточная длина протоки для размещения имеющихся и намеченных к постройке судов» [1, с. 6], защищенность от ледохода и наличие «площадки для постройки зданий выше самого высокого уровня воды Амура» [1, с. 6]. Русские морские офицеры уже имели представление о размахе дальневосточных паводков, регулярно оборачивающихся катастрофическими наводнениями, и амурских ледоходах, сносящих всё на своем пути.

Кроме того, выбранное место, находящееся на одном берегу с Хабаровском, уже было соединено с городом грунтовой дорогой. Предполагалась возможность построения подъездного пути, «который соединит эту базу с Уссурийской железной дорогой и, следовательно, круглый год с Владивостоком» [1, с. 7]. Сообщение с Владивостоком – главным перевалочным хабом Приамурского края – также являлось необходимым условием при выборе локаций для главной базы АРФ.

Бахирев понимал, что рекомендованная им протока «требует значительных подготовительных и землечерпательных работ для оборудования ее под затон» [1, с. 7], и некоторое время колебался, не предпочесть ли более удобную Малышевскую протоку, расположенную в 64 верстах от Хабаровска. Но решающим оказалось сооб-

ражение о том, что «проведение дорог к Малышевской протоке обойдется дороже, чем все землечерпательные работы в Воронежской протоке, тем более что рабочих рук в деревнях и поселках, можно считать, совсем нет» [1, с. 7]. Капитан оптимистично надеялся, «что местное водное управление возьмет на себя труд по углублению намеченной протоки, так как оно обладает надлежащими землечерпательными снарядами и техническими средствами» [1, с. 7], но в итоге землечерпалки пришлось буксировать по Сунгари из Харбина.

Надо заметить, что правый берег Амура у Хабаровска представляет собой каменистые утесы значительной высоты, круто обрывающиеся в воду (рис. 1, б). Найти место даже для швартовки лодки, не говоря уж об организации стоянки флотилии, там крайне непросто. Поэтому выбирать было особо не из чего. Из-за сильного перепада рельефа сама база строилась на верхней отметке, а корабли и ремонтные мастерские Балтийского завода размещались у воды, в затоне. Примерно такая же двухъярусная структура была у черноморских портов (Одесса, Керчь), где торговые гавани и города, лежащие на плато, связывали многомаршевые лестницы. Подъем от Осиповского затона к базе шел серпантином по густо заросшей сопке (рис. 1, е) и занимал две версты. Матросы (да и офицеры) предпочитали ночевать и жить на судах и в бараках поселка Балтийского завода, жалуясь на изматывающую дорогу к военному городку. Так как артезианские скважины на базе долго не могли добраться до водоносного слоя, воду доставляли бочками из затона; вода с болотным запахом и вкусом была непригодна для питья и тоже вызывала нарекания. Дефицит воды оказался критичным при частых пожарах, которые приходилось заливать содержимым выгребных ям.

Серьезной проблемой была изолированность базы АРФ. 12 верст до Хабаровска, которые в рапортах казались незначительным расстоянием, на деле обернулись огромными тратами на извозчиков (до 10 рублей в один конец – несусветная сумма даже по меркам легендарной хабаровской дороговизны), необходимостью содержания собственной конюшни и крайне сложной логистикой. В 1916 году третьему начальнику базы вице-адмиралу А. А. Баженову после полугодовой переписки удалось «выманить» у Петербурга два автомобиля «Фиат», но это не решало вопросы снабжения.

Комитеты и комиссии

Тем временем (март 1908) в Петербурге продолжал заседать Особый комитет под председательством Де-Ливрона. «Для технической работы при Комитете» из Ливавы был вызван полковник П. И. Добров, отвечавший за строительство порта Александра III. Именно Ливава предлагалась в качестве примера для амурской базы. Доброву назначили суточные 3 р. в день и пригласили на заседания комитета, «дабы принять от него сделанные для Комитета чертежи типовых зданий» [2] (рис. 3).

На повестке стояли две первоочередные задачи – окончательно определиться с местом и способом строительства баз. Сначала хотели послать на Амур самого опытного гидротехника, чтобы он помог с выбором локации (т. е. взял бы всю ответственность на себя), но желающих не нашлось. Тогда члены Особого комитета призвали своего председателя лично отправиться на Дальний Восток и посмотреть всё собственными глазами. Де-Ливрону пришлось летом 1908 года ехать в Хабаровск. 4 сентября он рапортовал в Адмиралтейство председателю Особого комитета по организации прибрежной обороны А. В. Кривошеину о том, что выбор места для постоянной береговой базы флотилии представлял «значительные трудности, так как требовал учитывания крайне разносторонних требований: стратегических, военно-морских, строительных и гидротехнических» [3]. Петербург

настаивал на приоритете военно-стратегических соображений над прочими аргументами. Отчасти именно этой установкой объяснялись грядущие конфликты с местным населением и сложности с возведением базы практически на голом утесе.

В дополнение к петербургским комитетам и комиссиям Де-Ливрон и в Хабаровске организовал очередную бюрократическую структуру – Особую комиссию по выбору места АРФ, которая начала работу 23 мая 1908 года («Для разрешения столь ответственной задачи <...> в виду того, что военно-стратегические соображения заставляли искать подходящего места вблизи Хабаровска, там была составлена под моим личным председательством Особая комиссия из председателей всех заинтересованных ведомств» [2]). От морского ведомства в хабаровскую комиссию входили: командующий отдельным отрядом судов, причисленных к Сибирской флотилии, капитан 1-го ранга Кононов, подполковник Надежный, лейтенант Янович; от Управления при Приамурском генерал-губернаторе – военный инженер капитан Греков, а также по приглашению председателя производитель работ технического надзора Владивостокского порта полковник Заборовский и гражданский инженер титулярный советник Багинов. Именно Багинов в итоге окажется автором большинства проектов краснокирпичных экипажных построек (рис. 1, в, г).

Комиссия «остановила свой выбор на месте близ деревни Осиповка, лежащем на берегу р. Амур <...> Хотя местность пересеченная и имеющая уклон, площади для размещения построек хватает» [3, с. 4]. О том, что именно это место год назад настойчиво рекомендовал М. К. Бахирев, Де-Ливрон умалчивает, заключая письмо Кривошеину уверением, что «избранное комиссией место является единственным, удовлетворяющим почти всем условиям задания и заменить его каким-либо другим участком не представляется возможным, ибо все прочие места по Амуру оказались совершенно непригодными. К подготовительным работам требуется приступить немедленно» [2].

Проблемы с землеотводом

Внезапно обозначилось неожиданное препятствие, задержавшее отвод земли под базу и весь ход работ: в Осиповке самовольно поселились корейцы, разбившие огороды и понастроившие сараи. Протоколы хабаровской комиссии, подробно фиксирующие многолетние (1908–1916) перипетии по отводу земельного участка под базу АРФ, хранятся в фонде 702 РГИВА ДВ [3]. Выявление протоколов помогло реконструировать исторический контекст создания базы. Выбранный участок («4 версты по берегу и полторы версты по ширине, всего 600 десятин» [3, с. 4]) находился «в пользовании корейских иностранных подданных, составляя примерно одну треть надела этой деревни» [3, с. 4]. Сначала комиссия полагала, что «отвод участка под базу не составит затруднения», так как жителям Осиповки можно предоставить землю в другом месте, а семьям – «компенсировать убытки по разработке земли и переносу жилищ» [3, с. 5], но корейцы, «надеясь получить вознаграждения» [3, с. 5], стали быстро возводить новые фанзы и сараи (об этом лично сообщил генерал-губернатор инженер-генерал П. Ф. Унтербергер), а также отправлять в Петербург грамотно составленные жалобы, где уверяли в своей преданности государю и напоминали, что в недавнюю Русско-японскую войну выражали лояльность Российской империи. Эти демарши вызвали негодование хабаровской комиссии, отмечавшей в протоколе от 19.05.1908, что «корейцы не платили налогов и вырубали весь лес на сопках. Все корейцы объаты жаждой наживы в виду начавшихся работ по постройке затона и по железнодорожным изысканиям» [3, с. 15]. В протоколе комиссии

от 23.05.1908 приводятся результаты осмотра Осиповки: «108 домохозяйств, 130 фанз, 76 фанз расположены в одном месте и составляют центр селения, а остальные 54 фанзы до границ с. Воронежского на 5 верст разбросаны в разных направлениях. 176 душ обоего пола... Постройки (фанзы, амбары, конюшни, бараки) в лучшем случае могут быть проданы на дрова, так как в преобладающей массе своей по своей кладке и ветхости не представляют никакой ценности. Средняя стоимость дома корейского типа – 200 р., русского – 800. Стоимость всех построек 22.200107 р.» [3, с. 17]. Однако именно эти фанзы послужили убежищем в первые зимовки 1909–1910 годов для команды и вольнонаемных («12 человек офицеров разместили в фанзах, но зимою часть фанз сгорела благодаря ветхости кан и деревянных от них дымовых труб» [2]).

Комиссия настоятельно предлагала «насильственное выселение, как в 1905 г. с корейцами занявших землю крестьян с. Воронежского, или компенсацию по 100 р. на семью» [3, с. 17]. Забегая вперед, заметим, что окончательное распоряжение об отводе земли под базу АРФ было утверждено императором только 20 апреля 1913 года. Вся эта пятилетняя эпопея с выселением корейских крестьян как нельзя лучше иллюстрирует комплекс проблем, неизбежно возникающих при заходе силовых ведомств на гражданские территории. Военно-стратегические соображения зачастую противоречат сложившемуся образу жизни, и поиски компромиссных решений затягиваются на неопределенное время.

Кроме злополучной Осиповки, территория будущей базы включала «всё пространство т. н. Заячьего острова, расположенного против этого участка, а также всю водную площадь протоки между береговым участком и Заячьим островом» [3, с. 4] (рис. 1, а), что вызвало длительные споры с местным населением о порядке рыбной ловли, который до 1914 года безуспешно пытался разрешить приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти [3, с. 25].

Выбор способа строительства баз АРФ

Пока тянулась бюрократическая волокита с хабаровским землеотводом, петербургский Особый комитет пытался решить не менее важную проблему с выбором способа строительства базы. Напомним, что до 1882 года основной формой размещения военных являлся так называемый постой в обывательских домах. Переход к призывной армии вызвал необходимость в быстром возведении огромного количества казарм на всей территории гигантской империи – от Белостока и Мерва до Корсакова и Николаевска-на-Амуре, но технологии процесса еще не были отработаны. В каждом военном округе применялись свои приемы, и чем дальше от центра метрополии были дислоцированы подразделения, тем труднее контролировалась ситуация.

Военный министр и член Совета государственной обороны (1905–1909) генерал от инфантерии Александр Федорович Редигер вспоминал, что на востоке ходили «гомерические» рассказы про воровство некоторых военных инженеров, а войска были расквартированы ужасно. Из Приамурского военного округа в Петербург шли рапорты об общей беспечности, небрежности и бесхозяйственности во всех распоряжениях Окружного инженерного управления, заправлявшего строительными делами, и о бездействии командующего войсками округа инженер-генерала Унтербергера по отношению к начальнику инженеров Базилевскому. Крайне медленное и малоуспешное возведение в ПВО казарменных помещений, несмотря на отпускаемые значительные денежные ассигнования, послужили основанием для командировки в округ члена военного совета Якубовского (октябрь 1908).

Наслышанные о нравах, царящих в Приамурском инженерном управлении, члены Особого комитета с первых заседаний пытались найти оптимальную форму строительства. На организацию баз АРФ было выделено полтора миллиона рублей, что на фоне колоссальных трат на крепости Порт-Артура и Владивостока казалось довольно скромной суммой. Сначала Де-Ливрон попытался подключить военное министерство, мотивируя это тем, что военные активно строят в Хабаровске и имеют там все ресурсы. Однако товарищ генерал-инспектора по инженерной части генерал А. П. Вернандер не захотел связываться со столь хлопотным и малобюджетным начинанием («генерал Вернандер высказал мнение, что такое поручение вообще не желательно» [2]). Получив от военных отказ, члены Особого комитета намеревались «обратиться к коммерческому способу», но тут категорическое возражение последовало со стороны государственного контролера, который не без основания предвидел, что передав всю сумму сразу в руки одного подрядчика, «в случае смерти или исчезновения оно» [2], можно потерять всё до копейки. «Коммерческий» способ традиционно велся практически без отчетности, что давало производителю работ полный карт-бланш.

Казарменная комиссия

Разочарованный главным контролером, Де-Ливрон решился на взаимодействие с комиссией по постройке казарм, так как «принятая этой комиссией система производства работ хозяйственным способом при участии войсковых чинов, дала прекрасные результаты в отношении качества и в смысле экономии» [2]. На заседание Особого комитета был приглашен негласный руководитель Казарменной комиссии генерал-лейтенант Й. К. Гаусман, который в жесткой форме выдвинул требование полного контроля над финансами и ходом работ. Хабаровская комиссия по постройке казарм АРФ была образована 12 января 1909 года. В ее состав вошли представители Особого комитета, Амурской флотилии, морской строительной части и, кроме того, по назначению генерал-губернатора представители ведомств военного, военно-инженерного, межевого и государственных имуществ. Хабаровская Казарменная комиссия подчинялась непосредственно Гаусману; каждая, даже сама незначительная трата, должна была утверждаться в Петербурге. Ход строительства ежемесячно контролировался, выявленные недостатки и их исправление фиксировались в протоколах. Благодаря этой образцовой отчетности, сохранившейся в фонде Штаба АРФ [1], процесс возведения базы АРФ можно проследить буквально по дням.

Выбор стройматериала

Разобравшись с местом для базы и формой организации строительства, члены комиссии стали спорить о стройматериале. Добров, которому явно хотелось быстрее отделаться от амурского заказа и вернуться к строительству порта Александра III в Либаве, утверждал, что предполагаемый объем строительства в назначенные сроки можно выполнить только из дерева. На это генерал от инфантерии Протопопов заявил, что «насколько ему известно, по всему Приамурскому краю очень невыгодно строить деревянные дома, так как там имеются какие-то местные условия, от которых деревянные постройки начинают немедленно рушиться и в два года приходят в совершенную негодность» [2]. Генералу пояснили, что резкая разность температур, когда одна сторона дома нагревается солнцем, а другая мерзнет в тени, ведет к неравномерной осадке и разрушению строений. Капитан 1-го ранга Кононов возразил, что лично осмотренные им деревянные Айгунские казармы находятся в прекрасном состоянии и не думают разрушаться и что все зависит от того, где и когда рубить лес. Его поддержал капитан 2-го ранга

Янович, напомнивший, что тот же Благовещенск на три четверти застроен деревянными домами и что «если обыватель не боится строить для себя из дерева, так и Комитету нечего бояться» [2]. Тут вспомнили, что время рубки леса на этот сезон уже упущено, и Протопопов предложил строить из бетона, который хоть и дороже кирпича, но позволяет значительно ускорить процесс, однако столь радикальная мера была отклонена. В конце концов было принято компромиссное решение – строить и деревянные, и кирпичные объекты. В процессе работы над статьей в фонде 409 РГАВМФ впервые были выявлены два проекта, подписанные инженером-полковником П. И. Добровым (рис. 3) и дающие представление о предполагаемой стилистике застройки.

28 ноября 1908 года флотилия получила название Амурской, эту дату можно считать завершением подготовительного периода создания базы АРФ. Однако «возродившаяся военная флотилия на реке Амур до сих пор не имеет ни своего берега, ни своей пристани у городов, где жизненные ее интересы того требовали бы» [2], – негодовал в рапорте А. А. Кононов.

Организация временных баз АРФ на среднем Амуре
Первая зимовка команды уже сформированной Амурской флотилии прошла в Сретенске и Благовещенске, в нанных и приспособленных для этих целей частных домах. В рапорте начальника флотилии отмечалось, что «организация всей зимовки при относительно скудном наличии средств была выполнена образцово. Помещения были светлы, чисты и в достаточной степени удовлетворяли требованиям гигиены и возможности заниматься обучением команд. Офицеры жили на частных квартирах» [2].

Благовещенск рассматривался как вспомогательная база, по своему географическому и стратегическому положению находящаяся в центре района действия АРФ. В столице «амурских прерий» в съемных домах разместили временный штаб флотилии и лазарет, построили казарму с пристройками на 240 человек и радиотелеграфную станцию. В 6 верстах от Благовещенска, у Астраханского затона, были наняты здания под ремонтные мастерские и караульную, устроен деревянный судовой магазин. Астраханский затон был приспособлен под базу флотилии и служил зимовкой для всего отряда верхнего Амура, за исключением канонерки «Бурят» и парохода «Жилок», зимовавших в Сретенске в Муравьевском затоне, устроенном когда-то морским ведомством.

На арендованном в Астраханском затоне участке (150 кв. саж.) располагалось бревенчатое здание мастерской флотилии (8 x 4 кв. саж.) под двускатной крышей с двумя пристройками – кочегаркой «из плах, между которыми насыпана земля» [2] и кладовой из теса. Описание этой немудреной постройки дает представление о строительных материалах и технологиях, принятых в Приамурье. Рядом с этим архаичным сооружением был возведен пакгауз из гофрированного оцинкованного железа (7 x 4 кв. саж.) как символ прогресса и цивилизации, которые проникли в амурские болота вместе с военным флотом. С увеличением судов флотилии мастерская расширялась – к ней пристроили механический и столярно-шлюпочно-парусный цех.

Сретенск рассматривался как тыловой пункт. Город являлся конечной станцией железнодорожной ветки, связывающей Приамурье с Россией, и начальной, отправной точкой переселенческого движения. Там уже имелась некоторая инфраструктура: под Сретенском, близ посада Кокуй, «от Балтийского завода остались казармы и пристань» [2], а в Муравьевском затоне сохранились землянки, склады, казармы и караульная, «которые из года в год все более запускаются, не имея признанного хозяина» [2]). А. А. Кононов в рапорте от 9 мая 1910 года докладывал, что «необычно высокая вода

на р. Шилке затопила и размыла шлюз, разнесла ворота, ряжевый мол едва держится, выстроенные в первый же год землянки для патронного погреба и караула водой подмыты и требуют основательного ремонта, сложенные с осени на берегу запасы дров и угля размыты» [2].

Помимо природных катаклизмов, начальнику флотилии досаждали клязусы жителей «Теребиловки» – «той окраины Сретенска, где была расположены казармы» [2]. Обыватели жаловались, «что морская команда наводит на них панику» [2]. Однако проведенное расследование показало, что «Теребиловка, наполненная поселенцами, беглыми корчмарями и всякими притонами» [2] была рассадником девиантов, которые из-за организации патрулей и наведения порядка потеряли свободу действия и стали писать ложные доносы. На примере одного из сотен еженедельных рапортов, можно выявить две проблемы, которые решали создатели экосистемы АРФ, – природно-климатическую и социальную. Сомнительное качество человеческого капитала в амурских слободках тревожило офицеров флотилии не меньше, чем коварный гидрологический режим местных рек и бесконечные дожди, подтапливающие новостройки. Чтобы отвлечь экипаж от безнравственных развлечений в местных притонах, «для команд устраивались в казармах представления, приглашался фокусник, и читались лекции с волшебным фонарем» [2], а по праздникам организовывались «дивертисменты».

22 октября с согласия морского министра был установлен праздник Амурской флотилии. Приближалась очередная зима, которую экипажам предстояло провести на новой базе в Осиповском затоне.

Заключение

Строительство баз АРФ, обеспечивших безопасность бассейна р. Амур и сохранение территориальной целостности Российского государства на восточных рубежах, было сопряжено со значительными трудностями. Помимо экстремальных природно-климатических условий, проблемой являлось рассогласование действий петербургских и местных органов. Анализируя опыт организации баз АРФ, можно выделить основные этапы дальневосточного военного урбанизма: расселение военных и вольнонаемных в частные обывательские дома, китайские/корейские фанзы и землянки; переселение их в быстро возводимые бараки; строительство деревянных казарм и офицерских флигелей; строительство краснокирпичных одно-, двух- и трехэтажных капитальных гарнизонных построек.

Литература

1. РГАВМФ. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 1. Штаб Амурской речной флотилии, г. Хабаровск, 1907–1918 гг. Материалы комиссии по устройству базы. 22 л.
2. РГАВМФ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 26. Особый комитет по организации прибрежной обороны. Санкт-Петербург – Петроград (1907–1915). Коллекция микрофильмов без нумерации страниц.
3. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 185. О выборе места базы для Амурской речной канонерской флотилии. 1908–1916 гг.
4. РГАВМФ. Ф. 409. Оп. 1. Д. 2.
5. РГАВМФ. Ф. 409. Оп. 1. Д. 3.

References

- Russian State Archives of the Far East.* Fund 702. Inv. 5. File 185. On the selection of a base location for the Amur River Gunboat Flotilla. 1908–1916.
- Russian State Archives of the Navy.* Fund 409. Inv. 1. File 2.
- Russian State Archives of the Navy.* Fund 409. Inv. 1. File 3.
- Russian State Archives of the Navy.* Fund 422. Inv. 1. File 26. Special Committee for the Organization of Coastal Defense. St. Petersburg–Petrograd (1907–1915). Collection of microfilms without pagination.
- Russian State Archives of the Navy.* Fund 1273. Inv. 1. File 1. Headquarters of the Amur River Flotilla, Khabarovsk, 1907–1918. Materials of the commission for the establishment of the base. 22 l.

В статье представлены промежуточные результаты исследования «Военная тема в архитектурно-пространственном освоении Дальнего Востока», проводимого в рамках гранта Российского научного фонда. Основная часть исследования посвящена организации базы Амурской речной флотилии в Осиповском затоне под Хабаровском (1908–1918). На примере этого частного случая рассматривается ряд вопросов, связанных с пространственной и социальной иерархией военных городков, эффективностью войсковых строительных комиссий, проблемами поиска качественных стройматериалов, с адаптацией «буржуазных» проектов к особенностям экипажной жизни. Высказывается предположение о влиянии И. С. Китнера на формирование кирпичного гарнизонного стиля.

Ключевые слова: Дальний Восток; Амурская речная флотилия; Казарменная комиссия; гарнизонная архитектура. /

The article presents the results of the first year of research conducted within the framework of the Russian Science Foundation grant “Military theme in the architectural and spatial development of the Far East”. The main part of the text is devoted to the organization of the Amur River Flotilla (ARF) base in the Osipovsky backwater near Khabarovsk (1908-1918). Using this particular case as an example, a number of issues related to the spatial and social hierarchy of military towns, the effectiveness of military construction commissions, the problems of finding high-quality building materials, and the adaptation of ‘bourgeois’ projects to the specifics of crew life are examined. It is suggested that I. S. Kitner had an influence on the formation of the brick garrison style.

Keywords: Far East; Amur River Flotilla; Barracks Commission; garrison architecture.

Строительство базы Амурской речной флотилии (1908–1918) / Construction of the Amur River Flotilla base (1908–1918)

Введение

Объектом исследования является архитектурно-градостроительный ансамбль базы Амурской речной флотилии (АРФ) в Осиповском затоне под Хабаровском, анализируемый на трех уровнях – планировочном, архитектурном и символическом. В Хабаровске, Владивостоке, Уссурийске и Николаевске-на-Амуре военные городки и отдельные постройки 1900–1914 годов, возведенные военным ведомством, хорошо сохранились и почти все продолжают использоваться силовыми структурами, что делает затруднительным натурное обследование и тем более публикацию фотографий, фиксирующих современное состояние объектов. В качестве примера можно привести краснокирпичные ансамбли Хабаровского гарнизона (сегодня – так называемый Волочаевский городок), Николаевских казарм на Первой Речке и казарм 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка на Второй Речке во Владивостоке.

Хабаровская база АРФ дает редкую возможность для свободного изучения архитектурно-градостроительного наследия военно-морского ведомства и (что не менее важно) открытой публикации результатов исследования. Большинство построек базы сегодня используется как жилье (за исключением двух зданий, занятых полицией), а сама локация органично вошла в градостроительную структуру Северного округа Хабаровска, сохранив первоначальные композиционные оси, разбитые по генплану 1910 года.

К сожалению, деревянная часть застройки почти полностью утрачена, но краснокирпичные 1–4-этажные казармы и офицерские флигеля сохранили аутентичный облик (рис. 1, а, б). Уцелели даже оконные переплеты, двери и лестничные перила начала XX века (рис. 1, в, г). В советский период база АРФ, переименованная в базу Краснознаменной Амурской флотилии (КАФ), продолжала застраиваться в соответствии с первоначальным генпланом. Примеры дальневосточного ар-деко 1930-х годов представляют не меньший интерес, чем более ранний пласт краснокирпичной гарнизонной архитектуры.

Хронологические рамки исследования заданы годом начала работ по организации Осиповского затона (1908) и годом расформирования базы АРФ (1918). Постройки советского периода упоминаются обзорно.

Методика работы над статьей включает натурные обследования и архивные изыскания. Основными источниками информации послужили журналы Комиссии по устройству базы для Амурской военно-речной флотилии (далее – КУБ), хранящиеся в фонде 1566 Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) [1] и акты КУБ о приемке строительных работ из фондов 1273 [2] и 422 [3] Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ). Комиссия (председатель – генерал-майор Анчевский, члены комиссии: капитан 2-го ранга Ершов, инженеры Николаев и Казанфаров) регулярно обследовала строящиеся объекты, фиксировала в протоколах степень готовности и указывала на недочеты, требующие исправления. Изучение документов КУБ помогает реконструировать процесс строительства базы, но, заметим, что фрагментирование журналов хабаровской комиссии по архивам Москвы и Петербурга осложняет исследовательскую задачу. Большинство архивных материалов, включая проекты казарм и генплан базы АРФ, представлены впервые.

Символическая социальная иерархия и пространственная структура базы

Названия улиц – Адмиральская, Офицерская, Матросская, Лоцманская – четко отражали иерархию социального устройства базы АРФ. На вершине этой воображаемой пирамиды, напоминающей иллюстрацию из школьного учебника истории, находился начальник флотилии, затем офицерский корпус и военные инженеры, далее – команды экипажа, ниже – вольнонаемные (в том числе лоцманы) и сверхсрочнослужащие, еще ниже – обыватели-слобожане («здешние города наполнены трущобами с самым подозрительным людом в них» [4, с. 18]). Подножие пирамиды составляли китайские/корейские рабочие, которые и строили большинство объектов военно-морского ведомства по всему Приамурскому военному округу (ПВО), вызывая негодование Петербурга («оборонительные работы до последнего времени производились руками корейцев и китайцев, что, без всякого сомнения, может крайне вредно отразиться на боевой нашей защите» [5, с. 248]). На картах городов Приамурского края до определенного периода отмечались китайские/корейские деревни и кладбища; на плане базы АРФ таких

текст

Алина Иванова

Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)
text

Alina Ivanova

Pacific National University
(Khabarovsk)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20354, <https://rscf.ru/project/24-28-20354/> и Министерства образования и науки Хабаровского края (Соглашение № 119С/2024) /

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-20354, <https://rscf.ru/project/24-28-20354/> and the Ministry of Education and Science of Khabarovsk Krai (Agreement No. 119C/2024)

^ > Рис. 1. Фотофиксация базы Амурской речной флотилии. Хабаровск, февраль–март 2025 года: а – трехэтажная казарма (ул. Ильича, 7); б – двухэтажные казармы (ул. Ясная, 38–40); в – сохранившаяся деревянная дверь в духе ар-нуво (ул. Ясная, 40). Фото автора

указаний нет (хотя вся ее территория до 1908 года была занята корейскими усадьбами, но в рапортах о строительстве базы постоянно мелькают упоминания фанз. Символическая иерархия была буквально воплощена на практике: база представляла собой двухъярусную структуру: «нижние чины» и обитатели подножия социальной пирамиды населяли землянки, бараки и старые фанзы по берегам затона; на верхнем плато в новеньких кирпичных казармах и флигелях жили офицеры и моряки. В современной топонимике базы КАФ также присутствуют названия Адмиральская и Матросская, не совпадающие с историческими улицами.

Планировочное решение. В августе 1910 года помощником приморского областного землемера Поротовым был запроектирован участок земли под устройство базы для АРФ, заключающей в себе 818 десятин (400 кв. саженей), из которой удобной земли насчитывалось 633 десятины. Пока нам не удалось найти оригинальный генплан базы, но в фонде 409 РГАВМФ впервые была выявлена копия генплана 1914 года с указанием как уже существующих в 1910–1911 годах, так и запланированных построек. Из-за огромных размеров и ветхого состояния синьки мы решили не заказывать копию, поэтому приводим схему, выполненную по крокам (рис. 2). Глядя на схему, следует помнить о ярко выраженном рельефе участка. Две дороги, ведущие на северо-запад и запад, к Балтийскому заводу и пороховым погребам, шли резко под уклон, спускаясь к берегу Амура. Пороховые погреба на подрезанных склонах сопки неплохо сохранились, но деревянный поселок Балтийского завода, располагавшийся по берегам затона, бесследно исчез. Облик нижнего поселка (кишащие крысами и тонушие в нечистотах «скученные частные дома, фанзы, хлевы, конюшни, бараки команд, мастерские» [3, с. 21]) можно реконструировать по рапортам начальников флотилии, хранящимся в фонде 422 РГАВМФ.

Главная композиционная ось верхнего, «экипажного» поселка, проложенная по грунтовой Осиповской дороге (ныне ул. Руднева), была ориентирована на северо-восток и застраивалась краснокирпичными гарнизонными зданиями переменной этажности (1–3 этажа). В основном это были компактные в плане штабные и офицерские флигеля. Деревянные казармы занимали

кварталы к югу от дороги. Ключевой перекресток с Адмиральской улицей, ведущей к дому начальника флотилии («адмиральскому дому») был акцентирован водонапорной башней, до сегодняшнего дня являющейся главной вертикальной доминантой базы КАФ (рис. 3, а). Несмотря на небольшую длину, Адмиральская улица была самой важной в символическом пространстве базы. До 1930-х годов там продолжалась застройка в соответствии с первоначальным генпланом. Так как процесс создания единого репрезентативного ансамбля не был доведен до конца, на короткой улице соседствуют и кирпичные казармы 1912–1914 годов (рис. 3, б), и двухэтажные деревянные многоквартирные дома 1920-х годов (рис. 3, г), и оштукатуренные палатки в духе раннего советского ар-деко (рис. 3, а, г). Сегодня бывшая Адмиральская называется «улица Ильича», что также указывает на ее высокий статус в советское время. В самом центре Хабаровска Барановскую улицу на Артиллерийской горе называли именем Ленина, но важность базы КАФ подчеркивалась дублированием отчества вождя мирового пролетариата. Завершая тему символизма топонимике, отметим двойственность названия улицы Руднева, отсылающего к памяти и капитана «Варяга» (бронзовая доска с бюстом В. Ф. Руднева на стене дома в самом начале улицы была открыта 1 ноября 1987 года), и начальника политотдела базы КАФ Героя Советского Союза С. В. Руднева.

Вторым, после Адмиральского дома (рис. 4), композиционным, символическим и смысловым центром базы АРФ, судя по генплану, являлась большая церковь-столовая (рис. 5, а), расположенная на пересечении основных планировочных осей север – юг и запад – восток и ориентированная на Амур. Неочевидное, на первый взгляд, решение об интеграции культовой функции в помещение для общественного питания было обычным делом в дальневосточных гарнизонах (например, во Владивостоке и Николаевске-на Амуре). С двух сторон – с юга и севера – здание церкви фланкировали корпуса огромных краснокирпичных трехэтажных казарм на 450 и 432 человека. Перед этой монументальной трехчастной композицией расстился военный плац – сегодня стадион «Авангард».

Особенностью генплана базы АРФ являются плавные очертания улиц, повторяющих овал военного плаца

6

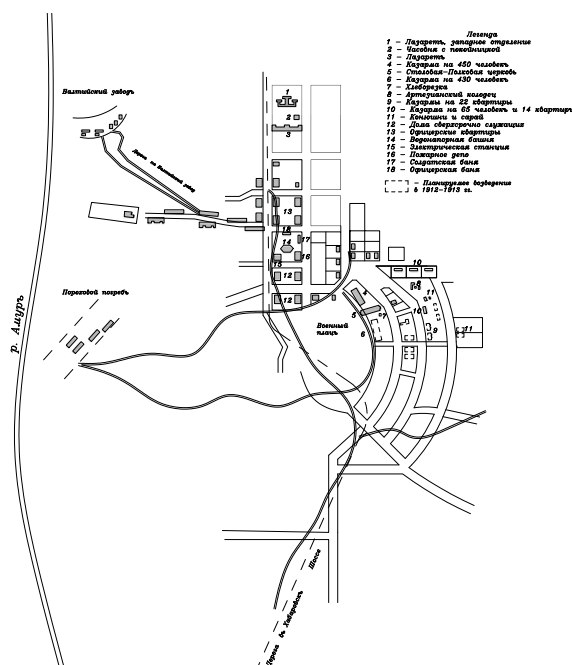
(современные названия – Краснофлотская и Ясная). Этот планировочный прием совершенно не типичен для стандартных схем организации гарнизонов. Для сравнения приведем план размещения стрелкового полка в Харбине 1902 года (рис. 6), очевидно инспирированный генпланами гарнизонов из альбомов типовых чертежей, периодически издававшихся инженерным ведомством (рис. 7).

Интересно, что на исторических генпланах самого Хабаровска, как и прочих городов Приамурского военного округа – от Благовещенска и Николаевска-на-Амуре до Владивостока и Никольска-Уссурийского, ничего подобного не заметно. Дугообразные очертания улиц, дублирующие контуры круглых/овальных площадей, использовались в планировках новых русских городов – Ташкента, Харбина (рис. 8, а), Дальнего (рис. 8, б), возводимых на окраинах империи с перспективой на столичный статус – как знак «постосмановской» градостроительной культуры. Неожидающее появление этих плавных изгибов на проекте базы АРФ, возможно, свидетельствует, что она воспринималась не просто типичным гарнизоном, а сердцем будущего «города-сада». Следует отметить, что этот (гипотетический) замысел удался: сегодняшняя база КАФ, сохранившая малоэтажную застройку и утопающая в садах-палисадниках, сохранила обаяние градостроительных социальных утопий начала XX века.

Организация строительных работ. Нами ранее уже затрагивалась проблема параллельного существования двух инстанций, отвечавших за строительство по заказам военного ведомства в Приамурском военном округе, – Окружного инженерного управления и Казарменной комиссии, которой подчинялись местные войсковые строительные комиссии. Окружное инженерное управление придерживалось «коммерческого» («комиссионного») способа ведения дел, при котором само утверждало проекты зданий и «устанавливало довольно высокие предельные цены. Из ассигнованных на постройки кредитов производители работ получали около трети в свое распоряжение в виде авансов» [5, с. 122]. Если учесть, что никаких крупных частных строительных работ в крае не велось, военные инженеры-комиссионеры являлись единственными организаторами работ, что позволяло им влиять на цены местных рынков. Коммерческий

способ, помимо свободы и самостоятельности, давал военным инженерам ряд серьезных преимуществ: они распоряжались и беспроцентными кредитами в виде имевшихся у них авансов, и техниками, и поставщиками; с помощью подставных лиц выигрывали торги и получали казенные подряды. В Казарменной комиссии использовался «хозяйственный» способ ведения дел со строгой отчетностью.

В 1909–1910 годах в Приамурском округе помимо Окружного инженерного управления были учреждены восемь войсковых строительных комиссий. Постоянные препятствия работе Казарменной комиссии, чинимые местной администрацией, действовавшей заодно с военными инженерами, вызвали в итоге ревизионную проверку сенатора Глищинского (1910). Целью ревизии было не только выявление «отдельных неправильностей, влекущих ущерб казне» [5, с. 122], но и «выяснение

< Рис. 2. Схема генплана базы Амурской речной флотилии. 1914. Выполнена на основе [7]

Рис. 3. Фотофиксация бывшей Адмиральской улицы (сегодня – ул. Ильича). Хабаровск, 26.02.2015:
а – перекресток улиц Ильича и Руднева зафиксирован водонапорной башней; б – казармы на перекрестке Ильича – Руднева по нечетной стороне;
в – деревянные многоквартирные жилые дома 1920-х годов; г – новый «адмиральский дом», ул. Ильича, 2. Фото автора

общей организации строительства, способов производства инженерных работ и заготовок в соответствии их местным особенностям Дальнего Востока» [5, с. 122]. Четырехтомный отчет, изданный по итогам проверки (в первую очередь том, посвященный работе войсковых комиссий [5]), является важнейшим источником информации по теме нашего исследования.

Подводя итоги ревизии деятельности войсковых строительных комиссий в Приамурском военном округе, команда Глицинского резюмировала, что постройка казарм посредством комиссий имеет ряд преимуществ перед постройкой, произведенной инженерным ведомством: «...фактическое участие в Казарменной комиссии представителей от войск поднимает их значение во мнении армии. Вместе с тем состав и организация войсковых строительных комиссий обеспечивают как интересы казны, так и контрагентов по заключаемым этими комиссиями подрядам и поставкам и внушают полное доверие населению» [5, с. 468].

Чтобы предотвратить злоупотребления и обеспечить оперативную реализацию проекта, строительство базы АРФ было поручено войсковым строительным комиссиям. Руководителем («главным производителем») работ был назначен военный инженер Николаев, который, судя по протоколам КУБ, действительно старался как мог.

Решение проблемы стройматериалов. Например, в контексте обсуждения «мерулий-ластуганс, свирепствовавшего в Приамурье» [1, с. 30] (домовый грибок являлся не меньшей угрозой деревянным зданиям, чем пожары) приводится объяснение Николаева: «До сих пор в постройках комиссии не было повреждения от грибка, потому что комиссия закупает лесной материал, бревна, балки и брусья с верховьев р. Тунгуски с нагорной сухой местности. Доски же закупаются из Малмыжа в расстоянии 300 верст от Хабаровска. Этот лес также еще не подвергался заболеванию. Кроме того, лес дезинфицируется раствором сулемы и микотоната. В Хабаровске, действительно, лес заражен, но там в большинстве случаев употребляется болотистый и никаких мер предупреждения почти не употребляется» [1, с. 42]. Эта цитата из протокола № 697 от 17.06.1915 наглядно иллюстрирует принципиальную разницу между обычным способом строительства в Приамурье и высокими нормами качества, принятыми в казарменных комиссиях.

Не меньше проблем доставляли поиски хорошего кирпича. 4 сентября 1909 года был подан рапорт об отводе 10 десятин вблизи границы базы АРФ под постройку кирпичного завода [2, с. 135]. О готовности «приступить к подготовительным работам по эксплуатации комисионного кирпичного завода» было доложено только в середине весны 1915 года. Пока строился собствен-

ный завод, войсковая строительная комиссия в начале 1910 года отдала подряды «на поставку огнеупорного кирпича местного завода» [1, с. 35], принадлежавшего наследникам известного владивостокского промышленника А. Д. Старцева. Знаменитый старцевский кирпич производился на заводе в имении «Родина» (остров Путятина) с 1893 по 1900 год. Сыновья Старцева в 1906 году построили новый кирпичный завод на станции Угольная, вероятно, рассчитывая на подряды в связи с масштабным железнодорожным строительством в Приморье. Но при приемке кирпич был забракован, «и фирма, взявшая подряд, вместо местного кирпича поставила настоящий английский огнеупорный кирпич» [1, с. 35]. Однако из Петербурга помчались гневные телеграммы с приказом не использовать в военном строительстве иностранный кирпич. Пришлось искать выходы: «...удалось одолжить огнеупорного кирпича у хабаровской войсковой комиссии, из этого кирпича сложены топлевники банных печей и своды хлебопекарен, все же остальное – из местного обычного» [1, с. 35]. «Вообще же комиссия обещала, что будет по-прежнему обращать особое внимание на надлежащую отсортировку кирпича, изготовляемого хозяйственным способом на казенном кирпичном заводе» [1, с. 35].

Накладные расходы. Несмотря на все усилия, общая оценка деятельности войсковой строительной комиссии была неутешительной: «Несовершенство организации технического надзора за работами на базе не подлежит сомнению, и оказавшиеся дефекты в построенных зданиях служат красноречивым этому доказательством» [1, с. 23]. Хотя производители работ объясняли сбои графика форс-мажорными обстоятельствами (паводок затопил фундаменты, готовые оконные рамы и двери для казарм сгорели при очередном поджоге столярной мастерской и проч.), проверяющие инстанции видели главную проблему в том, что Николаев одновременно возглавлял работы в двух войсковых комиссиях, находящихся в 32 верстах друг от друга. Проверки настаивали, чтобы «техники строительной комиссии имели местожительства на базе и чтобы они не были связаны какими-либо посторонними работами» [1, с. 23]. Но основные вопросы возникли в связи с несообразно высокой суммой накладных расходов – 48220 р. («7 процентов

от общей суммы 691000 р., разрешенной на строительство в текущем году» [1, с. 23]). В смете на содержание войсковой строительной комиссии приводились следующие расценки: «Вознаграждения производителям работ: Казанфарову – 6000 р., Николаеву – 2400 р.; разъездные деньги: Председателю – 1200 р., членам – 900 р., производителям работ – 2400 р.; абонентская плата за телефон – 320 р., телеграммы и почтовые расходы – 500 р.» [1, с. 24]. В ответ на настойчивые рекомендации снизить накладные расходы после длительной переписки решено было «уменьшить отопление сторожей – экономия на 179 р.» [1, с. 24], а вместо «казенной лошади», содержание которой обходилось в 240 р., у Петербурга стали выпрашивать автомобили «Фиат».

Архитектурный облик базы: выбор стиля

К сооружению построек на базе Амурской речной флотилии планировалось приступить с весны 1909 года, в самом начале января предполагалось устроить в Хабаровске торги на предстоящие работы. Оперативно разрабатывался «общий проект всего расположения и частные проекты типов зданий» [3, с. 56] (вероятно, тот самый генплан, который мы рассматривали выше). Адмирал Карл Карлович Де-Ливрон, возглавлявший петербургский Особый комитет по организации Амурской флотилии и хабаровскую Особую комиссию по выбору места базы АРФ, поручил разработку проектов всех капитальных

в Рис. 4. Фотофиксация старого «адмиральского дома» (сегодня – детско-юношеская спортивная школа «Самбо-90»). Хабаровск, Матросский переулок, 3а. 06.03.2015. Фото автора

^ > Рис. 5.
Фотофиксация церкви-
столовой. Хабаровск,
ул. Краснофлотская, 16.
26.02.2015: а – общий вид;
б – элементы кирпичного
декора, ступенчатый аттик
и многоярусный карниз;
в – сохранность
интерьера; г – железная
колонна; д – маркировка
железных колонн.
Фото автора

построек будущей базы окружному инженеру во Владивостоке И. С. Багинову, которого ему порекомендовал кто-то из местных чиновников. Помимо гражданского инженера Ивана Сергеевича Багинова, к работе над проектом подключился военный инженер полковник Иван Андреевич Заборовский, назначенный после окончания Русско-японской войны старшим производителем работ Владивостокского порта. Их имена постоянно фигурируют в документах из фонда Штаба Амурской флотилии. Оба инженера, вслед за ведущим владивостокским архитектором Иваном Владимировичем Мешковым, работали в духе фасадного безордерного классицизма, злоупотребляя расшивкой под руст, сеткой горизонтально-вертикального членения из карнизов и пилястр, сандриками, архивольтами и прочими архитектурными излишествами.

Однако у Казарменной комиссии под руководством И. К. Гаусмана был собственный, мгновенно опознаваемый «гарнизонный» стиль на основе кирпичной кладки с отчетливым северо-европейским акцентом (ступенчатые фронтоны, пинакли, вимперги, многоярусный декор лопаток).

В качестве рабочей гипотезы предположим, что к формированию этой новой (относительно классицистских русских казарм XVIII–XIX веков) эстетики имел отношение тайный советник Иероним Севастьянович Китнер, известный архитектор, редактор «Зодчего», который, помимо прочего, 22 года был членом Комиссии по устройству казарм. В книге Т. И. Николаевой «Виктор Шретер. Иероним Китнер» (Санкт-Петербург: Коло, 2007) об участии Китнера в работе Казарменной комиссии упоминается крайне лаконично. Но зная его обширные публикации в «Зодчем», посвященные кирпичной архитектуре, и помня китнеровские постройки в Петербурге, мы склоны видеть в творчестве тайного советника истоки гарнизонного стиля 1910-х, типичным примером которого являются казармы и флигеля базы АРФ (рис. 1).

Адмиральский дом: от проекта к реализации. «Планы домов для чинов флотилии», предложенные И. С. Багиновым и представленные К. К. Де-Ливроном «на Высочайшее утверждение при Военном Совете Комиссии по устройству казарм» [3, с. 56] в августе 1909 года, категорически не понравились начальнику базы капитану 1-го ранга А. А. Кононову. В рапорте председателю Особого комитета по организации прибрежной обороны от 31.03.1910 он развернуто обосновал длинный ряд замечаний по многим объектам, но особенно его возмутили варианты планировки «адмиральского особняка».

Основная претензия Кононова сводилась к тому, что гражданский инженер спроектировал обычный особняк для семейной буржуазной жизни, а не для «серьезной жизни трудящегося и занятого начальника достаточно большой и совершенно изолированной части, ему вверенной для Государственных задач!» [3, с. 60]. Прежде всего ему не понравился симметричный «дворцовый» фасад с выступающими «Николаевскими крыльями» и парадным подъездом на оси симметрии, хотя это был традиционный прием, позволяющий сразу обозначить высокий социальный статус заказчика. Однако для Ко-

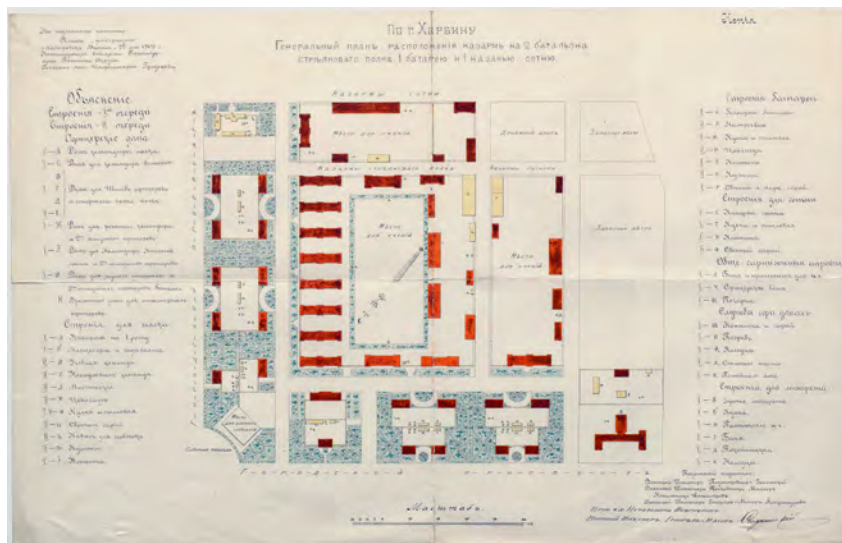
нонова функциональность помещений была важнее симметричности плана. В первом варианте планировки он раскритиковал спальню в левом крыле с тремя наружными стенами, «что в этом климате поведет к частым заболеваниям» [3, с. 60]. Второй вариант оказался лучше: «...там спальня и детская, достаточные по величине, размещены в середине, как следует, а подъезд с боку имеет преимущества перед центральным в доме, не имеющем характер дворца. Наружные стены без выступов, т. е. нет холодных и отсыревающих углов» [3, с. 60].

Однако и в этом плане Кононов нашел массу недостатков, свидетельствовавших о незнании гражданским инженером специфики офицерской жизни. В связи с полным отсутствием светской инфраструктуры на базе, именно дом начальника флотилии ежедневно должен был исполнять функции и штаба, и клуба, и общественно-го собрания, куда на обеды и ужины постоянно являлись все офицеры с женами. Помещения, запроектированные Багиновым, явно не соответствовали предполагаемой интенсивности эксплуатации: «Вход, сени и передняя для частного дома и маленькой семьи были бы достаточны, но они курьезны даже для штабс-офицера – в проектируемой передней нельзя будет даже развесить одежду. Что же касается Командующего, у которого по табели комплектации уже сейчас имеется 86 офицеров, большинство из которых женатые, поместить их на 2 кв. саженьх передней (где к тому же постоянно должны находиться денщик, вестовой и телеграфист) очевидно немыслимо» [3, с. 61]. Далее Кононов переходит к кабинету, который на плане «очень мал», и подробно объясняет, как оборудовать помещение, где командующему флотилией «придется заниматься с целым рядом специалистов» [3, с. 61]. По стенам должны быть «развешаны специальные карты и планы, стоять шкафы со справочной библиотекой, иметься столы (у главных командиров – биллиарды), на которых можно удобно разложить при докладе планы и чертежи; в середине иметь большой стол для занятий и поворотную этажерку рядом» [3, с. 61]. В кабинете, спроектированном Багиновым, «не только повернуться будет негде, но и разместить всего этого нельзя будет» [3, с. 61].

Список претензий Кононов резюмировал замечанием о том, что «нельзя и предполагать, чтобы в неудобной обстановке Командующий стал бы охотно проводить долгие часы за занятиями, которых необходимо здесь быть очень много... Возможно ли требовать умственной сосредоточенности, когда рядом с деловым кабинетом проектирована столовая (без буфетной), в непосредственной близости с кухней, неизбывным чадом, стуком посуды, суетней близко расположенной прислуги, шныряющей по узенькому коридорчику вдоль стен кабинета, и обычной домашней возни, и игры на музыкальных инструментах» [3, с. 61]. Начальник флотилии предвидел, что кроме прислуги, командующего будут отвлекать и гости хозяйки, проходящие мимо кабинета. «Все это буржуазное размещение далеко от того делового и обдуманного размещения», которое представлялось ему соответствующим занимаемой должности: «...нельзя не отметить, что проект архитектора Багинова рационально составлен с точки зрения жилого дома, а не командующего» [3, с. 61]. После такой отповеди И. С. Багинов, вероятно, сделал попытку как-то исправить проект, уйти от «буржуазности» и выполнить все пожелания начальника флотилии, но в итоге получилось довольно невразумительное сооружение (искаженное к тому же надстройкой 1920-х годов).

По протоколам КУБ можно проследить реализацию затянувшегося до конца 1915 года строительства адмиральского дома (к этому времени начальником флотилии стал вице-адмирал Баженов).

В фонде 1273 выявлена загадочная телеграмма в Петербург о том, что «журналом комиссии от 17.01.15,

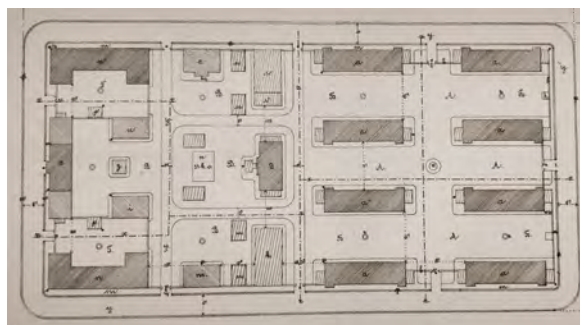

представленным через Окружное управление, исчислена меблировка дома начальника флотилии ошибочно 15000 р. Нужно считать 4500 р.» [2, с. 6]. Для коммерческого способа ведения строительства, принятого в Окружном инженерном управлении, «ошибка» в 10000 р. была обычным делом.

В протоколе № 697 от 17.06.1915 отмечается, что «штукатурка адмиральского особняка ведется довольно тщательно, но тяги, идущие по арке между гостиной и залой, нарушают общую гармонию. Кладка прямоугольных печей ведется по наружному виду тщательно, но применена оборотная система, отжившая свое время и более не применяемая» [1, с. 35]. Однако исполнитель работ доложил, что такая система печей была выбрана лично начальником флотилии.

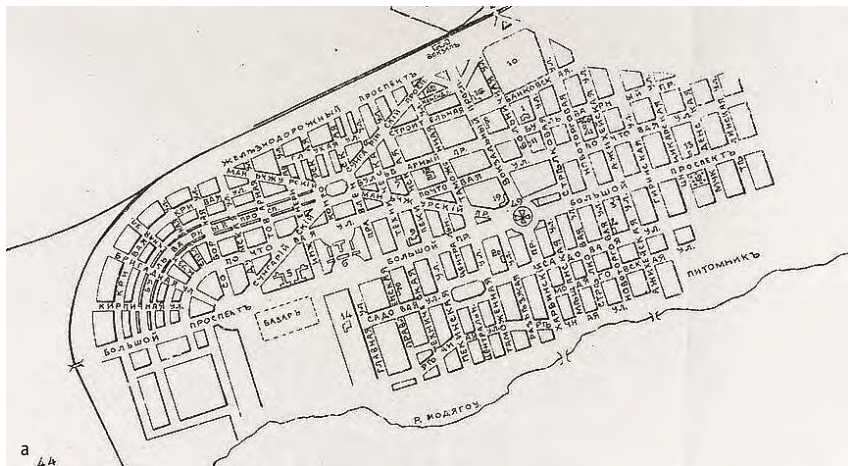
В протоколе № 735 от 3.10.1915 приведены результаты осмотра «наблюдающего за военными инженерами подполковника Милютину»: «Дом адмирала почти окончен, заканчиваются столярные работы, полы и стекольные. Оконные переплеты сделаны с излишней роскошью – во второй оконный переплет вставляется два стекла, следовательно, выходит в двух оконных переплетах три стекла. Полы корабельного типа под линолеум делаются вполне тщательно, но не врезаны в углах решетки для вентиляции подпольных пространств. Арка между залой и гостиной не вполне правильных очертаний. При доме сделан ледник» [1, с. 45].

По ходу работ обнаруживались все новые недочеты, и Баженов специальной телеграммой в Петербург, в Комитет по организации береговой обороны, ходатайствовал о выделении дополнительных 2250 р. для «строительства у его заканчивающегося дома отдельного деревянного помещения 9 кв. сажень для кучера и прочей мужской прислуги», а также указывал, что «в доме нет подвала и ванной комнаты», а сам дом «расположен вдали от всех построек базы» [1, с. 40]. Вероятно, место на вершине сопки, продуваемой всеми ветрами, откуда открывался вид на Амур, затон и Балтийский завод,

^ Рис. 6. План гарнизона. Харбин. 1902 [8]

< Рис. 7. План общего расположения казарменных зданий из альбома «Проекты казарменных зданий каменного типа на пехотный полк» (Санкт-Петербург, 1882)

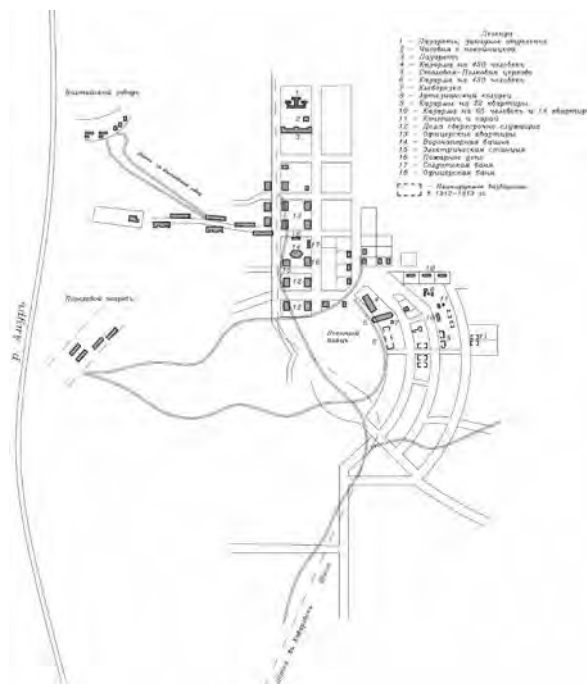
^ Рис. 8. Фрагменты генпланов дальневосточных городов: а – фрагмент генплана Дальнего из альбома К. Г. Сколикацкого [9]; б – фрагмент генплана Нового города в Харбине из брошюры «Спутник по Дальнему Востоку» (Харбин, 1911–1912)

было выбрано Кононовым, но сменивший его на посту начальника флотилии вице-адмирал Бажанов не оценил романтичности уединенной локации. Потребовались работы по благоустройству территории, о которых также сообщают акты и протоколы КУБ, дающие представление о стандартах, принятых в военно-морском ведомстве.

«От палисадника у дома адмирала до Офицерской улицы откосы полотна и канав укреплены сплошной одерновкой, по бровкам полотна положена дерновая лента в ширину 0,15 саж. Проезжая часть замощена на ширину 2,1 саженой камнем гранитных пород по слою песка толщиной в 4 вершка. По краям мощения уложен каменный бордюр, для пропуска воды установлены мощные лотки. Для съезда с полотна к зданиям устроены мощные аппарели. Мостик окрашен в серый цвет с белыми головками тумб. По обочинам, между бордюром и тротуаром, произведена посадка деревьев» [6]. Качество работ в целом комиссию удовлетворило: «... устройство мостовой дороги на протяжении 150 саженой от дома адмирала до шоссе производится тщательно, никаких замечаний нет» [1, с. 45].

Непарадный облик адмиральского дома (рис. 4), вероятно, показался не соответствующим статусу нового советского командования базой, и здание в 1920-х отдали под школу. В самом начале ул. Ильича (бывшей Адмиральской) для начальника Краснознаменной флотилии был построен небольшой дворец с мощным портиком и симметричным главным фасадом (рис. 3, г).

> Рис. 9. Проекты казарм (в дальнейшем будут дополнены авторами) [8]

Монументальная торжественная архитектура советского «адмиральского дома», на фоне которой старый «адмиральский особняк» казался малозначительной хозяйственной постройкой, должна была подчеркнуть величие новой власти и ее наглядное превосходство над упраздненным порядком. Сегодня в старом адмиральском доме находится детско-юношеская спортивная школа, а в новом – перинатальный центр. Визуальный осмотр старого адмиральского дома выявил полную утрату аутентичных элементов интерьера (печи, столарка, фурнитура, напольная плитка и проч.), но само здание находится в хорошем состоянии и активно эксплуатируется.

Церковь-столовая. Гораздо хуже сегодня обстоят дела со вторым по значимости объектом базы АРФ, превращенным в 1923 году в «матросский клуб», заброшенным после пожара и постепенно, но неотвратимо руинирующимся (рис. 5, а, б). Осмотр постройки, проведенный 26.02.2025, выявил сохранность аутентичных конструктивных элементов – чугунных колон, отлитых на хабаровском заводе «Арсенал», и балок перекрытий (рис. 5, в, г).

Проекта церкви-столовой пока найти не удалось, и сомнительно, что он был. Судя по документам, основной производитель работ инженер Николаев импровизировал на ходу, ориентируясь прежде всего на финансирование. Из журналов КУБ не удалось выяснить, была ли в итоге освящена церковь, но сам строительный процесс подробно задокументирован. В протоколе от 21.04.1915 сообщалось, что «церковь-столовая вчерне почти закончена, сложены кирпичные стены, уложены потолочные балки, по ним потолок; установлены стропила, сделана обрешетка и железная крыша» [1, с. 23]. В середине июня была окончена штукатурка стен; «покрытые крыши закончено за исключением над наружным кирпичным крыльцом, над которым, по сообщению инженера Николаева, предполагается постройка колокольни. Над одним из входов-тамбуров предполагается сделать звонницу-колокольню, на которой и повесить колокола. Вопрос о постройке этой звонницы будет закончен согласно указаний флотилии и по соглашению с контролером, в зависимости от полученной экономии. Без устройства такой звонницы пришлось бы строить особый навес для подвешивания колоколов, что вызвало бы расход такой же, как и устройство звонницы над готовым тамбуром» [1, с. 35].

К октябрю 1915-го кирпичная кладка колокольни была окончена, в открытых оконных проемах предполагалось повесить три колокола общим весом 60 пудов. В помещении столовой шла заливка асфальтовых полов, остальные работы были окончены, за исключением столарных, стекольных и установки в кухне очага. Комиссия отметила, что «в арке перед иконостасом пропущена четверть для дверного косяка. На вопрос, чем будет отделяться столовая, которая во время служения должна быть

местом для молящихся, а в обыкновенное время служить для расстановки обеденных столов, старший десятник ответил, что ничем не предложено отделить, и действительно – арка совершенно гладкая» [1, с. 45]. Вероятно, предполагалась завеса.

В середине октября 1915 года была вчерне почти закончена и покрыта железной крышей каменная 3-этажная казарма для 450 матросов. Для межэтажных перекрытий были «уложены деревянные и железные балки, по деревянным балкам уложен настил из досок под асфальтовые полы, а между железными балками – кирпичные сводики» [1, с. 45]. Проект этой казармы (прекрасная акварельная отмычка фасада и поэтажные планы, к сожалению, без подписи) с примечанием «куб. содержание воздуха в помещении 1050 куб. саж, на человека – 2.43 куб. саж.» мы нашли в фонде 315 РГАВМФ [8].

Организация быта. После изгнания корейских огородников свежие овощи покупать стало негде, пришлось выпрашивать у Петербурга разрешение устраивать при жилых постройках капустные погреба. Аккуратные казармы и офицерские флигеля, bravо выстроившиеся вдоль красных линий, быстро обрастали множеством хозяйственных пристроек, не предусмотренных типовыми генпланами гарнизонов. Во внутренних документах АРФ есть указание на то, что во дворе казармы могут размещаться: хлебопекарни, склады для сухой провизии и цейхгаузы для обмундирования, бани, прачечная с сушилкой, мусорная яма, конюшня с сеновалом, сарай для фуража, гимнастика, столб с гигантскими шагами, несколько столбов с крючьями для сушки белья, сарай для пожарного обоза. В новом артезианском колодце вода наконец-то оказалась «чистой, абсолютно прозрачной, холодной без осадков, без всякого привкуса» [1, с. 19]. Так постепенно формировалась замкнутая экосистема базы, включающая береговой и антропогенный ландшафт.

Благоустройство территории. С началом Первой мировой войны государственные ресурсы пошли в западном направлении и капитальное строительство на базе АРФ уже не начиналось – достраивались текущие объекты. Основные усилия были направлены на благоустройство Адмиральской, Офицерской и Матросской улиц. Работа, начатая в 1915 и производившаяся до конца строительного сезона 1916 года, заключалась в устройстве следующих средовых элементов: мощеной проезжей части, пешеходных мостков (тротуаров), переездных или пешеходных мостиков через боковые канавы улиц, подземных труб для пропуска вод под полотно. Кроме того, по сторонам улиц были высажены деревья. К сожалению, породы деревьев в журналах КУБ не указаны. Протяженность благоустроенных отрезков составила 602 погонные сажени [6].

О том, что финансирование базы неотвратимо сокращалось, свидетельствует телеграмма в Петербург председателя КУБ генерал-майора Анчевского от 19.01.16: «...за неимением кредита чины и служащие комиссии остаются без содержания, предстоят экстренные платежи рабочим, прошу срочно перевести 25000» [1, с. 53].

18 февраля 1918 года вышел приказ о расформировании флотилии, подписанный ее последним начальником – капитаном 1-го ранга Г. Г. Огильви, однако история базы на этом не закончилась – начался новый, советский этап, длившийся еще 70 лет.

Заключение

Обилие цитат, загромождающих текст, возможно, утомило читателя, но нам было важно «дать слово» участникам событий, разворачивавшихся в начале XX века вокруг проекта базы Амурской речной флотилии. Сухие протоколы и эмоциональные рапорты помогают почувствовать в военных инженерах коллег и товарищей. Нам понятны их тревоги и надежды, мы угадываем в казармах на голых утесах мечту о русском Тихом океане.

Литература

1. РГВИА. Ф. 1566. Оп. 2. Д. 68. «Дело № 13 Пятого Округного Управления по квартирному довольствию войск Приамурского военного округа на 1915 г.». Копии непосредственных сношений, январь 1915 – январь 1916. 49 с.
2. РГАВМФ. Ф. 1273. Штаб Амурской речной флотилии г. Хабаровск 07.05.1912 – 13.05.1918. Оп. 1. Д. 5. 30 л. Акты комиссии по устройству базы АРФ о приемке строительных работ.
3. РГАВМФ. Ф. 422. Особый комитет по организации прибрежной обороны. Оп. 1. Д. 19. 09.01.12 – 2012.12. 337 л.
4. РГАВМФ. Ф. 1273. Штаб Амурской речной флотилии г. Хабаровск 1907–1918 гг. Оп. 1. Д. 1. 22 л. Доклады командующего флотилией рек Амурского бассейна кап. 2-го ранга М. К. Бахирева о состоянии Амурского бассейна, необходимости усиления обороны р. Амур и учреждении Амурской речной флотилии. 1907.
5. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году по высочайшему повелению сенатора Глишинских ревизий учреждений и учрежденных Военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов. В 5 т. – Т. 2 : Военно-инженерное ведомство и войсковые строительные комиссии. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1911. – 474 с.
6. РГАВМФ. Ф. 1273. Оп. 1. Ед. хр. 5. Отдел портово-дорожный. Технический список № 8 мощений улиц на базе с устройством пешеходов/тротуаров с обсадкой улиц деревьями. – С. 15.
7. РГАВМФ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 4. Генеральный план базы. Синька.
8. РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Ед. хр. 769. Планы и чертежи казарм и зданий Морского ведомства по портам. Амурская речная флотилия. – С. 58–62.
9. РГВИА. Ф. 349. Оп. 41. Д. 544. Генеральный план расположения казарм на 2 батальона стрелкового полка, 1 батарее и 1 казачью сотню. По г. Харбину. 1902 г.
10. РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Приморская обл. Д. 1. План г. Дальнего. Альбом фотографий. 1903.

References

- Most humble report on the audits of institutions and establishments of the Military Department of the Irkutsk and Primorsky Military Districts carried out in 1910 by the highest order of Senator Glishchinsky. In 5 volumes. (1911). In *Military Engineering Department and Troop Construction Commissions* (Vol. 2). St. Petersburg: State typography.
- Russian State Archives of the Navy*. Fund 315. Inv. 1. File 769. Plans and drawings of barracks and buildings of the Naval Department for ports. Amur River Flotilla. Pp. 58-62.
- Russian State Military Historical Archive*. Fund 349. Inv. 41. File 544. General plan for the location of barracks for 2 battalions of a rifle regiment, 1 battery and 1 Cossack hundred. For the city of Harbin, 1902.
- Russian State Archives of the Navy*. Fund 409. Inv. 1. File 4. General plan of the base. Blueprint.
- Russian State Archives of the Navy*. Fund 422. Special Committee for the Organization of Coastal Defense. Inv. 1. File 19, 09.01.12-2012.12, 337 p.
- Russian State Archives of the Navy*. Fund 1273. Headquarters of the Amur River Flotilla, Khabarovsk, 07.05.1912-13.05.1918. Inv. 1. File 5. Acts of the commission for the arrangement of the ARF base on the acceptance of construction work, 30 p.
- Russian State Archives of the Navy*. Fund 1273. Headquarters of the Amur River Flotilla, Khabarovsk, 1907-18. Inv. 1. File 1. Reports of the commander of the Amur River Flotilla, Captain 2nd Rank M.K. Bakhirev, on the state of the Amur Basin, the need to strengthen the defense of the Amur River and the establishment of the Amur River Flotilla, 1907, 22 p.
- Russian State Archives of the Navy*. Fund 1273. Inv. 1. File 5. Port and Road Department. Technical list No. 8 of street paving at the base with the construction of pedestrian/sidewalks with tree-lined streets. P. 15.
- Russian State Historical Archive*. Fund 1293. Inv. 167. Primorskaya Oblast. File 1. Plan of the city of Dalniy. Photo album, 1903.
- Russian State Military Historical Archive*. Fund 1566. Inv. 2. File 68. Case No. 13 of the Fifth District Directorate for Housing Provision of Troops of the Amur Military District for 1915. Copies of direct communications, January 1915 – January 1916, 49 p.

В статье отражены результаты исследования, проводимого авторами при поддержке гранта Российского научного фонда и Министерства образования и науки Хабаровского края. Рассмотрена профессиональная деятельность в регионе одного из выпускников ленинградской архитектурной школы Евгения Борисовича Серебрякова, в 1930-е годы работавшего инженером-архитектором военно-строительного отдела особой Краснознаменной дальневосточной армии (ОКДВА), и оставившего значительный след в архитектуре Дальнего Востока и г. Хабаровска. Приведены краткие биографические сведения, охарактеризованы проекты и сохранившиеся постройки.

Ключевые слова: архитектура Дальнего Востока; наследие; ленинградская архитектурная школа; военное строительство; Евгений Серебряков. /

The article presents the results of the study conducted by the authors with the support of the grant of the Russian Science Foundation and the Ministry of Education and Science of the Khabarovsk Territory. The article examines the professional activities of one of the graduates of the Leningrad School of Architecture Evgeniy Borisovich Serebryakov in the Far Eastern region. He worked as an engineer-architect in the military construction department of the Special Red Banner Far Eastern Army (OKDVA) in the 1930s and left a significant mark on the architecture of the Far East and the city of Khabarovsk. Brief biographical information is provided, projects and surviving buildings are characterized.

Keywords: architecture of the Far East; heritage; Leningrad architectural school; military construction; Evgeniy Serebryakov.

Архитектура военного ведомства в Хабаровске. Евгений Серебряков / Architecture of the military department in Khabarovsk. Evgeniy Serebryakov

текст

Кирилл Степанов
Константинович
Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)
Михаил Базилевич
Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)
Алина Иванова
Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

text

Kirill Stepanov
Pacific National University
(Khabarovsk)
Mikhail Bazilevich
Pacific National University
(Khabarovsk)
Alina Ivanova
Pacific National University
(Khabarovsk)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20354, <https://rscf.ru/project/24-28-20354/> и Министерства образования и науки Хабаровского края (Соглашение № 119С/2024)

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-20354, <https://rscf.ru/project/24-28-20354/> and the Ministry of Education and Science of Khabarovsk Krai (Agreement No. 119C/2024)

Введение. В 1930-е годы начинается критика формальных архитектурных течений и последовательное введение советским правительством установок на использование классических форм в застройке дальневосточных городов. На этом фоне начали появляться здания, относящиеся к переходному (постконструктивистскому) направлению, объединяющие в себе функциональную конструктивистскую планировочную и объемную структуру с ордерными элементами фасадного декора. Как и в дореволюционный период, отсутствие в регионе собственных архитектурных школ способствовало привлечению на Дальний Восток большого числа специалистов из центральной части страны. Одним из основных поставщиков архитектурно-строительных кадров традиционно являлась ленинградская (петербургская) школа гражданских инженеров, выпускники которой составляли костяк профессиональных сил, обустроивших города по всей территории страны, в том числе и на ее восточных рубежах. Работая в гражданских и военных проектных организациях и органах административного управления, гражданские инженеры-архитекторы оказали существенное влияние на формирование архитектурного ландшафта городов Дальнего Востока и во многом определили их современный облик.

В рамках данной публикации рассмотрим творческий путь и объекты архитектурного наследия одного из наиболее известных в регионе выпускников ленинградской архитектурной школы Евгения Борисовича Серебрякова, работавшего в Хабаровске в 1930-е годы инженером-архитектором военно-строительного отдела Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА).

Евгений Борисович Серебряков (рис. 1) родился в 1906 в фамильной усадьбе семьи Лансере-Серебряковых Нескучное в Курской губернии. Его родителями были инженер-железнодорожник Борис Анатольевич Серебряков и Зинаида Евгеньевна Лансере-Бенуа, выдающаяся художница, участница объединения «Мир искусства» [1]. Воспитываясь в Санкт-Петербурге и Нескучном, юный Евгений Серебряков довольно рано подвергся влиянию своего дяди, архитектора Николая Евгеньевича Лансере и решил продолжить дело своих именитых предков,

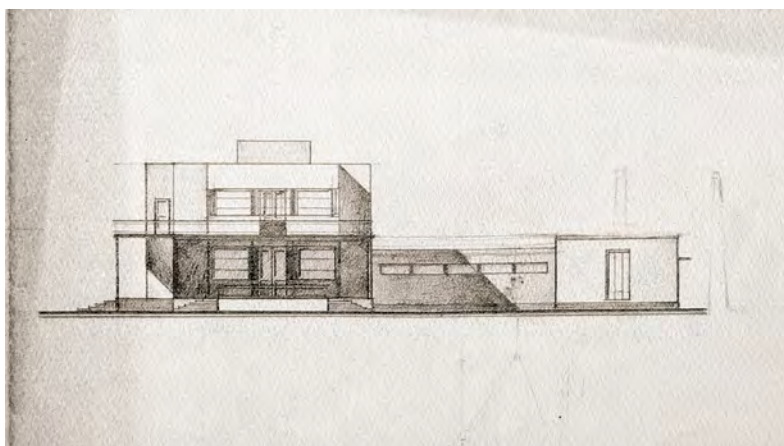
среди которых были и Альберт Катеринович Кавос, и Николай Леонтьевич Бенуа, и Евгений Александрович Лансере. В 1927 году он поступил в Ленинградский институт гражданских инженеров (ЛИГИ), который окончил в 1931. После очередной реорганизации ЛИГИ уже был переименован в Ленинградский институт коммунального строительства (ЛИКС).

После окончания института Евгений Серебряков подписывает контракт с Владивостокской проектной конторой «Дальпроект» и уезжает на Дальний Восток. Это было вполне обычной практикой, когда молодые выпускники инженерно-строительных вузов Москвы, Ленинграда, Харькова сразу после обучения не оставались в центре страны, а уезжали в отдаленные регионы СССР, где не было своей архитектурной школы, но в то же время архитектурно-планировочной работы – в избытке. Институт коммунального хозяйства (институт гражданских инженеров до революции) традиционно был основным источником инженерных кадров для отдаленных регионов страны. Во Владивостоке молодой 25-летний архитектор, который до этого практически не имел профессиональной практики, безотлагательно приступил к проектной работе. За несколько месяцев работы в «Дальпроекте» Серебряков выполнил ряд проектов жилых домов, клубов и дач. Наряду с деятельностью в «Дальпроекте» он также преподавал рисунок и живопись в недавно образованном Дальневосточном политехническом институте. Столь активная карьера Евгения Борисовича во Владивостоке, однако, продлится не более 4 месяцев: в январе 1932 он поступил на службу в Красную Армию (ОКДВА).

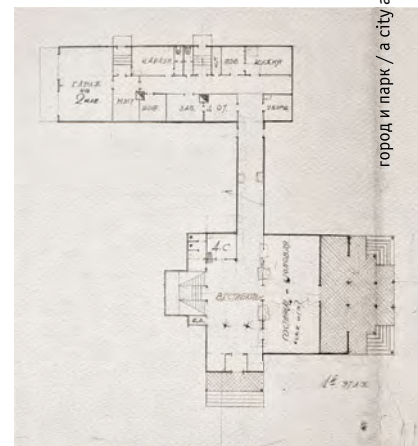
Приказом реввоенсовета СССР от 6 августа 1929 была создана Особая Дальневосточная армия (ОДВА), руководителем которой был назначен хорошо знакомый с Дальним Востоком будущий маршал СССР В. К. Блюхер. После событий на КВЖД в августе-декабре того же года ЦИК СССР наградил ОДВА Орденом Красного Знамени, и с 1 января 1930 Дальневосточная армия получила также приставку «Краснознаменная» – ОКДВА. Другим итогом военных операций на КВЖД, а также японской экспансии в Манчжурию 1931–1932 стало очевид-

^ Рис. 1. Евгений Борисович Серебряков (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р.-341. Оп. 10. Д. 754. Л. 1)

^ Рис. 2. Проект дома отдыха штаба РККА. Боковой фасад. Архитекторы В. И. Пилявский, Е. Б. Серебряков. 1932 (ЦГАЛИ СПб, Ф. Р.-453, Оп. 1. Д. 172, Л. 3)

^ Рис. 3. Проект дома отдыха штаба РККА. План первого этажа. Архитекторы В. И. Пилявский, Е. Б. Серебряков. 1932 (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р.-453. Оп. 1. Д. 172. Л. 3)

ное обострение военно-политической обстановки на Дальнем Востоке. Это, в свою очередь, порождало необходимость значительного увеличения военного присутствия в регионе. В ДВК переводятся, например, 32-я Саратовская и 34-я Средне-Волжская стрелковые дивизии, а на руководящие должности направляются К. А. Мерецков, Л. М. Аронштам, В. К. Путна и многие другие выдающиеся военачальники [2, с. 108]. Очевидно, что рост контингента военных сил подразумевал также и возрастающие запросы на строительство военных городков, складов, казарм и прочих сооружений для народного комиссариата обороны. Для выполнения значительной проектной работы при штабе РККА в г. Хабаровске создается военно-строительный отдел ОКДВА, который позже, в 1937, будет реорганизован в проектный институт «Дальвоенпроект» Дальвоенстроя при СНК СССР [3, с. 62]. Одним из первых инженеров-архитекторов, приглашенных в отдел из центра в начале 1930-х, станет Владимир Иванович Пилявский, в будущем выдающийся историк архитектуры, автор ряда знаменательных книг по истории русского зодчества. Он так же, как и Серебряков, отправится на Дальний Восток сразу после окончания Ленинградского инженерно-строительного института. К нему же в отдел в январе 1932 года из Владивостокского «Дальпроекта» будет приглашен его товарищ по ЛИКС Е. Б. Серебряков. Следующие три года, до марта 1935, Евгений Борисович проработает в инженерной структуре ОКДВА – военно-строительном отделе штаба армии и в казарменном секторе УОИС ОКДВА. В 1932–1933 реализуются первые проекты уже военного архитектора Серебрякова в Хабаровске: склады, гаражи, военные аэродромы в окрестных военных городках, планировкой которых он также занимался. В 1932 году вместе с В. И. Пилявским он создает проект типового двухэтажного деревянного дома для начсостава Красной Армии, планируемого к широкой реализации по всему дальневосточному краю. При проектировании архитекторы исходили из условий экономичности и универсальности. Например, каждая из жилых комнат по проекту имела отдельный вход из коридора, однако ваннные комнаты устраивались по одной на две кварти-

ры [4]. Об архитектурном оформлении жилого дома мы можем судить исключительно по пояснительной записке, составленной в проектом секторе ОКДВА. Судя по всему, его эстетические характеристики также опирались на принципы строгой экономии: *«на следующий год после постройки предполагается дом оштукатурить известковой штукатуркой, как изнутри, так и снаружи. Это обстоятельство позволяет использовать формальные элементы архитектурного оформления, не требующие дополнительных затрат»* [4]. В тот же период, в 1932–1933, Пилявский и Серебряков выполняют проект загородного дома отдыха штаба РККА под Хабаровском. К сожалению, проект не был реализован; тем не менее, он крайне интересен с точки зрения творческих поисков дальневосточных архитекторов начала 1930-х. Оставаясь в парадигме экономичности и универсальности, Пилявский и Серебряков создают лаконичный и выверенный образ двухэтажного здания дома отдыха в духе авангардной архитектуры (рис. 2, 3). Помещения комплекса распределены в двух корпусах – двухэтажном жилым и одноэтажным служебным, соединенных друг с другом длинным коридором.

На рубеже 1933 и 1934, очевидно, после отъезда В. И. Пилявского с Дальнего Востока, Евгений Борисович Серебряков становится главным инженером военно-строительного отдела, и в его послужном списке появляются первые крупные военно-административные объекты, реализованные в Хабаровске для народного комиссариата обороны. Крупнейшим его проектом этого периода станет хирургический и терапевтический корпус военного госпиталя. Военный госпиталь находится на одной из центральных улиц города и занимает значительную территорию; его фонд во многом состоит из дореволюционных одно-двухэтажных построек, срочно нуждается в расширении. На углу улиц Серышева и Артиллерийской (ныне Истомина) в 1933 году был выделен участок под строительство из кирпича и шлакоблоков трехэтажного здания хирургического корпуса. В течение следующих двух лет, до завершения строительства в 1935, Евгений Серебряков будет работать на стройке в качестве архитектора и производителя работ. В архитектурном отношении хирурги-

> Рис. 4. Хирургический и терапевтический корпус военного госпиталя в Хабаровске. Современное состояние. Архитектор Е. Б. Серебряков. 1933–1935. Фото К. Степанова

> Рис. 5. Хирургический и терапевтический корпус военного госпиталя в Хабаровске. Фрагмент входной группы. Современное состояние. Архитектор Е. Б. Серебряков. 1933–1935. Фото К. Степанова

ческий корпус военного госпиталя является любопытным примером переходного стиля от авангарда к классике (рис. 4). Имея схожую с конструктивизмом объемно-пространственную композицию, здание госпиталя в деталях, тем не менее, уже являет собой интересное прочтение классического наследия. Первый этаж здания госпиталя и ризалиты рустованы, окна второго этажа оформлены лаконичными сандриками с массивными замковыми камнями, а сложный карниз украшен небольшими, широко расставленными друг от друга дентикулами. Центром же композиции здания военного госпиталя стал угловой объем с портиком из 11 рустованных пилонов, в разрезе имеющих форму восьмигранника (рис. 5). В оформлении наверху пилонов используются схожие по геометрии замковым камням окон второго этажа элементы декора; тем самым создается взаимосвязь элементов в единой композиции здания. Нельзя не отметить, что во многом образ здания хирургического и терапевтического корпуса военного госпиталя в Хабаровске был продиктован заметной милитаризацией региона после 1932 года. С одной стороны, он напоминает боевую машину Красной Армии, охраняющую Дальневосточный край, с другой – военную неприступную крепость, форпост СССР в Азии. Подобный же подход напрямую будет использован архитекторами А. Ф. Жуковым и С. Б. Знаменским в 1937–1939 на павильоне Дальнего Востока для ВСХВ [5].

Проработав при штабе ОКДВА в общей сложности почти три года, в марте 1935 Е. Б. Серебряков перейдет на работу в «Дальпрогор» (проектный трест Крайкомхоза), созданный за несколько лет до этого в Хабаровске. В нем сосредоточится вся основная гражданская архитектурная деятельность города. В 1935–1936 архитектурно-планировочный отдел «Дальпрогора» будет насчитывать 10 архитекторов; среди которых будут и выпускники ЛИКСа, сокурсники Серебрякова М. Р. Брельгин и А. Р. Коган. Хабаровск, активно застраивающийся в период второй и третьей пятилеток, будет испытывать дефицит инженеров, архитекторов и градостроителей на протяжении всех 1930-х годов. Многие архитекторы будут заняты на проектировании сразу нескольких объектов одновременно. Так, Е. Б. Серебряков за всего лишь год

работы в «Дальпрогоре» спроектирует для Хабаровска банно-прачечный комбинат, детский больничный корпус медгородка, химический корпус завода «Дальхимфарм» (реализован в 1937–1939) и несколько других, меньших по объему объектов. Однако самой знаковой его постройкой в городе станет возведенная в 1935–1937 гостиница (дом-коммуна) Дальлеса в Хабаровске. В середине 1930-х дальневосточное отделение Главлеспрома (Дальлес) вело масштабные строительные работы по всему Дальневосточному краю. Для размещения своих приезжих специалистов на короткий и длительный срок было решено построить большое пятиэтажное здание, в котором разместились бы и гостиничные номера, и квартиры сотрудников. В 1934 году крупный участок в самом центре города, на пересечении улиц Карла Маркса и Запарина, перешел в ведение Дальлеспрома, и уже в 1935 году здесь началось сооружение дома-коммуны (рис. 6). Архитектурное решение фасадов дома Дальлеса, выбранное Серебряковым, отражает следующий шаг, сделанный в развитии советской архитектуры 1930-х: если творческие поиски начала 1930-х еще целиком и полностью совпадали с авангардными течениями 1920-х (дом отдыха Красной Армии), то в 1933–1935 наметился четкий переход к монументальной классической архитектуре при сохранении авангардных методов по формированию объемно-пространственной композиции (корпус военного госпиталя), а во второй половине 1930-х разрыв с конструктивизмом был уже практически окончательным. Два крыла дома-коммуны Дальлеса соединены в четверть цилиндра парадным угловым объемом, первый этаж которого облицован крупными гранитными блоками, а со второго по пятый этаж украшен четырьмя колоннами коринфского ордера с трехметровыми базами. Примечательно, однако, что корреспондент «Архитектурной газеты», писавший «письмо из Хабаровска» в 1937, в год окончания строительства дома Дальлеса называл его «в архитектурном отношении ничем не примечательным», а в фразе «“украшен” колоннами, вытянутыми на высоту трех этажей» слово «украшен» употреблено в кавычках [6]. Серебряков неоднократно выезжал в Корфовский каменный карьер, выбирая лучший материал для об-

> Рис. 6. Гостиница и дом-коммуна «Дальлеса» в Хабаровске. Современное состояние. Архитектор. Е. Б. Серебряков. 1935–1937. Фото К. Степанова

лицовки, а на отделочные работы непосредственно на стройке из его родного Ленинграда была приглашена группа гранитчиков и мозаичников, наверняка также не в последнюю очередь по инициативе самого Евгения Борисовича. Как результат Хабаровск получил знаковый объект на центральной улице города, ставший его настоящим украшением без кавычек.

Отработав в «Дальпрогоре» больше года, Серебряков в апреле 1936, после 5 лет службы на Дальнем Востоке, три из которых в военно-строительном отделе ОКДВА, вернется в свой родной Ленинград, где продолжит профессиональную деятельность в различных проектных институтах северной столицы. Среди его проектов, реализованных в 1940–1950-е, будут фабрика-кухня в Магнитогорске (1937), жилые дома ижорского завода в Колпино (1937–1939), горный техникум в Таллине (1951–1953), планировка поселка «Строитель» в Златоусте (1954–1956) и многие другие. С 1946 по 1950, находясь в должности старшего архитектора мастерской № 8 «Ленпроекта», Евгений Борисович будет занят на восстановительных работах в Петергофе, занимаясь, в том числе, реконструкцией Большого грота и Фермерского дворца. За эту работу он будет награжден памятными грамотами и медалями.

Заключение. В 1930-е годы формирование советской военной архитектуры в столице Дальневосточного края Хабаровске шло стремительными темпами. Три важнейших года становления (1932–1935) как архитектурного языка, так и номенклатуры сооружений ОКДВА выпало именно на бытность Е. Б. Серебрякова в должности главного инженера-архитектора строительного отдела Дальневосточной армии. Таким образом, именно творческое наследие Серебрякова в Хабаровске, связанное с архитектурно-строительным направлением деятельности инженерных отделов военного ведомства, стало неотъемлемой частью культурного ландшафта города. Ряд военных городков в Хабаровске и пригородах выстраивался по проектам его отдела; многие сооружения еще требуют атрибуции авторства Серебрякова. Однако реализованные монументальные его постройки до сих пор украшают две центральные улицы Хабаровска и являются

иллюстрацией непродолжительного, но в то же время выразительного этапа развития застройки дальневосточных городов, определившего переход от конструктивизма к архитектуре сталинской классики.

Литература

1. Русакова, А. А. Зинаида Серебрякова. – Москва : Молодая гвардия, 2008. – 227 с.
2. Краснознаменный Дальневосточный : История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. – Москва : Воениздат, 1985. – 348 с. : ил.
3. Город на трех холмах. 150-летию Хабаровска посвящается. – Хабаровск : Жар-Птица, 2008. – 207 с. С. 62.
4. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р.-453. Оп. 1. Д. 133. Л. 2, 3 (Пояснительная записка к проекту жилых домов в Хабаровске, 1932).
5. Степанов, К. К. Образ советского Дальнего Востока в архитектуре региональных павильонов на сельскохозяйственных выставках в Москве (1923–1954) // Academia. – 2020. – № 4. – С. 24–30.
6. Артюхов, Н. Строим дорого и плохо. Письмо из Хабаровска // Архитектурная газета. – 1935. – 3 авг. (№ 56). – С. 4.

References

- Artyukhov, N. (1935, August 3). Stroim dorogo i plokho. Pismo iz Khabarovska [We build expensively and poorly. Letter from Khabarovsk]. *Architectural Newspaper*, 56(200), 4.
- Gorod na trekh kholmakh. 150-letiyu Khabarovska posvyashchaetsya [City on Three Hills. Dedicated to the 150th Anniversary of Khabarovsk]. (2008). Khabarovsk: Zhar-Ptitsa.
- Krasnoznamennyi Dalnevostochnyi: Istoriya Krasnoznamennogo Dalnevostochnogo voennogo okruga [Red Banner Far Eastern: History of the Red Banner Far Eastern Military District]. (1985). (3rd ed., corrected, supplemented). Moscow: Voenizdat.
- Poyasnitelnaya zapiska k projektu zhilykh domov v Khabarovske [Explanatory note to the project of residential buildings in Khabarovsk]. (1932). *Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg*. Fund 453. Inv. 1. File 133. Ll. 2, 3.
- Rusakova, A. A. (2008). *Zinaida Serebryakova*. Moscow: Molodaya Gvardiya.
- Stepanov, K. K. (2020) The image of the Soviet Far East in the architecture of regional pavilions at agricultural exhibitions in Moscow (1923–1954). *Academia. Architecture and Construction*, 4, 24–30.

А. Ю. Казарян исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00354-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00354/> в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете (НИУ МГСУ)

Acknowledgements:

The study has been realized by A. Kazaryan within the grant of the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00354-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00354/>, in the Moscow State University of Civil Engineering (MGSU), National Research University

Исследование основанных царем Смбатом II Багратуни (977–989) оборонительных укреплений Ани опирается на результаты изучения средневековых источников и поиске путей раскрытия архитектурных особенностей памятника фортификационного зодчества. В его торжественно представленных лапидарных строительных надписях, рельефах и инкрустированных изображениях, во вставленных в стены хачкарах и выложенных полихромной кладкой крестах отразилась концепция царского столичного города, соединения светской и духовной властей. Осмысливается динамика Смбатовых стен, сохранивших планировочную идею и лишь несколько фрагментов первоначальной структуры в основе башен и ворот.

Ключевые слова: армянская архитектура; X–XIII вв.; средневековые фортификации; Ани; Смбаковы стены; городские ворота; крепостные башни. /

The study of the defensive fortifications of Ani founded by King Smbat II Bagratuni (977–989) is based on the results of studying medieval sources and searching for ways to reveal the architectural features of this monument of fortification architecture. Its image, developed by the ceremoniously presented lapidary building inscriptions, reliefs and inlaid images, by the khachkars inserted into the walls and crosses lined with polychrome masonry, reflected the concept of the royal capital city, the union of secular and spiritual authorities. The article comprehends the dynamics of the Smbat's walls, which have preserved the planning idea and only a few fragments of the original structure at the base of the towers and gates.

Keywords: Armenian architecture; 10th–13th centuries; medieval fortifications; Ani; Smbat's walls; city gates; fortress towers.

Смбаковы стены Ани / Smbat's walls of Ani

текст

Армен Казарян

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
Карен Матевосян
Матенадаран. Научно-исследовательский институт древних рукописей имени Месропа Маштоца (Ереван, Республика Армения)
text

Armen Kazaryan

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Karen Matevosyan

Matenadaran, the Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts (Yerevan, Armenia)

Панораму столицы Армении эпохи Багратидов с многочисленными руинами церквей, остатками дворцов, мечетей, бань, жилых и производственных построек объединяют растянувшиеся на пару километров высокие городские стены, называемые Смбаковыми по имени основавшего их царя Смбата II Багратуни (977–989) (рис. 1–2). Воплощение в Ани концепции царского столичного города, в котором топографически объединяются светская и духовная власти, требовало его надежной защиты достойными фортификациями и выдвигало высокие требования к архитектурным качествам защитных сооружений, которые непосредственно оказывали влияние на образ основанного в 961 году и до XIV в. развивавшегося большого города. Одна стена с округлыми с внешней стороны башнями была сооружена по повелению первого коронованного в Ани царя, Ашота III Милостивого Багратуни (953–977) и защитила вышгород с царским дворцом и так называемый Старый город, который историк XII в. Мхитар Анеци называет «малым городом» (փոքր քաղաք) [1, с. 67; 2, р. 83–85]. Но уже вскоре городская застройка с изначально узкого участка, заключенного между двумя ущельями, распространилась далеко на пространство плато, сформировав таким образом Новый город¹. Возведенная через несколько лет Смбакова линия укреплений пересекала это плато там, где расстояние между ущельями слегка сужалось. Она представляла собой двойные снабженные башнями стены с предваряющим их среднюю часть рвом протяженностью более 500 м. На это строительство указывает автор рубежа X–XI вв. Степанос Таронаци (Асогик) в своей «Вселенской истории». Он также отмечает основание при том же царе кафедрального собора архитектором Трдатом, который при следующем шаханшахе Гагике I Багратуни не только завершил этот собор, но и построил вторую крупнейшую церковь города – круглый храм Св. Григория Просветителя, названный исследователями храмом царя Гагика или Гагкашен [3, гл. XLVII, с. 204–205]. Существует предположение о руководстве работами по возведению Смбаковых стен тем же Трдатом, известным своим инженерным мастерством, о чем узнаем из истории о восстановлении им поврежденного от землетрясения купола Константинопольской Софии.

«Настоящий город, новая часть Ани», по убеждению Н. Я. Марра, зародился и рос задолго до строительства Смбаковых стен и даже ранее появления Ашотовой стены. Он аргументирует мысль обнаружением на его территории памятников, относящихся к V–VII вв. [4, с. 79]. Уже в XI в., а еще чаще в XII–XIII вв. Смбаковы стены и башни поновлялись и обстраивались более высокими, о чем свидетельствуют многочисленные надписи на заложенных в их кладку плитках. Задачей статьи является обзорный анализ Смбаковых стен как произведения монументальной архитектуры с изменяющимся обликом в исторической перспективе. Особое внимание обращено на композиции трех основных городских ворот. В качестве дополнительного материала привлекается присутствующая на памятниках эпиграфика, скульптура, резной и полихромный декор.

Величественный образ стен предстал на гравюрах, опубликованных М. Броссе в 1861 году [5, pl. V, VI, 15, 17, 25, 26, 28] (рис. 3). Этот же ученый предлагал прочтение строительных надписей, значительный вклад в изучение которых внесла Анийская археологическая экспедиция под руководством Н. Я. Марра, работавшая в 1892–1893 и 1904–1917. Уже тогда была осознана необходимость комплексного исследования стен, городских ворот и башен, но ввиду затратности археологических работ и приоритетности изучения историками архитектуры храмов Ани, ситуация по сей день остается неизменной. Впрочем, многое было сделано еще сотрудниками экспедиции Н. Я. Марра, проводившими местами археологические расчистки, давшими оценки стратиграфии строительных слоев, уточнившими прочтения надписей. В 1908 году приглашенный Н. Я. Марром старший топограф Ф. К. Мосевич составил подробный план городища Ани, некоторые неточности которого в 1909 году были исправлены художником С. Н. Полторацким, а затем с пронумерованными памятниками, в том числе башнями и воротами. Этот план Смбаковых стен был издан, издан И. А. Орбели [6, с. I–III]. К сожалению, ни тогда, ни позднее башни и ворота, за редкими исключениями, не обмерялись в объеме. Разрезы, фасады, планы ярусов практически отсутствуют.

¹ Названия условные, даны частям города его исследователями.

^ Рис. 1. Вид на город Ани со стороны плато. Восточная часть Смбатовых стен. Фото А. Казаряна. 2019

Н. Я. Марр насчитывал в городских стенах Ани (не считая стен на периферии и Ашотовых) 80 башен, 11 ворот и 3 калитки, причем 55 башен располагались в двух рядах параллельных Смбатовых стен [4, с. 79]. Трое ворот были основными и самыми монументальными. Это Главные, или Львиные (по барельефу льва), Карсские и Шахматные, в XIX в. ошибочно называвшиеся Двинскими. Цифры, приведенные Н. Я. Марром, требуют уточнений, для чего необходимо оперировать не только топосъемкой и фотографиями, но и исследованием на местности, чего были лишены ученые с 1920 года по конец XX в. Да и по сей день городище, расположенное в турецкой, пограничной с Арменией зоне, продолжает находиться на границе страны НАТО с Арменией, где расположена российская военная база. Все это ограничивает возможности изучения памятников архитектуры и археологии.

Старые фотографии фиксируют степень повреждения этих стен. После десятилетий забвения по инициативе турецких властей памятник архитектуры в 1995–1996 в месте главных, Львиных ворот был расчищен, и многие участки стен и башни были поновлены грубым образом, без участия археологов и реставраторов (подробнее см.: <http://www.virtualani.org/history/restorations.htm>). Тогда же итальянским исследователем Т. Бреччия Фратадокки было сосредоточено внимание на одной из башен Карсских ворот [7, р. 70–71]. В 1998–2005 в Ани работала французская экспедиция, которая направила свою деятельность в том числе и на городские стены и окрестные крепости [8, 9]. Архитектурному образу Смбатовых стен была посвящена статья А. Ю. Казаряна [10]. В ней содержались смелые суждения о возможной связи этого образа с Феодосийскими стенами Константинополя, но слабо учитывалась научная информация о стратиграфии строительных слоев. Это потребовало нового обращения к самому анийскому памятнику и к историческим обстоятельствам его возведения и дальнейшего укрепления, проверки наличия в стенах древнейших участков кладки, понимания места этих стен в контексте оборонительного зодчества древнего и средневекового Востока. Поскольку тема оказалась обширной, нынешняя статья представляет собой краткое изложение некоторых результатов предпринятого исследования.

Панорамы и образ Ани неотделимы от этих стен. Городом владели разные правители, в том числе довольно длительно представители мусульманских народов, но эти стены, формирующие внешний облик города со стороны основного подхода к нему, определенно ассоциируются с армянской властью и культурой, причем с соединением светского и духовного начал. Многочисленные резные и инкрустированные кресты, геральдические символы и строительные надписи служат тому свидетельством. Среди таких символов – орел, когтящий добычу, голова быка посреди голов змееподобных драконов, полихромной кладкой выложенные на приворотных башнях свастики (рис. 4). Подобные им встречаются в интерьерах и на фасадах церквей конца XII – начала XIV в.

^ Рис. 2. Западная часть Смбатовых стен с Карсскими воротами со стороны города. Фото А. Казаряна. 2005

^ Рис. 3. Смбаховы стены на гравюре первой половины XIX века (5, pl. XXVIII)

^ Рис. 4. Рельефное изображение головы быка между змеями/драконами. Фото А. Казаряна. 2015

История поновлений и перестроек Смбатовых стен воссоздается по эпиграфическим источникам. Наряду со всего лишь одной надписью на арабском языке [11, с. 54], относимой к периоду правления в Ани Мануче (1071–1110) из рода курдских эмиров Шаддадидов, матерью которого была дочь анийского царя Ашота IV Багратуни (ум. 1041). Остальные надписи о строительстве стен высечены на армянском, включая древнейшую, середины XI в., которая находится не на оборонительных стенах, а на стене кафедрального собора. Из 17 армянских строительных надписей 14 содержат даты: одна 1160 год, то есть принадлежит еще эпохе Шеддадидов, остальные охватывают период с 1206 по 1231 годы [12, с. 1–8], то есть относятся к начальному периоду управления страной Закаридами. Три надписи без дат относятся к тому же времени в связи с упоминанием в них известных личностей. Не исключено нахождение надписей эпохи Багратидов на редких фрагментах конструкций того времени, которые оказались в дальнейшем обстроены, как была обстроена и башня с упомянутой куфической надписью следующим, наверняка XIII в., слоем кладки: сейчас участок с этой надписью демонстрируется в шурфе данной кладки.

Тексты строительных надписей, оставленные правителями и богатыми горожанами, отражают, среди прочего, особенности строительного заказа, любопытную древнюю терминологию, а также имена многих личностей и их статус. Этими именами исследователи называли отдельные башни, несмотря на то что каждая из них сопровождалась своим номером в реестре памятников Ани. Так, в научную литературу вошли названия башни Абраама (1160), башни и ворот Джудика (1206), башни Саргиса (1208), первой и второй башен амирспасалара Закаре (1208 и 1212), башни Шушан (1218) и Мамхатун (1219), строителями которых в соответствующих надписях объявлены эти две женщины. И. А. Орбели приводит тексты надписей и свои переводы к ним. Например, в надписи амирспасалара шахншаха Захаре (1208) говорится: «...Построил я сей шрдшл и сию стену в память о нас и родителях наших...». В другой читаем: «...Я – Лусот, сын Григория, построил сей шрдшл в память обо мне и родителях моих и ради долголетия Спарапета Шахнша-

ха, закончена эта башня (րըրը) в Эмирство Вахрама...». Одна короткая надпись оставлена под вставленным в стену хачкаре и гласит: «Святой крест Арьяца. 1222». Другая надпись на крепостной стене Зазы и Шахншаха (1231) объявляет ее строителями наряду с этими двумя персонами еще шестерых горожан Ани. Еще в одной надписи, выбитой от имени Шахншаха I (1212–1261), молитвенно возглашается: «Господь Бог, дай Твой мир всему миру и прочно храни нашего парона Шахншаха и его сына Юшипа» [12, с. 5–7].

Касаясь толкования слова «шрдшл», И. А. Орбели приходит к заключению, что в разбираемых надписях оно могло означать не «памятник», как это теперь понимается, а имело совершенно иное значение: в нем следует видеть синоним заимствованного слова «րըրը», «րըրդ» – «башня», ибо слово «шрдшл» означало также «столп».

И. А. Орбели объясняет и форму привлечения частных лиц при строительстве городских стен: «Башни и стены Ани сооружались вовсе не по заказу отдельных лиц и даже фактически не на средства отдельных лиц, поодиночке и небольшими участками, а по общему плану и на средства государства или города, большими группами и участками одновременно. Затем желающим представлялось выкупить ту или иную башню или прясло стены, уплатив приблизительную стоимость ее сооружения и, таким образом, приобрести право начертать на заранее заготовленной в стене стеле надпись о построении от своего имени; в таких надписях слово «շինել» – «строить» совершенно теряет свое реальное значение и означает только оплату стоимости постройки, притом, быть может, спустя много времени после постройки» [13, с. 114]. Этими обстоятельствами можно было бы объяснить присутствие на стенах пустых табличек, заранее заложенных строителями, но не удостоенных заполнения в связи с отсутствием выкупа такого права.

Однако это предположение ученого вряд ли применимо ко всем башням с надписями. Трудно представить, например, что фактический хозяин города Закаре амирспасалар, который в надписях 1208 и 1212 годов на башнях сообщает об их строительстве в память о себе и своих родителях, всего лишь дал денег и не имел непосредственного отношения к строительству башен (рис. 5).

^ Рис. 5. Надпись правителя Ани Закаре. Фото А. Казаряна. 2018

^ Рис. 6. Шахматные ворота. Фото А. Казаряна. 2015

Укрепление городских стен было делом не только правителей, но и всех горожан, вносивших в него свой посильный вклад. Содержание надписей свидетельствует о том, что укрепление стен и строительство новых башен в Ани считалось богоугодным делом.

Несомненный интерес представляют и многочисленные знаки мастеров-строителей, оставленные острым предметом или глубоко высеченные на поверхности блоков. Это – часть растянувшейся на века традиции маркирования камней кладки с целью дальнейшего подсчета вклада каждого мастера. Эта традиция требует внимательного изучения.

Каждые из трех основных ворот представляют собой комплекс сооружений, который едва выделяется из общего ансамбля Смбатовых стен. Ворота в каждом комплексе было двое – внешние и внутренние, и оба располагались между парой башен. Первые расположены (там, где они сохранились) во внешней линии, пониженной по отношению к внутренней. Традиционная для армянских крепостей ловушка для проникающих в первый проем захватчиков заключалась в раздвижении осей двух проемов: внутренний проем сделан в следующем прясле от того, которое расположено напротив внешнего проема. Эта схема многократно описывалась. Можно заметить, что комплекс каждых ворот составляет архитектурную композицию из пары арочных проемов и шести башен, устроенных по три в двух линиях стен. В Главных и Шахматных воротах движение от внешнего к внутреннему проему осуществлено справа налево, образуя для входящего зигзаг с поворотом вначале налево, затем, у внутреннего проема, направо. В Карсских воротах организация движения симметрична этой. Композиции ворот визуально едва выделяются из общего ансамбля Смбатовых стен, напоминающего пересекающие плато две спаренные, пластически выразительные ленты общей шириной примерно в 50 м, высотой внешних стен и башен до 10 и внутренних – до 20 м [7, с. 70]. Ворота находятся на значительных расстояниях друг от друга, примерно одинаковых, в 220–240 м, так что во внутренней линии между проемами Главных и Шахматных расположено 13 башен, между проемами Главных и Карсских – 9.

Именно ворота позволяют эффективно и комплексно изучать стратиграфию строительных слоев, поскольку преимущественно в деталях торжественно оформленных арочных проемов содержатся элементы декора как наиболее раннего, так и следовавших за ним периодов сооружений фортификаций. Местами ранний декор сохранялся открытым для обозрения, но в основном ныне он скрыт стенами XIII в. Наиболее интересные фрагменты ранних импостов под аркой и ниши-алтаря в теле соседствующей с проемом башни присутствуют на Шахматных воротах (во внутренней стене), они добротнo изучены французскими коллегами [9]. Первоначально имея более широкий арочный проем пролетом около 5,30 м и более узкие башни, в первой трети XIII в. эти ворота получили свой нынешний образ. В старый проем на низких пилонах была вписана новая арка пролетом в 4,50 м, которая обрамлена декоративной ступенчатой рамой. Выше находится участок стены между башнями, кладка которого набрана вписанными в диагональную сетку блоками охристого и красного туфа, отчего ворота и названы Шахматными. Чуть правее от оси вкраплениями черных квадратов представлен большой крест с ямкой в камне средокрестия, предназначавшейся, вероятно, для устройства глазированного блюда; остатки подобных блюд сохраняются на другой стене, западнее этих ворот. Обе башни тогда же были обнесены дополнительными стенами (облицовкой на толстом бутобетоне), а западная из них в период между серединой XIII и XIV вв. получила еще одну облицовку крупными блоками рыже-охристого и черного туфа в более свободном их чередовании (рис. 6).

Карсские ворота снаружи были расчищены в 1907 году [6, с. 21], но со стороны города оставались засыпанными и были открыты в 1910 году [4, с. 79] (рис. 7). Башни по сторонам от арочного проема самые высокие, они частично сохранили внутренние лестницы и перекрытия [6, с. 21]. Со стороны города отчетливо просматривается внутренняя структура этих башен, гнезда от балок деревянных перекрытий и верхнее каменное перекрытие одной из башен. Необычным является сочетание цилиндрического свода на подпружных арках с U-образным периметром стен в той части, где полуцилиндр свода

^ Рис. 7. Карсские ворота со стороны города. Фото А. Казаряна. 2005

^ Рис. 9. Главные ворота со стороны города. Фото А. Казаряна. 2010

врезается в полуцилиндр полукружия стены [7, с. 70–71]. Близкий пример пересечения округлых форм известен в интерьере второго яруса сохранявшейся еще в начале XX в. Пастушьей церкви вне стен Ани (первая половина XI в.), где крестово-купольная структура перекрытий с арками на кронштейнах завершала цилиндрическое пространство.

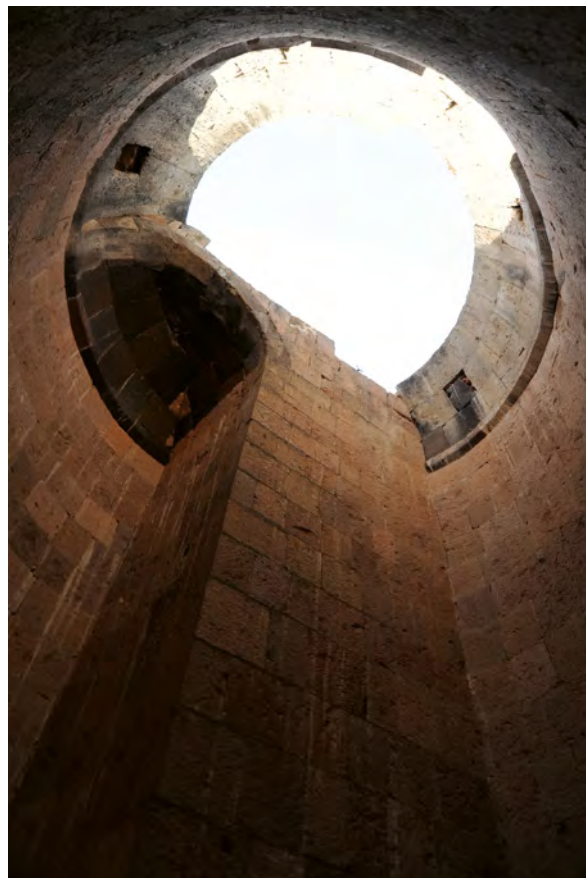
На уровне сводов башен Карсских ворот между ними был перекинут еще один свод на подпружных арках,

так что вместе три участка перекрытий могли служить основой единой площадки. В то же время средний свод служил фактически навесом, вознесенным над арочным входом, который, повторяя раннюю, X в. форму, оказался значительно ниже этого свода и башен, определивших архитектурную композицию ворот через два с лишним столетия.

О малоизвестном нам первоначальном виде этих ворот времени Смбата II некоторую информацию сообщают расположенные чуть выше проема остатки зубцов-мерлонов, которые охвачены поверху позднейшей кладкой. Зубцы фигурные, в виде листа растения. Контур их краев восходит по дугам большого радиуса и имеет стрельчатое завершение. Между зубцами присутствуют горизонтальные площадки. Высота зубцов над проемом Карсских ворот составляет пять рядов стандартной кладки, то есть не менее метра при несколько меньшей ширине. Выложены они, как и стена под ними, из тесаного камня неидеальной окантовки и с отсутствием чистовой обработки (рис. 7).

К западу от Карсских ворот, минуя сильно разрушенную башню, и к востоку от ворот, вновь минуя одну разрушенную башню, находятся высокие башни, содержащие близкие, но неидентичные в деталях перекрытия в виде свода на подпружных арках и конхи. Знакомство с другими башнями убеждает в разнообразии их перекрытий, в поиске мастеров нестандартных и в то же время оптимальных решений в рамках одинаковых U-образных в плане внешних форм. Например, высокая башня Закаре (1208), расположенная на востоке, после поворота стен от плато в сторону ущелья реки Ахурия изнутри не делилась на ярусы и была перекрыта куполом на кольцевом карнизе. Чуть менее четверти ее цилиндрического пространства занимает ведущий на кровлю стройный прямоугольный объем охваченной стенами лестницы (рис. 8).

Величественные главные ворота структурно и в высотных пропорциях близки Карсским. Наибольший интерес представляют башни по внутренней линии, где, как они сами, так и стены между ними оформлены лапидарными надписями и изображениями, где входной проем имеет красиво прорисованную параболическую арку, которая,

> Рис. 8. Интерьер башни Закаре. Фото А. Казаряна. 2015

> Рис. 10. Композиция со львом и крестом в комплексе Главных ворот: а) на фотографии начала XX века; б) состояние после реставрации стены. Фото А. Казаряна. 2018

а

б

вероятно, является сохранившейся частью двух-трех-слойного арочного портала, представлявшего со стороны города. Среди башен лучшую сохранность имеет восточная. Вверху ее стены, обращенной к соседней башне, сохранились кронштейны, свидетельствующие о соединении фланкирующих вход башен сводом на подпружных арках. Внутреннюю композицию восточной башни еще предстоит исследовать.

Комплекс Главных ворот, расположенных по центру открывавшихся в сторону плато городских стен, служил местом или полем трансляции идей правителей Ани и Армении, проявления их риторики, что отражено во включенных в архитектуру ворот знаковых формах и символах (рис. 9). В верхней зоне прясла, расположенного между двумя башнями и напротив внешнего проема ворот, представлен рельефный образ льва или барса с мозаично выложенным крестом. На башне правее этого участка стены присутствует куфическая надпись, фиксирующая вклад в строительство башни первого мусульманского правителя Ани Мануче. Пространная надпись непосредственно над внутренним арочным проемом относится ко времени монгольского хана Абу Саида (1319–1335), когда Ани стал «хасинджу» – удельным владением ханов [12]. Наконец, на сохранившейся восточной башне этого комплекса, обращенной к горожанам, присутствует большая полихромно выложенная свастика.

Композиция, которую Орбели считал гербом Ани и, как и Н. Я. Марр, относил к XIII в. [6, с. 21–22; 14, с. 30; 4, с. 78], состояла, по его словам, из бегущего тигра, шара и креста над ним [13, с. 30]. Идентификация изображенного зверя вызывает затруднение: в нем признавали льва, тигра или барса (рис. 10 а – б). В начале XX в. последние два зверя при освещении кавказских реалий могли восприниматься одинаково, о чем свидетельствуют названия двух переводов поэмы Шота Руставели – «Витязь в тигровой шкуре» и «Витязь в барсовой шкуре». Именно барсом анийского зверя называет Н. Я. Марр, отмечая при этом принадлежность произведения к «эпохе расцвета городской жизни в Ани», то есть к началу XIII в. [4, с. 78]. Можно добавить, что данная композиция начиналась в своей нижней части с подножия креста, изображенного тремя камнями черного туфа на фоне ры-

же-охристой стены, так что рельеф, заключенный в раму из такого же черного туфа, выделен на фоне полихромно исполненного изображения креста. Примечательно, что цвет рельефа отличен от основной кладки стены. Это красный камень более розового оттенка и, кажется, совпадает с цветом камня Ашотовых стен Ани. Не служит ли это поводом считать рельеф произведением конца X в., вторично включенным в рассматриваемую композицию? В любом случае эта композиция льва или барса с крестом отражает реалии становления Ани как светской и духовной столицы Армении [15, с. 16].

Отдельную крупную тему в составе ансамбля Смбатовых стен представляют разнообразные кресты на стенах Ани. Их присутствие имело несколько проявлений, почти все из которых выросли на почве эпохи конца XII – первой половины XIV в., но отчасти могли восходить ко времени основания стен. Разнообразные по технике исполнения, созданные кладкой или вставленные при строительстве в стену, эти рельефные и полихромные кресты, а также многочисленные хачкары придавали восточному городу исключительно христианский характер (рис. 11–12).

Вслед за краткими обзорами Смбатовых стен в публикациях первой половины – середины XX в. проведенное нами исследование в очередной раз убедило в обширности анийского материала, сложности его охвата и понимания, в необходимости гораздо более подробного изучения частных вопросов архитектуры и декора этих стен как произведения архитектуры и градостроительного искусства. В едином комплексе с этими вопросами вновь окажутся задача реконструкции стен в различные периоды их существования и проблема их архитектурного образа в пространстве средневекового города и окружающего культурного ландшафта.

Литература

1. Մխիթար Անեցի, Մատենան աշխարհալէզ հանդիսարանաց, աշխատասիրութեամբ Յ. Մարգարյանի (Мхитар Анеци. Книга по всемирной истории, подготовка текста к изданию и исследование А. Маргаряна). – Ереван : изд-во АН АрмССР, 1983.
2. Matevosyan, K. Ani: the Capital of Medieval Armenia and its Inhabitants / Translated into English by H. Khudanyan and S. Baloyan. – Yerevan : Mougni Publishers, 2024.

^ Рис. 11. Западная оконечность Смбатовых стен. Фото Грайра Базе. 2025

^ Рис. 12. Крест или композиция из пяти крестов со вставленными блоками на восточной половине стен. Фото А. Казаряна. 2015

3. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу, писателя XI столетия / Перевод с армянского и объяснения Н. Эмина. – Москва : Лазаревский институт восточных языков, 1864.
4. Марр, Н. Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. – Москва–Ленинград, 1934. – 133 с.
5. Brosset, M.-F. Les ruines d'Ani, Capitale de l'Arménie sous les rois Bagratides. Atlas Général. – St. Petersburg, 1861.
6. Орбели, И. А. Краткий путеводитель по городищу Ани / Сост. И. Орбели. — Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1910. — [60] с. разд. паг., 1 л. пл.; 22. — (Анийская серия).
7. Breccia Fratadocchi T. Notes on Armenian military architecture // Environmental design. Trails to the East. Essays in memory of Paolo Cuneo / eds. M. Calia, M. A. Lala Comneno, F. Cresti, A. Petruccioli. – No. 1–2. – Rome: Dell'oca Editore, 1997–1998–1999.
8. Dangles Ph. Ani, an archaeological study of the fortifications // Ani 1050. – Yerevan : National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. – 2012. – P. 189–202.
9. Dangles, Ph., Prouteau, N. Sondages archéologiques sur l'enceintennordd'Ani // Revue des Etudes arméniennes. – Vol. XXIX. – Paris. – 2005. – P. 503–533.
10. Kazaryan, A. The City of Ani: Constructing a Medieval Capital in the Christian Orient // Architecture and Visual Culture in the Late Antique and Medieval Mediterranean. Studies in Honor of Robert G. Ousterhout / Ed. by Vasileios Marinis, Amy Papalexandrou and Jordan Pickett. – Turnhout : Brepols Publishers, 2020. – P. 241–252.
11. Хачатрян, А. Корпус арабских надписей Армении VIII–XVI вв. Выпуск I. – Ереван : изд. АН Арм. ССР, 1987.
12. Դիվանի հայ փմագրութայն: Դրակ 1. Անի բաղաբը (Свод армянских надписей. Вып. 1: Городище Ани) / Сост. И. А. Орбели. – Ереван : изд. АН Арм. ССР, 1966.
13. Орбели, И. А. О двух терминах в надписях Ани // Известия Российской академии истории материальной культуры. Т. 1. — Петербург : Государственное издательство, 1921. – С. 111–117.
14. Орбели, И. А. Развалины Ани : История. Современ. состояние. Раскопки. – Санкт-Петербург : журн. «Нева», 1911. – 55 с.
15. Մաթևոսյան Կ. Անի-Շիրակի պատմության էջեր (Матевосян, К. А. Страницы истории Ани-Ширака). – Ереван : Святой Эчмиадзин, 2010. – 294 с.

References

- Brosset, M.-F. (1861). *Les ruines d'Ani, Capitale de l'Arménie sous les rois Bagratides*. Atlas Général. St. Petersburg.
- Dangles, Ph. (2012). Ani, an archaeological study of the fortifications. In *Ani 1050* (pp. 189–202). Yerevan: National Academy of Sciences of the Republic of Armenia.

- Dangles, Ph., Prouteau, N. (2005). Sondages archéologiques sur l'enceintennordd'Ani. *Revue des Etudes arméniennes*, XXIX, 503–533.
- Emin, N. (Ed.) (1864). *Vseobshchaya istoriya Stepanosa Taronского, Asoghika po prozvaniiyu, pisatelya XI stoletiya* [World history by Stephanos of Taron, Asoghik, a writer of the 11th century]. Moscow: Lazarev Institute of Oriental Languages Publ.
- Fratadocchi, T. B. (1997–1998–1999). Notes on Armenian military architecture. In M. Calia, M. A. Lala Comneno, F. Cresti, & A. Petruccioli (Eds.), *Environmental design. Trails to the East. Essays in memory of Paolo Cuneo*, no. 1–2. Rome: Dell'oca Editore.
- Kazaryan, A. (2020). The City of Ani: Constructing a Medieval Capital in the Christian Orient. In V. Marinis, A. Papalexandrou & J. Pickett, Eds., *Architecture and Visual Culture in the Late Antique and Medieval Mediterranean. Studies in Honor of Robert G. Ousterhout* (pp. 241–252). Turnhout: Brepols Publishers.
- Khatchatryan, A. (1987). *Korpus arabskikh nadpisei Armenii VIII–XVI vv.* [Corpus of the Arabic Epigraphy of Armenia of the 8th–16th Centuries] Issue I. Yerevan: Armenian Academy of Sciences Publ.
- Margaryan, H. (Ed.) (1983). *Mkhitar Anetsi. Matean ashkharavep handisaranats* [Mkhitar Anetsi. Book on the World History]. Yerevan: Armenian Academy of Sciences Publ.
- Marr, N. Ya. (1934). *Ani. Knizhnaya istoriya goroda i raskopki na meste gorodisha* [Ani. Book History of the City and the Excavations on the Site]. Moscow-Leningrad.
- Matevosyan, K. A. (2010). *Ani-Shiraki patmutian ejer* [The pages of the history of Ani-Shirak]. Yerevan: Holly Etchmiadzin.
- Matevosyan, K. (2024). *Ani: The Capital of Medieval Armenia and its Inhabitants* (H. Khudanyan & S. Baloyan, Trans.). Yerevan: Mougni Publishers.
- Orbeli, I. A. (1910). *Kratkii putevoditel po gorodishchu Ani* [Short Guide on the Ani site]. Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ.
- Orbeli, I. (1911). *Razvaliny Ani* [The Ruins of Ani]. St. Petersburg: "Neva" journal.
- Orbeli, I. A. (1921). O dvukh terminakh v nadpisiakh Ani [About two terms into the Epigraphy of Ani]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii istorii material'noi kul'tury*, I, pp. 111–117. Petersburg.
- Orbeli, I. A. (Ed.). (1966). *Divan hai vimagrutian. Prak 1: Ani kaghak* [Corpus of Armenian Epigraphy. Issue I: The City of Ani]. Yerevan: Armenian Academy of Sciences Publ.

Исследование профинансировано Национальным исследовательским Московским государственным строительным университетом (грант 2025 года на проведение фундаментальных и прикладных научных исследований научными коллективами организаций-членов и стратегических партнеров Отраслевого консорциума «Строительство и архитектура»)/

Acknowledgements: The study was funded by the National Research Moscow State University of Civil Engineering (grant of the year 2025 for fundamental and applied scientific research by scientific teams of member organisations and strategic partners of the Construction and Architecture Industry Consortium).

В последнее время возрастает интерес к истории российской провинции, в том числе к изучению архитектурного наследия сел и деревень, его качеству, сохранности и оригинальности. Научное исследование процессов формирования исторических поселений Среднего Приобья, выявление ценного архитектурного наследия и формирование научной базы данных о застройке этих поселений является важной задачей для сохранения и устойчивого развития историко-культурной среды Сибирского региона.

Ключевые слова: исторические поселения среднего Приобья; историко-архитектурное наследие Сибири; населенные пункты Колпашевского района; сельские храмы Сибири; сохранение наследия./

Recently there has been an increasing interest in the history of the Russian province, including the study of the architectural heritage of villages and hamlets, its quality, preservation and originality. Scientific research of the processes of formation of historical settlements of the Middle Priobye, identification of valuable architectural heritage and formation of a scientific database on the development of these settlements is an important task for the preservation and sustainable development of the historical and cultural environment of the Siberian region.

Keywords: historical settlements of the Middle Priobye; historical and architectural heritage of Siberia; settlements of Kolpashevsky district; rural churches of Siberia; heritage preservation.

Историко-архитектурный потенциал поселений Среднего Приобья / Historical and architectural potential of settlements of the Middle Priobye Region

Исследование является частью комплексной работы по изучению историко-архитектурного наследия Сибири. Большой интерес представляют процессы становления, формирования и функционирования как крупных, так и малых городов Сибири, а также изучение социокультурного облика населения, оказавшего непосредственное влияние на эти процессы. В настоящем исследовании мы сконцентрировались на формировании сельских исторических поселений Среднего Приобья, являющихся важной частью русского градостроительства.

Историко-архитектурное наследие сельских поселений, основанных в XVII–XVIII вв., представляет несомненную ценность как свидетельство важного этапа в истории русской архитектуры [1, с. 11]. В связи с реальной угрозой полного исчезновения отдельных сельских населенных пунктов выявление и изучение их историко-архитектурного наследия на уровне отдельных регионов страны является особенно актуальным.

Наиболее ранние сведения о первых русских поселениях в Сибири отражены в трудах как дореволюционных авторов (Г. Миллера, П. Н. Буцинского, Н. П. Григоровского), так и современных исследователей (А. Я. Яковлев, Д. Я. Резун, И. Р. Соколовский и др.). Изучению архитектуры сельской застройки Сибири посвящены труды Е. А. Ащепкова, Н. В. Шагова, Т. Н. Манониной, Ю. С. Ушакова, Ю. А. Шепелева и других авторов. Но в основном историко-архитектурное наследие исторических поселений Сибири, в том числе Среднего Приобья, остается малоизученным.

В исследовании предлагается обзор отдельных населенных пунктов – с. Тогур и с. Новоильинка Колпашевского района Томской области, г. Колпашево, сохранивших до настоящего времени историческую планировочную структуру и интересные архитектурные объекты.

Главная проблема исследования напрямую связана с общероссийскими вопросами сохранения историко-архитектурного наследия России как материальной составляющей исторической и духовной культуры сибирского региона.

Первым русским городом на территории Томской области был Кетск, расположенный недалеко от впаде-

ния в реку Обь довольно крупной сибирской реки Кети. Исследователи Сибири Д. Я. Резун и Р. С. Васильевский считают, что Кетской острог переносился и перестраивался не менее 5 раз, с 1596 по 1630 год [2, с. 179]. А по версии русского историка, исследователя Сибири П. Н. Буцинского датой основания первого Кетского острога считается 1602 год [3, с. 80].

Основной функцией Кетского острога являлся сбор ясака, а на кетской городской печати 1635 года была изображена рысь. С 1602 по 1764 год Кетск был центром самостоятельного уезда, с 1765 – центром Кетской волости Нарымского уезда, а затем селом Кетским Колпашевского района Томской области [1, с. 15].

За время своего существования Кетск всегда был небольшим населенным пунктом; уже в XVIII в. в связи с организацией сухопутных транспортных путей на юге губернии Кетский острог потерял свое значение. В конце XIX в. в селе насчитывалось всего 17 жилых домов, но при этом здесь была церковь во имя Святой Живоначальной Троицы и школа. По материалам статистико-экономического исследования 1910–1911 в селе проживало 114 человек, из них грамотных было всего 12 [4, с. 122–133].

Со временем бывшие служилые люди из основателей острога – Колпашниковы, Анисимовы, Ждановы, Пановы, Волковы, Майковы, Родюковы и др., приехавшие из разных регионов России, стали селиться в окрестностях Кетска, основывая новые населенные пункты. А от с. Кетского в настоящее время не осталось ничего, кроме редких архивных сведений.

Довольно крупным и значимым поселением Кетской волости являлось село **Тогурское (соврем. название – Тогур)**, расположенное при впадении реки Кети в Обь, в восьми километрах от г. Колпашева.

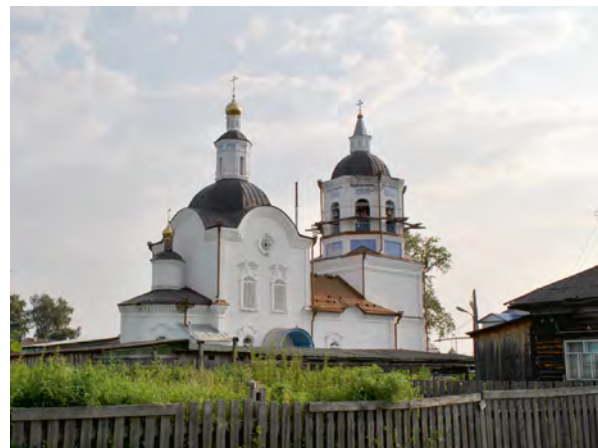
Годом основания Тогурского считают 1610, от образования Тогурской волости. Однако в историко-краеведческом очерке А. Ф. Плотникова (1901) приводятся сведения о существовавшем на этом месте селькупском городище Киринан-Этт.

С 1610 года Тогур был центром инородческой волости Нарымского уезда, а с 1680 вошел в Кетскую волость, которая была ориентировочно сопоставима с террито-

текст
Елена Ситникова
Томский государственный архитектурно-строительный университет
Владимир Бойко
Томский государственный архитектурно-строительный университет
Константин Кудяков
Научно-исследовательский Московский государственный строительный университет
Андрей Лапшинов
Научно-исследовательский Московский государственный строительный университет
text
Elena Sitnikova
Tomsk State University of Architecture and Building
Vladimir Boyko
Tomsk State University of Architecture and Building
Konstantin Kudakov
National Research Moscow State University of Civil Engineering
Andrey Lapshinov
National Research Moscow State University of Civil Engineering

^ Рис. 2. Жилой дом на ул. Сибирской, 105 в с. Тогур. Фото Е. Ситниковой. 2019

^ Рис. 1. Воскресенская церковь в с. Тогур. Фото Е. Ситниковой. 2019

рией современного Колпашевского района. В Тогурском действовала крупная ярмарка, в 1880-х был открыт фельдшерский пункт, аптека и почтовое отделение. По материалам статистико-экономического исследования 1910–1911 в селе Тогур зафиксировано 121 хозяйство, проживало 748 человек, из них грамотных было 74 и учащихся 42 [4, с. 14–25].

Первая церковь во имя Воскресения Господня в с. Тогурском была построена в 1770-е годы, но через 30 лет она сгорела. Новый каменный двухпрестольный храм возвели в 1818 в стиле сибирского барокко, традиционном для культового каменного зодчества конца XVIII в. (рис. 1а).

Церковь имеет схожее архитектурное решение со Спасской церковью в с. Спасском (совр. с. Коларово Томской обл.), построенной в 1790 году. Также можно предположить, что Тогурская церковь стала аналогом для Крестовоздвиженской церкви в Нарыме, возведенной в 1827.

Так же, как и Спасская в с. Коларово, Тогурская церковь не была разрушена в 1930–1940-е годы и на протяжении всего своего существования не только выполняла духовную функцию, но и активно участвовала в культурно-просветительской деятельности села.

Важно подчеркнуть значимую градостроительную роль Тогурской церкви. Она является доминантой и хорошо просматривается с разных мест села, формируя красивые панорамы и с живописных лугов Тогурской протоки (рис. 1б).

Вблизи церкви сохранилась историческая планировочная структура улиц и застройка конца XIX – начала XX века, представленная одно- и двухэтажными деревянными домами усадебного типа под высокими вальмовыми крышами. Самые старые из них еще крыты тесом. В застройке преобладают дома, рубленные «в обло», без обшивки, с простыми наличниками. Наиболее распространены наличники с волютообразным навершием и накладной резьбой с растительными мотивами; их можно увидеть на домах по ул. Сибирской, 7, 19, 80, а также на ул. Советской, 14 и др.

Один из самых старых домов в с. Тогур находится на ул. Сибирской, 105 (рис. 2). Дом сохранился непол-

ностью (половина разобрана), но по сохранившейся части можно судить о его архитектурных характеристиках: высокий двухэтажный, прямоугольный в плане пятистенник, продольной стороной ориентирован на улицу. Главный фасад на 5 осей окон. Второй этаж выше первого и имеет большие окна с красивыми резными наличниками с волютообразным завершением. Нижние окна меньше по высоте, с простыми прямоугольными наличниками и ставнями. Боковой фасад в три оси окон. С заднего фасада расположен прируб с сенями под крутой односкатной крышей по слегам [1, с. 20].

Дом на ул. Сибирской, 19 интересен широким профилированным карнизом с модульонами и наличниками с традиционным волютообразным навершием, лобовая доска которых украшена довольно плотным и изящным растительным орнаментом (рис. 3).

Дома по ул. Сибирской, 19 и 105 можно отнести к ценной историко-архитектурной среде и рекомендовать их к постановке на учет как выявленные объекты культурного наследия. Отдельные видовые раскрытия (панорамы) села также могут рекомендоваться к охране. Тогур окружают живописные заливные луга равнинных таежных рек Оби и Кети, а расположенная на возвышенности историческая деревянная застройка с находящейся над ней белокаменной Воскресенской церковью представляют прекрасную панораму старинного сибирского села.

Довольно крупным и процветающим селом Кетской волости было **Ново-Ильинское (с 1970-х – Ново-ильинка)**, основанное в 1806 году в 343 верстах от Томска. Место расположения села выбрано традиционное, на слиянии двух рек – Матянгини, вдоль которой растянулась деревня, и Новоильинской старицы (прежнее русло р. Оби).

По материалам статистико-экономического исследования 1911 года в селе Ново-Ильинское было 95 хозяйств, проживало 645 жителей, из них грамотных 75 человек, 27 учащихся, а также детей школьного возраста 52 человека [4, с. 14–25]. В 1926 году село стало относиться к Колпашевскому району, в нем зафиксировано 132 двора, проживало 546 человек, находились сельсовет, школа и изба-читальня [5].

< Рис. 3. Жилой дом на ул. Сибирской, 19 в с. Тогур. Фото Е. Ситниковой. 2019

Самые ранние сведения о селе зафиксированы в научных публикациях сосланного в 1867 году в с. Ново-Ильинское исследователя-этнографа Нарымского края Николая Петровича Григоровского, который отметил: «Село растянулось в длину на несколько верст с верстовыми и более промежутками на высоком материнском берегу. Эти промежутки разделяют село на несколько деревень – где пять домов, где восемь, а где и более, – каждая из этих деревень носит особое название. Собственно, само село, т. е. где находится церковь, имеет домов восемнадцать и расположено на загибе материнского берега к старице...» [6, с. 232].

Первая деревянная церковь в с. Ново-Ильинском была возведена в 1841 году. Она была двухпрестольная, выполнена в стилистике классицизма. Невысокий купол перекрывал объем храма и завершался небольшим барабаном с главкой. Квадратная в плане, трехъярусная колокольня, перекрытая небольшим куполом, завершалась высоким шатром. Над папертью был выполнен навес в виде четырехскатной крыши-балдахина на четырех столбах (рис. 4а). Первая церковь простояла 62 года и сильно обветшала.

В 1902 году в селе построили новый деревянный храм также во имя Пророка Илии, выполненный на основе проекта № 9 из «Атласа планов и фасадов деревянных приходских церквей» (1857), но с оригинальными элементами. Однопрестольная, обшитая горизонтально широкой профилированной доской, церковь в общих чертах напоминала первоначальную, но была более высокой и торжественной. Двухъярусная, квадратная в плане, храмовая часть была перекрыта высоким куполом, который венчался массивным барабаном и луковичной главкой. Алтарная часть сложной формы, также с главкой. Трапезная небольшая, на два окна. Колокольня высокая, четырехъярусная. Два нижних яруса, квадратные в плане, переходят в восьмерик третьего яруса, который заканчивается изящной звонницей. Каждая ее грань завершается высокой треугольной закомарой в основании сферического очертания купола, с высоким шатром и главкой. Навес над папертью выполнен по примеру первой церкви – в виде четырехскатной крыши-балдахина на столбах, завершающейся небольшой главкой с крестом. Профили-

рованные карнизы по всему периметру здания украшены зубчиками и резным декором (рис. 4б).

Здание церкви 1902 года сохранилось до настоящего времени в уровне первого этажа. С двух продольных сторон к нему выполнили прямоугольные в плане пристройки и покрыли двухскатной крышей. Однако исторический объем храма хорошо виден даже в перестроенном объекте. Сохранился кирпичный цоколь, рубленые стены с первоначальной профилированной обшивкой и пилястрами со скромным декором. В здании размещается администрация села, клуб, детский досуговый центр, избирательный участок и отделение почты России.

Усадебная застройка села традиционно представлена одноэтажными деревянными постройками, рубленными «в обло», под высокими вальмовыми крышами. Единственным украшением таких домов являются оконные наличники со скромным растительным орнаментом и фигурным завершением. Однако в селе Ново-Ильинское встречалось немало и довольно крупных двухэтажных зданий. К одному из них относится жилой дом на ул. Трифонова, 23 в котором жил Герой Советского Союза Ф. А. Трифонов (1921–1943). Главный фасад дома протяженный, в шесть осей окон, наличники и нижнего, и верхнего этажей со ставнями. Высота верхнего этажа выше нижнего, наличники второго этажа богато декорированы накладной резьбой и имеют фигурное завершение. Дом покрыт высокой вальмовой крышей с большим карнизным выносом, сени расположены вдоль продольного дворового фасада. По подобному принципу выполнены и другие двухэтажные жилые дома в селе (рис. 5); некоторые из них, в том числе и бывшие общественные здания (например, школа), сохранились до настоящего времени.

Окружающие село заливные луга Новоильинской протоки и реки Матьянги, как и в Тогуре, представляют далеко просматриваемые перспективы, с которых раскрываются живописные пасторальные виды на застройку села с пасущимися на лугах коровами с местной фермы.

Таким образом, можно отметить, что село Новоильинка имеет богатую историю, сохранившуюся планировочную структуру и ценную историко-архитектурную среду, в том числе перестроенную историческую деревянную

> Рис. 4. Церкви во имя святого Пророка Илии в с. Новоильинка Колпашевского района: а) 1841 года постройки. Фото 1908; б) 1902 года постройки. Фото 1931. Из фондов Колпашевского краеведческого музея

а

церковь; его необходимо сохранить как пример выразительного старожильского сибирского села.

Наиболее крупным старейшим поселением Томской области является **Колпашево**, получившее статус города в 1938 году. Еще в дореволюционный период Колпашево наравне с Нарымом являлось местом политической ссылки, куда выселялись представители различных политических оппозиций, а в 1920–1930-е годы – жертвы репрессий. Населенный пункт стал активно развиваться в начале XX в., когда в Западно-Сибирском регионе открыли богатые месторождения нефти и газа. В 1957 здесь была сформирована военно-космическая станция с научно-измерительным пунктом по отслеживанию траекторий космических аппаратов.

Основание деревни Колпашево связано с поселившимися здесь во второй половине XVII в. бывшими служилыми людьми Кетского острога Колпашиковыми. Поселение располагалось на территории Кетского уезда, а затем Кетской волости. В 1734 году в деревне Колпашево числилось всего 9 домов, а в начале XIX в. здесь уже было 39 хозяйств и проживало 154 жителя. Со стро-

ительством церкви во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в 1878 г. деревня Колпашево стала селом, а к началу XX века – одним из самых крупных поселений Нарымского края.

По материалам статистико-экономического исследования 1911 года в селе было 128 хозяйств и проживало 678 человек; по численности населения с ним могли конкурировать только Тогурское (748 чел.) и Ново-Ильинское (645 чел.) [4, с. 14–25].

Построенная в конце XIX в. деревянная церковь представляла собой квадратный в плане объем с высокой шатровой крышей, венчающейся пятиглавием. Можно предположить, что здание было построено по проекту № 16 из «Атласа типовых проектов церквей в России» (1857). К основному объему храма с восточной стороны примыкала граненая апсида, по северной и южной сторонам располагались открытые деревянные галереи с навесами на столбах, а с западной стороны – паперть (рис. 6а). Деревянная колокольня-звонница стояла отдельно на территории церкви.

В 1890 году Томская духовная консистория обратилась в губернское Строительное отделение за разрешением «пристройки к церкви колокольни и паперти». В архиве ГАТО сохранился проект этой реконструкции, подписанный губернатором Германом фон Тобизеном, инженером фон Шульманом и архитектором В. В. Хабаровым [9, л. 3–4]. Перестройка церкви была завершена в 1898 году, после чего она приобрела вид, запечатленный на фотографиях начала XX в. (рис. 6б).

Петропавловская церковь была одноэтажная, но довольно высокая, обшитая тесом «под кирпич». Храмовая часть представляла собой четверик, перекрытый четырехскатной крышей, завершающейся пятиглавием. К зданию была пристроена небольшая трапезная (в одно окно) и двухъярусная колокольня, представляющая собой квадратный в плане четверик, переходящий в высокий восьмигранный объем, завершающийся высоким шатром с фронтонами килевидной формы по четырем сторонам, увенчанным главкой с крестом. К колокольне примыкала паперть с двухскатным навесом на столбах. Аналогичные навесы располагались и по боковым сторонам храмовой

в Рис. 5. Двухэтажные дома в с. Новоильинка. Фото Е. Ситниковой. 2019

б

а

части. Алтарная часть была перекрыта на пять скатов и завершалась барабаном с главкой.

Петропавловская церковь была яркой доминантой с. Колпашево, хорошо просматривалась с разных точек, доминируя над деревянной одно- двухэтажной жилой застройкой и формировала выразительную панораму с реки Оби (рис. 7).

Традиционно вблизи церкви селилось наиболее богатое население. В с. Колпашево это были потомки первых жителей села, выходцы из Кетского острога – бывшие служилые казаки Волковы и крестьяне Колесниковы. Их дома были построены на берегу Оби вблизи торговой площади и пристани, рядом с Петропавловской церковью. Они выделялись из окружающей жилой застройки значительными размерами и богатым декором. С 1927 года один двухэтажный дом Ф. С. Колесникова стали использовать под школу № 1.

Второй, одноэтажный дом в восемь осей окон по главному фасаду, выделяющийся богатым резным декором и оригинальным силуэтом за счет угловых шатровых башен со шпильми и крупных треугольных фронтонов (рис. 8), в 1940-е годы разобран и перенесен подальше от берега. Его поставили на кирпичный этаж, но при перестройке декоративные башенки и фронтоны были утрачены, деревянный сруб обшили «в елочку», резные наличники и подкарнизный декор установили на место. В таком перестроенном виде дом сохранился до настоящего времени; местные жители продолжают называть его «купеческим» (рис. 9) [8, с. 16].

Усадебные дома Волковых также располагались рядом с церковью, но с другой ее стороны. Крупные постройки по шесть осей окон формировали застройку улицы вдоль р. Оби. Ближний к церкви дом – одноэтажный, украшенный резным декором, – сохранился до настоящего времени (ул. Советская, 9). Второй, двухэтажный, был разрушен в 2022 году из-за обрушения берега, подмываемого р. Обью. Сохранившийся бывший дом Волковых выделяется изящным резным декором наличников, имеет, как и дом Колесниковых, позднюю обшивку сруба «в елочку», выполненную в 1940-е годы, когда здание приспособили под новую административную функцию;

тогда же подвели и кирпичный цоколь, которого не видно на исторических фотографиях (рис. 10, 11).

Наиболее интересная историческая застройка в г. Колпашево сохранилась на ул. Обской и пер. Колпашевском. Одноэтажный дом на ул. Обской, 30 выделяется индивидуальными резными наличниками с филленчатыми ставнями и завершениями в виде кокошников (рис. 12а). В пер. Колпашевском, 23 сохранился одноэтажный в пять окон по главному фасаду дом с довольно крупными наличниками, выделяющимися высокими наверхиями с волютообразным завершением и украшенными витиеватым растительным орнаментом (рис. 12б). Дома по пер. Колпашевскому, 13 и 24 отличаются наличниками в необычной трактовке стилистики классицизма (рис. 12в, г). Наиболее традиционные для г. Колпашево наличники можно увидеть на домах по пер. Красному, 26, ул. Комсомольской, 20, ул. Береговой, 18 и др.

В настоящее время многие представляющие интерес исторические дома в г. Колпашево расселены и в скором времени могут быть утрачены. Поэтому необходимо как можно скорее провести тщательное исследование по выявлению ценной историко-архитектурной застройки города, выполнить ее фиксацию и принять меры по сохранению.

Несомненным преимуществом г. Колпашево, как и уже рассмотренных сел Среднего Приобья, является богатое природное окружение. Помимо расположения города «на большой реке», окрестности его насыщены многочисленными малыми речками, протоками, озерами, некоторые из них являются памятниками природы. В 40 км от г. Колпашево находится минеральный источник сапропелевой грязи «Чажемто», на базе которого в 1994 году открыли санаторий. Хвойные и лиственные леса, окружающие населенный пункт, богаты грибами, ягодами и дичью.

В результате проведенного исследования можно выделить основные факторы становления и развития старинных поселений Среднего Приобья.

Во-первых, экономическая целесообразность выбора места для основания села определялась расположением его на пересечении сухопутных и речных путей сообщения. В таких местах возникали сначала стихийные

^ Рис. 6. Церковь во Имя Первоверховных Апостолов Петра и Павла в с. Колпашево:
а) вид села Колпашево. С литографии П. М. Кошарова. 1890. Из фондов ТОКМ;
б) фото начала XX в. Из фондов Колпашевского краеведческого музея

> Рис. 9. Современный вид бывшего дома Колесниковых. Фото Е. Ситниковой. 2019

> Рис. 8. Общий вид бывшего дома Колесниковых. Фото 1930-х. Из фондов Колпашевского краеведческого музея

товарообмены, а потом и более удобные для населения регулярные ярмарки. Торговля давала возможность аккумулировать в будущих селах значительные материальные и денежные средства, на которые строились как индивидуальные жилые дома, так и торговые лавки, склады, причалы, а также деревянные или каменные храмы, школы, административные здания и прочие свидетельства процветания сел.

Во-вторых, административно-культурное значение населенного пункта повышалось в зависимости от близкого расположения к городам, что способствовало удобной коммуникации. В такие места переносили правления, а строительство в населенном пункте храма повышало его статус до села или даже до волостного центра.

В-третьих, немаловажным фактором являлся социальный состав населения. По берегам Оби селились переселенцы из центральных и окраинных губерний Российской империи: сначала казаки, потом крестьяне и стрельцы,

ремесленники и вольные (беглые люди), которые хорошо приспосабливались к суровым условиям Сибири, перенимали у местного населения хозяйственные навыки, женились на женщинах из аборигенных родов и составили основу старожильского сибирского населения.

В конце XIX – начале XX в. население сел Среднего Приобья стало пополняться ссыльнопоселенцами и бывшими каторжанами, влившимися в региональный отряд сибиряков. Они оставили после себя ценное материальное и духовное наследие, которое необходимо изучать и сохранять для потомков.

Таким образом, на основе изученного материала по краткому рассмотрению историко-культурного наследия населенных пунктов Среднего Приобья можно сделать следующие выводы:

- исторические поселения этого региона имеют многовековую оригинальную историю основания, формирования и развития, которые только начинают изучаться и имеют богатую перспективу;
- здесь сохранилась историческая застройка, представляющая историко-культурную ценность, в том числе культовые постройки (в с. Тогур и с. Новоильинка). Градостроительная планировочная структура сел отражает принципы проектирования и строительства XVIII в., подчиненные естественному рельефу местности;
- рассмотренные населенные пункты исторически расположены на слиянии рек, на возвышенности, в живописном природном окружении, которое в сочетании

> Рис. 7. Пристань в с. Колпашево. Фото начала XX в. Из фондов Колпашевского краеведческого музея

> Рис. 10. Бывшие дома братьев Волковых. Фото во время первомайской демонстрации 1930. Из фондов Колпашевского краеведческого музея

а

б

в

г

< Рис. 12. Наличники исторических домов г. Колпашево:
а) ул. Обская, 30;
б) пер. Колпашевский, 23;
в) пер. Колпашевский, 13;
г) пер. Колпашевский, 24.
Фото Е. Ситниковой. 2019

с исторической деревянной застройкой представляет ценные визуальные раскрытия и панорамы с далеко просматриваемыми перспективами.

Поэтому сохранение историко-архитектурного наследия старожилов сибирских сел важно не только для устойчивого социально-экономического развития региона и привлечения исследователей и туристов, но и для сохранения русского архитектурного и градостроительного наследия в целом.

Литература

1. Ситникова, Е. В. Становление и развитие архитектуры сел бывшей Кетской волости // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2020. – Т. 22, № 2. – С. 9–28.
2. Резун, Д. Я., Васильевский, Р. С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск : Кн. изд-во, 1989. – 303 с. : ил.
3. Буцинский, П. Н. К истории Сибири : Кетск и Кетский уезд (1602–1654) // Записки Императорского Харьковского университета: журнал. – Харьков : типография Адольфа Дарре, 1893. – Отдельные оттиски из «Записок Императорского Харьковского университета». – Вып. 2. – С. 80–84.
4. Сибирский краев. статистический отдел. Нарымский край : Материалы статистико-экономического исследования 1910–11 гг., собранные и разработанные под руководством и ред. В. Я. Нагнбеда : С прилож. карты и фотографич. снимков. – Томск : тип. изд-ва «Кр. знамя», 1928. – 640 с. : вклад. л., ил.
5. Земля колпашевская : сборник научно-популярных очерков / под редакцией Я. А. Яковлева. — Томск : Издательство Томского университета, 2000. — 596 с. : ил.
6. Григоровский, Н. П. Очерки Нарымского края // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. IV. – Омск, 1882. – С. 1–60.
7. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 3. Оп. 41. Д. 194. Л. 3–4 (Проект на постройку колокольни и паперти при молитвенном доме. 1890).
8. Ситникова, Е. В. Формирование архитектурного облика г. Колпашево под влиянием местных предпринимателей // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2020. – Т. 22, № 5. – С. 9–24.

References

Butinskiy, P. N. (1890). K istorii Sibiri. Ketsk i Ketskiy uyezd (1602–1654) [On the history of Siberia. Ketsk and Ketsky district (1602–1654)]. *Zapiski Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta*, II, 80–84.

GATO [State Archives of Tomsk Oblast]. Fund 3. Inv. 41. File 194. Ll. 3–4. (1890). *Proyekt na postroyku kolokol'ni i paperti pri molitvennom dome* [Project for the construction of a bell tower and porch at the prayer house].

Grigorovskiy, N. P. (1882). *Ocherki Narymskogo kraya*. [Essays on the Narym region]. In *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* (Book IV, pp. 1–60). Omsk.

Nagnibeda, V. Ya. (Ed.). (1927). *Narymskiy kray. Materialy statistiko-ekonomicheskogo issledovaniya 1910–11 gg., sobrannyye i razrabotannyye pod rukovodstvom i redaktsiyey V. Ya. Nagnibeda* [Narym Region: Materials from a statistical and economic study conducted in 1910–11, compiled and developed under the guidance and editorship of V. Ya. Nagibeda]. Tomsk.

Rezun, D. Ya., & Vasilyevskiy, R. S. (1989). *Letopis' sibirskikh gorodov* [Chronicle of Siberian cities]. Novosibirsk: Kn. izd-vo.

Sitnikova, Ye. V. (2020a) Architecture of Kolpashevo influenced by local entrepreneurs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturo-stroitel'nogo universiteta. Journal of Construction and Architecture*, 22(5), 9–24.

Sitnikova, Ye. V. (2020b). Formation and development of rural architecture in the former Ketskaya volost. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturo-stroitel'nogo universiteta. Journal of Construction and Architecture*, 22(2), 9–28.

Yakovlev, Ya. A. (Ed.). (2000). *Zemlya Kolpashevskaya: Sbornik nauchno-populyarnykh ocherkov* [Kolpashevskaya land: Collection of popular science essays]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta.

в Рис. 11. Бывший дом Волковых по ул. Советской, 9. Фото Е. Ситниковой. 2019

С момента прихода русских в Сибирь сформировалась историческая память, ибо письменная память появилась только с этого периода. Древняя история региона не подкреплена источниками. Историческая память о более древних периодах есть в силу того, что на территории Иркутской области проживает достаточное количество древних народов.

Одна из важнейших проблем – это то, что исторические топонимы должны быть признаны объектом охраны как памятники культурного наследия. Это огромная и важная тема подразумевает ревизию состояния дел и в значительной степени топонимическую реставрацию в исторических городах и поселках Иркутской области.

Ключевые слова: историческая память; топонимия; реновация; идентичность. /

Historical memory has been formed since the arrival of Russians in Siberia, because written memory appeared only from that period. Almost everything related to the ancient history of the region is not supported by sources. There is a historical memory of more ancient periods due to the fact that a sufficient number of ancient peoples live on the territory of the Irkutsk region. One of the most important problems is that historical toponyms should be recognized as an object of cultural heritage. This is a huge and most important topic, which implies an audit of the state of affairs and to a large extent toponymic restoration in historic cities and towns of the Irkutsk region.

Keywords: historical memory; toponymy; renovation; identity.

Сущностная часть менталитета народа / Essential part of the mentality of the people

текст

Александр Гимельштейн
Иркутский
государственный
университет

Юлия Ситникова
Иркутский
государственный
университет

text

Alexander Gimelshteyn
Irkutsk State University
Yuliya Sitnikova
Irkutsk State University

Юлия Ситникова Согласно модели экспертного интервью, Александр Владимирович, прошу назвать занимаемые вами должности и как долго вы на них работаете.

Александр Гимельштейн Я главный редактор Издательской группы «Восточно-Сибирская правда» с 2004 года. Руководитель Высшей школы журналистики и медиапроизводства (название должности менялось) и профессор Иркутского государственного университета с 2009 года. Председатель Комиссии по городской топонимике и увековечению памяти известных в городе Иркутске людей и событий при администрации города Иркутска с 2015 года.

ЮС Как вы понимаете термин «историческая память»?

АГ Я больше был бы склонен к вопросам прикладным, практическим, потому что, как и любой системный нарратив, историческая память может подразумевать массу смыслов и содержаний. Не думаю, что стоит их перечислять.

ЮС Какую роль историческая память, по-вашему, играет в современном обществе?

АГ Отвечая на этот вопрос, очень трудно отойти от каких-то банальностей, а я историк по образованию. Невозможно представить себе, что я скажу, что никакой роли историческая память не играет. Конечно, играет, и огромную.

Другой вопрос, что, как и у любой тенденции, как и у любого базового параметра, у нее есть разнонаправленность. В общем смысле, без сомнения, историческая память – это очень важная, сущностная часть менталитета народа.

При этом, к сожалению, очень часто (и не только у нас в стране) это еще и предмет манипуляции для решения текущих политических вопросов, вопросов, связанных с государственной пропагандой и т. д. Поэтому, с одной стороны, это вещь важная и необходимая, с другой стороны, как любое правильное лекарство, в неверных дозах и неправильно применяемое, – это опасное оружие, яд.

ЮС Как вы оцениваете текущее состояние сохранения исторической памяти в Иркутской области?

АГ Надо понимать, что историческая память в Сибири вещь специфическая. Она, во-первых, в основном связана всего лишь с четырьмя веками, то есть с момента прихода русских в Сибирь, потому что письменная память появилась только с этого периода. Почти все, что связано с древней историей региона, не подкреплено источниками.

Нельзя говорить, что исторической памяти о более древних периодах нет совсем. Она есть хотя бы в силу того, что на территории Иркутской области проживает достаточное количество древних народов. Но у многих из них не было письменности, только устная традиция.

Мы можем говорить об исторической памяти колонизации Сибири. В этом смысле, конечно, это тоже для всех нас имеет значение. В том числе несмотря на то, что последнее десятилетие тема сибирскости и сибирского сепаратизма вдруг опять стала вызывать опасения у органов государственной власти.

Но в принципе можно говорить о сибирском патриотизме. Люди, возвращаясь из Сибири в центральную Россию, когда-то говорили: «Уезжаю в Россию». Восприятие Сибири как отдельного царства, пусть и под скипетром русского монарха, существовало и у грамотной части населения, и у остальных, на мой взгляд.

ЮС Какие законодательные акты, федеральные программы, направленные на обеспечение сохранения исторической памяти, вы считаете эффективными?

АГ Если мы говорим о работающих программах, во всяком случае, в региональном контексте, то таких программ не существует: существуют программы общего культурно-гуманитарного характера, но ни одной программы, у которой была бы такая вот четкая направленность на поддержание и сохранение исторической памяти в наших регионах, нет.

Когда мы говорим о таком важном аспекте, как сохранение исторической памяти, наличие того или иного успешного отдельного проекта не является признаком системной работы по сохранению исторической памяти. Это просто удачный проект. Из удачных проектов последних десятилетий, пожалуй, можно назвать работу по сохранению памяти об Иннокентии Иркутском.

Параллельно развиваются региональные музеи, например, Тальцы. Если говорить о городе Иркутске, может, самый крупный и самый спорный пример – Иркутская слобода, 130-й квартал. Хотя такие проекты не всегда обладают высоким уровнем аутентичности. Тем не менее, я все равно считаю, что это очень позитивный шаг в Иркутске, в какой-то степени сохраняющий историческое наследие.

Когда памятники работают не только как музей, а все-таки как некий стимулятор общественной жизни, это хорошо.

ЮС Должны ли региональные органы власти, региональные учреждения участвовать в работе по сохранению исторической памяти? Каково ваше мнение?

АГ Во-первых, это одна из функций, предусмотренных законом. Как я понимаю, эта функция связана с деятельностью регионального правительства, и с деятельностью органов местного самоуправления, а также с ведомством культуры как элементом регионального правительства. При этом нужно учитывать, что у регионального бюджета в Сибири не то состояние (за исключением нефтяных и газовых автономий в Западной Сибири), чтобы надеяться, что это может выглядеть как приоритетное направление финансирования и реализации.

ЮС Как вы оцениваете работу региональных органов власти в Иркутской области по сохранению исторической памяти в Иркутской области?

АГ Здесь трудно сказать однозначно. Я не хочу критиковать органы власти, потому что понимаю их проблемы, но и не хочу их хвалить, потому что нет осознанной работы по сохранению исторической памяти. И в части федеральных программ, в которые можно было войти, и в части не самых дорогих региональных программ можно было бы значительно лучше работать.

Осознанной стратегии нет, поэтому говорить об этом трудно. Мы имеем поддержание в приемлемом состоянии региональных музеев, которым их коллекции достались в основном из XIX века или были сформированы в первой половине – середине XX века; может быть, в третьей четверти XX века, как в случае с Художественным музеем стараниями А. Д. Фатьянова.

Поэтому можно говорить лишь о том, что в Иркутске – и то только потому, что нашлась бизнес-идея, есть небольшая программа, связанная с реновацией памятников архитектуры, которые ремонтируют и потом продают или сдают в аренду под коммерческие задачи.

ЮС Какие проблемы в развитии исторической памяти Иркутской области вы можете назвать и что, по вашему мнению, нужно сделать для их разрешения?

АГ Одна из важнейших проблем – это то, что исторические топонимы должны быть признаны объектом охраны как памятники культурного наследия. Это огромная и важнейшая тема, и, кстати, не требующая, как минимум на уровне разработки нормативно-законодательного акта, никаких денег. Другой вопрос, что она подразумевает ревизию состояния дел и в значительной степени топонимическую реставрацию в исторических городах и поселках Иркутской области. И этому не оппозируют громко и вслух, только какие-то политические силы оппозируют, однако «воз» и ныне там.

Это то направление, в котором общественность могла бы как-то себя проявить.

ЮС Какие особенности формирования исторической памяти есть в Иркутской области, по вашему мнению?

АГ Хотя и «мягкие», но колонизаторы пришли из России когда-то в Сибирь, но они обрели сибирскую идентичность и патриотизм. Это важная особенность.

Понятно, что какие-то региональные формы патриотизма есть, наверное, в любом регионе, но все-таки думаю, что Сибирь и Дальний Восток в этом смысле отдельная история.

ЮС Какие перспективы развития в направлении сохранения исторической памяти в Иркутской области вы видите?

АГ Я полагаю, что она никак не будет в ближайшее время развиваться, потому что для этого нужно осознанное понимание региональных властей и глав местного самоуправления. Не вижу ни того, ни другого. Как всегда, в случае со всеми формами и органами власти способ только один – легальное, предусмотренное законодательством общественное давление.

Автор исследует историю создания театральных коллективов, формирование театров и строительства театральных зданий в малых городах с начала XIX века по настоящее время, характер финансирования. Проведен анализ истории строительства театров и проектной практики последних лет в плане соответствия нормам обеспечения населения театрально-зрелищными зданиями. Впервые сосредоточено внимание на проблеме финансирования строительства театров в малых городах на примерах различных форм частного, государственного финансирования и софинансирования. Актуальным становится поиск перспективных направлений развития как самой театральной архитектуры, так и совершенствования научно обоснованной нормативной базы.

Ключевые слова: малый город; архитектура; театр; здание. /

The author explores the history of creation of theater groups, the formation of theaters and the construction of theater buildings in small towns from the beginning of the 19th century to the present, as well as the nature of financing. The analysis of the history of theater construction and design practice in recent years has been carried out in terms of compliance with the standards of providing the population with theatrical and entertainment buildings. For the first time, attention was focused on the problem of financing the construction of theaters in small towns using examples of various forms of private, public financing and co-financing. It is becoming urgent to search for promising areas for the development of both theatrical architecture itself and the improvement of a scientifically sound regulatory framework.

Keywords: small town; architecture; theater; building.

Театры малых городов России / Theaters of small towns in Russia

текст

Маргарита Гаврилова

Московский
архитектурный институт;
ЦНИИП Минстроя России

text

Margarita Gavrilova

Moscow Architectural
Institute;
TSNIIP of the Ministry of
Construction of Russia

Малые города, развивающиеся и умирающие, исторически сложившиеся или возникшие в процессе индустриализации, становятся в последнее время предметом заботы государства. Сохранение и развитие малых городов – широкомасштабная задача, охватывающая многие направления деятельности [1]. В 2018 году в соответствии с указом Президента РФ Министерством культуры РФ разработан национальный проект «Культура», в который среди многих других направлений вошла программа «Театры малых городов» [2]. К малым городам Министерство относит города с населением до 300000 человек. В программу включены 149 театров из 56 российских регионов. Основные задачи программы:

1. Обновить репертуар.
2. Провести мониторинг состояния театров.
3. Укрепить материально-техническую базу.

Третья задача напрямую касается архитектурной деятельности. К 2025 году заканчивается строительство 4-х крупных театрально-образовательных центров. Реконструированы и капитально отремонтированы 29 региональных и муниципальных театров, 64 театра юного зрителя и театра кукол. Учитывая подчас печальное состояние этой материально-технической базы, остается радоваться тому, что остальным досталось новое сценическое оборудование и автобусы для гастролей по поселкам.

Нужны ли театры малым городам? Исторически сложилось, что они возникали в XIX веке как неперенный атрибут городской культуры, предмет престижа, место общения. Здания театров служили украшению городов, и те из них, которым довелось сохраниться, безусловно, являются памятниками архитектуры.

Старейшим театром Сибири считается Иркутский академический драматический театр им. Н. П. Охлопкова. Население Иркутска сейчас составляет около 600000 человек, поэтому театр нельзя отнести к категории «театры малых городов», но в годы его основания число жителей было 24000, то есть менее 50000, и к 300000 тысячам приблизилось только к 1960-м годам. В те времена, в 1787 году, в небольшом городе жена местного чиновника Мария Троепольская собирает труппу, которая дает представления в различных помещенях, пока

в 1851 году не возникла потребность в строительстве здания театра. После пожара деревянного театра в 1897 году жители по подписке собрали средства на строительство нового здания театра. Автором пригласили Главного архитектора дирекции Императорских театров В. А. Шрётера [3]. Здание пережило реконструкцию, хорошо сохранилось. Так же счастливо сложилась судьба другого творения В. А. Шрётера – театра в Нижнем Новгороде. Печальная история третьего его произведения – театра в Рыбинске.

Рыбинск (рис. 1). Театральная труппа была создана в городе в 1777 году. В 1802 купец Паньков строит деревянное здание театра, в 1825 году у него это здание покупает помещик Обухов и строит новое здание, приглашая В. А. Шрётера. Надо отметить, что население города в то время было менее 25000 человек. В 1920 году театр сгорел, был разрушен, но сохранились чертежи и фотографии [4].

В 2004 году был проведен конкурс на воссоздание театра. Победителем стал проект ООО «ТТА» с правом на реализацию, но на проектирование и строительство не нашлось средств. До наших дней труппа драматического театра Рыбинска работает в абсолютно не приспособ-

Фасад театра в Рыбинске. 1874.

> Рис. 1. Театр в Рыбинске.
Архитектор В. А. Шрётер.
1825

^ Рис. 2. Театр в Таганроге. Архитекторы К. Лондерон, Р. Н. Трунов. 1866 (rostov.kp.ru chehovskiy.ru>o theatre/istoria-theatre)

^ Рис. 3. Ирбит. Драматический театр им. А. Н. Островского. 1884 (kraeved.biblio-irbit.ru theatre)

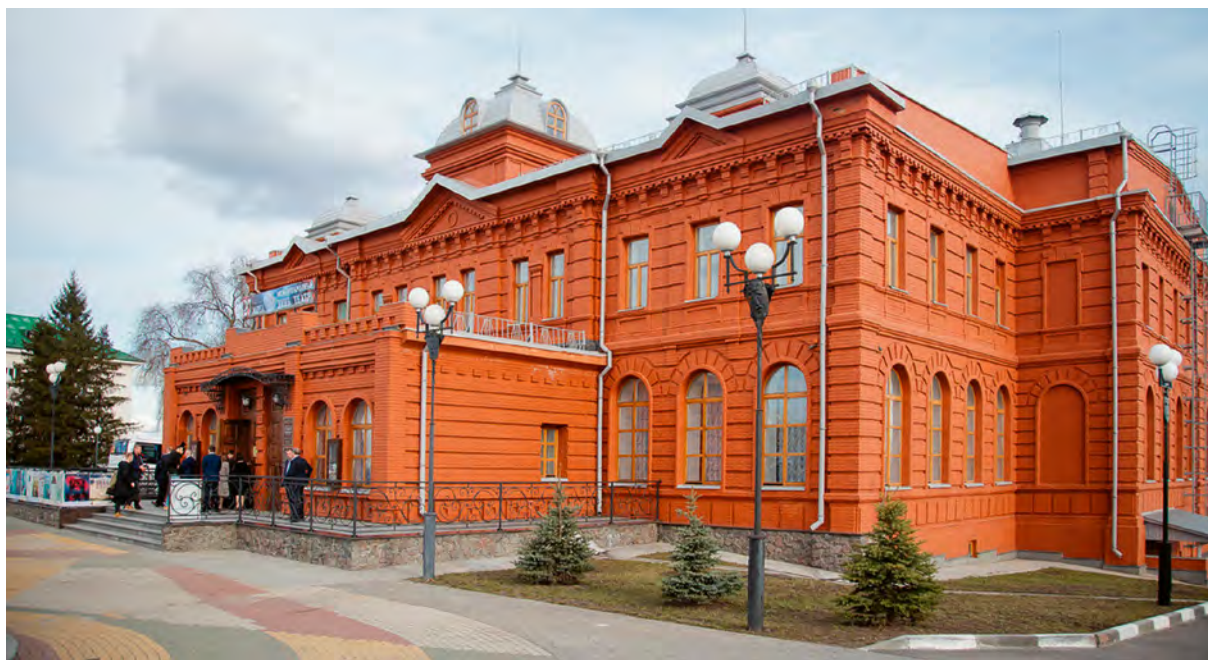
собленном для этого помещения. Возможно, к этой теме вернуться власти Ярославской области.

Таганрог (рис. 2) [5]. Труппа в 1827 году была создана из крепостных крестьян дворянином Петровским. Здание театра построено в 1866 году на средства горожан, создавших для реализации проекта акционерное общество. Для проектирования и строительства пригласили итальянского архитектора К. Лондерона и российского Р. Н. Трунова. В 1874 году здание было выкуплено городом. В это время в театре работали две труппы – оперная и драматическая. В театре в оперных постановках принимали участие ведущие исполнители России и Италии. В эти годы население города составляло менее 30000 человек, в 2024 году – 180830.

Ирбит (рис. 3) – город в Свердловской области с населением 20000 в XIX веке, 36500 человек в настоящее время. Первые театральные постановки, связанные с Ир-

битской ярмаркой, упоминаются в 1800 году. В 1846 году строится деревянное здание театра. Театр был антрепризный, но, помимо профессиональных постановок, ставились и любительские спектакли силами Общества любителей сценического искусства. В 1884 году купчиха Н. Е. Русакова выстроила двухэтажное каменное здание специально под театр; в 1888 году Городская дума выкупила здание [6]. Театр ремонтировали в 1951–1955, 1983–1993, в 2000-е была пристроена малая сцена. Сейчас это Ирбитский драматический театр им. А. Н. Островского (рис. 3).

Старый Оскол (рис. 4). Театр занял здание духовного училища, построенного в 1888 году на пожертвования горожан. Архитектор Эйнци. В 1918 году здание стало Дворцом труда, затем домом культуры, с 1965 года – театр детей и молодежи им. Б. И. Равенских [7].

< Рис. 4. Старый Оскол. Театр детей и молодежи им. Б. И. Равенских. Архитектор Эйнци. 1888

^ Рис. 5. Театр в Бийске. Архитектор И. Ф. Носович. 1914

^ Рис. 6. Шадринск. Театр им. В. Ф. Комиссаржевской. 1909

Бийск (рис. 5). В Бийске первый театральный коллектив был основан в 1887 году и работал в здании общественного собрания. С 1914 года Драматический театр размещается в здании, построенном как Народный дом архитектором И. Ф. Носовичем на средства купца 2-й гильдии П. А. Копылова [8]. В 1984–1985 была проведена реставрация здания: подняты ряды амфитеатра для улучшения видимости, добавлены осветительские ложи. Внешний вид здания не претерпел существенных изменений.

Шадринск (рис. 6). Театр основан в 1896 году. В 1910 году разместился в здании клуба Общества взаимопомощи приказчиков, построенного в 1909 году на средства купца И. Пьянкова [9]. Во время строительства в городе было 12000 жителей, сейчас 68600. В настоящее время это театр им. В. Ф. Комиссаржевской. Помимо него, в этом малом городе работает драматический театр военного округа.

Новочеркасск (рис. 7). Донской театр драмы и комедии им. В. Ф. Комиссаржевской, или Казачий драматический театр основан в 1825 году. Старые деревянные здания горели. Новое здание построено в 1909 году по проекту архитектора А. Н. Бекетова для Палаты судебных установлений. Здание пострадало во время Великой Отечественной войны, но было восстановлено [10].

Мичуринск (Козлов) (рис. 8). Здание драматического театра – единственное здание в Тамбовской области, построенное как театр в 1897 году на средства купцов Золотухиных, в 1909 году сгорело и в 1912 году построено новое [11].

В начале XX века в малых городах театральные труппы размещались в народных домах, затем в клубах и домах культуры. (Зеленодольск, Ковров, Ростов Великий, Переславль-Залесский, Озерск, Ноябрьск). Приведенные примеры показывают интерес к самому театральному искусству и в лучших случаях – стремление сохранить

> Рис. 7. Театр в Новочеркасске. Архитектор А. Н. Бекетов. 1909

< Рис. 8. Драматический театр в Мичуринске. 1912

памятники архитектуры. В худших случаях труппы сохраняются, но после разрушения исторических зданий перемещаются во дворцы культуры или абсолютно непригодные здания. Один из таких примеров – недавно выявленный объект культурного наследия Городской театр Ростова-Великого.

Ростов Великий. Началом театральной деятельности в городе считается устройство театрализованных действий в XVIII веке в Архиерейской школе, затем в XIX веке в Обществе любителей искусств [12]. В конце XIX – начале XX века театру отдают здание наследников купца Рыкина. С 1917 года это Народный дом, затем Городской театр. В 1920 году после ремонта зал увеличился с 380 до 566 мест. В 1952 году театр превращен в кино-театр, труппа переселена в Дом культуры, здание с тех пор пустовало и к 1998 году пришло в полный упадок. (рис. 9).

Министерство культуры заказало ООО «Товарищество театральных архитекторов» проект реставрации здания театра со строительством концертного зала. Были сделаны обследования, разработан проект реставрации сохранившегося здания и строительства нового корпуса. Проект был согласован, в 1999 году приступили к рабочей документации. В связи с отсутствием финансирования проектирование было остановлено. Здание продолжало разрушаться и в 2020 году горело. Появилась надежда на начало реконструкции, но дело ограничилось консервацией. Здание имеет статус вновь выявленного объекта культурного наследия.

Второй подъем театральной деятельности и театральной архитектуры приходится на 1930–1940-е годы. Возникают новые промышленные города. Строятся профсоюзные клубы и дворцы культуры, приспособляются для театральной деятельности различные здания, иногда строятся новые. Приезжают на гастроли и остаются в новых городах молодые коллективы. Яркий пример – Котлас, молодой индустриальный город, основанный в 1934 году. К следующему этапу можно отнести строительство Дворцов культуры, в которых, помимо всевозможной клубной деятельности, организовывались гастроли или создавались профессиональные коллективы. Пример тому город Королев, который, разрастаясь,

включал в себя новые поселения, каждое со своим дворцом культуры.

Котлас. Театр драмы в Котласе существует с 1936 года. Население города в то время составляло 3000 человек. Для театра было построено деревянное здание (рис. 10). Труппа успешно работала даже в военное время [13].

В послевоенные годы театр переехал в здание дворца культуры, где и существует по сей день. В настоящее время здание театра – Дворца культуры находится в аварийном состоянии. Труппа театра, любимая горожанами и весьма успешная, в основном, гастролирует. Новое здание театра с залом на 500 мест спроектировано в 2020 году, Строительство не начиналось.

Проектирование театров, клубов и дворцов культуры специализированными институтами в 1960–1980-е годы велось планомерно, в строгом соответствии с планами финансирования. Строительство велось также планомерно, но реализовывалось не более половины спроектированных объектов. Если в XIX веке театры в малых городах строились на средства меценатов, которые содержали труппу или передавали театр на содержание губернским или городским властям, то в советское время часть финансовой нагрузки взяли на себя ведомства: профсоюзы и министерства, которые строят клубы, дома культуры и дома офицеров без репертуара и постоянной труппы. Министерство обороны строит театры Советской армии и полностью обеспечивает их деятельность.

С конца 1990-х годов в крупных городах появилась возможность искать формы софинансирования или внебюджетного финансирования. Были построены Российский культурный центр на стрелке у Краснохолмского моста с Московским международным домом музыки, Центр им. Вс. Э. Мейерхольда на Новослободской улице, театр «Вишневый сад», Центр Г. Вишневской, театр О. Табакова, Н. Бабкиной и др. Поиск верного соотношения коммерческих площадей и объектов культуры позволил привлечь инвесторов к строительству. Такая попытка была сделана в Иркутске с целью строительства концертного зала. Был проведен масштабный конкурс «Квартал XXI век». Обстоятельства или ошибки в составлении программы стали причиной того, что результаты конкурса не были реализованы. Малых городов эта тенденция не коснулась,

< Рис. 9. Ростов Великий. Городской театр

и, если не использовать накопленный опыт, остается рассчитывать только на государственное финансирование.

В расчете на государственное финансирование планируется реконструкция существующих и строительство новых театров для детей и молодежи. Развитие городов Сибири, промышленных, амбициозных, настроено на обеспечение столичного уровня социокультурной среды для жителей. Уровень обеспечения определяется СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений, приложение Д, таблица Д1. По определению того же СП, малым городом считается город с населением 50000. В соответствии с нормами жителям положено 325 мест в театре, 212 в концертном зале, 1500 в кинотеатрах. На практике для приема гастрольных коллективов концертный зал должен быть не менее чем на 700 мест. А кинотеатры в последнее время перестраиваются в концертные залы, торговые центры и, с невероятными сложностями, в театры. Обеспеченность жителей малых городов местами в театрах в XIX веке была значительно выше. По нормам нашего времени в Ростове Великом надо было бы строить театр не на 380 мест, а на 64, с учетом концертной деятельности – на 105 мест. Но построили театр на 380 мест, причем на собственные деньги. На практике нормами пренебрегают: каждый раз создается своя программа, учитывающая специфику города. Это можно проиллюстрировать примерами нового строительства.

Верхняя Пышма – медная столица Урала, население 73700. По нормам ему положено иметь театр с залом на 480–590 мест. В настоящее время драматический театр, частный, антрепризный, работает в маленьком зале на базе музея машиностроения. С 2013 года строится новый театр с залом на 750 мест, малым залом на 200 мест и двумя студиями по 60 мест. 1070 мест – вдвое больше норматива. Авторы И. Б. Седаков (ГАП), Р. В. Воейко (ГИП). Проект корректировался, строительство затянулось, но в 2025 году новое здание должно украсить город.

Новый Уренгой – газовая столица. Город основан в 1975 году. Население 106700 человек. Труппа «Северная сцена» работает в зале на 200 мест в культурно-спортивном центре «Газоразработчик». В городе есть Дворец

культуры «Октябрь». Строится по проекту ООО «Арена» культурно-образовательный центр, в составе которого концертный зал на 1100 мест, музей, библиотека, детский центр, гостиница (по нормам концертный зал должен быть на 450 мест).

Ноябрьск (Ямало-Ненецкий автономный округ) основан в 1976 году. Город растущий, амбициозный. Население около 101000 жителей. Театр, успешный и любимый публикой, работает на базе Городского дворца культуры с 1982 года. Театр, безусловно, нуждается в новой сцене. В городе с населением 100000 жителей по нормам надо построить театр с залом на 500–800 мест, концертный зал на 350–500 мест. Реалии таковы, что для театра вместимость велика, а для концертного зала мала. В настоящее время для города проектируется здание Культурного центра «Ямал» с концертным залом на 1000 мест, театром на 160 мест, организованным как «черный ящик», и многофункциональным залом. Программа неоднократно и мучительно менялась, пока не был найдено оптимальное соотношение мест в залах.

Каждый новый проект связан с пробами и ошибками при составлении заданий. Это вызывает увеличение сроков проектирования и, соответственно, сроков и стоимости строительства. Конечно, это явление характерно не только для малых городов. Значительное увеличение стоимости от начала проектирования до конца строительства можно наблюдать и на примерах крупных театрально-зрелищных зданий и комплексов не только в нашей стране, но и за рубежом. Изучение истории и анализ проектной практики, научное обоснование новых программ и заданий на проектирование, корректировка норм – все это становится крайне актуальным для решения поставленной задачи – дать новую жизнь малым городам России.

Литература

1. Федеральный проект «Культура малой родины» – URL: <https://proekty.er.ru/projects/kultura-maloi-rodiny> (дата обращения: 19.07.2025)
2. Министерство культуры Российской Федерации. Поручения Правительства министерству. – URL: <http://government.ru/departments/27/events/> (дата обращения: 18.07.2025).

> Рис. 10. Котлас. Старое здание театра

3. Сидорченко, В. П. Иркутская антреприза : страницы истории городского театра 1790–1920 годов. Изд. 2-е. – Иркутск : Оттиск, 2021. – 392 с. : ил.

4. Рыбинский драматический театр. – URL: <https://rybteatr.ru/> (дата обращения: 19.07.2025).

5. Таганрог. Театр им. Чехова. – URL: rostov.kp.ru/chehovsky.ru > theatre/istoria-theatre (дата обращения: 19.07.2025).

6. Михайлова, Л. Г. Муниципальное образование город Ирбит Орджоникидзе ул. 51. Здание Ирбитского драматического театра им А. Н. Островского. 1908 // Свод памятников истории и культуры Свердловской области : в 2-х т. / отв. ред. В. Е. Звальская. – Екатеринбург, 2007–2008. – Т. 2. Свердловская область. – С. 294–295.

7. Старооскольский театр для детей и молодежи им. Б. И. Равенских. – URL: <https://www.culture.ru/institutes/10965/starooskolskii-teatr-dlya-detei-i-molodezhi-im-b-i-ravenskikh> (дата обращения: 17.07.2025).

8. Кадуков, Б. Х. Бийские меценаты Копыловы // Краеведческий вестник. – 1997. – № 5. – С. 33–44.

9. Шадринский драматический театр. – URL: <https://www.culture.ru/institutes/21607/shadrinskii-dramaticheskii-teatr>10 (дата обращения: 17.07.2025)

10. Новочеркасский театр. – URL: <https://www.culture.ru/theaters/institutes/location-rostovskaya-oblast-novocherkassk> (дата обращения: 19.07.2025).

11. Мичуринский драматический театр. – URL: <https://www.culture.ru/theaters/institutes/location-tambovskaya-oblast-michurinsk> (дата обращения: 19.07.2025).

12. Начало Ростовского театра. – Ростовская старина. – URL: <https://lyuba-melnik.livejournal.com/34081.html> (дата обращения: 18.07.2025).

13. Шибалова, Н. С. Котласский драматический театр: история и современность. – Котлас : Юг Севера, 2015. – 287 с. : ил.

12. Nachalo Rostovskogo teatra – Rostovskaya starina] : lyuba-melnik. livejurnal. com-134081.htm

13. Shibalova N.S. Kotlasskiy dramaticheskyy teatr: istoriya i sovremennost (2015) [Kotlas Drama Theatre: history and modernity. Kotlas. Yug-Sever/

References

Federaknyi proekt “Kultura maloy rodiny” [Federal project “Culture of the Small Motherland”]. (n.d.). Edinaya Rossiya. Retrieved July 19, 2025, from <https://proekty.er.ru/projects/kultura-maloi-rodiny>

Kadukov, B. H. (1997). Biyskie metsenaty Kopylovy [Biysk patrons Kopylov]. *Kraevedcheskiy vestnik*, 5, 33–44.

Melnik, L. (2009, March 13). Nachalo Rostovskogo teatra [The beginning of the Rostov Theater]. *Rostovskaya starina*, 79. Retrieved July 18, 2025, from <https://lyuba-melnik.livejournal.com/34081.html>

Michurinskiy dramaticheskii teatr [Michurinsk Drama Theatre] (n.d.). Kultura. RF. Retrieved July 19, 2025, from <https://www.culture.ru/theaters/institutes/location-tambovskaya-oblast-michurinsk>

Mihaylova, L. G. (2007–2008). Munitsipalnoe obrazovanie gorod Irbit Ordzhonikidze ul.51 Zdanie Irbitskogo dramaticheskogo teatra im A. N. Ostrovskogo. 1908 [Municipality of Irbit 51 Ordzhonikidze St. Building of the Irbit Drama Theater named after A. N. Ostrovsky. 1908]. In V. E. Zvaskaya (Ed.), *Svod pamyatnikov istorii i kultury Sverdlovskoy oblasti* (Vol. 2, pp. 294–295). Ekaterinburg.

Ministerstvo kultury Rossiyskoy Federatsyi. Porucheniya Pravitelstva ministrernvu [The Ministry of Culture of the Russian Federation. Government instructions to the Ministry]. (n.d.). The Russian Government. Retrieved July 18, 2025, from <http://government.ru/departament/27/events/>

Novocherkasskiy teatr [Novocherkassk Theatre]. (n.d.). Kultura. RF. Retrieved July 19, 2025, from <https://www.culture.ru/theaters/institutes/location-rostovskaya-oblast-novocherkassk>

Rybinskiy dramaticheskii teatr [Rybinsk Drama Theater]. (n.d.). Retrieved July 19, 2025, from <https://rybteatr.ru/>

Shadrinskiy dramaticheskii teatr [Shadrinsk Drama Theater]. Kultura. RF. Retrieved July 17, 2025, from <https://www.culture.ru/institutes/21607/shadrinskii-dramaticheskii-teatr>

Shibalova, N. S. (2015). *Kotlasskiy dramaticheskyy teatr: istoriya i sovremennost* [Kotlas Drama Theatre: history and modernity]. Kotlas: Yug Severa.

Sidorchenko, V. P. (2021). *Irkutskaya antrepriza. Stranitsy istorii gorodskogo teatra 1790-1920 godov* [Irkutsk enterprise. Pages of the history of the city theater, 1790-1920] (2nd ed.). Irkutsk: Ottisk.

Starooskolskiy teatr dlya detey i molodezhi im. B. I. Ravenskikh [Starooskolsk Theatre for Children and Youth named after B. I. Ravenskikh]. (n.d.). Kultura. RF. Retrieved July 17, 2025, from <https://www.culture.ru/institutes/10965/starooskolskii-teatr-dlya-detei-i-molodezhi-im-b-i-ravenskikh>

Taganrog. Teatr im. Chehova: Istoriya teatra [Taganrog. The Theater named after Chekhov: History of the theatre]. (n.d.). Retrieved July 19, 2025, from <https://www.chehovsky.ru/o-teatre/>

В статье рассматривается сохранившийся комплекс английских графических работ, фиксирующих городские панорамы и отдельные постройки в азиатской части Российской империи. В рассматриваемое время в изобразительном искусстве Англии был проявлен интерес к изображению в этом весьма обширном регионе традиционных жилищ коренных народов, а также к градостроительной и архитектурной деятельности русских переселенцев. Основная часть графического наследия воспроизведена в технике гравюры и представляет собой образцы книжной графики. Сравнительно небольшая ее часть была создана в качестве натуральных рисунков во время проведения английских исследовательских экспедиций.

Ключевые слова: азиатская Россия; английская графика; панорамы городов; постройки; архитектура. /

The article examines a preserved complex of English graphic works, which capture city panoramas and individual buildings in the Asian part of the Russian Empire. During the period under review, the visual arts of England showed interest in depicting traditional indigenous dwellings in this very large region, as well as the urban development and architectural activities of the Russian settlers. The main part of the graphic heritage is reproduced in the technique of engraving and represents samples of book graphics. A relatively small part of it was created as on-site drawings during English research expeditions.

Keywords: Asian Russia; English graphics; city panoramas; buildings; architecture.

Городские и загородные постройки Азиатской России в английской графике / Urban and suburban buildings of Asian Russia in English graphics

текст
Владимир Чекмарёв
Национальный
исследовательский
Московский
государственный
строительный университет
text
Vladimir Chekmarev
National Research Moscow
State University of Civil
Engineering

Рассмотрение целого комплекса зарубежных изобразительных материалов, относящихся к азиатской России, позволяет не только прояснить первоначальный облик городов или всякого рода построек, но и составить вполне определенное мнение об их структурных особенностях, в том числе и в рамках проведения научных исследований по истории отечественной архитектуры. Вместе с тем следует особо отметить, что в широком историческом контексте до сих пор не собран, не описан и, соответственно, не изучен достаточно крупный массив произведений английской графической школы, целиком посвященный заявленному региону.

Необходимо подчеркнуть, что научный интерес к иностранным графическим произведениям, посвященным сибирским городам, острогам, деревням или отдельным строениям, обозначился в России еще на рубеже XIX–XX вв. Однако они ограничивались всего лишь видами Березова лифляндца Т. Кенигфельда (1716 – ?) и Якутска голландца Н. Витсена (1641–1717).

Исследование академика М. П. Алексеева (1896–1981) под заголовком «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей» (1932) в настоящее время является фактически единственным источником изучения текстов о Сибири, составленных в том числе и британцами в XIII, XVI и XVII вв. Впрочем, в нем воспроизведено лишь несколько гравюр с изображением сибирских городов и острогов из книг путешественников: немца Г. А. Шлейсинга (ок. 1660 – ?), того же Н. Витсена и голландца Э. Идеса (1657–1708). А в охватывающем XVII – первую половину XVIII в. фундаментальном исследовании доктора исторических наук А. И. Андреева (1887–1959) «Очерки по источниковедению Сибири» (1939, 1960, 1965) полностью отсутствует рассмотрение произведений иностранной графики.

Выявление произведений английской графики XVI – конца XIX в., демонстрирующих архитектурное своеобразие азиатской России в обозначенной хронологической последовательности, составляет основную цель данного исследования. Соответственно, уточнение авторства, датировок и вполне конкретных обстоятельств при создании того или иного произведения были также предопределены первоочередными его задачами.

Фактически первую на английской земле фиксацию трех идентичных шатровых юрт в азиатской части страны находим на гравированной в Лондоне в 1562 году карте «Россия, Московия и Татария», составленной оказавшимся в России в 1553–1554 английским капитаном корабля К. Адамсом (Clement Adams, 1519 (?) – 1587) по картографическим материалам, собранным во время пребывания в Москве в 1560 году деятельным сотрудником Московской компании Э. Дженкинсоном (Anthony Jenkinson, 1529–1611) [Графика.ru Арт. 39-000004].

Восходящая к творчеству лондонских гравюров целая серия работ предназначалась для изданного в 1706 в английской столице издания «Трехлетнее путешествие из Москвы по суше в Китай...» (1692–1695), предпринятого под руководством видного представителя российского посольства голландца Э. Идеса (Evert Ysbrants Ides, 1657–1708) [1]. Однако при создании гравированных листов по этой новой для себя тематике они попросту детально скопировали из изданной в Амстердаме в 1694 году книги аналогичного содержания работы своих голландских предшественников. Как удалось установить, в качестве исходного образца им послужили натурные рисунки входившего в состав посольства голштинского художника Я. Г. Вельтселя (John George Weltzel, ? – 1692).

В частности, на втором плане английской гравюры под названием «Остяки на берегу реки» замечаем выставленные в ряд типовые шатровые жилища, изготовленные из каркасных жердей и снаружи прикрытые шкурами животных [1, р. 20–21]. Каждое из них, легко разбираемое и собираемое на новом месте, явно рассчитано на одну семью и дополнено входом, служащим единственным источником естественного освещения. Аналогичные постройки демонстрирует и сюжет под заголовком «Религиозная церемония Тунгусов Низовья» [1, р. 30–31]. А близкие к традиционному русским строения находим сразу на трех гравюрах: «Вогульские татары», «Калмыцкие татары» и «Буряты» [1, р. 8–9, 34, 55]. Их деревянные объемы, сложенные, как правило, из бревен, завершены двускатными кровлями и, в зависимости от сугубо жилого или чисто хозяйственного назначения, включают в себя оконные проемы самой различной величины. А в одном из бурятских домов просматривается над кровлей даже

< Рис. 1. А. Дженкинсон. Россия, Московия и Тартария. Фрагмент карты. 1562 (Grafica. Ru Apt. 39-000004)

дымок, однозначно свидетельствующий о наличии оборудованного очага и для обогрева, и для приготовления пищи.

Помещенные в том же английском издании гравюры под названиями «Город Тобольск» и «Город Нерчинск в Даурии» представляют собой панорамные виды с довольно широким захватом и окружающей местности [1, р. 10–11, 42]. В частности, двухчастная застройка Тобольска представлена с противоположного берега широкой р. Тобол как на возвышенности, так и в непосредственной близости от береговой линии. Соответственно, самое возвышенное место на крутом косогоре закрепляется созданной изначально деревянной крепостью, вокруг которой уже сформировался обширный посад с мелкомасштабной застройкой и контрастно возвышающимися над ней деревянными объемами православных храмов. При этом явно позднейший приречный посад в сравнении основной частью города показан существенно меньшим по площади.

Общий вид Нерчинска также показан с противоположного берега, откуда на фоне горных склонов хорошо просматривались и сама крепость, и жилые дома, компактно размещенные вдоль всего двух-трех совсем недавно проложенных улиц. Над всем этим сравнительно небольшим массивом мелкомасштабной застройки контрастно проступает объем деревянного православного храма.

«Официальным художником» Третьей английской экспедиции Д. Кука (James Cook, 1728–1779) значился выпускник французской Королевской Академии художеств Д. Веббер (John Webber, 1751–1793), находившийся на борту исследовательского судна «Резолюшн». С ним и следует связывать создание непосредственно с натуры обширной серии рисунков и акварелей, иллюстрирующих в том числе и само устройство самых различных построек на восточной оконечности Российской империи. Так, 9 августа 1778 года обе корабельные команды с «Дискавери» и «Резолюшн», достигнув восточного побережья Чукотского полуострова, войдут в залив Св. Лаврентия. Именно здесь Веббер и создаст два акварельных рисунка, озаглавив их как «Танцующие перед капитаном Куком и его офицерами чукчи на фоне собственных жилищ» и «Чукчи и их жилища (Webber J. Captain Cook's Meeting

with the Chukchi. August, 1778 [National Maritime Museum, Greenwich, London, PAJ2965]).

Обе картинки дают ясное представление о рассчитанных на одну семью летних чукотских жилищах шатрового типа. Как выясняется, в основе их конструкции использован все тот же максимально облегченный каркас, который снаружи прикрыт внахлест шкурами животных. Собственно, из этих линейно поставленных вдоль берега стандартных строений и было образовано совсем крохотное чукотское поселение.

Побывав Веббер и в тогдашней официальной столице Камчатки, где создал панорамный рисунок, известный по изданной в 1783 гравюре Бенеча (Benezech) как «Большерецк на Камчатке» (J. Webber del. P. Benezech sc. A view of Bolcheretzkoï in Kamtschatka) [National Maritime Museum, Greenwich, London, PAI4202]. Отображая особенности его городской застройки, художник зафиксировал наличие двух основных ее типов. Так, приподнятые над землей пирамидальной формы летние жилища камчадалов (так называемые «балаганы») даже вдоль одной улицы соседствуют с типично русскими бревенчатыми постройками под двускатной кровлей.

А в конце августа – начале сентября 1779 под названием «Город и бухта Петропавловска на Камчатке» Веббер создал один из самых впечатляющих панорамных акварельных видов, запечатлев решительно всю тогдашнюю его застройку на фоне впечатляющего горного окружения Авачинской губы (Webber J. A View of the Town and Harbour of St. Peter and St. Paul In Kamtschatka. 1779) [State Library of New South Wales. Australia, PXD 59/Vol. 01/р. F. 118]. Фактически единственный ее «уличный фронт» сочетал в себе как летние и зимние жилища камчадалов, так и традиционные русские деревянные постройки под двускатными кровлями. Да и устройству зимнего жилища самих камчадалов Веббер посвятил как минимум три свои работы. Одна из них представляет собой натурный набросок интерьера (Webber J. Inside of a winter habitation in Kamchatka. Watercolor. 1779) [National Library of Australia, 690401]. Другая, уже в законченном виде, воспроизводила рассчитанное преимущественно на одну семью сравнительно небольшое жилое помещение (Webber J. Kamtschatka. Winter habitation. Watercolor) [State Library of New South Wales.

> Рис. 2. Тунгусы. Буряты.
Гравюры неизвестного
лондонского мастера.
1706 [1]

v Рис. 3. Город Тобольск.
Гравюра неизвестного
лондонского мастера.
1706 [1]

Australia. Pic-an 2668111]. А третья иллюстрировала внешний вид располагавшейся у склона и несколько заглубленной в грунт своеобразной постройки, более всего напоминавшей округлый в плане естественный холмик благодаря насыпке сверху земли (Webber J. Family in front of hut covered with leaves, Kamchatka Peninsula. Watercolor) [State Library of New South Wales, Australia]. Она включала в себя и дверной проем, который, впрочем, использовали только в теплое время года: в зимний же период из-за сильной заснеженности в это единственное жилое помещение попадали посредством лестницы через специально устраиваемое в кровле отверстие.

Числившийся также в составе Третьей экспедиции Кука художник-самоучка У. Эллис (William Wade Ellis, 1751–1785) находился преимущественно на борту «Дискавери» в качестве «помощника хирурга». Несмотря на совсем краткое пребывание в заливе Св. Лаврентия, ему все же удалось создать акварельный рисунок «Внешний вид жилищ на Чукотке» (Ellis W. View of the huts at Tschutshi Noss, Asia. Watercolour. 1778) [National Library of Australia. Call Number PIC Solander Box A41 #T214 NK53/L]. Не менее примечательна и его акварель «Вид Авачинской бухты на Камчатке» (Ellis W. View in Avacha

Bay, Kamchatka. Watercolour. 1779) [National Library of Australia. Pic-an 2816823]. Так, на северном ее берегу Эллис запечатлел два одноэтажных жилых строения под двускатными кровлями. Причем одно из них было возведено прямо в створе двух смыкающихся горных склонов, соответствуя главной оси самой бухты в направлении север-юг. Там же его заинтересовали и строения русских переселенцев, обосновавшихся здесь еще в самом начале XVIII в.

Об этом можно судить по созданному также с натуры акварельному рисунку под названием «Русская изба в гавани Петропавловска» (Ellis W. A Russian Hut, in the Harbor of St. Peter and St. Paul, in Kamtschatska. Watercolour [National Library of Australia. Pic-an 2816699]. Возведенная на побережье Петропавловской бухты, она представляет собой типичный русский сруб под четырехскатной соломенной кровлей. Ее единственный оконный проем прикрыт ставнями, сами же стены подперты бревнами для усиления прочности. Да и на кровле заметны наспех набросанные жерди для удержания при шквальных ветрах все той же соломы.

Целая серия рисунков, сделанных у российских берегов также в екатерининское царствование в той же северной акватории Тихого океана и известной по опубликованному в Лондоне в 1802 году гравюрам, иллюстрировала растянувшуюся почти на десятилетие (1785–1794) экспедицию английского капитана Д. Биллингса (Joseph Billings, 1761–1806). Здесь находим и целую подборку гравюр, созданных по рисункам известного английского живописца, гравера и иллюстратора книг У. Александра (William Alexander, 1767–1816) для «Отчета о географической и астрономической экспедиции в северные районы России для определения градусов широты и долготы устья реки Ковима; всего побережья Тшутского до Восточного мыса; и островов в восточном океане, простирающихся до американского побережья. Исполнено по приказу Ее Императорского Величества Екатерины Второй, императрицы всея Руси, commodором Джозефом Биллингсом в 1785–1794 годах» [2]. Впрочем, сам Александр в экспедиции не участвовал, но в художественных кругах Лондона был известен собственными совершенно изысканными по композиции акварельными рисунками, созданными в 1792 году во время своего

< Рис. 5. Д. Веббер. Танцующие перед капитаном Куком и его офицерами чукчи на фоне собственных жилищ. Акварель. 1778 (National Maritime Museum, Greenwich, London, PAJ2965)

пребывания в Китае в составе британского посольства. Назначенный же самим Биллингсом «официальным» художником экспедиции являлся выпускник петербургской Академии художеств, «рисовальный мастер» Лука Воронин (1765 – ?). В дошедшем до нас альбоме художника на 1, 3, 4, 5, 6, 7 и 13 листах прямо под рисунками находим подлинный его автограф («Лука Воронин»), а на первом листе, прямо под разъясняющим текстом, встречаем и подпись на английском языке: «Martin Sauer». Он-то и выпустил в свет упомянутое иллюстрированное издание. В тексте книги встречаем и некоего Робики (Mr. Robeck), которого составитель книги уважительно называет не иначе, как «наш рисовальщик» («our drawing-master»). На всем протяжении экспедиции наброски карандашом и пером делал и сам Сойер, о чем и упомянул в Предисловии. Впрочем, уже доставленные в английскую столицу всевозможные зарисовки и эскизы нуждались для последующего гравирования в создании качественных рисунков, чем и занялся впоследствии Александер.

На гравюре неизвестного лондонского мастера под названием «Вид порта Охотска» запечатлена непосредственно связанная с обширным заливом прибрежная часть города, расположенная на круто ниспадающем рельефе (View of the Port of Ochotsk, and the Bay of Kuchtui. Published March 2ed. 1802. By Cadell & Davies Strand). Особая смысловая значимость этого панорамного вида подкреплялась прежде всего тем обстоятельством, что именно этот портовый город на всем протяжении XVIII в. служил главными воротами Российской империи в огромный Тихоокеанский регион. К тому же незадолго до этого, в 1783 году, он становится центром Охотского уезда Иркутского наместничества и, стало быть, столицей края, невероятно обширного по европейским меркам. Ко времени приезда Биллингса здесь уже насчитывалось «132 небольших деревянных домов и проживало до двух тысяч жителей» [2, р. 40]. Сооружение охотского порта у самого устья р. Охты, на довольно узком участке суши – между морем и рекой, завершится к 1741 году. Как раз с ним и соседствовало сразу несколько верфей, где с этого времени бесперебойно осуществлялась постройка тихоокеанских судов самого различного назначения. Впрочем, на самой картинке едва уловима лишь око-

нечность самой этой речки с эффектно проступающими на небосклоне корабельными мачтами. Среди основного массива мелкомасштабной городской деревянной застройки с неизменными двускатными кровлями контрастно проступают повышенный объем православного храма, а у обрывистого берега вблизи него замечаем и традиционные шатровые строения одновременно проживавших в городе тунгусов. Не менее впечатляющий вид окрестностей Охотска представлен на другой гравюре под названием «Горная вершина и речушка Шилкеп с палатками тунгусов вблизи Охотска» (View of the Peak and Rivulet of Shilcap near Ochotsk with Tungoose Tents. Drawn by W. Alexander. Engraved by Powell. Published March 2ed. 1802. By Cadell & Davies Strand). На фоне величественной горной гряды на ней изображены в непосредственной близости от берега завершённые конусообразными кровлями все те же однотипные летние хижинки тунгусов.

Тот же Повелл на основе очередного исполненного Александером чистового рисунка создаст гравюру «Вид города Зашиверска» (Powell. Sculp. View of the Town of Zashiversk. Published March 2ed. 1802. By Cadell & Davies Strand). Располагавшийся за полярным кругом в среднем течении р. Индигирки, «за шиверами» (порогами), этот

v Рис. 4. Город Нерчинск в Даурии. Гравюра неизвестного лондонского мастера. 1706 [1]

^ Рис. 6. Чукчи и их дома. Гравюра Д. Лерпиньера (D. Lepriner) по акварели Д. Веббера. 1784 (State Library of New South Wales, Australia)

^ Рис. 7. Большерецк на Камчатке. Д. Вудинг (J. Wooding) по акварели Д. Веббера. 1783 (National Maritime Museum, Greenwich, London, PAI4202)

упраздненный в 1805 и окончательно опустевший в 1898 город был основан в правление Михаила Федоровича русскими переселенцами и поначалу представлял собой укрепленную крепость. Долгое время оставшийся стратегически важным для русской колонизации всей северо-восточной оконечности Азии, он был заложен на речном мысу, омываемом полноводной Индигиркой. На самой же гравюре это совсем небольшое поселение показано прямо у подножия обширной горной гряды, надежно прикрывающей его от шквалистых ветров. Сходные между собой в габаритах и рассчитанные преимущественно на одну семью традиционные русские избы изначально располагались вдоль всего двух улиц Зашиверска. Все они, вследствие вечной мерзлоты, изображены несколько приподнятыми от земли. Помимо тучных облаков, Александр изобразил и растворяющиеся в небе дымки от уже растопленных печей. Как представлено все на том же панорамном рисунке, самый крупный неогороженный участок в центральной части Зашиверска занимает объем Спасо-Зашиверской церкви с отдельно стоящей колокольней. Еще в 1700-е их выстроил местный мастер Андрей Хабаров из уцелевших бревен старого острога. Храм этот, эффектно возвышающийся над всей остальной мелкомасштабной застройкой, был уже издалека заметен от единственной проложенной дороги, переходившей в городскую улицу.

Во второй половине XVIII в. существенную роль в ознакомлении британцев с окружающим миром играли всевозможные справочные географические издания, отвечавшие многократно возросшим в эпоху Просвещения их интеллектуальным запросам. Кроме текстовых разделов, находим здесь и целый ряд гравюр, призванных запечатлеть в том числе и жизненный уклад представителей азиатской России. Так, в 1771 году в Лондоне было выпущено в свет уже третье издание Д. Феннинга (Daniel Fenning) и Д. Кольера (Joseph Collyer) под общим названием «Новая система географии...» [3]. В нем находим гравюру неизвестного английского гравера под названием «Интерьер зимнего жилища жителей Камчатки». В действительности он попросту скопировал одну иллюстрацию из опубликованной в 1764 году в Лондоне «Истории Камчатки и Курильских островов с прилегающими странами...», составленной деятельным

исследователем Сибири и Камчатки С. П. Крашенинниковым (1711–1755) [4].

Целый ряд гравюр, иллюстрирующих азиатскую часть России, находим и в датированном 1778 двухтомном издании «Новой и полной географии» Ч. Мидлтона [5]. Впрочем, и их авторы также копировали с незначительными изменениями прежде созданные зарубежные гравюры. В частности, в гравированном рисунке под названием «Вид Шорскарского погоста в Сибири» воспроизводилась одноглавая деревянная церквушка с отдельно стоящим своим звоном на два колокола (A View of Schorskarskoj Pagost in Siberia). Примечательна напрямую связанная с трапезной пристройка главного входа, устроенная под углом к несколько протяженному южному ее фасаду. А относящаяся к творчеству гравера Т. Бовена (Thomas Bowen) очередная гравюра воспроизводила «Вид поселения Троицкий на реке Обь в Сибири» (Bowen T. A View of Trojesski on the Siberian River Oby). На узком мысу переднего плана он изобразил несколько русских изб, а на противоположном берегу Оби – православный деревянный храм с сельскими строениями.

Повседневную русскую жизнь все на тех же неотъемлемых сибирских просторах демонстрирует созданная Смитом (Smith) гравюра, помещенная тем же Мидлтоном в собственную «Географию» под заголовком «Различные повозки и сани, используемые для перевозки всевозможных товаров зимой в России» (Smith. Various Carriages & Sledgges used for the conveyance of Goods, Merchandise & c. during the Winter in Russia). Под крутым косогором вдоль проезжей дороги на ней эффектно изображены идентично выстроенные традиционные рубленые избы под двускатными кровлями.

Как и в предшествующем веке, в начале XIX столетия существенную роль в ознакомлении британцев с особенностями обустройства россиян на обширном азиатском пространстве продолжали играть специализированные иллюстрированные издания. В частности, гравированный вид жилищ чукчей, в очередной раз созданный с рисунка Д. Веббера, находим в опубликованном в 1806 году лондонском географическом издании под названием «Мир, или современное состояние Вселенной...» [6, р. 255]. А в 1811 году в очередном выпуске «Системы современной географии» поместят гравюру Томлинсона

< Рис. 8. Город и бухта Петропавловска на Камчатке. Б. Паунси (B. Pouncy). Гравюра по акварели Д. Веббера. 1784 (National Library of Australia, Rex Nan Kivell Collection, NK1426)

(Tomlinson) «Интерьер жилища в Восточной Татарии». Как показано, нижняя его часть целиком сложена из дерева и укреплена протяженными балками, а верхняя учитывает сплошное утепление стен по деревянному каркасу. При этом оконные проемы полностью отсутствуют, а естественный свет проникает лишь через верхнее отверстие, служащее также дымоходом. Показательно, что и входной проем более всего похож на лаз: он существенно приподнят над полом, что позволяло выбираться наружу даже при больших сугробах.

Созданная с натурного рисунка английского архитектора, художника и путешественника Т. Аткинсона (Thomas Wiltam Atkinson, 1799–1861) гравюра под заголовком «Часть Иркутска» (Part of Irkutsk) была опубликована в Лондоне в 1860 году в его богато иллюстрированном сочинении «Путешествия по регионам верхнего и нижнего Амура и российские приобретения на границах Индии и Китая...» [7, р. 378]. Этот панорамный вид самой древней части города он зарисует со стороны противоположного берега р. Ангары, тем самым зафиксировав контрастно проступающие из монастырских стен разноразличные церковные объемы.

В выпущенном также в английской столице в 1861 году сочинении английского врача, географа, геолога и путешественника У. Эйнсворта (William Francis Ainsworth, 1807–1896) под заголовком «Вокруг света: иллюстрированный отчет о путешествиях и приключениях во всех уголках земного шара» были помещены сразу четыре гравированных рисунка, посвященных азиатской России [8, pp. 249, 256, 265, 280]. Под названиями «Порт Охотска», «Базар и ярмарка в Нерчинске», «Якутская колония или деревня» и «Лагерь Тунгусов» (Port of Okhotsk, Bazaar and Fair at Nerchinsk, Yakut colony or Village, Tunguse Encampment) все они были скопированы с хорошо известных автору более ранних изданий. В частности, гравированный вид «Порт Охотска» был помещен в изданный в Лондоне в 1802 году упомянутый «Отчет о географической и астрономической экспедиции в северные районы России для определения градусов широты и долготы устья реки Ковима... коммодором Джозефом Биллингсом в 1785–1794 годах». А созданный по рисунку русского гравера, рисовальщика и путешественника Е. М. Корнеева (1782–1839) сюжет «Базар

и ярмарка в Нерчинске» украшал в полихромном исполнении фронтиспис второго тома парижского издания 1813 «Народы России».

Английский предприниматель, купец и писатель А. Мичи (Michie, Alexander, 1833–1902) своими крупными торговыми операциями был напрямую связан с Китаем. Именно оттуда в 1863 году он решил возвратиться на родину, проследовав через азиатские владения России. И уже в следующем году в Лондоне он опубликовал книгу под весьма интригующим заголовком «Сибирский сухопутный маршрут из Пекина в Петербург, через пустыни и степи Монголии, Татарии и т. д.» [9, р. 307]. Здесь и находим фактически единственную посвященную азиатской России гравюру под названием «Вид Екатеринбурга. Сибирь», созданную лондонским мастером явно на основе фотографического снимка. Этот охватывающий практически всю городскую застройку панорамный вид воспроизводит основной массив одно-двухэтажной деревянной застройки по обе стороны р. Исеть, притока Тобола. На той же гравюре вполне различимы и сильно протяженная городская набережная, и пожарное депо с высокой башней, и стоящий на площади величественный Богоявленский кафедральный собор.

Деятельный участник Российско-американской телеграфной экспедиции Р. Буш (Richard Bush) издаст в 1871 году в Лондоне иллюстрированный дневник собственного сибирского путешествия под названием «Северные олени, собаки и снегоступы: дневник сибирских путешествий и исследований, сделанных в 1865, 1866 и 1867 годах». В датированном апрелем 1871 года Предисловии он подчеркнет следующее: «На точность иллюстраций можно положиться, поскольку в основном они были сделаны самим автором на месте. Портреты представителей разных племен взяты с натуры» [10, р. VIII]. Таким образом, созданные с натуры самим Бушем рисунки он переправил в Лондон, где они с надлежащими исправлениями и были гравированы местными мастерами. Среди них находим сразу десять интересующих нас картинок: «Церковь в Петропавловске», «Михайловка», «Лагерь гиликов», «Интерьер якутской юрты», «Удской», «Ловушка для лис», «Село Джигда», «Маяк в Гилигне», «Вид в Маркове», «Головной офис в Маркове» (Church at Petropaulovski, Mikhaelofski, Gilak Encampment, Interior

> Рис. 9. Русская изба в гавани Петропавловска. У. Эллис (W. Ellis) Акварель. 1778 (National Library of Australia. Pic-an 2816699)

of Yakout Yourt, Oudskoi, Fox-trap, Ghijigha, Light-house at Ghijigha, View in Markova, Head-quarters at Markova).

Наряду с реалистическим изображением целого ряда селений с типично русскими деревянными жилими и культовыми постройками автор книги зафиксировал и целый ряд наиболее впечатляющих строений. Так, изображенная с южного фасада церковь в Петропавловске представляет собой сильно вытянутый по оси запад-восток приземистый деревянный объем, увенчанный одной главкой; другая главка, поменьше, уже завершала южный придел храма. А для развески колоколов служила отдельно стоящая совсем небольшая деревянная постройка под четырехскатной кровлей. Само по себе примечательно и одно из типовых строений поселения гияков (нивхов) в Приамурье, представляющее собой несколько протяженное прикрытое шкурами строение на облегченном деревянном каркасе из одних только жердей. Зарисовал Буш и часть интерьера якутской юрты: это деревянное под двускатной кровлей жилое строение обогревалось массивной каменной печью, устроенной по русскому образцу. Немалый интерес представляет весьма хитроумная бревенчатая постройка для поимки лисиц. И также целиком из бревен был сооружен в южной части Камчатки маяк. Шестиконечный в плане, он сориентирован на обширное водное пространство и дополнен единственным входом и наружной лестницей, позволявшей местным жителям подниматься на плоскую кровлю и разжигать видимый издали костер, служивший необычайно важным ориентиром для всех местных мореплавателей. Наконец, не лишен интереса и панорамный вид деревеньки Марково, где в начале 1870-х размещалась Штаб-квартира азиатского телеграфного подразделения (Russian American Telegraph Co).

Созданный со стороны обширной акватории Японского моря панорамный вид Владивостока находим на гравюре неизвестного лондонского мастера, помещенной в книгу капитана Б. Баха «Восточные моря: повествование о путешествии Его Величества на корабле “Карлик” в Китай, Японию и на Формозу. С описанием побережья Российской Татарии и Восточной Сибири, от Корейского полуострова до реки Амур» [11, р. 160–161]. Впрочем, на фоне обширной горной гряды на ней едва лишь про-

глядывается все еще малочисленная мелкомасштабная городская застройка.

Сразу четыре сюжета, посвященные сибирскому краю, помещены в монографию, изданную английским книжным иллюстратором М. Томасом (Michell Thomas, 1836–1899) в Лондоне в 1889 году под названием «Русские картинки. Нарисовано ручкой и карандашом Томасом Мичеллом, К. Б. Н., автором “Справочника Муррея по России, Польше и Финляндии” и “Шотландская экспедиция в Норвегию в 1812 году” и т. д.» [12, р. 171, 179, 182, 185]. Однако все интересующие нас листы – «Кяхта», «Сибирский золотой рудник», «Тобольск» и «Иркутск, сожженный в 1879 году» – были созданы им исключительно на основе фотографических снимков и затем гравированы лондонским мастером (Kiakhtha), A Siberian Gold Mine, Tobolsk, The Burning of Irkutsk in 1879).

Показательно, что тот же сюжет под заголовком «Сибирский золотой рудник» украшает форзац изданной в Лондоне в 1882 книги известного английского священника Г. Лэнсделла (Henry Lansdell, 1841–1919) «Через Сибирь». Из той же книги происходит и рисунок «Иркутск, сожженный в 1879 году» [13, р. 262–263]. Неоднократно посещая самые различные части Азии, он в 1879 году совершил сильно затянувшееся путешествие по азиатской России, где в основном занимался распространением многоязычных религиозных трактатов и библии, предоставленных ему лондонскими миссионерскими обществами. Иллюстрируя свой труд, он воспользовался фотографической фиксацией целого ряда сибирских строений, которые были включены уже в качестве гравюр в упомянутое издание. Здесь находим и созданную из жердей и прикрытую снаружи шкурами летнюю юрту остяков, установленную близ береговой линии Оби, и фиксирующее красную линию уличной застройки протяженное двухэтажное деревянное строение Александровской центральной тюрьмы близ Иркутска (Ostjaks on the Obi, in summer yourt, The Alexandreffsky central prison near Irkutsk), и два деревянных храма, один из которых в Благовещенске принадлежал сибирским староверам (молоканам).

Касательно последнего автор заметил: «Мне сказали, что в городе полно раскольников. Я не слышал ни о каких староверах или старообрядцах и не видел ни на од-

> Рис. 10. Вид порта Охотска. Гравюра неизвестного лондонского мастера. 1802 [2]

< Рис. 11. Вид города Зашиверска. Гравюра неизвестного лондонского мастера. 1802 [4]

ной церкви трех поперечных балок в форме креста; но там было много молющихся-колонистов, я полагаю, или потомков ссыльных. Их присутствие, несомненно, во многом объясняет процветание города, поскольку они “честны, трезвы и трудолюбивы”» [13, р. 527]. Находим в книге и изображение Николаевской пересыльной тюрьмы, представляющей собой двухэтажный бревенчатый объем под двускатной крышей (The etape prison. Nikolaefsk). К этому основному зданию, как показано, примыкает и обширный двор, огороженный глухой оградой из вертикально вкопанных столбов. Не менее примечателен перспективный вид «Военного поста с исправительной колонией в порту Дуи на Сахалине», более всего напоминающие устройство типичной русской деревни (The Military post and Penal colony at port Dui in Sakhalin). Как удалось установить, этот гравированный вид был создан лондонским мастером по фотографии В. В. Ланина, который поместил ее в первый том опубликованного в 1871 в Николаевске-на-Амуре «Альбома Амура и Уссурийского края».

Заканчивают хронологически обозначенный иллюстративный ряд графические работы английского писателя, путешественника и художника Ю. Прайса (Julius Mendes Price, 1857–1924). Как выясняется, он в молодые годы изучал изобразительное искусство в Брюсселе, а затем в парижской Школе изящных искусств. В 1890–1891, находясь в составе сибирской исследовательской экспедиции, Прайс сначала посетит арктическое побережье, а затем, уже самостоятельно, проследует и вдоль Енисея. Это и позволит ему создать целую серию натурных рисунков, часть из которых в 1891 он опубликует в качестве иллюстратора-корреспондента в «Иллюстрированных лондонских новостях» (The Illustrated London News), а на следующий год и в выпущенной в Лондоне собственной монографии под названием «От Северного Ледовитого океана до Желтого моря. Рассказ о путешествии в 1890 и 1891 годах по Сибири, Монголии, пустыне Гоби и Северному Китаю» [14]. В частности, в упомянутом периодическом издании от 25 июля находим следующие сюжеты: «Наброски в Иркутске, Восточная Сибирь: 1. Дом генерал-губернатора в присутственный день; 2. Московское подворье; 3. Музей; 4. Большая улица; 5. Уличная сцена: старейший и новейший дома в горо-

де» (1. The Governor-General's House on a Reception Day; 2. The Moskovskia Podvorie; 3. Museum; 4. The Bolsoi Oulitzka; 5. Street Scene: the Oldest and the Newest House in the City. Sketches at Irkutsk, Eastern Siberia, by our special artist, Mr. Julius M. Price) [The Illustrated London News. July, 25. 1891].

Уже в качестве гравюр все эти рисунки Прайса были помещены в упомянутую книгу, здесь же была опубликована и целая серия рисунков, посвященных тому же Иркутску, Красноярску, Туруханску и Верхнеимбатску – селу в Туруханском районе Красноярского края. Однако основная их часть посвящалась Енисейску: «Главная улица Енисейска»; «Енисейск. Развозчик дров»; «Тюрьма в Енисейске» (The Market Place. Yeniseisk; Trader's House at Kazanscoi; The Two Collegiate Schools, Yeniseisk; The Cathedral, Krasnoiarisk; A Typical Siberial interior, Krasnoiarisk; The Moscovskaia Podvorie, Irkutsk; Street Scene, Irkutsk; The Museum, Irkutsk; The Recreation ground, Irkutsk prison; The High Street, Irkutsk; In the Courtyard of Fire station, Irkutsk; The Governor-general's house, Irkutsk; The principal thoroughfare, Interior of a Post House; The High street, Troitzkosavsk; Watchman on Duty is Fire tower, Krasnoiarisk; Turuchansk). Изобразил он и столь привычную на необъятных сибирских просторах почтовую станцию; наконец, предметом его интереса станет интерьер одного из тюремных помещений, где работает над своими произведениями осужденный художник (A «Privileging», or privileged prisoner. The prison artist).

Не вдаваясь в подробности, следует отметить, что все эти графические листы Прайса существенным образом отличаются от большинства вышеперечисленных работ, ибо обнаруживают тенденции развития западноевропейской графики рубежа XIX–XX вв. Детально фиксируя присущие архитектурные особенности сибирских городов и самых различных построек, художник всякий раз насыщает собственные композиции подчеркнуто жанровым содержанием. А потому и в самой фиксации городской среды с довольно реалистичным изображением в эффектных ракурсах уличных перспектив с одно-двухэтажной деревянной застройкой, соборов, церквей, пожарной каланчи, тюремных сооружений и т. п., Прайс неизменно использует в качестве стаффажа наиболее характерных представителей азиатской России.

Рис. 12. Часть Иркутска. Гравюра неизвестного лондонского мастера по рисунку Т. Аткинсона. 1860 [7]

^ Рис. 13. Церковь в Петропавловске. Гравюра неизвестного лондонского мастера по рисунку Р. Буша. 1871 [10]

> Рис. 14. Сельская церковь староверов или старообрядцев. Гравюра неизвестного лондонского мастера по рисунку Г. Лэнсделла. 1882 [13]

Изначально основным импульсом к появлению упомянутых в статье графических работ послужил характерный для эпохи Просвещения колоссальный интерес английской читательской аудитории ко впечатляющему многообразию мира, а в дальнейшем этот интерес неизменно стимулировался и английским книжным рынком. Публиковавшиеся в технике гравюры иллюстрации наглядно демонстрируют характерные особенности изобразительной манеры самих авторов. Среди особо примечательных предметов огромного и все еще малоизвестного мира им удалось отобразить в заявленных хронологических рамках архитектурное и градостроительное своеобразие азиатской России. Документальная и художественная ценность этих графических произведений весьма значительна, ибо все они фиксируют полностью утраченную к настоящему времени самобытность архитектурно-пространственной среды целого ряда городов и селений азиатской России, а также отдельных ее строений и сооружений самой различной функциональной принадлежности.

Литература

1. Ides, E. Y. Three years travels from Moscow over-land to China. Thro' Great Ustiga, Siriania, Permia, Sibiria, Daour, Great Tartary, &c. to Peking. – L. : Printed for W. Freeman, J. Walthoe, T. Newborough, J. Nicholson, and Parker, 1706. – 210 p.
2. Sauer, M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia : for ascertaining the degrees of latitude and longitude of the mouth of the river Kovima; of the whole coast of the Tshutski, to East Cape; and of the islands in the eastern ocean, stretching to the American coast. Performed, by command of Her Imperial Majesty Catherine the Second, empress of all the Russias, by Commodore Joseph Billings, in the years 1785, &c. to 1794. – L. : Printed by A. Strahan, 1802. – 332 p.
3. Fenning, D., Collyer, J. A new system of geography: or, A general description of the world. Containing a particular and circumstantial account of all the countries, kingdoms, and states of Europe, Asia, Africa, and America... With the birds, beasts, reptiles, insects, the various vegetables, and minerals, found in different regions. – L. : J. Payne, and sold, 1771. – 623 p.
4. Krashennnikov, S. P. The history of Kamtschatka, and the Kurilski Islands, with the countries adjacent. Published at Petersburg by order of her Imperial Majesty and translated

^ Рис. 15. Верхнеимбатск. Гравюра неизвестного лондонского мастера по рисунку Ю. Прайса. 1882 [14]

^ Рис. 16. Главная улица Енисейска. Гравюра неизвестного лондонского мастера по рисунку Ю. Прайса. 1882 [14]

into English by James Grieve. – L.: Printed by R. Raikes for T. Jeffry's geographer to his Majesty, 1764. – 312 p.

5. Middleton, C. T. A New and Complete system of Geography. Containing a full, accurate, authentic, and interesting Account and Description of Europe, Asia, Africa, and America. – L.: Printed for J. Cooke, 1778. – 546 p.

6. Pelham, C. The World, or, The present state of the universe: being a general and complete collection of modern voyages and travels. – L.: Printed by W. Stratford, 1806. Vol. 1. – 764 p.

7. Atkinson, T. W. Travels in the regions of the upper and lower Amoor, and the Russian acquisitions on the confines of India and China. – L.: Hurst and Blackett, 1860. – 570 p.

8. Ainsworth, W. All round the world: an illustrated record of voyages, travels, and adventures in all parts of the globe. – L.: Published for the proprietors by W. Kent, 1861. – 372 p.

9. Michie, A. The Siberian overland route from Peking to Petersburg: through the deserts and steppes of Mongolia, Tartary, &c. – L.: J. Murray, 1864. – 402 p.

10. Bush, R. Reindeer, dogs, and snow-shoes: a journal of Siberian travel and explorations made in the years 1865, 1866, and 1867. – L.: Sampson Low, Sun, and Marston. 1871. – 530 p.

11. Bax, B. W. The Eastern seas: being a narrative of the voyage of H.M.S. «Dwarf» in China, Japan and Formosa. With a description of the coast of Russian Tartary and Eastern Siberia, from the Corea to the river Amur. – L.: Murray, 1875. – 287 p.

12. Michell, T. Russian Pictures. Drawn with pen and pencil. – L.: The Religious Tract Society, 1889. – 224 p.

13. Lansdell, H. Through Siberia. – L.: Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington, 1882. Vol. 1. – 391 p.

14. Price, J. M. From the Arctic Ocean to the Yellow Sea. The narrative of a journey, in 1890 and 1891, across Siberia, Mongolia, the Gobi Desert, and North China. – L.: Sampson Low, Marston & Company, 1892. – 380 p.

References

Ainsworth, W. (1861). *All round the world: an illustrated record of voyages, travels, and adventures in all parts of the globe*. L.: Published for the proprietors by W. Kent.

Atkinson, T. W. (1860). *Travels in the regions of the upper and lower Amoor, and the Russian acquisitions on the confines of India and China*. L.: Hurst and Blackett.

Bax, B. W. (1875). *The Eastern seas: being a narrative of the voyage of H.M.S. «Dwarf» in China, Japan and Formosa. With a description of the*

coast of Russian Tartary and Eastern Siberia, from the Corea to the river Amur. L.: Murray.

Bush, R. (1871). *Reindeer, dogs, and snow-shoes: a journal of Siberian travel and explorations made in the years 1865, 1866, and 1867*. L.: Sampson Low, Sun, and Marston.

Fenning, D., & Collyer, J. (1771). *A new system of geography: or, A general description of the world. Containing a particular and circumstantial account of all the countries, kingdoms, and states of Europe, Asia, Africa, and America... With the birds, beasts, reptiles, insects, the various vegetables, and minerals, found in different regions*. L.: J. Payne, and sold.

Ides, E. Y. (1706). *Three years travels from Moscow over-land to China. Thro' Great Ustiga, Siriania, Permia, Sibiria, Daour, Great Tartary, &c. to Peking*. L.: Printed for W. Freeman, J. Walthoe, T. Newborough, J. Nicholson, and Parker.

Krashennnikov, S. P. (1764). *The history of Kamtschatka, and the Kurilski Islands, with the countries adjacent. Published at Petersburg in the Russian language by order of her Imperial Majesty and translated into English by James Grieve*. L.: Printed by R. Raikes for T. Jeffry's geographer to his Majesty.

Lansdell, H. (1882). *Through Siberia*. Vol. 1. L.: Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington.

Middleton, C. T. (1778). *A New and Complete system of Geography. Containing a full, accurate, authentic, and interesting Account and Description of Europe, Asia, Africa, and America*. L.: Printed for J. Cooke.

Michell, T. (1889). *Russian Pictures. Drawn with pen and pencil*. L.: The Religious Tract Society.

Michie, A. (1864). *The Siberian overland route from Peking to Petersburg: through the deserts and steppes of Mongolia, Tartary, &c*. L.: J. Murray.

Pelham, C. (1806). *The World, or, The present state of the universe: being a general and complete collection of modern voyages and travels*. Vol. 1. L.: Printed by W. Stratford.

Price, J. M. (1892). *From the Arctic Ocean to the Yellow Sea. The narrative of a journey, in 1890 and 1891, across Siberia, Mongolia, the Gobi Desert, and North China*. L.: Sampson Low, Marston & Company.

Sauer, M. (1802). *An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia for ascertaining the degrees of latitude and longitude of the mouth of the river Kovima; of the whole coast of the Tshutski, to East Cape; and of the islands in the eastern ocean, stretching to the American coast. Performed, by command of Her Imperial Majesty Catherine the Second, empress of all the Russias, by Commodore Joseph Billings, in the years 1785, &c. to 1794*. L.: Printed by A. Strahan.

В статье делается попытка рассмотреть композиционные характеристики архитектуры старообрядческих церквей Екатеринбурга как одного из центров старообрядчества в условиях противостояния двух ветвей православного вероисповедания. Задача данной статьи – ознакомиться с практикой строительства храмов соборного типа московскими старообрядцами, определить степень влияния на архитектуру старообрядческих храмов Екатеринбурга московских образцов и типовых проектов в условиях российского строительного законодательства.

Ключевые слова: старообрядчество; молебный дом; церковь; собор. /

The article attempts to consider the compositional characteristics of the architecture of the Old Believer churches in Yekaterinburg as one of the centers of the Old Believers in the context of the confrontation between the two branches of the Orthodox faith. The purpose of this article is to get acquainted with the practice of building cathedral-type temples by Moscow Old Believers, to determine how Moscow samples and standard projects influence the architecture of Old Believer temples in Yekaterinburg in the context of Russian construction legislation.

Keywords: Old Believers; prayer house; church; cathedral.

Архитектура старообрядческих церквей в Екатеринбурге / Architecture of Old Believer churches in Yekaterinburg

текст

Михаил Голобородский

Уральский
государственный
архитектурно-
художественный
университет
имени Н. С. Алфёрова
(Екатеринбург)

text

Mikhail Goloborodsky

Ural State University
of Architecture and Art
named after N. S. Alferov
(Yekaterinburg)

К вопросу о практике строительства храмов по образцам

На лекциях, освещающих вопросы региональной архитектуры Урала, слушатели часто задают вопрос: «В чем особенности архитектуры храмов старообрядцев?» Для архитектора, специализирующегося на культовом зодчестве, ответ на этот вопрос имеет практическое значение.

После десятилетий направленного воздействия с целью выработки у граждан атеистических убеждений в 1990-е годы частично или полностью уцелевшие церковные здания стали активно передаваться в пользование вновь организовавшимся религиозным общинам. В сложившейся ситуации в практике архитекторов-реставраторов выдвинулись задачи не только реставрации храмов с соблюдением требований законодательства, но и с учетом пожеланий заказчиков – религиозных общин, обычно неспособных четко сформулировать задание на проектирование. Так, в 1993 году община

старообрядцев обратилась к автору статьи с предложением разработать проект иконостаса для переданного им памятника классицизма здания Христорождественской единоверческой церкви Верх-Исетского завода.

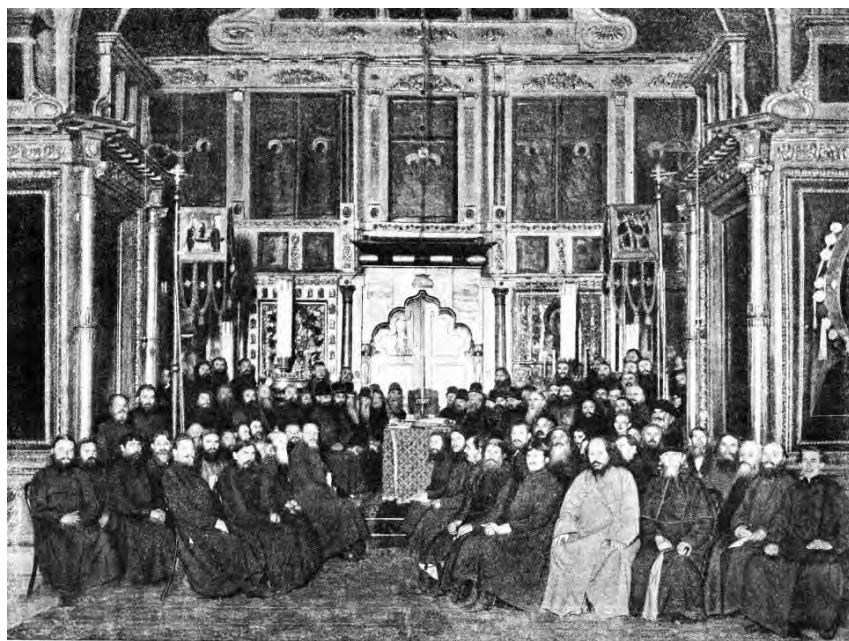
Какие-либо исторические документы, дающие хотя бы общее представление об утраченном иконостасе, отсутствовали. При этом обращение к аналогу из средневекового зодчества было одним из главных условий заказа. Предложенные старообрядцам варианты иконостаса в стилистике классицизма и русских средневековых стилях, тябловые и многоярусные, первоначально не были приняты старообрядцами за «наши».

После нескольких отвергнутых вариантов за аналог, т. е. «своим, нашим» был признан иконостас Покровского единоверческого собора на Рогожском кладбище в Москве – памятник периода классицизма (рис. 1). В таком случае утверждение, что «старообрядцы используют в качестве прототипов своих храмов только сооружения дониконовского времени» [1, с. 14], в реалиях XX века не подтверждалось. Таким образом, многовековое противостояние раскольников официальной церкви оставило свой след в их отношении к архитектуре храмов.

Архитектура храмов старообрядцев и государственно-конфессиональная политика России XVII–XIX веков

В истории России и ее культуре значительную роль сыграло религиозно-оппозиционное движение старообрядчества, или так называемый «церковный раскол», появившийся как реакция на проводимую в середине XVII в. царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном церковную реформу. По решению церковного собора 1654 года в целях установления «единообразия в чинах» были внесены корректировки в тексты богослужебных книг и детали обрядовой практики. Эта попытка реформы церковных обрядов вызвала у части духовенства, мирян и крестьянства протесты, переросшие в раскол, который разделил российское население на сторонников и противников реформы патриарха Никона. После предания участниками церковного собора 1666 года

< Рис. 1. Эклектичный по архитектуре иконостас Покровского собора на Рогожском кладбище в Москве. Фото 1911

Освященный собор старообрядческой Церкви, состоявшийся в Москве 25–31 августа 1911 г.

^ Рис. 3. Успенский собор в Московском Кремле. Фото начала XX в.

^ Рис. 2. Покровский собор на Рогожском кладбище в Москве. Фото начала XX в.

анафеме противников реформ раскольников приняло массовый характер. Вплоть до конца XVIII в. жестоко преследуемые властями сторонники «старой веры» бежали на вольный Дон, в глухие леса Забайкалья, Сибирь и Горный Урал [2, с. 6].

Старообрядчество как совокупность религиозных течений не было единым в соблюдении богослужебных обрядов. Со временем лишившись священников, рукоположенных в сан до Никоновской реформы, старообрядцы стали объединяться в общины различного толка (согласия), которые, в свою очередь, разделились на совершавших обряды богослужения без привлечения священников (так называемые «беспоповцы») и приемлющих священников («поповцы»). Из всех христианских обрядов (таинств) последователи беспоповства стали отправлять только два: крещение и исповедь, которые, наряду с богослужением, совершают выборные из мирян наставники. Зданиям молелен для беспоповцев не требуется алтарь, т. к. без участия священника не может совершаться полноценная литургия с производимым на алтарном престоле таинством пресуществления святых даров в тело и кровь Господню и следующим за этим обрядом причастия. Старообрядцы, объединившиеся в общины поповского толка, нашли компромиссный выход из необходимости сохранить догматику православной церкви, привлекая и скрывая в своих домах и молельнях беглых священников, из-за чего получили наименование «беглопоповцы».

Первая половина XVIII столетия для русской церкви как общественного явления – время далеко не благодатное: в этот период было отменено патриаршество, ущемлены в правах монастыри, запрещено строительство церквей и часовен. В отношении староверов была создана и закреплена на практике конкретная законодательная система ярко выраженного антистарообрядческого характера. Вместе с тем скрытая легализация старообрядчества в это же время позволила использовать их экономический потенциал в пользу государства [3, с. 428–466].

Проводя политику европеизации страны, Петр I кардинально изменил характер церковного зодчества в России. Отношение государства к церкви как к учреждению,

подчиненному светской власти, нашло свое отражение во внешнем облике построенных в Петербурге храмов. Так, архитектурное решение Петропавловского собора с его базиликальным планом и совсем не православным шпилем оставались непривычны для русского зора даже к началу XX века [4, с. 15].

В царствование Елизаветы Петровны (1741–1761), желавшей закрепить и одновременно возродить в культовом зодчестве старые национальные традиции, на смену базиликальному типу церкви возвращается тип соборного пятиглавого храма в форме куба. Принято считать, что эта кубическая форма храмового четверика заимствована у легендарного храма Соломона в Иерусалиме, имевшего ширину, длину и высоту равными между собой. Высотное завершение всегда играет важную роль в объемной композиции зданий. В венчании храмов соборного типа в то время наметился возврат к «освященному» традицией пятиглавию, унаследованному от древнерусского зодчества. Этот тип завершения соборных храмов был закреплён ещё в 1479 году возведением в Московском Кремле пятиглавого Успенского собора.

В десятилетний период царствования Анны Иоанновны борьба с «расколом» ужесточилась. От правительственных репрессий тысячи старообрядцев укрылись в лесах и заводах Сибири и Урала.

Во время правления Петра III и Екатерины II отношение к старообрядцам несколько смягчилось. Синод в 1784 году разрешил старообрядческим общинам поповцев иметь священников, состоящих в ведении Синода, и вести богослужения по старопечатным книгам. В марте 1798 года Павлом I был утверждён указ о предоставлении старообрядцам-поповцам права «иметь у себя церковь и особенных священников, рукоположенных от епархиальных архиереев для отправления службы Божия по старопечатным книгам» [5].

Это компромиссное нововведение создало условия для учреждения государством в 1800 году института **Единоверия**. С этого времени единоверческим общинам позволялось иметь не только молельные дома и часовни, но и строить церкви. По губернским городам было разослано «Высочайшее правило для устройства старообрядческих единоверческих церквей и снабжением

их священниками» [6]. Особенно много старообрядцев перешло в единоверие в годы царствования Николая I (1825–1855). В этот тридцатилетний период против раскольников часто принимались принудительные меры для перехода их в единоверие. Купцов, не принявших единоверие, просто ограничивали в праве на торговлю, препятствовали строительству не только церквей, но и моленных домов.

К началу XIX в. в Москве оплотом старообрядчества белокрыницкого согласия стало Рогожское единоверческое кладбище, где по проекту М. Ф. Казакова и его ученика И. И. Марченкова был возведен внушительных размеров Покровский собор (рис. 2). Величина этого единоверческого храма-гиганта, его объемно-планировочная композиция и убранство были призваны отразить значимость, духовное величие и мощь старообрядчества. Согласно проекту Казакова, спроектированный в формах классицизма храм должен был получить типичную для православных соборов объемно-планировочную композицию. Большого размера кубоватый объем должны венчать пять близко расположенных крупных световых глав. Алтарное помещение выделяли примыкающие к восточному фасаду полукружия апсид. Не исключено, что при выборе архитектурного прототипа будущей церкви автор проекта и заказчики ориентировались на Успенский собор Московского Кремля как на старообрядческий антипод официальной православной церкви (рис. 3).

В случае полной реализации казаковского проекта официально числящемуся часовней Покровскому храму предстояло стать общепонятным символом величия, истинности и исторической значимости старой веры. Но этому амбициозному проекту не суждено было реализоваться в полном объеме. В 1792 году, несмотря на императорский манифест 1762 года, согласно которому предписывалось «раскольникам никакого притеснения не делать», строительство так называемой «часовни» было приостановлено городскими властями до получения значительно переработанного архитектором И. И. Марченковым варианта. Из прежнего облика здания были устранены архитектурные формы, применявшиеся при строительстве соборов. Претендовавшее на значительность пятиглавие заменил купол с луковичной главкой, уже выстроенные алтарные апсиды были разрушены. Предназначенному для проведения богослужений зданию власти целенаправленно придали облик дворцового или общественного здания [7, с. 19–33].

Храмы Екатеринбурга и исход староверов из Шарташа

В провинции противостояние старообрядцев официальной церкви имело свои особенности. В начале XVIII в. в условиях продолжавшихся притеснений немало староверов из Подмоскovie, Тулы и скитов на реке Керженец в Нижегородской губернии переселилось на Урал. Здесь, тогда в почти незаселенном краю, в 1723 году среди глухих лесов и болот на реке Исеть была основана крепость-завод, в будущем город Екатеринбург. История города-завода Екатеринбург неотделима от истории церковного раскола. Значительную часть первых жителей города составляли староверы. Кроме того, много старообрядческих скитов находилось поблизости на притоках реки Исети: Висима, Утки, Нейвы. В пяти верстах от Екатеринбурга уже давно находилось большое старообрядческое село Шарташ, названное так по топону озера, на берегах которого оно расположилось. Село вскоре стало «одним из организационных центров старообрядчества, надежное убежище и перевалочная база на пути в вольную Сибирь для гонимых и преследуемых. <...> Шарташцы почти поголовно занимались торговлей и прибыльными ремеслами, по торговым делам ежегодно добирались до Нижнего Новгорода, Москвы,

даже до Малороссии. Вообще, большинство шарташских жителей имело московские корни» [8, с. 10].

Горнозаводская администрация раннего этапа жизни Екатеринбурга (1723–1781) периодически проводила розыски и гонения на населивших берега озера Шарташ раскольников, придерживавшихся наиболее старой ветви раскола «беглопоповщины». Протокол от 1746 года, составленный по результату одного из таких розысков скрываемых шарташцами молелен, доносит краткие, но ценные сведения об архитектуре потайных старообрядческих часовен и скитов: «Часовня была срублена как “изба с приделом лицом в восточную сторону” скрыта между двух жилых домов с проходом в нее с двух сторон через сени. Ни окон, ни дверей на улицу в часовне не имелось» [8, с. 10, 138].

В 1789–1832 годы застроенный деревянными купеческими домами, старообрядческими скитами и часовнями район почти полностью выгорел в результате нескольких больших пожаров. Часть купцов не решилась возвращаться на свои пепелища и переселилась в Екатеринбург. Точнее, в находившуюся за южным крепостным валом так называемую «купецкую слободу», уже частично заселенную купцами, посадскими и торговыми людьми. С этого времени екатеринбургское купечество было представлено исключительно старообрядцами. Преимущественно на их средства вплоть до XX в. в Екатеринбурге будут возводиться часовни и церкви различных старообрядческих согласий. Именно здесь, за городской чертой в населенной старообрядцами Купецкой слободе в 1755 году появилась первая каменная церковь – Сошествия Святого Духа. Стилистически своей объемно-пространственной структурой и фасадным декором церковь относилась к уральскому варианту «московского барокко», сменившего идейно и эстетически чуждое столичным апологетам старообрядчества «узорочье». Построенная по благословению митрополита Тобольского церковь фактически была старообрядческой. Направленную в Екатеринбург Тобольским владыкой следственную комиссию о раскольниках поразило возмутительное обилие крещеных и повенчанных староверов в приходе православной Святодуховской церкви.

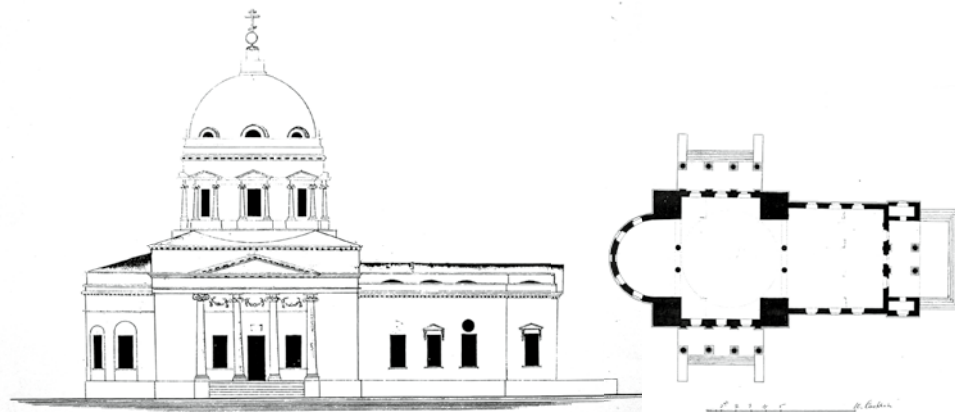
В течении XVIII–XIX вв. архитектурное оформление старообрядческих церквей преобразовывалось вслед за изменявшимся отношением старообрядчества законодательством. Так, в 1842 году высочайшим повелением предписывалось: «Во всех официальных бумагах, а также в ведомостях о раскольнических молитвенных зданиях, которые отнюдь не называть церквями, а только моленными или часовнями». Предписанием Министерства внутренних дел от 1883 года было дозволено «обращать для общественного богомоления существующие строения. При этом наблюдается, чтобы обращаемому для этого строению не был придаваем внешний вид православного храма» [6], то есть раскольничьи моленные возбранялось быть градостроительными доминантами в городском ландшафте, иметь типологически узнаваемый архитектурно-художественный церковный облик, создаваемый колокольнями и куполами.

Литургия и архитектура храмов

Литургия – главное богослужение христианской церкви, во время которого совершается таинство Евхаристии (причастия). Центральным местом литургии считается обряд освящения хлеба и вина, которые символически становятся Телом и Кровью Христа. Евхаристическое таинство совершается священниками в алтаре, в то время как взоры и умы молящихся должны быть устремлены к куполу, символическому небесному своду. Со времен раннего средневековья неформально ведущий христианин приходит в храм, чтобы принять участие в молебне. Совместная молитва выполняет роль

^ Рис. 5. Свято-Троицкая (Рязановская) единоверческая церковь, бывшая старообрядческая часовня. Фото начала XX в.

^ Рис. 4. Проект Свято-Троицкой старообрядческой часовни (Молельный дом). Пропорции плана и фасада. Архитектор М. И. Емельянов

основного функционально-содержательного принципа, объединяющего находящиеся в церкви с храмовым пространством, где архитектура является конструктивной основой синтеза на уровне материально-художественной реализации. В православном храме это пространство имеет два духовных и композиционных центра – алтарь и купол. Символизирующий свод небесный купольный свод обрамляет и завершает богослужбное действие. Из истории раскола известно, что для придерживавшимся старого обряда было свойственно «обрядовение», или вера в мистическую силу христианского обряда. В такой ситуации совершавшиеся старообрядцами богослужения в храмовом пространстве, лишенном купола, снижало эффект мистической силы молитвы [9, с. 202].

Храм во имя Святой Троицы – от часовни к кафедральному собору

История строительства в уездном Екатеринбурге единоверческой Свято-Троицкой часовни, впоследствии ставшей собором – пример настороженного отношения властей к попыткам демонстрации средствами архитектуры духовного величия и мощи старообрядчества.

Поэтапное развитие композиции здания Свято-Троицкого собора в Екатеринбурге долго создавало для исследователей трудности с установлением имени автора проекта. Из документов известно, что в 1810 году старшина всех уральских старообрядцев Я. М. Рязанов начал переговоры с горнозаводскими и столичными властями о строительстве церкви на уже отведенном для этого месте – на городской окраине, за земляным валом, при пересечении двух магистралей. По представлению Рязанова новый каменный храм должен был иметь представительный вид: «с приличным украшением длиною 20-ти, и поперек 9 саженей в виде стоящих в Москве и Казани таковых же старообрядческих молитвенных храмов».

В поисках опытного архитектора Рязанов обратился к своим единоверцам в Казань. В это время Казань уже украшало одного из последних творений талантливого столичного архитектора И. Е. Старова – собор Казанской иконы Божией Матери. Реализовал эскизный проект

зодчего местный казанский архитектор М. Е. Емельянов в период 1798–1808 [10].

Здание, в документах заказчика числящееся как Молельный дом, было в основном выстроено к 1824 году, но екатеринбургское горное начальство не разрешило поднять на нем крест и освятить. Даже после того, как от императора Александра I было получено разрешение поставить над куполом храма крест, здание оставалось опечатанным.

Несмотря на препятствие, Рязанов продолжал строить огромный молельный дом при опечатанном алтаре. Одновременно он вел переписку с правительством и непосредственно императором о распечатывании и освящении храма. Но только после вынужденного принятия старообрядческой общиной Рязанова единоверия здание церкви было распечатано и освящено в честь праздника Святой Живоначальной Троицы, ставшей в местном фольклоре «Рязановской».

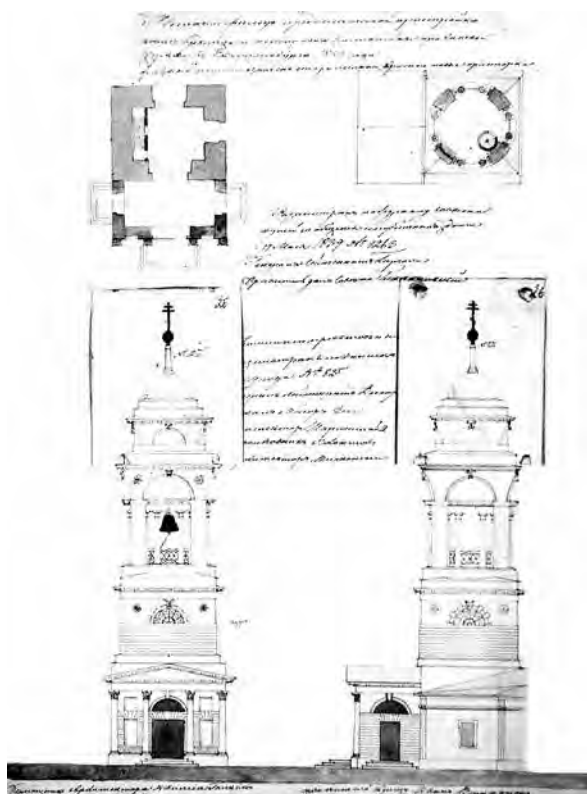
Планировочное и объемно-пространственное решение Троицкого молитвенного дома во многом определялось местоположением классицистического сооружения на открытой площадке в регулярном пространстве города. Это предопределило создание свободно стоящего объема, рассчитанного на круговой обзор. Два боковых фасада оформили четырехколонные портики ионического ордера. Редким для храмовой архитектуры решением был оформлен западный фасад. Его обрамлял глубокий антовый двухколонный портик. Купол на высоком барабане был органично связан с храмовым четвериком посредством аттика. Более свойственные петербургским соборам классические кубиклы на его барабане вводили дополнительный масштаб. Традиционное для русских церквей одноосное размещение помещений определило его линейную протяженность и резкое различие западного и восточного фасадов.

К середине XIX века бывшие раскольники стали называть себя не староверами, а единоверцами, что позволило им дополнять объемные композиции церквей запрещенными прежде колокольнями, главами, куполами и крестами. С установкой на Троицкой церкви колокольни и дополнительных декоративных куполов она приобрела действительно соборный облик (рис. 4, 5).

> Рис. 6. Спасская
единоверческая церковь.
Фото начала XX в.

> Рис. 7. Спасская
единоверческая церковь.
Проект перестройки
колокольни [12]

Если в конце XVIII в. церкви Екатеринбурга, строясь под видом часовни, не получали внешних атрибутов православных храмов, то к середине XIX в. все построенные раньше старообрядческие храмы приобрели полноценный облик, свойственный не только приходским церквям, но и соборам.

Строительство храмов в условиях государственной политики примирения

Спасская церковь (1804–1813, 1840-е), более известная как Толстиковская, имея скромные размеры, благодаря надстроенной в 1840-е годы колокольне доминировала среди особняков заселенной старообрядцами слободы Сальников (рис. 6).

Построенная в краткий период либерального отношения к раскольникам, она была заложена по благословлению Пермского митрополита с условием обоюдного соблюдения указа Павла I от 12 марта 1782 года, разрешающего строительство старообрядческих храмов во всех епархиях Российского государства. Архитектура самого храма и его приделов еще следовала стилистике позднего барокко. В начале 1840-х годов колокольня Спасской церкви была перестроена в формах классицизма по результату вариантного проектирования архитекторами Петербургской комиссии проектов и смет и екатеринбургскими архитекторами (рис. 7).

Первоначальный отказ старообрядцам горнозаводскими властями в утверждении проектов молитвенных домов с алтарными апсидами и колокольнями был ими преодолен постепенным поэтапным формированием объемно-пространственного построения с полным составом элементов, обязательных для православных церквей.

Никольская старообрядческая часовня (1792–1826). В конце XIX века Екатеринбург постепенно утрачивает функции города-завода и становится «торговым местом»; одних купцов в нем проживало 360 человек. Как и во всех других провинциальных городах, его застройка состояла из малоэтажных домов, на фоне которых выделялось небольшое число строений из камня, в том числе церкви. Как самые значительные здания городской застройки, храмы возводились в наиболее выгодных по видовым позициям местах – на площадях. Иное отношение проявлялось при отводе городскими чиновниками мест для устройства молелен старообрядцам, не принявшим условий единоверия. Так, построенным внутри жилых кварталов деревянным Никольской «беглопоповской» и Успенской часовне (часовенного согласия) выполнять роль доминант и зрительных опор в пространстве города дано не было. Из них наиболее показательная история преобразования объемно-планировочной композиции Никольской часовни. Проект усадьбы с часовней и надворными строениями был составлен чиновниками горного правления на рубеже XIX–XX вв. (рис. 8). К просторному срубу – молельному залу примыкали прирубы, паперть с запада и молельня с востока. Узкий и низкий второй этаж, перекрытый на два ската, придавал образу православной часовни чуждый православию базиликальный вид. Купол и колокольня у часовни отсутствовали. После публикации Именного Высочайшего указа от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» старообрядцы возвели над часовней купол и главки с крестами, придав молитвенному дому образ церкви (рис. 9).

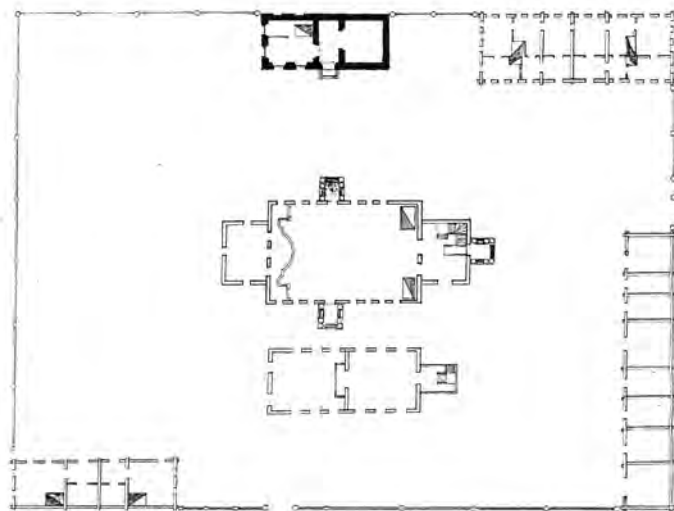
Вывод

После провозглашения веротерпимости в 1905 году для старообрядцев – приверженцев сохранения древнерусской богослужебной традиции замысел воссоединения старообрядцев с Русской православной церковью распался. Одной из определяющих особенностей русского православного искусства является традиция обязательного следования новыми поколениями архитекторов и иконописцев созданным в древности художественным образцам.

Художественные характеристики богослужебной утвари, ее стилистика неспособны быть индикаторами конфессиональной принадлежности ветвей православия. На новом историческом этапе набор традиционных объ-

^ Рис. 9. Никольская старообрядческая часовня, перестроенная в церковь после провозглашения веротерпимости в 1905

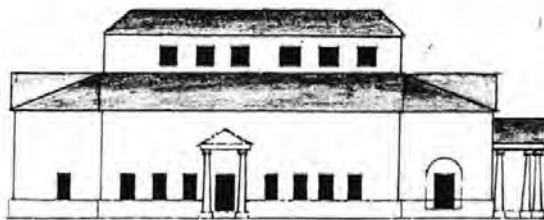

^ v Рис. 8. Проект Никольской старообрядческой часовни, выданный старообрядческой общине Екатеринбургским Горным правлением в 1792 [11]

емно-планировочных компонентов культовой архитектуры олицетворяет и символизирует высшие духовные ценности вне зависимости от стилистики и архитектурного декора.

Литература

1. Кириченко, Е. И. Церковное зодчество старообрядцев в России. – Калуга, 2023. – 303 с.
2. Ильин, В. Н., Должиков, В. А. «Противораскольничья» государственно-конфессиональная политика в России периода правления Петра I // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. – № 70. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivoraskolnicheskaya-gosudarstvenno-konfessionalnaya-politika-v-rossii-perioda-pravleniya-petra-i> (дата обращения: 29.07.2025).
3. Российская цивилизация : Этнокультурные и духовные аспекты : Энцикл. словарь. – Москва : Республика, 2001. – 543 с.
4. Толстой, А. Н. Хождение по мукам. – Москва : Гослитиздат, 1950 (Ленинград : тип. «Печ. Двор»). – 2 т. – (Б-ка советского романа). Т. 1. Кн. 1. [Сестры]. – 606 с.
5. Федоров, В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). – Москва : Рус. панорама, 2003 (Калуга : ГУП Облиздат). – 479 с. : ил. – (Серия «Страницы российской истории» / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
6. Корепанов, Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). – Екатеринбург, 2001. – 251 с.
7. Барсов, Т. В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т. Барсов. Т. 1. – Санкт-Петербург : скл. изд. у авт., 1885. – 23.
8. Бычков, В. В. Русская средневековая эстетика, XI–XVII вв. – Москва : Мысль, 1992. – 637 с. : ил.
9. Ваньчугова, Н. Н., Голынец, Г. В. Михаил Емельянович Емельянов – первый архитектор Свято-Троицкого кафедрального собора Екатеринбурга. К вопросу атрибуции // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2024. – № 46. – С. 74–99.
10. ГАСО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 7656. Л. 1об. (1810).
11. ГАСО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 7657. Л. 2.
12. РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 29. Л. 2а (Спасская единоверческая церковь).
13. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2105. Л. 1 (Главная контора Екатеринбургских заводов).

References

- Barsov, T. V. (1885). *Sbornik deistvuyushchikh i rukovodstvennykh tserkovnykh i tserkovno-grazhdanskikh postanovlenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya* [A collection of current and guiding church and civil regulations in the department of the Orthodox confession]. St. Petersburg.
- Bychkov, V. V. (1992). *Russkaya srednevekovaya estetika, XI–XII vv.* [Russian medieval aesthetics of the 11th–17th centuries]. Moscow.
- Fedorov, V. A. (2003). *Russkaya pravoslavnaya tserkov i gosudarstvo. Sinodalnyi period (1700–1917)* [The Russian Orthodox Church and the State. The Synodal Period (1700 – 1917)]. Moscow: Rus. Panorama (Kaluga: GUP Oblizdat).
- GASO. Fund 25. Inv. 1. File 2105. L. 1 (Main office of Yekaterinburg plants).
- GASO. Fund 25. Inv.2. File 7656. L. 1. (1810).
- GASO. Fund 25. Inv.2. File 7657. L. 2.
- Ilyin, V. N., & Dolzhikov, V. A. (2021). “Anti-Raskol” State Confessional Policy in Russia during the Reign of Peter I. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 70. Retrieved July 29, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/protivoraskolnicheskaya-gosudarstvenno-konfessionalnaya-politika-v-rossii-perioda-pravleniya-petra-i>
- Kirichenko, E. I. (2023). *Tserkovnoe zodchestvo staroobryadtsev v Rossii* [Church architecture of the Old Believers in Russia]. Kaluga.
- Korepanov, N. S. (2001). *V ranнем Yekaterinburge (1723 – 1781 gg.)* [In Early Yekaterinburg (1723 – 1781)]. Yekaterinburg.
- Mchedlov, M. P. et al. (Eds.). (2001). *Rossiiskaya tsivilizatsiya: Etnokulturnye i dukhovnye aspekty: Entsikl. slovar* [Russian Civilization: Ethnocultural and Spiritual Aspects: Enc. Dictionary]. Moscow: Respublika.
- RGIA. Fund 1488. Inv. 3. File 29. L. 2a. The Spasskaya Orthodox Church.
- Tolstoy, A. N. (1950). *Sestry* [The Sisters]. In *Khozhdenie po mukam* (Vol. 1, Book 1). Moscow: Gosizdat (Leningrad: Pech. Dvor).
- Vanchugova, N. N., & Golynets, G. V. (2024). Mikhail Emelyanovich Emelyanov, the first architect of the Holy Trinity Cathedral of Ekaterinburg. To the question of attribution. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 46, 74–99.

авторы

Асылбекова Айман Мухтархановна – профессор Казахского национального университета искусств имени Куляш Байсейитовой Министерства культуры и информации Республики Казахстан (Астана)

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Базилевич Михаил Евгеньевич – кандидат архитектуры, профессор высшей школы архитектуры и градостроительства, Тихоокеанский государственный университет (ТОГУ; Хабаровск)

Белоусов Алексей Витальевич – советник Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН; Ханты-Мансийск)

Бойко Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории архитектуры Томского государственного архитектурно-строительного университета

Боков Андрей Владимирович – доктор архитектуры, академик РААСН, президент МААМ, народный архитектор РФ (Москва)

Борисенко Анастасия Михайловна – кандидат культурологии, доцент кафедры изобразительного искусства и компьютерной графики Сибирского федерального университета (СФУ; Красноярск)

Бражникова Инесса Борисовна – ведущий редактор Института географии СО РАН им. В. Б. Сочавы (Иркутск)

Буш Дмитрий Вильямович – академик РААСН, народный архитектор РФ, главный архитектор Проектного института уникальных сооружений «АРЕНА» (Москва)

Гаврилова Маргарита Максимилиановна – кандидат архитектуры, академик РААСН, заслуженный архитектор РФ (Москва)

Гареева Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук ТОГУ (Хабаровск)

Гарнага Анастасия Филипповна – кандидат социологических наук, доцент высшей школы архитектуры и градостроительства ТОГУ (Хабаровск)

Гимельштейн Александр Владимирович – кандидат исторических наук, профессор, руководитель Высшей школы журналистики и медиапроизводства Иркутского государственного университета (ИГУ)

Голобородский Михаил Венидмович – кандидат архитектуры, профессор, зав. кафедрой реконструкции и реставрации архитектурного наследия Уральского государственного архитектурно-художественного университета (УрГАХУ; Екатеринбург)

Грибакина Лидия Владимировна – архитектор ООО «Архитектура Дизайн Моделирование» («АДМ»; Красноярск)

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – академик РААСН, вице-президент СА России, заслуженный архитектор РФ (Иркутск)

Дильмурат Лаура – профессор Казахской национальной академии искусств имени Темирбека Жургенова (Алматы, Казахстан)

Дружинина Инна Евгеньевна – профессор ВАК, советник РААСН, профессор кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры, строительства и дизайна Иркутского национального исследовательского технического университета (ИАСиД ИРНТУ)

Дюсенова Дана Галымжановна – ассистент профессора кафедры архитектуры, Международная образовательная корпорация (Алма-Ата, Казахстан)

Еспенбет Ахметжан Сарсенбекулы – профессор Международной образовательной корпорации (Алма-Ата, Казахстан)

Злобин Дмитрий Владимирович – старший преподаватель кафедры градостроительства Института архитектуры и дизайна СФУ (Красноярск)

Иванова Алина Павловна – кандидат архитектуры, доцент высшей школы архитектуры и градостроительства ТОГУ (Хабаровск)

Кадирбек Баян – ассистент профессора, Международная образовательная корпорация (Алма-Ата, Казахстан)

Казарян Армен Юрьевич – доктор искусствоведения, академик РААСН, директор Института архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (МГСУ)

Карабаев Гани Айтбаевич – доктор PhD, и. о. ассоциированный профессор, НАО «Казахский агротехнический исследовательский университет имени С. Сейфуллина» (Астана, Казахстан)

Карабалаева Балнур Рахымбаевна – ассистент профессора кафедры истории и теории изобразительного искусства, Казахская национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова (Алма-Ата, Казахстан)

Козлова Юлия Владиславовна – кандидат психологических наук, доцент, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Институт социологии (Москва)

Козьмин Алексей Павлович – профессор МААМ, руководитель экспертного совета ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (Иркутск)

Коновалова Нина Анатольевна – кандидат искусствоведения, советник РААСН, заместитель директора НИИТИАГ по научной работе, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств (Москва)

Красильникова Элина Эдуардовна – кандидат архитектуры, Ph. D. по урбанизму (Словацкий технический университет), профессор, заведующая кафедрой архитектуры и дизайна Института развития города Севастопольского государственного университета

Кудрявцев Александр Петрович – академик РААСН, академик Международной академии архитектуры, народный архитектор РФ (Москва)

Кудяков Константин Львович – кандидат технических наук, доцент кафедры железобетонных конструкций НИУ МГСУ

Кузеванов Виктор Яковлевич – кандидат биологических наук, доцент кафедры менеджмента и сервиса Института управления и финансов, Байкальский государственный университет (Иркутск)

Лапшинов Андрей Евгеньевич – кандидат технических наук, доцент кафедры железобетонных конструкций НИУ МГСУ

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры электронной техники и технологии Белорусского государственного университета информатики и радиотехники (Минск, Беларусь)

Малахов Сергей Алексеевич – доктор архитектуры, профессор кафедры основ архитектурного проектирования и художественных коммуникаций Института архитектуры и градостроительства НИУ МГСУ

Мамедов Сеймур Этибар оглы – доктор PhD, ассоциированный профессор, практик-доцент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Матевосян Карен Арташесович – доктор исторических наук, профессор, Музей-институт древних рукописей имени Месропа Маштоца – Матенадаран (Ереван, Армения)

Мауленова Гульнара Джупарбековна – профессор кафедры архитектуры, Казахский национальный исследовательский технический университет имени К. И. Сатпаева (Алма-Ата, Казахстан)

Маярников Сергей Юрьевич – общественный представитель в Иркутской области Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов, член Градостроительного совета ДФО, генеральный директор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (Иркутск)

Мерри Анна – профессор, Университет Фредерик (Никосия, Кипр)

Микаилова Софья Алисаламовна – архитектор-реставратор, бакалавр ИАСиД ИРНТУ

Мулдагалиева Айнура Муратовна – докторант PhD, НАО Казахский агротехнический исследовательский университет имени С. Сейфуллина, (Астана, Казахстан)

Мусат Раиса Павловна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры изобразительного искусства и компьютерной графики СФУ (Красноярск)

Мякота Алексей Дмитриевич – директор, главный архитектор проектов, мастерская «АДМ» (Красноярск)

Наури Диаб Гази – Университет Петра (Амман, Иордания)

Наури Исса Набил – Университет Фредерик (Никосия, Кипр)

Немаева Наталья Олеговна – кандидат культурологии, доцент кафедры изобразительного искусства и компьютерной графики СФУ (Красноярск)

Никитина Марина Вячеславовна – профессор кафедры изобразительного искусства и компьютерной графики СФУ (Красноярск)

Омуралиев Дуйшон Жунусович – профессор кафедры архитектуры и градостроительства, Кыргызский государственный технический университет имени И. Раззакова (Бишкек, Кыргызстан)

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения (Латвия)

Салмин Леонид Юрьевич – кандидат искусствоведения, профессор кафедры графического дизайна УрГАХУ (Екатеринбург)

Силина Анастасия Анатольевна – архитектор-бакалавр ИРНТУ

Ситникова Елена Владимировна – кандидат архитектуры, доцент кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия Томского государственного архитектурно-строительного университета

Ситникова Юлия Васильевна – бакалавр политологии, ИГУ

Слесарев Александр Валерьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Ф. Шилова (Хабаровск)

Степанов Кирилл Константинович – магистр архитектуры (Хабаровск)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент ВАК, культуролог, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва

Толеген Жайна Жанайкызы – профессор Международной образовательной корпорации (Алма-Ата, Казахстан)

Туркулец Светлана Евгеньевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Хабаровск)

Унагаева Наталья Александровна – кандидат архитектуры, доцент кафедры градостроительства Института архитектуры и дизайна СФУ (Красноярск)

Фенд Юлия Борисовна – профессор Международного университета «Астана» (Астана, Казахстан)

Хасенов Манас Игенович – ассоциированный профессор кафедры архитектуры, Международная образовательная корпорация (Алма-Ата, Казахстан)

Холявко Анастасия Олеговна – руководитель направления мастер-планирования ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (Иркутск)

Чекмарёв Владимир Михайлович – доктор искусствознания, профессор НИУ МГСУ; ведущий специалист Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»)

Чертилов Алексей Константинович – архитектор, доцент кафедры рисунка, основ проектирования и историко-архитектурного наследия ИАСиД ИРНТУ, председатель Совета ИРО ВООПИК

Шавлыгин Дмитрий Олегович – доцент, профессор кафедры изобразительного искусства и компьютерной графики СФУ (Красноярск)

Элгонаими Ислам Хамди – профессор Инженерного колледжа Университета Бахрейна (Иса-Таун, Бахрейн)

authors

Aiman Assylbekova – Professor, Kazakh National University of Arts named after Kulyash Baiseitova of the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan (Astana)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Mikhail Bazilevich – Ph.D. in Architecture, Professor at the Higher School of Architecture and Urban Planning, Pacific National University (PNU; Khabarovsk)

Alexey Belousov – adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS; Khanty-Mansiysk)

Vladimir Boyko – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of Architecture, Tomsk State University of Architecture and Building

Andrey Bokov – Doctor of Architecture, academician of the RAACS, president of IAAM, people's architect of Russia, chief researcher of Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia (Moscow)

Anastasia Borisenko – Ph.D. in Cultural Studies, Ass. Professor, Department of Fine Arts and Computer Graphics, Siberian Federal University (SibFU; Krasnoyarsk)

Inessa Brazhnikova – senior editor, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk)

Dmitry Bush – academician of the RAACS, people's architect of Russia, chief architect of the Arena Design Institute of Unique Structures (Moscow)

Margarita Gavrilova – Ph.D. in Architecture, academician of the RAACS, honored architect of the RF, Moscow Architectural Institute; TSNIIP of the Ministry of Construction of Russia

Irina Gareeva – Doctor of Social Sciences, professor of Higher School of Social and Political Sciences, PNU (Khabarovsk)

Anastasia Garnaga – Ph.D. in Social Sciences, Ass. Professor at the Higher School of Architecture and Urban Planning, PNU (Khabarovsk)

Alexander Gimelshteyn – Ph.D. in Historical Sciences, Professor, head of the Higher School of Journalism and Media Production, Irkutsk State University

Mikhail Goloborodsky – Ph.D. in Architecture, Professor, head of the Department of Reconstruction and Restoration of Architectural Heritage, Ural State University of Architecture and Art named after N. S. Alferov (Yekaterinburg)

Lidia Gribakina – architect, OOO Architecture, Design, Modeling (ADM; Krasnoyarsk)

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – academician of the RAACS, vice president of the Union of Architects of Russia (UAR), honored architect of the RF (Irkutsk)

Laura Dilmurat – Professor, Department of History and Theory of Fine Arts, Kazakh National Academy of Arts named after Temirbek Zhurgenov (Almaty, Kazakhstan)

Inna Druzhinina – adviser of the RAACS, professor of the Department of Architectural Design, Institute of Architecture, Construction and Design, Irkutsk National Research Technical University (IACD INRTU)

Dana Dyussenova – Assistant Professor, Department of Architecture, International Educational Corporation (Almaty, Kazakhstan)

Akhmetzhan Espenbet – Professor, International Educational Corporation (Almaty, Kazakhstan)

Dmitry Zlobin – senior lecturer at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Alina Ivanova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at the Higher School of Architecture and Urban Planning, PNU (Khabarovsk)

Bayan Kadirbek – Assistant Professor, International Educational Corporation (Almaty, Kazakhstan)

Armen Kazaryan – Doctor of Art History, academician of the RAACS, Director of the Institute of Architecture and Urban Planning, National Research Moscow State University of Civil Engineering (NR MGSU)

Gani Karabayev – Ph.D., acting Ass. Professor, S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University (Astana, Kazakhstan)

Balnur Karabalaeva – Assistant Professor, Department of History and Theory of Fine Arts, Kazakh National Academy of Arts named after Temirbek Zhurgenov (Almaty, Kazakhstan)

Yulia Kozlova – Ph.D. in Psychological Sciences, Ass. Professor, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology (Moscow)

Alexei Kozmin – professor of IAAM, head of the Expert Board of Siberian Urban Lab (Irkutsk)

Nina Konovalova – Ph.D. in Art History, adviser of the RAACS, deputy director for research, Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, leading researcher, Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts (Moscow)

Elina Krasilnikova – Ph.D. in Architecture, Ph.D. in Urbanism (Slovak Technical University), professor, head of the Department of Architecture and Design, Institute of City Development, Sevastopol State University

Alexander Kudryavtsev – academician of the RAACS, academician of the International Academy of Architecture, people's architect of Russia (Moscow)

Konstantin Kudyakov – Ph.D. in Engineering, Ass. Professor, Department of Reinforced Concrete Structures, NR MGSU

Victor Kuzevanov – Ph.D. in Biological Sciences, Ass. Professor, Department of Management and Service, Institute of Management and Finance, Baikal State University (Irkutsk)

Andrey Lapshinov – Ph.D. in Engineering, Ass. Professor, Department of Reinforced Concrete Structures, NR MGSU

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor, Department of Electronic Technique and Technology, Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics (Minsk, Belarus)

Sergey Malakhov – Doctor of Architecture, Professor of Department of Fundamentals of Architectural Design and Artistic Communications, Institute of Architecture and Urban Planning, NR MGSU

Seimur Mamedov – Ph.D., Ass. Professor of Practice, Eurasian National University named after L. N. Gumilyov (Astana, Kazakhstan)

Karen Matevosyan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Matenadaran, the Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts (Yerevan, Armenia)

Gulnara Maulenova – Professor, Department of Architecture, Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satbayev (Almaty, Kazakhstan)

Sergey Mayarenkov – public representative in the Irkutsk Region of the Agency for Strategic Initiatives to Promote New Projects, member of the Urban Planning Council of the Far Eastern Federal District, CEO of OOO Siberian Urban Lab (Irkutsk)

Anna Merry – professor, Frederick University (Nicosia, Cyprus)

Sofia Mikailova – architect-restorer, Bachelor, IACD INRTU

Ainur Muldagaliyeva – PhD candidate, S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University (Astana, Kazakhstan)

Raisa Musat – Doctor of Philosophy, Ass. Professor, Professor of Department of Fine Arts and Computer Graphics, SibFU (Krasnoyarsk)

Alexei Myakota – director, architect as project manager, ADM studio (Krasnoyarsk)

Diab Ghazi Naouri – University of Petra (Amman, Jordan)

Issa Nabil Naouri – Frederick University (Nicosia, Cyprus)

Natalia Nemaeva – Ph.D. in Culturology, Ass. Professor, Department of Fine Arts and Computer Graphics, SibFU (Krasnoyarsk)

Marina Nikitina – Professor, Department of Fine Arts and Computer Graphics, SibFU (Krasnoyarsk)

Duishon Omuraliev – Professor, Department of Architecture and Urban Development, Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History (Latvia)

Leonid Salmin – Ph.D. in Art History, Professor, Department of Graphic Design, Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)

Anastasia Silina – architect-restorer, Bachelor of Architecture, INRTU

Elena Sitnikova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, Department of Restoration and Reconstruction of Architectural Heritage, Tomsk State University of Architecture and Building

Yuliya Sitnikova – Bachelor of Political Science, Irkutsk State University

Alexander Slesarev – PhD in Sociology, Ass. Professor at the Department of Operational-Search Activities of Internal Affairs Bodies, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov (Khabarovsk)

Kirill Stepanov – Master of Architecture (Khabarovsk)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor, culturologist, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts

Zhaina Tolegen – Professor, International Educational Corporation (Almaty, Kazakhstan)

Svetlana Turkulets – Doctor of Philosophy, Ass. Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Far Eastern State Transport University (Khabarovsk)

Natalia Unagaeva – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Yuliya Fend – Professor, Astana International University (Astana, Kazakhstan)

Manas Khassenov – Ass. Professor, Department of Architecture, International Educational Corporation (Almaty, Kazakhstan)

Anastasia Kholyavko – head of master planning, OOO Siberian Urban Lab (Irkutsk)

Vladimir Chekmarev – Doctor of Art History, Professor of NR MGSU, leading researcher of Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia (Moscow)

Alexey Chertilov – architect, Ass. Professor of the Department of Drawing, Design Fundamentals and Historical and Architectural Heritage, IACD INRTU, Chairman of the Council of the Irkutsk Regional Department of All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments

Dmitry Shavlygin – Ass. Professor, Professor of the Department of Fine Arts and Computer Graphics, SibFU (Krasnoyarsk)

Islam Hamdi Elghonaimy – Professor, Department of Architecture and Interior Design, College of Engineering, University of Bahrain (Isa Town, Bahrain)

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism